
ДЖОН СКАЛЬЦИ
Японская премия
СЭЙУН
Спаси себя сам
или умри
ПОСЛЕДНЯЯ
КОЛОНИЯ
fanzon

Последняя колония
Джон Скальци

Аннотация
Джон Скальци. Последняя колония
1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14
15
16
Послесловие

Аннотация

Премия Сэйун

Финалист премий Hugo, Locus, Сталкер, Немецкой фантастической премии.

Конфликт между конклавом инопланетных видов и Союзом колоний разрастается. Запрет конклава на колонизацию новых планет вынуждает людей идти на хитрость.

Основанную втайне новую колонию Роанок возглавляют Джон Перри и Джейн Саган, которые переселяются сюда вместе с приемной дочерью Зои, сопровождаемой представителями обинян. Вместе им предстоит обороняться от 412 видов инопланетян конклава.

Вечные недомолвки руководства Союза колоний вызывают все большее напряжение, и поселенцы, чувствующие себя пешками в чужой игре, начинают искать альтернативные пути решения проблем.

«Захватывающая смесь межзвездных приключений и политических интриг у Скальци неизменно привлекательна!» – *Booklist*

«Высший класс. От боевых сцен стынет

кровь». – *Washington Post*

«Чистый эскапизм. Умные диалоги, быстро раскручивающийся сюжет и сильные персонажи – все напоминает Роберта Хайнлайна». – *The Times*

«Неподдельный восторг. Заманчиво, тонко и хорошо написано». – *Daily Telegraph*

Джон Скальци
Последняя колония

John Scalzi
Last Colony
Copyright © John Scalzi 2007
Cover © Dark Crayon
© А. Гришин, перевод на русский язык, 2023
© Оформление, издание на русском языке. ООО «Издательство «Эксмо», 2023
Дизайн серии Елены Куликовой

* * *

Патрику и Терезе Нильсен Хэйден – друзьям и редакторам.
Хизер и Бобу, сестре и брату.
Афине, дочери.
Кристине – ты мое все.

1

Давайте-ка я расскажу вам о тех мирах, которые оставил позади.

Землю вы знаете — все ее знают. Это место, откуда вышло человечество, хотя, если говорить честно, родным домом эту планету считают немногие. Повелось это с тех времен, как образовался Союз колоний, руководящий распространением нашей расы по вселенной и осуществляющий силовую поддержку этой экспансии, звание же «дома человечества» узурпировал Феникс. Но ведь место, откуда ты вышел, забыть невозможно.

Быть выходцем с Земли в этой вселенной — все равно что оказаться в положении ребенка из глухой провинции, который приехал на автобусе в большой город и целый день шляется по нему, пялясь на небоскребы. Затем он получает по мозгам от странных существ, населяющих незнакомый мир, за дурацкую манеру разевать рот на местные чудеса, потому что у этих существ нет ни свободного времени, ни симпатии к новичку, зато есть большое желание прикончить его ради содержимого чемодана. Провинциальный

ребенок быстро усваивает все это по той простой причине, что вернуться домой он не может.

Я прожил на Земле семьдесят пять лет, прошедших главным образом в одном и том же городишке в Огайо, и разделил большую часть своей судьбы с одной-единственной женщиной. Она умерла и осталась дома. Я до сих пор жив, но покинул дом.

О том, что было дальше, лучше рассуждать метафорически. Силы самообороны колоний увезли меня с Земли и сохранили те мои части, которые им требовались: сознание и небольшую порцию ДНК. Из последнего они выстроили для меня новое тело — молодое, проворное, сильное, красивое, но человеческое лишь отчасти. В это тело поместили мое сознание, но почти не дали времени насладиться второй молодостью. Следующие несколько лет ССК неустанно бросали меня в сражения против любых подвернувшихся враждебных инопланетных рас.

А таких было множество. Вселенная действительно просторна, но миров, пригодных для жизни человека, в ней на удивление мало. Космос заполнен многочисленными расами разумных существ, мечтающих заполучить во владение те же самые планеты, которые нравятся нам. Лишь

очень немногие из этих рас согласны делиться с другими, и человечество определенно к этому меньшинству не относится. Мы постоянно сражаемся, и миры, пригодные для жизни, переходят из одних рук в другие, пока кто-то не вцепится в спорный кусок намертво. На протяжении двух с лишним веков мы, люди, отвоевали несколько дюжин миров, но во множестве других получили по шапке. Ни тот ни другой исход не помогли нам обзавестись новыми друзьями.

Так прошло шесть лет. Я почти непрерывно сражался и не раз находился на волосок от гибели. У меня были друзья, большинство из них погибли, но некоторых мне удалось спасти. Я встретил женщину, до боли походившую на ту, с которой некогда делил мою жизнь на Земле, но она была тем не менее совершенно иным человеком. Я защищал Союз колоний и при этом был уверен, что помогаю человечеству выжить во вселенной.

В конце концов Силы самообороны колоний извлекли ту часть, которая, собственно, и была мною, и переместили ее в третье и последнее тело. Оно тоже было молодым, но далеко не столь прытким и сильным, как предыдущее. Как-никак это было всего лишь человеческое тело. Но от него уже не требовалось броситься в бой и

геройски погибнуть. Мне жалко было силы и возможностей, которым позавидовал бы супергерой из мультфильмов. Зато теперь не надо было опасаться любого инопланетного существа, первым делом готового убить. Обмен оказался вполне справедливым.

Скорее всего, о следующем мире вы никогда не слышали. Представьте себя снова на Земле, в нашем старом доме, где все еще живут и мечтают о звездах миллиарды людей. Найдите на небе, совсем рядом с Большой Медведицей, созвездие Рыси.

Там есть одна звезда — желтая, совсем как наше Солнце, — вокруг которой вращаются шесть крупных планет. Третья по порядку представляет собой неплохую подделку Земли: 96 процентов окружности, но с несколько более крупным железным ядром, из-за которого его масса составляет 101 процент земной (вряд ли вы сможете заметить этот лишний процент). Два спутника: один, в две трети размера Луны, находится несколько ближе, чем спутник Земли, и потому выглядит на небе практически так же. Вторая луна — захваченный астероид — намного меньше и находится гораздо ближе. Орбита у этого спутника нестабильная, и в конце

концов он обязательно упадет на планету. По наиболее оптимистичным оценкам, это случится приблизительно через четверть миллиона лет. Нынешние аборигены совершенно не тревожатся по этому поводу.

Этот мир люди обнаружили около семидесяти пяти лет назад; в то время там была колония иаланцев, но Силы самообороны колоний исправили положение. Тогда иаланцы принялись за, если будет позволено так выразиться, проверку наших вычислений, и итоговый результат оказался достигнут лишь через несколько лет. Когда же это случилось, Союз колоний открыл мир для колонистов с Земли, главным образом из Индии. Они прибывали несколькими волнами. Первая накатила после того, как удалось отбить натиск иаланцев, а вторая — вскоре после окончания Субконтинентальной войны на Земле, когда поставленное победителями временное правительство предложило самым видным сторонникам режима Чоудхери выбор: или колонизация, или тюрьма. Большинство предпочли изгнание и забрали с собой всех родственников. Эти люди вовсе не стремились к звездам, их туда вышвырнули.

Учитывая особенности населения планеты, вы,

конечно, подумаете, что ее название будет как-то связано с историческим наследием жителей. А вот и нет. Планета называется Гекльберри, и это имя ей, без сомнения, дал какой-то поклонник Марка Твена из числа аппаратчиков Союза колоний. Большая луна Гекльберри — Сойер, маленькая — Бекки. Три главных континента — Сэмюель, Ленгхорн и Клеменс; от Клеменса в океан Калаверас уходит длинная извилистая цепь вулканических островов, известных как архипелаг Лайви. Большинство крупных объектов планеты получило названия, так или иначе связанные с творчеством великого американца, еще до прибытия первых поселенцев, а они, кажется, отнеслись к тому, что им предложили, с полной благосклонностью.

Теперь встаньте на этой планете рядом со мной. Посмотрите на небо, в направлении созвездия Лотос. Там тоже есть звезда, такого же желтого цвета, как и та, вокруг которой вращается Гекльберри. Там я родился две предыдущие жизни тому назад. Эта звезда так далеко отсюда, что ее не разглядишь простым глазом, и вот так же я частенько воспринимаю жизнь, которую вел там.

Меня зовут Джон Перри. Мне восемьдесят восемь лет. Я прожил на новой планете уже без

малого восемь лет. Здесь находится мой дом, который я разделяю с женой и приемной дочерью. Добро пожаловать на Гекльберри. В этой истории он будет очередным из тех миров, с которыми я расстаюсь. Но не последним.

История о том, как я покинул Гекльберри, начинается — как и все достойные истории — с козы.

Когда я вернулся после ланча, Савитри Гунтупалли, моя помощница, даже не оторвала взгляда от книги.

— В вашем кабинете коза, — сказала она.

— Х-м-м-м-м… — протянул я. — А мне-то казалось, что у нас хорошие отношения.

Лишь после этого я удостоился взгляда, в котором явственно читалось торжество победительницы.

— С ней явились братья Ченджелпет, — пояснила помощница.

— Вот дерьмо, — выругался я.

Последнюю известную пару братьев, между которыми были столь же плохие отношения, как и у братьев Ченджелпет, звали Каин и Авель, но из тех один все же отважился в конце концов на решительный шаг.

— Если мне не изменяет память, я просил тебя не пускать эту парочку в мой кабинет, когда меня

там нет.

— Ничего подобного вы не говорили, — возразила Савитри.

— В таком случае давай сделаем это постоянным правилом, — предложил я.

— И даже если бы вы это сказали, — назидательным тоном продолжала Савитри, отложив книгу, — нужно, чтобы кто-то из Ченджелпетов послушался меня, чего не может быть ни при каких обстоятельствах. Сначала туда вперся Афтаб с козой, а следом за ним и Ниссим. Ни тот, ни другой даже не взглянули в мою сторону.

— Я не хочу иметь никаких дел с Ченджелпетами, — заявил я. — Ведь я только что поел.

Савитри наклонилась, нырнула под стол, выволокла корзину для бумаг и водрузила ее посреди столешницы.

— Если так, то полезнее будет поблевать до, — заявила она.

Я познакомился с Савитри несколько лет назад, когда объезжал колонии как представитель ССК и произносил речи в тех местах, куда меня посылали. Во время собрания в деревне Новый Гоа в колонии Гекльберри Савитри поднялась с места и обозвала меня орудием имперского и тоталитарного режима Союза колоний. Мне она

понравилась с первого взгляда. Когда я наконец-то расстался с ССК, то решил поселиться в Новом Гоа. Мне предложили место омбудсмена[1] (хотя мою должность правильнее было бы назвать деревенским мировым судьей), на что я согласился, и с немалым удивлением в первый же день работы встретил в своей конторе Савитри, которая заявила мне, что будет моей помощницей, хочу я этого или нет.

— Напомни-ка мне еще раз, почему ты взялась за эту работу, — потребовал я, глядя на Савитри через корзину для бумаг.

— Из-за глубокой порочности натуры, — ответила она. — Так вы будете блевать или нет?

— Надеюсь, что смогу сдержаться.

Она схватила корзину, поставила ее на место и взялась за книгу.

И тут меня осенило.

— Эй, Савитри, хочешь занять мое место?

— Еще как, — ответила она, открыв нужную страницу. — И начну сразу же после того, как вы разберетесь с Ченджелпетами.

— Большое тебе спасибо, — внушительно произнес я.

---

[1] Notes: 1

Омбудсмен — лицо, назначенное правительством для разбора жалоб частных лиц на государственные учреждения.

Савитри хмыкнула и вновь погрузилась в литературные приключения. Я же собрался с силами и открыл дверь кабинета.

Коза, стоявшая посреди комнаты, была очень симпатичной. Ченджелпеты, сидевшие на стульях перед моим столом, — нисколько.

— Афтаб, — сказал я, кивнув старшему брату, — Ниссим, — кивнув младшему, — и подруга, — завершил я приветствие, кивнув козе, после чего сел на свое место. — Чем я могу быть вам полезен нынче днем?

— Судья Перри, вы должны дать мне разрешение застрелить моего брата, — заявил Ниссим.

— Не уверен, что имею на это право, — ответил я. — К тому же мне кажется, что это будет немного чересчур. Почему бы вам для начала не рассказать мне, что случилось?

Ниссим ткнул пальцем в сторону брата.

— Этот ублюдок украл мое семя.

— Не понял, — отозвался я.

— Мое семя, — повторил Ниссим. — Спросите его сами. Он не посмеет отпираться.

Я пару раз моргнул, пытаясь сообразить, в чем тут дело, и повернулся к Афтабу:

— Значит, украл семя родного брата… И что же это значит, а, Афтаб?

— Вы должны простить моего брата, — ответил Афтаб. — Вы же знаете, что он склонен к истерикам. Все, что он тут говорит, означает, что один из его козлов забрел с его пастбища на мое и оплодотворил вот эту козочку, а теперь он утверждает, что я украл сперму его козла.

— Это был не просто какой-нибудь там козел, — возмутился Ниссим. — Это был Прабхат, мой призер. Я пускаю к нему коз за очень хорошую цену, а Афтаб отказался платить. Вот и получается, что он украл мое семя.

— Не твое семя, а семя Прабхата, идиот ты этакий, — огрызнулся Афтаб. — И нет никакой моей вины в том, что ты довел свою ограду до такого состояния, что твой козел смог забраться на мою землю.

— И на все у него есть отговорки! — воскликнул Ниссим. — Судья Перри, я должен поставить вас в известность, что проволока на заборе была перерезана. Прабхата заманили на его землю.

— Ты бредишь, — возразил Афтаб. — И даже если бы это было правдой — а это неправда, — так что же с того? Ты же получил своего драгоценного Прабхата назад.

— Но теперь у тебя есть вот эта сукотная коза, — сказал Ниссим. — За ее случку ты не платил, и я

не давал тебе на это разрешения. Это воровство, и ничто иное. Только еще хуже — ты пытаешься разорить меня.

— Что такое ты несешь? — вскинулся Афтаб.

— Ты хочешь завести нового племенного козла, — сказал Ниссим, глядя на меня, после чего указал на козу, самозабвенно грызущую спинку стула, на котором сидел Афтаб. — И не пытайся увиливать. Это твоя лучшая коза. Случив ее с Прабхатом, ты заимеешь козла, которого сможешь пускать к козам. Ты хочешь подорвать мой бизнес. Спросите его, судья Перри. Спросите его, кого носит его коза.

Я перевел взгляд на Афтаба.

— Кого носит твоя коза, Афтаб?

— По чистому совпадению один из зародышей мужской, — ответил Афтаб.

— Я требую прервать беременность! — заявил Ниссим.

— Это не твоя коза! — отозвался Афтаб.

— Тогда я возьму себе козленка как плату за то семя, которое ты украл.

— Ну вот, опять, — вздохнул Афтаб и повернулся ко мне: — Сами видите, судья Перри, что мне приходится терпеть. Он пускает своих козлов свободно бегать по всей округе, спариваться с

кем попало, а потом требует, чтобы ему еще и платили за то, что он не желает следить за своим стадом.

Ниссим яростно взревел и принялся что-то неразборчиво выкрикивать, размахивая руками. Афтаб последовал его примеру. Коза подошла к столу и с любопытством уставилась на меня. Я выдвинул ящик и угостил ее лежавшей там конфетой.

— Вообще-то нам с тобой здесь совершенно нечего делать, — сказал я.

Коза промолчала, но я не сомневался, что она согласна со мной.

Изначально предполагалось, что в работе деревенского омбудсмена нет ничего сложного: речь шла о том, чтобы в тех случаях, когда у сельских жителей Нового Гоа будут возникать сложности в отношениях с местными или районными властями, они приходили бы ко мне, а я помогал бы им преодолевать бюрократические заслоны и добиваться цели. Фактически это был единственный вид работы, к которой можно было приспособить отставного героя-вояку, во всех иных отношениях совершенно бесполезного для повседневной жизни в крупной сельскохозяйственной колонии: заслуженная в боях слава должна заставить

любых, самых больших шишек обратить на него внимание, когда он появляется на пороге.

Сложность оказалась в том, что через несколько месяцев крестьяне из Нового Гоа стали обращаться ко мне с самыми разнообразными нуждами.

— Знаете, мы не хотим лишний раз связываться с чиновниками, — объяснил мне один из жителей, когда я полюбопытствовал, по какой такой причине вдруг оказался человеком, к которому идут за советами, касающимися самых разных областей жизни: от сельскохозяйственного оборудования до сватовства. — До вас добраться куда легче и быстрее.

Рохит Кулкарни, администратор Нового Гоа, чрезвычайно обрадовался такому раскладу, поскольку те дела, с которыми раньше приходилось разбираться ему, теперь решал я. У него сразу прибавилось времени для рыбалки и игры в домино в местной чайной.

По большей части я получал удовольствие от выполнения своих новых и чрезвычайно расширенных обязанностей омбудсмена. Мне нравилось помогать людям, и было приятно, что они прислушиваются к моим советам. С другой стороны, любой гражданский чиновник скажет вам, что среди вверенного его заботам населения

имеется пара-тройка смутьянов, съедающих львиную долю его времени и сил. В Новом Гоа эту роль играли братья Ченджелпеты.

Никто не знал, почему они так ненавидят друг друга. Поначалу я думал, что в их вражде виноваты родители, но для Бхаджана и Нирал — кстати, прекрасных людей — взаимоотношения братьев представляли такую же загадку, как и для всех остальных. Случается, что два человека никак не могут ужиться между собой, и, к сожалению, в нашем случае такое несчастье обрушилось на родных братьев.

Положение усугублялось еще и тем, что их фермы располагались по соседству, и потому они не только почти постоянно видели друг друга, но и вынуждены были поддерживать деловые контакты. Однажды, еще в самом начале моей службы здесь, я предложил Афтабу, который казался мне чуть более разумным, подумать о том, чтобы подобрать себе другой участок земли на другом конце деревни, поскольку разъединить его и Ниссима значило бы разом убрать большую часть существующих поводов для вражды.

— Как же! Ему только этого и надо! — ответил мне Афтаб чрезвычайно спокойным, рассудительным тоном.

После этого я оставил все надежды на более или менее разумный разговор о возникающих между ними осложнениях и смирился с тем, что судьбой мне уготованы страдания в виде набегов преисполненных гнева братьев Ченджелпет.

— Ладно! — повысил я голос, перебивая яростные инвективы братьев. — Вот что я об этом думаю. Мне кажется, что совершенно не важно, каким образом залетела эта наша милая подружка, и потому не будем на этом останавливаться. Но ведь вы оба согласны, что это сотворил козел Ниссима.

Оба Ченджелпета закивали, коза по-прежнему хранила скромное молчание.

— Вот и прекрасно. Тогда вам обоим придется вести дело совместно. Афтаб, козленок останется у тебя, и, когда он вырастет, можешь оставить козла себе и, если тебе так захочется, случать его с козами. Но за первые шесть случек вся плата пойдет Ниссиму, а потом твой брат будет получать половину платы за случку.

— Он назло будет первые шесть раз пускать своего козла к козам бесплатно, — возразил Ниссим.

— В таком случае давайте установим, что минимальная ставка за случку, начиная с седьмого раза, будет равна средней от первых шести, —

предложил я. — Так что, Ниссим, если он попытается надуть тебя, то в итоге надует сам себя. К тому же у нас здесь маленькая деревня. Люди не станут случать своих коз с козлом Афтаба, если решат, что он завел себе козла только для того, чтобы навредить тебе и помешать зарабатывать на жизнь. Можно обладать полезной вещью, но быть плохим соседом и ощущать на себе все беды от неприязни односельчан.

— А что, если я не хочу вести с ним совместное дело? — вопросил Афтаб.

— Тогда ты можешь продать козленка Ниссиму, — ответил я.

Ниссим открыл было рот, но я не дал ему возразить.

— Да, продать, — повторил я, прежде чем он успел сказать хоть слово. — Отнеси козленка к Мурали и спроси, что он скажет. Такой и будет цена. Мурали не питает особой симпатии ни к тебе, ни к тебе, поэтому цена будет справедливой. Идет?

Ченджелпеты задумались над моими словами, то есть напрягли мозги, пытаясь сообразить, можно ли найти какой-то иной выход, при котором одному из них пришлось бы заметно хуже, чем другому. В конечном счете оба, похоже, решили,

что им придется страдать одинаково, а в этой ситуации такой результат был, по-моему, оптимальным. Так что им осталось лишь сдержанно кивнуть.

— Вот и прекрасно, — подытожил я. — А теперь шли бы вы отсюда, пока с моим ковром не приключилась неприятность.

— Моя коза никогда такого не допустит! — возмутился Афтаб.

— Я беспокоюсь вовсе не из-за козы, — ответил я, указывая им на дверь.

Они удалились, так и не поняв, что я имел в виду, и в кабинете тут же появилась Савитри.

— Вы заняли мое кресло, — заявила она.

— Считай, что я тебя обманул. — Я положил ноги на стол. — Раз ты не научилась справляться со сложными делами, значит, ты не готова к высокому посту.

— В таком случае я вернусь к скромной роли вашей секретарши и смиренно сообщу, что, пока вы развлекались с Ченджелпетами, вам звонил констебль.

— Что же было нужно констеблю?

— Не знаю. Я только успела сказать, что вы заняты. Вы же знаете констебля. Сплошная грубость.

— Суровая справедливость — вот девиз нашего

констебля, — изрек я. — Если случилось что-то действительно важное, я рано или поздно об этом узнаю, тогда и буду беспокоиться. А пока что займусь бумагами.

— У вас нет бумаг, — безжалостно констатировала Савитри. — Вы отдаете их мне.

— Ну и как, все готово?

— Пора бы вам усвоить, что готово, — наставительным тоном заметила Савитри.

— В таком случае, думаю, мне можно расслабиться и погреться в лучах собственной славы великого мастера управления.

— Я очень рада, что вы не наблевали в мою корзину для бумаг, — нахально заявила Савитри. — По крайней мере, я сама смогу воспользоваться ею для той же цели.

И довольная, что последнее слово осталось за ней, она закрыла дверь, не дав мне возможности сразить ее блестящей репликой.

Такие отношения установились у нас к исходу первого месяца совместной работы. За это время она пришла к выводу, что, несмотря на мое военное прошлое, я не был слепым орудием колониализма. А даже если и был, то у меня все же имелись здравый смысл и какое-никакое чувство юмора. Поняв, что я не собираюсь подчинить

своей власти ее деревню, она успокоилась и принялась поддразнивать и подкусывать меня при каждом удобном случае. Такими наши отношения и оставались на протяжении семи лет, и это мне нравилось.

Зная, что все требующиеся документы подготовлены и все насущные проблемы деревни решены, я поступил так, как поступил бы любой в моем положении: задремал. Добро пожаловать в грубый и суматошный мир мирового поверенного (простите за каламбур) колониальной деревни. Возможно, где-то принято вести себя по-другому, но если это так, то я не хочу об этом знать.

Я проснулся как раз вовремя, чтобы увидеть, как Савитри запирает шкафы, собираясь уходить. Помахав ей на прощание, я еще несколько минут посидел неподвижно, а затем оторвал задницу от стула и направился домой. По пути я случайно увидел констебля, идущего мне навстречу по другой стороне дороги. Я подошел и смачно поцеловал местного представителя правоохранительных структур в губы.

— Ты же знаешь, что мне не нравится, когда ты так поступаешь, — сказала Джейн, когда я оторвался от нее.

— Тебе не нравится, когда я тебя целую?

— Когда я нахожусь на работе — не нравится. Это подрывает мой авторитет.

Я улыбнулся, подумав, какое разочарование ждало бы любого злоумышленника, который, глядя на то, как Джейн — в прошлом офицер Специальных сил — целуется со своим мужем, решил бы, что она мягкий или нерешительный человек. Сокрушительный пинок под задницу мгновенно разубедил бы его в этом.

— Извини. Постараюсь впредь не подрывать твой авторитет.

— Спасибо, — серьезным тоном отозвалась Джейн. — Но я все равно шла к тебе, потому что ты мне так и не перезвонил.

— Сегодня я был чертовски занят, — соврал я.

— Савитри подробно рассказала мне о твоих занятиях, когда я звонила второй раз.

— Увы.

— Увы, — согласилась Джейн.

Мы не спеша направились в сторону нашего дома.

— Ну а я хотела предупредить тебя, что завтра ты можешь рассчитывать на визит Гопала Бопарая, который вознамерился узнать, как устроено коммунальное хозяйство. Он снова напился до потери рассудка. И поругался с коровой.

— Плохая карма, — усмехнулся я.

— Корова, наверно, тоже так решила. Она боднула его в грудь и попыталась запихнуть в витрину магазина.

— Го сильно пострадал?

— Отделался царапинами, — успокоила меня Джейн. — Витрина выдавилась. Потому что была не стеклянная, а пластиковая. Не ломается, не бьется и не может порезать осколками.

— Это уже третий раз в этом году. С ним должен разбираться не я, а настоящий судья, наделенный правом казнить и миловать.

— Именно это я ему и сказала. Но он уже отбыл сорок дней принудительных работ в районной тюрьме, а у Шаши через две-три недели подходит срок родов. Какой ни есть, он принесет ей больше пользы, если будет рядом, а не в тюрьме.

— Ладно, — пообещал я, — выясню, что можно для него сделать.

— Как прошел день? — осведомилась Джейн. — Если не считать того, что ты хорошо выспался.

— Этот день прошел под знаком Ченджелпетов, — пожаловался я. — На сей раз с козлами и козами.

Так, болтая о событиях минувшего дня, мы с Джейн шли домой; таким было едва ли не каж-

дое наше возвращение на маленькую ферму, которую мы устроили сразу за пределами деревенской земли. Свернув на ведущую к нам дорогу, мы столкнулись с нашей дочерью Зои. Ее сопровождал Варвар, беспородный пес, который, как всегда, безумно обрадовался нам.

— Он угадал, что вы идете. — Зоя слегка запыхалась. — Рванул вам навстречу. Мне пришлось догонять его бегом.

— Приятно знать, что хоть кто-то без нас скучает, — отозвался я.

Джейн наклонилась и погладила Варвара, который изобразил настоящую бурю восторга. Я чмокнул Зои в щеку.

— К вам приехал гость, — сообщила дочь. — К вам обоим. Объявился у нас около часа назад. Приехал на флотере.

В округе флотеров не было ни у кого: для сельского хозяйства они крайне непрактичны и могли бы сгодиться разве что для пускания окружающим пыли в глаза, причем и в переносном, и в прямом смысле. К счастью, наши односельчане не имели склонности к такому поведению. Я взглянул на Джейн. Она пожала плечами, дескать, я никого не жду.

— И как же он представился? — спросил я.

— Он вообще не представился. Только сказал, что он — старый друг Джона. Я предложила ему позвонить тебе, а он ответил, что с удовольствием подождет.

— Ладно. Скажи хотя бы, как он выглядит, — попросил я.

— Молодой. Вроде как хорошенький.

— Я не думаю, что у меня есть знакомые хорошенькие парни. Ведь это больше по твоей части, юная дочь, верно?

Зои возвела глаза к небу и ухмыльнулась с деланой язвительностью.

— Так точно, девяностолетний папаня. А вот если бы ты позволил мне договорить, то услышал бы одно слово, которое убедило меня, что ты и впрямь мог знать его. А я хотела сказать, что он не только хорошенький, но еще и зелененький.

Мы с Джейн снова переглянулись. Зеленая кожа была у солдат ССК; этот цвет ей придавал хлорофилл, поставлявший бойцам дополнительную энергию. И у Джейн, и у меня кожа некоторое время была зеленой. Впоследствии я вернул себе свой первоначальный цвет, и Джейн тоже разрешили выбрать более заурядную окраску кожи.

— Он не сказал, что ему нужно? — спросила Джейн.

— Не-а. Да я и не спрашивала. Я просто решила, что будет лучше выйти вам навстречу и предупредить. А его я оставила на крыльце.

— Наверно, сейчас он вынюхивает, что и где у нас лежит, — предположил я.

— Сомневаюсь, — возразила Зои. — Я оставила Хикори и Дикори, чтобы они присматривали за ним.

Я усмехнулся.

— А это значит, что он с места не сойдет до твоего возвращения.

— Во-во, я точно так и подумала.

— Ты мудра не по годам, юная дочь, — сказал я.

— Кто-то же должен компенсировать твой маразм, девяностолетний папаня.

Она бегом устремилась обратно к дому. Варвар потрусил за ней.

— Никакого почтения, — пожаловался я Джейн. — Такого она могла набраться только от тебя, больше не от кого.

— Она же приемная, — парировала Джейн. — К тому же умник в нашей семье ты, а не я.

— Впрочем, все это мелочи. — Я взял ее под руку. — Пойдем. Я хочу посмотреть, сильно ли перепугался наш гость.

Гостя мы обнаружили сидящим на ступеньке

крыльца под пристальным надзором двух наших молчаливых обинян. Я узнал его с первого взгляда.

— Генерал Райбики! — воскликнул я. — Вот это сюрприз!

— Привет, майор, — отозвался Райбики (он обратился ко мне по моему последнему воинскому званию) и добавил, указав на обинян: — Пока мы не виделись, у вас появились новые интересные друзья.

— Это Хикори и Дикори. Приятели моей дочери. Чрезвычайно милые и безобидные, если, конечно, не решат, что вы можете представлять для нее опасность.

— И что же случается в таком случае? — осведомился Райбики.

— Они становятся совсем другими. Но обычно все кончается очень быстро.

— Восхитительно, — отозвался Райбики.

Я отпустил обинян, и они отправились искать Зои.

— Благодарю, — сказал Райбики. — Обиняне всегда действуют мне на нервы.

— В этом-то и весь смысл, — ответила Джейн.

— Это я понимаю. Надеюсь, вы не сочтете неприличным любопытством, если я спрошу,

почему вашу дочь сопровождают телохранители-обиняне?

— Они не телохранители, а спутники, — пояснила Джейн. — Зои — наша приемная дочь. Ее биологический отец — Чарльз Бутэн.

Райбики удивленно вскинул брови — высокое звание позволяло ему кое-что знать об этом человеке.

— Обиняне благоговели перед Бутэном, но его больше нет на свете. Они сочли необходимым узнать, что сталось с его дочерью, и прислали этих двоих, чтобы они были рядом с нею.

— И это ее нисколько не беспокоит, — констатировал Райбики.

— Она выросла рядом с обинянами, они были ей и няньками, и защитниками, — объяснила Джейн. — Она чувствует себя с ними совершенно непринужденно.

— И вас это тоже не беспокоит, — добавил Райбики.

— Они присматривают за Зои и обеспечивают ее безопасность, — продолжал я. — Они кое в чем помогают нам. К тому же их присутствие здесь — это одно из условий соглашения между Союзом колоний и обинянами. Необходимость общаться с ними — совсем не такая высокая цена

за возможность иметь их в союзниках.

— Что верно, то верно, — кивнул Райбики и поднялся. — Знаете что, майор. У меня есть к вам предложение. — И добавил, поклонившись Джейн: — Вернее, к вам обоим.

— И что же это за предложение? — спросил я.

Райбики дернул головой в сторону дома, куда только что удалились Хикори и Дикори.

— Если вы не возражаете, я предпочел бы говорить об этом там, где эта парочка не сможет нас услышать. У вас есть какое-нибудь местечко, где мы могли бы поболтать без лишних ушей и глаз?

Я искоса взглянул на Джейн. Она ответила чуть заметной улыбкой.

— Я знаю такое место, — сказала она.

— Что, мы будем торчать здесь? — недоверчиво спросил генерал Райбики, когда я остановился посреди поля.

— Вам требовалось место для конфиденциального разговора? Теперь вас отделяют от ближайших ушей, хоть человеческих, хоть обинянских, по меньшей мере пять акров посевов. Милости прошу: секретность в колониальном стиле.

— И что же это за посевы? — осведомился Райбики, рассматривая сорванный молодой стебель.

— Сорго, — коротко ответила Джейн.

Она стояла рядом со мной. Варвар сидел у ее ног и скреб за ухом задней лапой.

— Название, кажется, знакомое, — протянул Райбики, — но вряд ли мне когда-то приходилось видеть эту травку.

— Здесь это главная посевная культура, — пояснил я. — Она дает большие урожаи, потому что хорошо переносит жару и засуху, а летом в наших краях бывает жарковато. Местные жители пекут из этой муки особый хлеб — бхакри — и готовят множество разных разностей.

— Бхакри… — повторил Райбики и махнул рукой в сторону деревни: — Судя по всему, здесь живут главным образом выходцы из Индии.

— Есть, но немного, — ответил я. — Большинство родились уже здесь. Этой деревне — той, что перед нами, — шестьдесят лет. Активная колонизация Гекльберри продолжается сейчас на континенте Клеменса. Его открыли для освоения как раз в то время, когда мы прибыли сюда.

— Значит, напряженности из-за Субконтинентальной войны здесь нет, — задумчиво произнес Райбики. — Между вами, американцами, и индийским большинством.

— До этого здесь не доходит. Иммигранты всюду примерно одинаковы. Прежде всего они

воспринимают себя как гекльберрцев и лишь потом — как индусов. Уже для следующего поколения земные национальные различия не будут иметь ровно никакого значения. К тому же Джейн по большому счету вовсе не американка. Если мы чем-то и выделяемся, то лишь тем, что были солдатами. Первое время на нас смотрели с любопытством, но теперь мы просто Джон и Джейн с придорожной фермы.

Райбики снова обвел поле рассеянным взглядом.

— Меня поражает, что вы вообще взялись за фермерство, — сказал он. — Ведь у вас обоих есть настоящая работа.

— Фермерство — это самая настоящая работа, — возразила Джейн. — Ею занимаются большинство наших соседей. И для нас она тоже очень полезна: ведь если мы не будем знать, чем они живут, то не поймем, чем можем быть им полезны.

— Я вовсе не хотел вас обидеть, — поспешно добавил Райбики.

— И не обидели, — ответил я, вновь вступая в беседу, и указал на поле: — У нас здесь около сорока акров. Это совсем немного, даже слишком мало, чтобы нанести какой-нибудь ущерб финан-

совым интересам других фермеров, но вполне достаточно, чтобы понять, что радости и беды Нового Гоа — это также и наши радости и беды. Мы и сами прилагаем много сил, чтобы стать полноценными новогоанцами и гекльберрцами.

Генерал Райбики кивнул и снова покрутил перед глазами стебелек сорго. Зоя описала его совершенно верно: молодой красавец с зеленой кожей. Я-то знал, что молодым он выглядел лишь благодаря искусственному телу, которое предоставили ему ССК. Пока он находится в этом теле, выглядит на двадцать три года, хотя его реальный возраст уже перевалил за сто. Он казался моложе меня, а ведь я младше его на пятнадцать лет, если не больше. Но, покинув ряды ССК, я сдал свое, так сказать, служебное тело и получил новое, немодифицированное, но зато построенное на моей собственной ДНК. Сейчас я выглядел лет на тридцать. И меня это вполне устраивало.

В последний период моей службы в ССК Райбики был моим непосредственным начальником, но познакомился я с ним намного раньше. Это случилось в день моего самого первого боя, когда он был подполковником, а я — рядовым. Он снисходительно обратился ко мне «сынок», имея в виду мою неопытность. Мне тогда перевалило

за семьдесят пять.

Это было одной из многочисленных проблем, связанных со службой в Силах самообороны колоний: все, что их биоинженеры творили с телами, вступало в острое противоречие с тем, как человек осознает свой собственный возраст. Мне сейчас за девяносто, а Джейн, которая была создана уже взрослой как солдат Специальных сил ССК, было лет шестнадцать. Если всерьез задуматься над этим, обязательно ум за разум зайдет.

— Ну что ж, пожалуй, пора вам, генерал, сообщить, зачем вы нас навестили, — заметила Джейн.

Семь лет жизни среди людей, придерживающихся традиционных обычаев, не заглушили ее воспитанной Специальными силами привычки брать быка за рога, невзирая на социальные условности.

Райбики криво усмехнулся и бросил стебелек наземь.

— Да, вижу, деваться некуда. Хорошо. После того как вы, Перри, покинули нас, меня повысили в звании и перевели на другой вид службы. Теперь я сотрудничаю с Департаментом колонизации — теми людьми, которые занимаются заселением

и поддержкой новых колоний.

— Но продолжаете числиться в ССК, — уточнил я. — Зеленая кожа сразу выдает вас. Но я всегда считал, что Союз колоний не позволяет своим гражданским и военным крыльям соприкасаться между собой.

— Я координатор. Организую связь между теми и этими. Вы, наверно, можете себе представить, насколько это веселое занятие.

— Сочувствую вам, — сказал я.

— Спасибо, майор, — отозвался Райбики. С тех пор когда ко мне обращались по званию, прошло уже немало лет. — Правда, я тронут вашим отношением. Так вот, я явился сюда, потому что подумал, не сможете ли вы — вы оба — выполнить для меня кое-какую работенку.

— И что же это за «работенка»? — спросила Джейн.

Райбики в упор посмотрел на нее:

— Возглавить новую колонию.

Джейн взглянула на меня. Я сразу понял, что эта идея ее не привлекает.

— А разве не Департамент колонизации должен этим заниматься? — спросил я. — Ведь там, насколько я понимаю, должно быть полным-полно народу, специально подготовленного для

руководства колониями.

— Но не этой. Эта колония — необычная.

— Чем же? — осведомилась Джейн.

— Союз колоний занимается колонистами с Земли. Но за последние несколько лет ряд колоний — высокоразвитых колоний, таких как Феникс, Элизиум и Хоккайдо, — вынудили СК позволить их жителям начать самим создавать новые колонии. Их обитатели уже не раз пытались устраивать «дикие» колонии, но вы же знаете, чем заканчивались эти попытки.

Я кивнул. Независимые колонии — их обычно называли «дикими» — устраивались незаконно и полностью на страх и риск их обитателей. СК по большей части закрывал глаза на существование «дикарей», оправдываясь тем, что «дикие» колонисты в подавляющем большинстве представляют собой всякий шумный сброд, которому лучше позволить отправиться куда угодно, нежели удерживать их дома, где от них одни неприятности. Но «дикие» колонии действительно вели абсолютно самостоятельное существование и не могли надеяться на помощь ССК (разве что только среди колонистов окажется кто-то из любимых родственников какого-нибудь по-настоящему высокопоставленного чиновни-

ка). Статистику существования «диких» колоний можно было назвать в лучшем случае удручающей. Большинство из них не протягивало и шести месяцев. С ними быстро и эффективно расправлялись другие расы, занимающиеся колонизацией планет. Вселенная, в которой мы обитаем, не прощает ошибок, в частности самонадеянности.

Райбики заметил, что я понял его, и продолжил:

— СК предпочел бы и впредь предоставлять такие колонии их собственной участи, но вопрос из практического успел перерасти в крупную политическую проблему, и СК больше не может просто отмахиваться от этого дела. И потому ДК предложил нам открыть одну планету для колонистов второго поколения. Думаю, вы можете представить себе, что из этого вышло.

— Колонии вцепились друг другу в глотки за право послать своих людей на освоение планеты, — предположил я.

— Дайте парню сигару за сообразительность! — воскликнул Райбики. — Тогда ДК попытался изобразить из себя Соломона и объявил, что каждый из претендентов имеет право предложить для первой волны колонизации определенное число людей. И в результате мы получили ядро

будущей колонии — около двух с половиной тысяч человек, по двести пятьдесят от десяти разных колоний. Но у нас нет единого руководителя. Все колонии отказались брать на себя ответственность за чужаков.

— Но ведь крупных колоний не десяток, а куда больше, — заметил я. — Можно было бы поставить начальником кого-нибудь оттуда.

— Рассуждая теоретически — да. Однако в действительности все другие колонии сочли себя грубо оскорбленными тем, что в списке первоколонистов не оказалось их представителей. Мы пообещали, что если с этой колонией все выйдет хорошо, то мы начнем широко открывать другие миры. Но пока творится полнейший сумбур, и никто не намерен первым сделать следующий шаг.

— Какой же идиот выдумал этот план? — напрямик спросила Джейн.

— Так уж получилось, что этим идиотом был я, — ответил Райбики.

— Ну вы и молодец! — язвительно бросила Джейн.

Я не смог удержаться от мысли, насколько удачно, что она больше не офицер и не обязана соблюдать субординацию.

— Спасибо, констебль Саган, — суховато про-

изнес генерал Райбики, — я не обижаюсь на искренние мнения, даже и не слишком лестные для меня. Действительно, у этого плана оказались кое-какие неожиданные для меня недостатки. Но именно из-за них я и явился сюда.

— Главный недостаток вашего нового плана — если не считать того, что ни Джейн, ни я не имеем ни малейшего представления о том, как руководить первопоселением колонистов, — то, что теперь мы сами стали колонистами. Мы живем здесь уже семь лет.

— Но вы же сказали: вы бывшие солдаты. А бывшие солдаты — это совсем особое племя. Вы — уроженцы вовсе не Гекльберри. Вы родом с Земли, она — бывший солдат Специальных сил, а это значит, что она родом ниоткуда. Только не сочтите за оскорбление, — добавил Райбики, повернувшись к Джейн.

— Но ведь, как ни посмотри, никто из нас не имеет опыта управления первоколонией, — возразил я. — Когда я еще был зеленым, как и вы, меня во время достопамятного пропагандистского турне занесло в первоколонию на планете Ортон. Ее жители работали без остановки. Нельзя же бросать неподготовленных людей в такую кашу.

— Что-что, а подготовка у вас есть. Вы оба были офицерами. Боже мой, Перри, вы же были майором! Вы участвовали в боевых действиях, командуя полком в три тысячи человек. Это больше, чем первопоселение колонистов.

— Колония — не армейский полк, — возразил я.

— Ну конечно нет, — согласился Райбики. — Но и для того, и для другого требуются одни и те же навыки. Тем более что вы оба чуть ли не с первого дня после отставки работаете в администрации колонии. Вы контролируете исполнение законов и хорошо знаете, как функционирует правительство колонии, что оно должно делать, а чего не должно. Ваша жена — местный констебль и обеспечивает поддержание порядка. На двоих вы обладаете едва ли не всеми необходимыми навыками. И не думайте, майор, что ваши имена я выбрал случайно, что я бросал жребий и вытащил из шляпы бумажку с вашими фамилиями. Я выбрал вас именно по этим причинам. Вы уже сейчас процентов на восемьдесят пять готовы к этой работе, а остальным пятнадцати мы вас научим по дороге на Роанок[2]. Так мы решили

---

[2] Notes: 2

Роанок — один из старейших городов США (штат Виргиния), стоящий на одноименной реке.

назвать колонию.

— У нас здесь сложившаяся жизнь, — вмешалась Джейн. — У нас есть работа, есть обязанности и помимо всего прочего еще и дочь, у которой тоже есть своя собственная жизнь. А вы походя требуете, чтобы мы все бросили и кинулись разбираться в ваших мелких политических дрязгах.

— Ладно, в таком случае прошу прощения за неофициальную форму обращения, — сказал Райбики. — При обычных обстоятельствах вы узнали бы все, что я вам сейчас рассказываю, из документа, доставленного дипломатическим курьером Союза колоний, да еще вдобавок он приволок бы толстенную кипу пояснительных бумаг. Но так уж случилось, что я оказался на Гекльберри по совсем другим делам, вот и решил, что постараюсь убить двух зайцев одним выстрелом. Если честно — я совершенно не рассчитывал, что мне придется излагать вам свою идею посреди поля, засеянного… сорго, да?

— Да ничего, — великодушно кивнула Джейн.

— И что касается мелких политических дрязг — тут вы не правы, — продолжал Райбики. — Сложился полномасштабный политический кризис, который грозит перерасти в крупный. И дело здесь не только в том, быть или не быть еще од-

ной человеческой колонии. На каждой из планет правительства и пресса представили будущее событие как крупнейший акт колонизации с тех пор, как люди впервые покинули Землю. Это не так. Дело вовсе не в масштабах. В средствах массовой информации вся история превратилась в грандиозный цирк, для политиков сделалась нескончаемой головной болью, а ДК заставило уйти в глухую оборону. Эта колония, еще не начав существовать, уходит из-под нашего влияния, потому что у слишком многих в ней имеются свои интересы. Мы должны вернуть себе главную роль.

— Ну вот вы сами и сказали, что все это дело — одна политика, — сказал я.

— Нет, — возразил Райбики. — Вы меня неправильно поняли. ДК должен вернуть себе руководство процессом вовсе не потому, что это было бы, по нашему мнению, удачным политическим ходом. Это необходимо сделать, поскольку речь идет о человеческой колонии. Жить или погибнуть колонии — вернее будет сказать: жить или погибнуть людям — определяется в конечном счете тем, насколько хорошо мы их сначала готовим, а потом защищаем. Главная задача ДК — дать поселенцам наилучшую подготовку еще до

того, как они возьмутся за освоение нового мира. ССК должны обеспечивать их безопасность, пока они не утвердятся на планете. Если хоть одно из условий этого уравнения окажется нарушенным — колония обречена.

В данный момент то условие, которое должен обеспечить Департамент, не выполняется — мы не обеспечили руководство, а остальные участники прилагают все силы, чтобы не позволить кому-то другому заполнить образовавшуюся пустоту. Мы пытаемся найти выход из положения, но безрезультатно. А время уходит. Так или иначе, Роанок будет заселен. Суть вопроса: сумеем мы организовать это как следует или нет. Если не сумеем — если Роанок погибнет, — расплачиваться придется чертовски дорого. Так что будет лучше, если мы все сделаем как надо.

— И все же если это настолько больной политический вопрос, то я тем более не вижу, каким образом наше участие в вашей затее поможет исправить положение, — не отступал я. — Разве можно гарантировать, что от нашего участия будет толк?

— Я ведь уже сказал, что ваши имена всплыли вовсе не случайно, — повторил Райбики. — В департаменте мы ведем учет потенциальных

кандидатов, пригодных для работы у нас или в ССК. Мы решили, что если оба наших ведомства сойдутся на одной кандидатуре, то мы сможем убедить и правительство колонии принять ее. Вы были в нашем списке.

— Интересно, в какой его части? — осведомилась Джейн.

— Примерно в середине, — честно признался Райбики. — Сожалею. Прочие кандидаты отпали по тем или иным причинам.

— В любом случае просто попасть в этот список уже высокая честь, — сказал я.

Райбики усмехнулся:

— Вы же знаете, Перри, что мне никогда не нравился ваш сарказм. И я отлично понимаю, что за один раз обрушил на вас слишком много проблем. Я не ожидаю от вас немедленного ответа. Вся документация у меня здесь. — Он прикоснулся к виску, давая понять, что хранит информацию в МозгоДруге. — И, если у вас есть ЭЗК, я могу переслать ее вам, чтобы вы ознакомились с нею на досуге. Правда, досуга у вас не больше стандартной недели.

Электронные записные книжки у нас, конечно же, были. И у меня, и у Джейн — ведь мы оба были представителями власти.

— Вы хотите, чтобы мы бросили все то, что имеем здесь? — снова спросила Джейн.

— Да, — кивнул Райбики, — хочу. И еще я взываю к вашему чувству долга, поскольку знаю, что у вас оно есть. Союзу колоний остро необходимы умные, сильные и опытные люди, способные помочь нам наладить жизнь этой колонии. Вы двое отвечаете всем требованиям. А то, за что я прошу вас взяться, намного важнее, нежели то, чем вы занимаетесь здесь. Ваши обязанности здесь без особого труда сможет выполнять любой другой человек. Вы уедете, а кто-то приедет и займет ваши места. Возможно, они будут работать не так хорошо, как вы, но со своими обязанностями худо-бедно справятся. А то, что я прошу вас сделать для этой колонии, вряд ли будет под силу кому-нибудь еще.

— Вы сказали, что мы были в середине вашего списка, — заметил я.

— Этот список был очень коротким. И после ваших фамилий идет глубокий провал.

Райбики повернулся к Джейн:

— Послушайте, Саган, я хорошо понимаю, что требую от вас очень непростого решения. И потому предложу вам своеобразную сделку. Ведь мы учреждаем первоколонию. Это означает, что

колонисты первой волны будут два-три года готовить на планете условия для прибытия следующего, более массового потока. После высадки второй волны положение, вероятно, упрочится вполне достаточно для того, чтобы вы, и Перри, и ваша дочь могли вернуться сюда. ДК может позаботиться о том, чтобы ваш дом и ваши должности дождались вас. Черт возьми, мы даже можем прислать кого-нибудь ухаживать за вашими посевами.

— Генерал, мне не требуется ничье покровительство, — отрезала Джейн.

— Я и не собирался предлагать вам покровительство. И предложение мое, Саган, совершенно искреннее. Та жизнь, которую вы вели здесь, будет ждать вас. Вы не утратите ничего из того, что стало вам дорого. Но мне вы оба нужны немедленно! ДК не останется в долгу. Вы получите эту жизнь обратно. И поможете колонии Роанок выжить. Подумайте об этом. Только не тяните с решением.

Проснувшись ночью, я не нашел Джейн подле себя. Она стояла на дорожке перед домом и смотрела на звезды.

— Если будешь так стоять на дороге в темноте, кто-нибудь подкрадется и стукнет тебя по голо-

ве, — сказал я, подойдя сзади, и положил руки ей на плечи.

Джейн накрыла мою левую руку ладонью.

— Нет тут никого, кто мог бы стукнуть. Тут и среди дня такое вряд ли может случиться. Посмотри туда. — Она подняла правую руку к небу и начала указывать созвездия. — Смотри: Журавль, Лотос, Жемчужина.

— Я плохо ориентируюсь в созвездиях Гекльберри, — сознался я. — До сих пор ищу те, которые знаю с детства. Смотрю в небо, а какая-то самая старая моя часть все равно рассчитывает увидеть Большую Медведицу или Орион.

— До того как мы приехали сюда, я никогда не смотрела на звезды. В смысле — я видела их, но они ничего для меня не значили. Звезды и звезды. Ничего больше. А после того как мы поселились здесь, я много времени потратила на изучение созвездий.

— Я помню.

Я действительно помнил то время. Викрам Банерджи — астроном по своей земной специальности — был частым гостем у нас в первые годы нашей жизни в Новом Гоа и объяснял Джейн звездные узоры в небе. Он позволил себе умереть лишь после того, как она выучила все созвездия

Гекльберри.

— Я долго не умела их различать, — сказала Джейн.

— Созвездия?

Джейн кивнула.

— Викрам показывал их мне, а я видела лишь искрящуюся массу, — задумчиво сказала она. — Он водил пальцем по карте, и я вроде бы понимала, как они объединяются в различные узоры, а потом смотрела в небо и опять видела только… только россыпь звезд. Так повторялось раз за разом. А потом, однажды вечером, я, помнится, шла домой с работы, подняла голову и сказала себе: вот Журавль. И увидела его. Увидела созвездие Журавля. Начала различать другие созвездия. Тогда-то я и поняла, что это место стало моим домом. Поняла, что я прилетела, чтобы остаться здесь. Что это моя планета.

Я позволил рукам соскользнуть ниже и обхватил Джейн за талию.

— Но это место — не твой дом, да? — спросила Джейн.

— Мой дом там, где ты, — ответил я.

— Но ты же понимаешь, что я имею в виду.

— Я хорошо тебя понимаю, — подтвердил я. — Джейн, мне здесь нравится. Мне нравятся эти

люди. Мне нравится наша жизнь.

— Но… — подхватила Джейн.

Я пожал плечами.

Джейн почувствовала мое движение.

— Именно так я и думала, — сказала она.

— Я вовсе не чувствую себя несчастным, — отозвался я.

— А я и не говорила, что ты несчастен. Я знаю, что рядом со мной или Зои ты не станешь рассуждать, счастлив ты или нет. Если бы не приперся генерал Райбики, ты, думаю, даже и не подумал бы, что созрел для того, чтобы двигаться дальше.

Я кивнул и поцеловал ее в затылок. Она была совершенно права.

— Я говорила об этом с Зои, — продолжала Джейн.

— И что же она думает на этот счет?

— Она похожа на тебя. Ей здесь нравится, но это не ее дом. Ей понравилась мысль о том, чтобы отправиться в колонию, которую придется создавать на пустом месте.

— Это в ее духе — ее переполняет тяга к приключениям.

— Возможно, — кивнула Джейн. — Здесь приключений маловато. И это одна из причин, по которым мне здесь так хорошо.

— Странно слышать такое от солдата Специальных сил, — признался я.

— Я говорю это как раз потому, что была в Специальных силах. У меня за спиной девять лет беспрерывных приключений. Меня создали специально для той жизни, и, если бы не ты и Зои, я и погибла бы в одном из приключений, так и не узнав ничего иного. Люди определенно переоценивают удовольствия, которые несут с собой приключения.

— Но ты все равно думаешь о новых приключениях.

— Потому что о них думаешь ты.

— Мы же еще ничего не решили, — сказал я. — Мы можем наотрез отказаться. Наш дом — здесь.

— Мой дом там, где будешь ты, — повторила Джейн мои слова. — Это моя родина. Хотя не исключено, что родиной может стать и что-то другое. Пока что я успела узнать и полюбить только это место. Возможно, я просто боюсь расставаться с ним.

— Не думаю, что ты так уж сильно боишься.

— Я боюсь не того, что ты. Ты просто не замечаешь этого, потому что тебе порой не хватает наблюдательности.

— Спасибо тебе.

Мы стояли обнявшись посреди узкой дороги.

— Мы всегда сможем вернуться, — сказала Джейн, нарушив долгое молчание.

— Да, — кивнул я. — Если ты захочешь.

— Посмотрим, — ответила Джейн.

Она обернулась, поцеловала меня в щеку, осторожно высвободилась из объятий и медленно пошла по дороге. Я направился к дому.

— Побудь со мной, — попросила Джейн.

— Конечно. Прости. Я решил, что ты хочешь побыть одна.

— Нет. Давай немного погуляем. Я покажу тебе мои созвездия. Для этого у нас хватит времени.

2

«Джуниперо Серра» выполнил скачок, и внезапно за «окном» — большим экраном обзорной палубы огромного корабля — возник сине-зеленый мир. С мест, где расположилась пара сотен приглашенных гостей, репортеров и чиновников из Департамента колонизации, послышались восхищенные охи и ахи, как будто вся эта братия никогда прежде не видела планету из пространства.

— Леди и джентльмены, — произнесла Карин Белл, министр колонизации, — представляю вам Роанок, новый колониальный мир.

Присутствующие разразились рукоплесканиями, которые, впрочем, быстро затихли, сменившись негромким гулом множества голосов репортеров, поспешно бормотавших свои комментарии в микрофоны. При этом большинство не обратили никакого внимания на появление неподалеку «Блумингтона» и «Фэрбенкса», двух крейсеров ССК, которые без излишней навязчивости сопровождали толпу политиканов и журналистов, совершавших вояж среди звезд.

Их присутствие еще сильнее укрепило меня в мысли, что обстановка на Роаноке и вокруг него отнюдь не настолько спокойная, как хотел бы показать Союз колоний. Не хватало еще, чтобы рейдер какой-нибудь враждебной расы превратил и министра колонизации, и ее свиту, и приглашенных важных гостей в новый метеоритный поток.

Я указал Джейн на крейсеры одним коротким взглядом, она посмотрела туда и ответила незаметным для всех остальных кивком. При этом ни она, ни я не издали ни звука. Мы всерьез надеялись, что нам удастся уклоняться от общения с журналистами на всем протяжении перелета. Мы уже знали из личного опыта, что оба не слишком годимся в звезды средств массовой информации.

— Позвольте мне дать вам небольшую справку о том, что представляет собой Роанок, — продолжала Белл. — Диаметр Роанока по экватору чуть менее тринадцати тысяч километров, то есть он больше, чем Земля или Феникс, но несколько меньше, чем Чжунго, которая, следовательно, сохраняет за собой звание крупнейшей из планет, освоенных Союзом колоний.

На эти слова несколько репортеров с Чжунго откликнулись робкими аплодисментами, кото-

рые, впрочем, тут же заглушил общий смех.

— Благодаря размеру и геологической структуре сила тяготения здесь на десять процентов больше, чем на Фениксе, следовательно, большинство из вас на поверхности планеты будут чувствовать себя так, будто вам в карманы положили по килограммовому грузу. Атмосфера — обычная смесь кислорода с азотом, но здесь непривычно велика доля кислорода — почти тридцать процентов. Эту особенность вы тоже почувствуете.

— У кого мы отобрали планету? — спросил один из репортеров.

— Я еще дойду до этого, — ответила Белл, и в зале раздался негромкий ропот.

Министр Белл славилась умением проводить чрезвычайно сдержанные пресс-конференции даже без всякой подготовки и сейчас была полностью в своей тарелке.

Изображение глобуса Роанока на экране сменилось фрагментом карты, на котором небольшая река впадала в другую, поистине огромную.

— Здесь будет находиться колония, — продолжала свою лекцию Белл. — Меньшей из рек мы дали название Аблемар, большей — Роли. Роли собирает воду со всего континента, как Амазонка

на Земле или Анасази на Фениксе. Еще пара сотен километров на запад, — изображение на экране опять сменилось, — и мы окажемся на побережье Виргинского океана. Практически неограниченное пространство для роста.

— А почему колонию устраивают не на побережье? — спросил кто-то.

— Потому что там ей не место, — отрезала Белл. — Сейчас не шестнадцатый век. Наши суда пересекают межзвездные просторы, не океаны. Мы в состоянии выбрать для колонии наилучшее место. Это место — на экран вернулся первоначальный участок карты — находится достаточно далеко от океана, чтобы не подвергаться циклонам, которые частенько свирепствуют в устье Роли, а также характеризуется и другими благоприятными геологическими и метеорологическими факторами. Помимо всего прочего химизм жизни на этой планете несовместим с нашим. Колонисты не могут есть ничего местного. Следовательно, рыболовство сразу отпадает. Тем разумнее поместить колонию на аллювиальной равнине, где куда больше возможностей для выращивания продовольственных культур, чем на побережье.

— Не могли бы вы все же сказать нам, у кого

мы отняли эту планету? — снова встрял первый репортер.

— Я буду говорить об этом позже, — снова одернула его Белл.

— Но мы ведь уже знаем все, что вы рассказываете, — поддержал первого кто-то еще. — Весь этот материал есть в пресс-релизах, которые вы нам раздали. А нашим зрителям интересно узнать, кто владел этой планетой раньше и у кого мы ее отобрали.

— Мы ни у кого не отбирали эту планету, — заявила Белл, явно раздраженная тем, что ее план оказался под угрозой. — Нам ее передали.

— И кто же?

— Обиняне.

В зале сразу зашушукались.

— И я с удовольствием расскажу об этом более подробно, только позже. Но сначала…

Карта слияния рек исчезла, и вместо нее на экране возникло несколько пушистых древовидных предметов: полурастения-полуживотные являлись доминирующей формой жизни на Роаноке. Большинство репортеров проигнорировали новую иллюстрацию к лекции; они поспешно шептали в свои диктофоны сенсационную информацию о связи этой планеты с расой

обинян.

— Обиняне назвали ее Гарсинхиром, — сообщил мне и Джейн генерал Райбики несколькими днями ранее, когда нас на его личном шаттле доставили на станцию «Феникс» для формального введения в должности и представления нескольким колонистам, которые должны были стать нашими заместителями. — Это переводится попросту как «семнадцатая планета». Потому что оказалась семнадцатым по счету колонизированным ими миром. Они не отличаются очень богатым воображением.

— Взять и бросить планету… Это совсем не похоже на обинян, — заметила Джейн.

— Так они ее и не бросали, — ответил Райбики. — Мы поменялись. Мы отдали им маленькую планетку, которую отобрали у джелтов примерно год назад. Все равно Гарсинхир не слишком годилась для них. Планета шестого класса. Химизм жизни там настолько близок к химизму обинян, что местные вирусы для них безусловно смертельны. У нас, людей, напротив, химизм с местной жизнью несовместим. Следовательно, и местные вирусы, бактерии и прочая мелочь нам не страшны. Планета джелтов, доставшаяся обинянам, не столь хороша, но для них подходит

больше. Вполне честная сделка. А теперь скажите, вам хватило времени, чтобы посмотреть личные дела колонистов?

— Хватило, — ответил я.

— И что вы можете сказать?

— Что отбор был совершенно дурацким, — ответила Джейн.

Райбики улыбнулся:

— Если вы когда-нибудь научитесь дипломатии, я… я просто не могу себе представить, что тогда случится.

Джейн наклонилась к своей ЭЗК и отыскала файл с информацией о процессе отбора.

— Колонисты с Элизиума отбирались при помощи лотереи, — объявила она.

— К которой допустили лишь тех, кто смог доказать, что физически способен перенести суровые условия колонизации, — добавил Райбики.

— Все колонисты с Киото принадлежат к религиозной секте, выступающей против развития технологии, — продолжала Джейн. — По идее, они должны отказаться даже взойти на колонистское судно.

— Они из ордена колониальных меннонитов, — пояснил Райбики. — Не экстремисты, не бунтари и не скандалисты. Они всего лишь стремятся к

простоте. Иметь таких в новой колонии будет как раз полезно.

— На Умбрии колонистов отбирали на игровом шоу, — невозмутимо продолжала Джейн.

— Все проигравшие получили игру на дом, в вечное пользование, — ввернул я.

Райбики сделал вид, что не услышал мою остроту.

— Да, — сказал он, обращаясь к Джейн, — была устроена открытая публичная игра, в которой претенденты должны были пройти несколько испытаний на сообразительность и выносливость. И то, и другое качество должны вам пригодиться на Роаноке. Саган, каждой колонии был предоставлен список физических и умственных критериев, которым должен соответствовать потенциальный колонист Роанока. Ну а сам процесс отбора мы предоставили на усмотрение колониям. Часть из них, как, например, Эри и Чжунго, организовали все достаточно стандартно. Некоторые поступили по-другому.

— И это вас нисколько не волнует? — осведомилась Джейн.

— Нет. И с какой бы стати, раз колонисты соответствуют тем требованиям, которые мы выработали сами, — ответил Райбики. — Они

представили своих кандидатов в колонисты, мы подвергли их дополнительной проверке по собственным стандартам.

— И они все ее прошли? — спросил я.

Райбики фыркнул:

— Ну, я бы так не сказал. Правительница Альбиона подбирала колонистов из числа своих личных врагов; Русь устроила нечто вроде аукциона, и в список попали те, кто мог больше заплатить. Кончилось тем, что в обеих этих колониях мы взяли процесс отбора в свои руки. Но конечный результат — я думаю, что вас интересует именно это, не так ли? — превосходный средний уровень колонистов.

Он взглянул на Джейн:

— Они несравнимо лучше, чем те колонисты, которых вы могли бы получить с Земли, вот что я вам скажу. К тем мы подходим с многократно меньшей строгостью. Там философия совсем иная — если ты способен взойти на колониальный корабль, считай себя колонистом. А для этой колонии мы исходили из куда более высоких стандартов. Так что можете немного расслабиться. Мы подобрали для вас хороших колонистов.

Джейн откинулась на спинку кресла; было видно, что она далеко не убеждена. Я не винил

ее: генерал и меня тоже убедил отнюдь не полностью. Пока шаттл висел возле ворот и его пилоты переговаривались с диспетчерами насчет постановки в док, мы, все трое, хранили молчание.

— Где ваша дочь? — спросил Райбики, когда шаттл замер у причала.

— Осталась в Новом Гоа, — сказала Джейн. — Чтобы проследить за упаковкой вещей.

— И устроить прощальную вечеринку с друзьями, но об этом мы предпочитаем не слишком задумываться, — добавил я.

— Молодежь, — вздохнул Райбики и поднялся. — Ну а теперь… Перри, Саган, помните, что я вам говорил насчет цирка для средств массовой информации?

— Да, — кивнул я.

— Вот и прекрасно. В таком случае приготовьтесь выйти на арену. Все клоуны будут в публике.

С этими словами он повел нас от шаттла к воротам, за которыми, судя по всему, со вчерашнего вечера дежурили в полном составе журналисты Союза колоний, чтобы застать нас врасплох.

— Помилуй бог, — сказал я, останавливаясь в туннеле.

— Поздно паниковать, Перри, — веско произнес

Райбики и, приостановившись, взял меня под руку. — Им уже все о вас известно. Пора набраться мужества и покончить с этим.

— Ну что, — осведомился Джанн Кранджич, подкатившись ко мне самое большее через пять минут после того, как мы приземлились на Роаноке. — Какое ощущение испытывает человек, первым поставивший ногу на землю нового мира?

— Мне уже не раз приходилось это делать, — ответил я, пробуя подошвой почву.

На него я не смотрел. За несколько минувших дней я успел возненавидеть его хорошо поставленный приторный голос и телегеничную внешность красавчика.

— Да, конечно! — ни на секунду не задумавшись, воскликнул Джанн. — Но ведь на сей раз поблизости нет никого, кто стремился бы отрубить эту ногу напрочь.

После этих слов я все же взглянул на него и увидел обычную раздражающую ухмылочку, которую обитатели Умбрии — его родной планеты — почему-то считали победоносной улыбкой. Краешком глаза я заметил также, что Беата Новик медленно обходит нас по кругу. Она предоставляла своей камере, закрепленной на голове,

снимать все, что попадало в поле зрения, чтобы потом выбрать лучшее для зрителей.

— Ничего, Джанн, день только начинается. Вполне хватит времени для того, чтобы обнаружились желающие и рубить, и стрелять, — сказал я.

Его улыбка сделалась немного натянутой.

— А теперь почему бы вам с Беатой не поприставать для разнообразия к кому-нибудь еще.

Кранджич вздохнул и решил изменить тактику.

— Послушайте, Перри, — доверительным тоном обратился он ко мне. — Вы же не можете не понимать, что, когда я начну собирать сюжет из тех реплик, которыми вы меня удостоили, выйдет страшно неприятный напыщенный тип. Попытайтесь вести себя хоть немного приветливее. Что вам стоит, а? Дайте мне хоть что-нибудь, с чем я смогу работать. Мы искренне хотим представить вас как героя войны, выступающего на новом поприще, но вы не даете нам никакой точки опоры. Видит бог, вы отлично понимаете, как делаются такие дела. Вы ведь сами на Земле занимались рекламным бизнесом.

Я отмахнулся от него, даже не стараясь скрыть раздражения. Кранджич взглянул на стоявшую

по правую руку от меня Джейн, но не рискнул обратиться к ней. В полете он улучил момент, когда меня не было рядом, и попытался пристать к ней с вопросами. Подозреваю, что к концу непродолжительного разговора она перепугала его до полусмерти. Я тогда не смог не задать себе праздный вопрос: сохранила ли его оператор запись этого неудавшегося интервью?

— Пойдем, Беата, — сказал он. — Все равно нам нужно сделать сюжет о Трухильо.

Они побрели прочь к судну, рассчитывая, что кто-нибудь из руководителей будущей колонии окажется более сговорчивым или более тщеславным.

Кранджич ужасно бесил меня. Вообще-то меня бесила вся эта поездка. Она была устроена якобы для того, чтобы мы с Джейн и избранная группа поселенцев осмотрели место, где будет находиться колония, и побольше узнали о планете. Получился же великосветский вояж с колонистами в качестве звезд сезона. Высадка всей компании сюда для того, чтобы журналисты могли сделать вожделенные снимки, и доставка обратно были не чем иным, как пустой тратой времени. И Кранджич был всего лишь ярким примером носителя того образа мыслей, который был

присущ всей толпе паразитов от информации.

— Могу сразу сказать, что, когда мы займемся колонией, я совсем не буду скучать без него, — сказал я, повернувшись к Джейн.

— Ты плохо изучил документы, — ответила Джейн. — И он, и Беата входят в умбрийскую группу колонистов. Так что он поедет с нами. Они с Беатой поженились специально ради этого, потому что умбрийцы не допустили к играм одиночек.

— Они решили, что супружеские пары лучше годятся для жизни в колонии? — предположил я.

— Вероятнее, соревнование пар сделало их игры более зрелищными, — отозвалась Джейн.

— Он участвовал в шоу?

— Он был его ведущим. Но правила есть правила. Этот брак целиком и полностью фиктивен. Кранджич был женат уже несколько раз, но никогда его супружество не длилось больше года, а Беата вообще лесбиянка.

— Ты меня ужасаешь, — сказал я. — Откуда тебе все это известно?

— Не забывай, что я была офицером разведки. Выяснить такие вещи для меня — раз плюнуть.

— Что еще, по твоему мнению, мне следует о нем знать?

— Он намерен задокументировать первый год жизни колонии Роанок. И уже заключил контракт на еженедельные передачи. И еще у него есть заказ на книгу.

— Замечательно, — подытожил я. — Ну что ж, теперь мне, по крайней мере, ясно, каким образом он пробрался на шаттл.

С первым кораблем на поверхность Роанока должны были высадиться десяток представителей колонистов и несколько сотрудников Департамента колонизации; на «Сене» чуть не случился бунт, когда репортеры выяснили, что на шаттле с колонистами не будет никого из них. Именно Кранджич спас положение, пообещав предоставить для общего пользования все, что снимет Беата. Остальные репортеры должны были высадиться позднее на других кораблях, снять свои запланированные сюжеты и смонтировать их с материалом Кранджича. Для него эта жертва не стоила ровным счетом ничего — ведь он все равно станет колонистом Роанока. Узнай о его хитрости кто-нибудь из коллег, вполне возможно, он всерьез задумается о том, чтобы выбросить его через гермошлюз в безвоздушное пространство.

— Не стоит волноваться на этот счет, — сказала Джейн. — И кроме всего прочего, он ведь прав. Ты

действительно впервые в жизни попал на новую планету, где никто не стремится тебя убить. Вот и радуйся этому. Пошли.

Она зашагала по обширному лугу, заросшему местной травой, посреди которого мы совершили посадку, к обрамлявшей его стене из чего-то, весьма похожего на деревья. Кстати, местную траву тоже нельзя было с полным правом назвать травой.

Но чем бы они на самом деле ни являлись — эти нетравы и недеревья, — они были пышными и почти невероятно зелеными. До чрезвычайности насыщенная кислородом атмосфера казалась влажной и почти ощутимо давила на плечи. В этом полушарии шел конец зимы, но благодаря географическому положению и местной розе ветров здесь было тепло. Я не на шутку тревожился по поводу того, каким окажется разгар лета: похоже, что тогда мне придется изрядно попотеть.

Я нагнал Джейн, когда она остановилась, чтобы рассмотреть «дерево». Вместо листьев на нем рос мех, который, казалось, шевелился. Наклонившись поближе, я увидел в мехе множество крошечных суетливых существ.

— Древесные блохи, — сказал я. — Милашки.

Джейн улыбнулась — такое случалось редко, и

каждая улыбка заслуживала внимания.

— По-моему, это интересно.

Она поглаживала ветку «дерева». Одна из блох перепрыгнула с меха ей на руку; Джейн с любопытством посмотрела на нее, а потом осторожно сдула обратно.

— Ты думаешь, что можешь быть счастлива здесь? — спросил я.

— Я думаю, что у меня здесь будет много дел. Генерал Райбики может говорить о высоком качестве отбора колонистов для этой планеты все, что ему заблагорассудится. А я изучила личные дела каждого из них. И вовсе не уверена, что среди колонистов окажется мало таких, кто может представлять опасность для других и для самих себя.

Она кивнула в сторону шаттла.

— Возьми хотя бы Кранджича. Его совершенно не интересует колонизация. Он хочет всего лишь написать о том, как это делают другие. И самым искренним образом уверен, что, оказавшись здесь, будет преспокойно тратить время на съемку своего шоу и написание книги. Пожалуй, ему понадобится наголодаться и отощать до полусмерти, прежде чем он поймет, что это не так.

— Возможно, он один такой, — предположил я.

— Ты оптимист, — отозвалась Джейн и добавила, вновь обведя взглядом меховое «дерево» и копошившихся на нем мурашек: — Это мне очень в тебе нравится. Но не думаю, что нам стоит оценивать будущую работу с оптимистической точки зрения.

— Разумно, — кивнул я. — Но ты должна признать, что была не права насчет меннонитов.

— Пока что кажется, что я не права насчет меннонитов, — ответила Джейн, делая ударение на каждом слове, и оглянулась на меня. — Но приходится с тобой согласиться. Из них могут получиться вполне серьезные колонисты.

— Просто тебе никогда прежде не приходилось иметь дело с меннонитами.

— Прежде, до того как мы попали на Гекльберри, я вообще не была знакома с религиозными людьми. А индуизм не произвел на меня особого впечатления. Хотя Шива у них довольно внушителен.

— Что есть, то есть, — согласился я. — Хотя верования у индуистов и меннонитов малость различаются.

— Ну вот, помяни черта… — проворчала Джейн, взглянув мне через плечо.

Я повернулся и увидел подходившего к нам

высокого бледного мужчину. Простая одежда и широкополая шляпа. Это был Хайрам Йодер, избранный колониальными меннонитами для участия в ознакомительной поездке.

Я улыбнулся ему. В отличие от Джейн, я неплохо знал меннонитов — в той части Огайо, где я жил, их обитало немало, наряду с амишами, моравскими братьями и представителями других направлений анабаптизма. Как и во всех человеческих сообществах, среди них попадались разные люди, но в общем они производили впечатление порядочных и честных. Если мне нужно было что-то сделать в доме, я старался найти подрядчика из меннонитов, потому что они всегда все делают с первого же раза, а если в чем-то ошибаются, то не спорят с вами, а спокойно исправляют недоделки. Такая философия заслуживает бережного отношения.

Йодер поднял руку в приветственном жесте.

— Я подумал, что стоит к вам присоединиться, — сказал он. — Смотрю, руководители колонии что-то рассматривают, вот и мне захотелось узнать, что вас заинтересовало.

— Это всего лишь дерево, — ответил я. — Или… в общем, не важно, все равно мы как-нибудь его назовем.

Йодер некоторое время разглядывал «дерево».

— По мне, дерево как дерево, — серьезно заявил он. — Только с мехом. Ну и что? Мы могли бы прямо так его и назвать: меховое дерево.

— Вы словно мысли мои читаете, — откликнулся я. — Так мы наверняка не перепутаем его ни с одним земным растением.

— Конечно, — согласился Йодер. — А то получилось бы совсем по-дурацки.

— Что вы думаете о вашем новом мире? — спросил я.

— Я думаю, что он может оказаться очень даже неплохим. Хотя многое будет зависеть от людей, которые тут будут жить.

— Согласен с вами, — кивнул я. — Но отсюда возникает вопрос, который я просто обязан задать вам. Мне доводилось общаться с меннонитами еще на Земле, в Огайо. Так вот, некоторые из них стремились уйти от людей — удалиться от мира. Я должен знать, не намерена ли ваша группа повести себя так же.

Йодер улыбнулся:

— Не беспокойтесь, мистер Перри. Меннониты бывают разные — каждая церковь исповедует веру по-своему. Мы — колониальные меннониты. Мы хотим вести простую жизнь и носить простую

одежду. Мы не отказываемся от использования технологий, когда они действительно нужны, но избегаем их в тех случаях, когда без них можно обойтись. Мы хотим не укрываться от мира, а жить в нем, это так же естественно, как соль и свет. Мы надеемся стать хорошими соседями и для вас, и для других колонистов, мистер Перри.

— Очень рад это слышать. Похоже, что у нашей колонии многообещающее начало.

— Твое впечатление может еще не раз измениться, — вмешалась Джейн и снова кивнула в сторону шаттла.

В нашу сторону шли Кранджич с Беатой. Кранджич бодро шагал впереди, Беата тащилась следом. Было ясно, что беготня за колонистами в надежде вырвать у кого-нибудь два-три внятных слова вовсе не соответствует ее понятиям о приятном времяпрепровождении.

— Наконец-то я вас поймал, — обратился Кранджич к Йодеру. — Я уже узнал мнения всех остальных присутствующих колонистов… правда, кроме нее.

Он махнул рукой в сторону Джейн.

— И теперь мне не хватает лишь нескольких ваших слов, которые мы могли бы предоставить для распространения по всем планетам.

— Я ведь уже говорил вам, мистер Кранджич, что предпочел бы не фотографироваться и не давать интервью, — чрезвычайно вежливым тоном ответил Йодер.

— Это связано с вашими религиозными убеждениями, да?

— Не совсем. Я просто хотел бы, чтобы вы оставили меня в покое.

— Жители Киото будут разочарованы, если их земляк…

Кранджич запнулся на полуслове и уставился куда-то нам за спины.

— Черт бы меня побрал! Кто это?

Мы повернулись, стараясь не делать резких движений, и увидели два существа размером примерно с крупного оленя. Они безмятежно рассматривали нас из-за меховых деревьев.

— Джейн? — вопросительно произнес я.

— Понятия не имею, — негромко отозвалась Джейн. — У нас не так уж много сведений о местной фауне.

— Беата! — крикнул Кранджич. — Подойди-ка поближе, получатся клевые кадры!

— Черта лысого, — огрызнулась Беата. — Мне вовсе не хочется, чтобы меня сожрали. Так что снимай свои клевые кадры сам.

— Не бойся, подходи! — продолжал блажить Кранджич. — Если бы они хотели нас съесть, то уже давно напали бы. Смотри!

И он двинулся навстречу неведомым существам.

— Ну и как, позволим мы ему эту глупость? — спросил я Джейн.

Она пожала плечами:

— Формально колонии еще не существует.

— Ты очень кстати об этом вспомнила.

Кранджича отделяло от животных чуть более двух метров, когда одно из них решило, что с него достаточно, выразительно взревело и быстро шагнуло навстречу журналисту. Кранджич истошно завопил, молниеносно повернулся и, спотыкаясь на каждом шагу, устремился со всех ног к спасительному шаттлу.

Я повернулся к Беате:

— Признавайтесь: вы это сняли?

— Могли бы и не спрашивать. Сами знаете, что сняла, — ответила она скучным голосом.

Не в пример репортеру, неведомые существа удалялись неторопливо, решив, очевидно, что выполнили свою задачу на сегодня.

— Обалдеть! — воскликнула Савитри. — Не каждый день видишь, как главный поставщик

новостей во всех колониях наложил в штаны от страха.

— И впрямь смешно, — согласился я. — Хотя, если начистоту, я уверен, что мог бы прожить долго и счастливо до самой смерти, не видя этой сцены, и считал бы, что ничего не потерял.

— В таком случае вы получили бесплатную ложечку перца к вашей долгой и счастливой жизни, — сказала Савитри.

Мы сидели в моем кабинете. Назавтра мне предстояло окончательно покинуть Гекльберри. Савитри устроилась за столом в моем кресле, я притулился на одном из стульев для посетителей.

— Ну и как тебе обзор из этого кресла? — осведомился я.

— Обзор замечательный. Вот только сидеть в нем очень неудобно. Такое впечатление, что какой-то лентяй своей задницей промял и перекосил его до невозможности.

— Ты в любой момент можешь заказать новое кресло.

— О, конечно, администратор Кулкарни будет просто счастлив выложить столько денег на новую мебель для меня. Он всю жизнь считает меня главным смутьяном в селении.

— А ты и есть главный смутьян, — сказал я. — Это, между прочим, основная обязанность омбудсмена.

— Насколько мне известно, омбудсмен должен не устраивать неприятности, а улаживать их, — заметила Савитри.

— Что ж, мисс Буквоедка, пусть так и будет, — ответил я, — если уж вы решили придираться.

— Какое прекрасное имя! — Савитри принялась раскачиваться в кресле. — К тому же я всего лишь помощница смутьяна.

— Уже нет. Я рекомендовал тебя Кулкарни на должность деревенского омбудсмена, и он согласился.

Савитри перестала раскачиваться.

— Серьезно? Вы заставили его согласиться?

— Не сразу, — признался я, — но я постарался говорить убедительно. И доказал ему, что таким образом ты, по крайней мере, будешь обязана помогать людям, а не просто надоедать им.

— Рохит Кулкарни… — протянула Савитри. — Какой прекрасный человек…

— Должен признать, что у него действительно есть кое-какие недостатки, — согласился я, — но он в конце концов на самом деле согласился. Тебе стоит сказать «да», и это место твое. Вместе

с креслом.

— Что-что, а это кресло мне точно не нужно, — заявила Савитри.

— Как хочешь. Но в таком случае у тебя не останется ничего на память обо мне.

— И работа эта мне тоже не нужна.

— Что?

Я не мог поверить своим ушам.

— Я сказала, что эта работа мне не нужна. Как только я узнала, что вы уезжаете отсюда, я отправилась искать новую работу. И нашла ее.

— Какую же?

— Тоже помощником.

— Но ты могла бы стать омбудсменом.

— Ну да, хороша вершина карьеры — омбудсмен в Новом Гоа! — воскликнула Савитри и лишь потом заметила недовольство на моем лице: как-никак, это была моя работа на протяжении многих лет. — Только не обижайтесь. Вы взялись за эту работу после того, как повидали вселенную. А я всю жизнь провела в одной-единственной деревушке. Мне тридцать лет. Пора выбираться отсюда.

— Ты нашла работу в Миссури-Сити? — предположил я.

Так называлась столица нашего района.

— Нет.

— Я уж и не знаю, что подумать, — протянул я.

— Всем известно, что это ваше обычное состояние, — заявила Савитри и поспешно продолжила, чтобы не дать мне вставить слово: — Теперь я буду работать на другой планете. В новой колонии, она называется Роанок. Вы могли где-нибудь случайно услышать о ней.

— Н-да, теперь я на самом деле ничего не понимаю.

— У той колонии вроде бы будут двое руководителей, — доверительным тоном сообщила мне Савитри. — Я попросила одну из них взять меня на работу. И она согласилась.

— Так ты — помощница Джейн?

— Вообще-то я помощница руководства колонии, — сказала Савитри. — А поскольку руководство состоит из двух человек, значит, я и ваша помощница тоже. И потому, как и прежде, не буду заваривать вам чай!

— Но ведь колонистов отбирали всего в нескольких колониях. И Гекльберри среди них не было.

— Не было, — согласилась Савитри. — Но вы, как руководители колонии, имеете право составлять свой собственный персонал из кого вам в голову взбредет. Джейн меня знает, доверяет мне

и в курсе, что мы с вами хорошо работаем вместе. Так что это вполне разумно.

— Когда же она тебя зачислила в наш штат? — осведомился я.

— В тот же день, когда вы сообщили, что уезжаете. Она пришла сюда, когда вы отправились на ланч. Мы поговорили о том о сем, и она предложила мне работу.

— И никто из вас не удосужился сообщить мне об этом! — возмутился я.

— Она хотела, — созналась Савитри. — Но я попросила ее этого не делать.

— Почему же?

— Потому что если бы она вам сказала, то у нас не было бы этой замечательной, восхитительной беседы!

Савитри громко рассмеялась и несколько раз прокрутилась вместе с креслом.

— Брысь с моего места! — прикрикнул я.

Хикори и Дикори подошли ко мне, когда я, испытывая довольно ощутимую грусть, стоял в опустевшей гостиной моего дома, все имущество которого уже было упаковано и вывезено.

— Нам нужно поговорить с вами, майор Перри, — сказал Хикори.

— Да, конечно.

Я не на шутку удивился. За семь лет, которые Хикори и Дикори провели с нами, мы часто общались. Но они никогда не начинали беседу сами: всегда молча ждали, пока мы их заметим.

— Мы воспользуемся нашими имплантатами, — добавил Хикори.

— Ради бога, — кивнул я, недоумевая все сильнее.

Хикори и Дикори почти синхронными движениями ощупали воротники, обрамлявшие их длинные шеи, и нажали находившиеся справа кнопки.

Обиняне были искусственной расой. Консу, ушедшие от нас почти немыслимо далеко вперед, когда-то отыскали предков обинян и при помощи своих фантастических технологий наделили этих ничтожных существ разумом. Обиняне превратились в высокоинтеллектуальную расу, но не обрели индивидуальности. Та часть разума, которая обеспечивает самосознание и эмоциональные переживания, у них полностью отсутствовала. Отдельно взятый обинянин не имел никакого ощущения своего «я» или индивидуальности и определял себя только как часть группы. В то же время они понимали, что лишены чего-то такого, чем обладают все прочие разум-

ные расы. Случайно или преднамеренно консу лишили обинян индивидуального самосознания — это оставалось полностью закрытым и спорным вопросом. Я же, исходя из опыта ряда встреч с консу, подозревал, что ими двигало в первую очередь любопытство, и обиняне явились для них всего лишь объектом очередного эксперимента.

Обиняне жаждали обрести личностное самосознание, настолько жаждали, что рискнули вступить в войну с Союзом колоний, чтобы обрести его. На войну их сподвиг Чарльз Бутэн, ученый, которому первым удалось выделить, записать и сохранить вне мозга самосознание и эмоциональную сферу человеческой личности. Специальные силы прикончили Бутэна, прежде чем он успел передать обинянам личностное сознание. Но его работа была очень близка к завершению, так что Союзу колоний удалось достичь с обинянами соглашения об окончании работ. Таким образом, эта раса внезапно превратилась из противника в друга, а Союз колоний успешно справился с работой Бутэна и изобрел имплантируемые носители эмоций, базирующиеся на используемой в ССК технологии МозгоДруга. Было создано нечто вроде вспомогательной личности для обинян.

Люди — во всяком случае те немногие, кто вооб-

ще знал об этой истории, — вполне естественно считали Бутэна предателем, стремившимся погубить Союз колоний, что повлекло бы за собой скорую гибель миллиардов людей. Обиняне же, столь же естественно, относились к нему как к одному из великих героев своего народа, как к Прометею, давшему им не просто огонь, а нечто большее — личность. Если вам когда-нибудь потребуется доказательство относительности понятия героизма, можете не задумываясь использовать эту коллизию.

Мое собственное отношение к данному вопросу было несколько более сложным. Да, он был предателем своей расы и заслуживал смерти. Но помимо этого он являлся еще и биологическим отцом Зои. А моя приемная дочь — не только красавица и умница, но и на редкость замечательный человечек. Трудно сознаться даже самому себе, что ты рад гибели ее отца.

Неудивительно, что обиняне буквально обожествляли Зои: одним из первых условий соглашения с СК было не что иное, как требование постоянного права общения с нею. Это право им в конечном счете было дано, и два обинянина с тех пор постоянно жили бок о бок с Зои в нашей семье. Зоя назвала их Хикори и Дикори.

Они получили разрешение пользоваться своим имплантированным самосознанием для записи части того времени, которое проводили с Зои. Эта запись, опять же через имплантаты, поступала ко всем обинянам, так что получалось, будто рядом с Зои находятся все они. За прошедшие годы Хикори и Дикори овладели английским языком едва ли не лучше большинства представителей человечества, с которыми мне приходилось иметь дело. Разве что иногда путались в словах.

Пока Зои была еще слишком мала для того, чтобы в полной мере понять, что именно происходит, мы с Джейн допускали эту практику в очень ограниченных масштабах. Когда же дочь стала достаточно взрослой, она решила сохранить прежнее положение. Ей очень понравилась мысль о том, что она будет делить свою жизнь с целой расой, хотя, конечно, как и любой подросток, очень высоко ценила возможность побыть в одиночестве. Если она выказывала такое желание, Хикори и Дикори выключали свои имплантаты, очевидно, не видя смысла тратить попусту драгоценные эмоции на время, которое приходилось проводить вдали от Зои. А вот желание общаться со мной с использованием искусственной личности было чем-то совершен-

но новым.

Включение воротников, куда была вмонтирована электроника, и установление связи между приборами и нервными системами Хикори и Дикори разделялись небольшой паузой. То, что происходило за эти секунды, походило на пробуждение лунатиков, если наблюдать за ними со стороны. И еще это было немного жутковато. Но самая жуть началась потом: Хикори улыбнулся мне.

— Нам будет очень грустно расстаться с этим местом, — сказал он. — Пожалуйста, поймите, что мы провели здесь всю свою сознательную жизнь. То, что мы здесь испытали, глубоко врезалось в наши чувства — наши и каждого представителя народа обинян. Мы благодарны вам за то, что вы позволили нам разделить с вами эту жизнь.

— Нам это было приятно, — ответил я.

Было похоже, что обиняне просто-напросто решили провести с нами совершенно тривиальную сентиментальную беседу.

— Вы говорите так, будто собираетесь покинуть нас. Но я-то думал, что поедете с нами и дальше.

— Мы поедем с вами, — продолжил Хикори. — Дикори и я, мы оба хорошо осознаем всю тяжесть доставшегося нам бремени — общения с вашей

дочерью и передачи впечатления всем остальным обинянам. Это порой бывает немыслимо тяжело. Видите ли, мы не можем надолго оставлять наши имплантаты включенными. Слишком велико эмоциональное напряжение. Имплантаты далеко не совершенны, и нашим мозгам из-за этого приходится несладко. С нами происходит… это нечто вроде сильнейшего перевозбуждения.

— Я этого не знал, — несколько растерянно произнес я.

— Нам не хотелось обременять вас этой информацией. К тому же вам было совсем не нужно этого знать. Мы все организовали так, чтобы вы оставались в неведении. Но недавно и Дикори, и я обнаружили, что, когда мы включаем имплантаты, нас сразу же захлестывают эмоции — относящиеся к Зои, к вам и к лейтенанту Саган.

— Сейчас у всех нас напряженное время, — заметил я.

Обинянин снова ответил улыбкой, еще более ужасной, чем первая.

— Прошу меня извинить, — сказал он. — Я выразился неясно. Наши эмоции — это не просто неопределенное волнение из-за отъезда из этого места или с этой планеты и не возбуждение или

нервозность, связанные с путешествием в новый мир. Это совершенно определенное переживание. Это беспокойство.

Последнее слово он произнес с ударением.

— Я думаю, что у всех нас есть основания для беспокойства… — начал было я, но тут же умолк, увидев на лице Хикори новое выражение, какого никогда прежде не замечал: Хикори выглядел раздраженным или, возможно, расстроенным моей тупостью. — Прошу прощения, Хикори. Продолжайте, пожалуйста.

Он с минуту стоял неподвижно, как будто обдумывал что-то, а потом резко повернулся и принялся совещаться с Дикори. Я между тем думал, что никогда еще имена персонажей старинного стишка, которые маленький ребенок шаловливо дал этим существам несколько лет назад, не подходили им до такой степени.

— Прошу простить меня, майор, — в очередной раз извинился Хикори, вновь обернувшись ко мне. — Очень жаль, что я высказываюсь настолько невнятно. Нам очень трудно правильно передать суть нашего беспокойства. Вы можете быть не осведомлены о некоторых фактах, и, возможно, совсем не наше дело сообщать их вам. Позвольте мне задать вопрос: каково, по вашему

мнению, состояние этой области космоса? Той, в которой живем мы, народ обинян, вы, Союз колоний, и множество других рас.

— Вся эта область находится в состоянии войны, — не задумываясь ответил я. — У нас есть колонии, которым мы пытаемся обеспечить безопасность. У других рас тоже есть колонии, и они точно так же стремятся обеспечить их существование. Все мы сражаемся за планеты, соответствующие потребностям наших рас. И потому деремся друг с другом.

— Да-да, — сказал Хикори. — Все мы деремся друг с другом. И нет никаких союзов? Никаких соглашений?

— Судя по всему, есть, но очень немного. У нас есть соглашение с обинянами. Другие расы тоже вполне могут заключать соглашения и иметь союзников среди других народов. Но в целом так оно и есть. Все грызутся со всеми. А в чем дело?

Пугающая улыбка Хикори стянулась к ротовому отверстию и исчезла.

— Мы скажем вам все, что можем, — сказал он. — Мы можем сказать вам о тех вещах, которые уже обсуждались. Мы знаем, что ваш министр колонизации заявил, будто планета, которую вы называете Роаноком, передана вам обинянами.

Та планета, которую мы называем Гарсинхир. Мы знаем, что утверждается, будто мы взяли у вас другую планету взамен.

— Совершенно верно.

— Такого соглашения нет, — заявил Хикори. — Гарсинхир остается территорией обинян.

— Но ведь этого не может быть! Я и сам был на Роаноке. Ходил по тому самому месту, где будет колония. Мне кажется, что вы, скорее всего, ошибаетесь.

— Мы не ошибаемся, — твердо сказал Хикори.

— А я думаю, что ошибаетесь. Пожалуйста, поймите меня правильно, но ведь вы всего лишь спутники и телохранители подростка человеческой расы. Возможно, те, кто снабжает вас информацией, полагающейся для вашего уровня, имеют неполные или неточные сведения.

На лице Хикори мелькнуло еще одно новое для меня выражение; я подозреваю, что это было не что иное, как насмешка.

— Не сомневайтесь, майор, обиняне не пошлют охранять и заботиться о дочери Бутэна и ее близких простых телохранителей. И не сомневайтесь в том, что Гарсинхир принадлежал и принадлежит народу обинян.

Я задумался.

— Получается, что Союз колоний лжет, говоря о статусе Роанока.

— Возможно, вашего министра колонизации дезинформировали, — предположил Хикори. — Тут мы не можем ничего сказать. Но, какова бы ни была причина ошибки, она существует как факт.

— Может быть, обиняне решили позволить нам колонизировать свой мир? Насколько я понимаю, химическая организация ваших организмов делает вас восприимчивыми к местным инфекциям. Получить союзника выгоднее, чем оставить за собой непригодный к заселению мир.

— Возможно.

Мне показалось, что это слово Хикори произнес ничего не выражающим тоном, какой мог быть присущ опытному дипломату.

— Колонистское судно отправится от станции «Феникс» через две недели, — сказал я. — Еще одна неделя — и мы приземлимся на Роаноке. Даже если то, что вы говорите, верно, я не могу предпринять ровным счетом ничего.

— Я должен снова принести вам извинения, — сказал Хикори. — Я вовсе не имел в виду, что вы должны или могли бы что-нибудь сделать. Я лишь хотел, чтобы вы знали. И еще понимали

хотя бы часть сути нашего беспокойства.

— Хотите ли вы сообщить мне что-нибудь еще?

— Мы сказали вам все, что могли. Кроме одного. Мы — ваши слуги, майор. Ваши, лейтенанта Саган и, конечно, всегда и неизменно — Зои. Ее отец подарил нам самих себя. Он запросил за это высокую цену, которую мы с готовностью и желанием заплатим.

Я внутренне содрогнулся при этих словах, вспомнив, какую цену он запросил.

— Он умер до того, как мы смогли расплатиться с ним. Теперь этот долг принадлежит его дочери; он возрос, поскольку она разрешила нам сопутствовать ей в ее жизни. И за это мы тоже в долгу перед ней. И перед ее семьей.

— Благодарю вас, Хикори, — сказал я. — Мы чрезвычайно благодарны за то, что вы и Дикори так старательно и заботливо служили нам.

И снова лицо Хикори украсила устрашающая улыбка.

— Должен с сожалением заметить, что вы снова неправильно истолковали мои слова, майор. Да, конечно, я и Дикори находимся и навсегда останемся на службе у вас. Но, когда я говорю, что мы ваши слуги, я подразумеваю народ обинян.

— Народ обинян… — повторил я. — Вы хотите сказать: всех вас?

— Да, — подтвердил Хикори. — Всех нас. До последнего из нас, если потребуется.

— О… — протянул я. — Теперь уже я должен просить у вас прощения, Хикори. Я никак не соображу, что вам на это ответить.

— Скажите, что запомните это, — подсказал Хикори. — И вспомните, когда придет время.

— Обещаю.

— И еще мы просили бы вас сохранить этот разговор в секрете, — добавил Хикори. — Пока не придет время.

— Хорошо.

— Спасибо, майор.

Хикори оглянулся на Дикори и вновь обратился ко мне:

— Боюсь, что мы сделали себя чрезмерно эмоциональными. Теперь мы, с вашего позволения, выключим имплантаты.

— Пожалуйста.

Оба обинянина подняли руки к шеям, чтобы отключить свои искусственные личности. Я отчетливо видел, как оживление покидало их лица, сменившись выражением полного безразличия.

— Пришло время нам отдохнуть, — сказал Хи-

кори и вместе со своим напарником удалился, оставив меня одного в пустой комнате.

3

Вот один из способов колонизации: вы набираете двести-триста человек, позволяете им запастись любым имуществом, которое они сочтут нужным, высаживаете на облюбованной планете, говорите им «Пока» и возвращаетесь через год, чтобы узнать, что все умерли от голода, явившегося следствием элементарной небрежности и нехватки запасов, или же что их истребили колонисты другой расы, присмотревшие это место для себя. В лучшем случае вам удается собрать их кости.

Это, мягко выражаясь, не самый удачный путь. За отчаянно короткий период, отведенный нам для подготовки, мы с Джейн прочитали достаточно докладов о катастрофах, постигших основанные именно таким образом «дикие» колонии, чтобы накрепко утвердиться в этом мнении.

С другой стороны, не вполне разумно доставлять во вновь колонизируемый мир сто тысяч человек, снабдив их всеми благами цивилизации. Союз колоний располагает возможностями

поступить так, если потребуется. Но этого не требуется. Независимо от того, насколько близки тамошние условия — гравитационное поле, величина планеты, географическое расположение континентов, состав атмосферы и химическое строение живых организмов — к условиям Земли или любых других планет, колонизированных на сегодня людьми, это не Земля. И у нас нет никакой возможности заранее узнать, какие неприятные сюрпризы приготовила нам неизвестная планета. Даже Земля обладает весьма впечатляющей способностью порождать новые болезни, гарантированно убивающие беспечных людей, а ведь мы там аборигенный вид. Для всех иных миров, куда мы высаживаемся, мы — инородные тела. А что делает любая живая система, когда в нее попадает инородный организм, хорошо известно: пытается как можно быстрее убить его.

Вот интересная закономерность, которую я заметил, изучая документы о неудачных попытках колонизации: если не брать в расчет «дикие» колонии, главной причиной вымирания являются не территориальные споры с другими расами, а местные насекомые, убивающие поселенцев. От войск других разумных рас мы можем отбиться. Борьба против целостной экосистемы, которая

изо всех сил старается разделаться с вами, дело куда более сложное.

Высадить сто тысяч колонистов на планету только для того, чтобы наблюдать издалека, как все они скоропостижно умирают от некоей местной инфекции, с которой вы не в состоянии вовремя справиться, — это всего лишь бесполезная трата прекрасных запасов живой силы.

Но ни в коем случае нельзя недооценивать и территориальные споры. График показывает экспоненциальный всплеск вероятности того, что человеческая колония подвергнется нападению в первые два-три года своего существования. Колония строится, она занята своими делами и потому наиболее уязвима для нападения со стороны. Гарнизон ССК в новой колонии, пусть и довольно сильный, представляет собой лишь незначительную часть от тех сил, которые появятся там после того, как над планетой через десяток-другой лет будет построена космическая станция. Сам факт колонизации планеты делает ее более привлекательной для любого конкурента, потому что первые колонисты проделали всю самую тяжелую работу. Теперь вам остается совсем немного — очистить планету от них и забрать себе.

Несмотря на то что Союз колоний старатель-

но «окучивает» страны третьего мира на Земле в поисках будущих колонистов, если вы будете терять по сотне тысяч человек при каждой неудачной попытке основать новую колонию, рано или поздно вам станет не хватать людей для заселения миров.

К счастью, между этими двумя сценариями имеется некое подобие золотой середины. Она заключается в том, что вы берете порядка двух с половиной тысяч колонистов, высаживаете их на новую планету в начале весны, обеспечиваете надежной и выносливой техникой для удовлетворения неотложных нужд и ставите перед ними две задачи. Во-первых, обосноваться самим в новом мире и, во-вторых, за два-три года создать там базу для приема еще десятка тысяч новых поселенцев. Колонисты второй волны должны будут за пять-семь лет подготовить почву для полусотни тысяч новеньких, и так далее.

Обычно бывает пять волн начальной колонизации. За это время численность населения колонии в идеале достигает примерно миллиона человек, расселенных по многочисленным деревенькам и паре-другой сравнительно крупных городов. После успешного выполнения плана пятой волны и формирования инфраструктуры

колонии освоение планеты переходит в непрерывный процесс. Когда население возрастает миллионов этак до десяти, иммиграция прекращается, колония получает ограниченное самоуправление в составе федеральной системы Союза колоний, и человечество обретает очередной оплот против угрозы своего исчезновения как вида под натиском бездушной вселенной. Но все это может осуществиться лишь в том случае, если те первые две с половиной тысячи человек выживут в условиях враждебной экосистемы, военных агрессий других рас, извечно присущих человечеству организационных промахов и самого простого, вездесущего окаянного невезения.

Две с половиной тысячи колонистов — достаточно много для того, чтобы начать процесс преобразования мира для нужд человека. И в то же время достаточно мало. Так что в случае их гибели СК может утереть слезы и быстренько двинуться дальше. И, кстати, проливание слез совершенно не обязательно. Довольно пикантное положение — быть одновременно и критиком, и расходным материалом, который человечество использует для заселения звезд. Если уж говорить начистоту, пожалуй, для нас с Джейн было бы умнее остаться на Гекльберри.

— Ладно, сдаюсь. — Я показал пальцем на громадный контейнер, который затаскивали в грузовой отсек «Фердинанда Магеллана». — Признавайтесь, что там такое?

Альдо Ферро, грузовой помощник капитана, проверил декларацию на экране своей ЭЗК.

— В том, на который вы показываете, центрифуги для завода по переработке сточных вод вашей колонии. А вот это, — он указал на длинный ряд контейнеров, ждущих своей очереди, — канализационные трубы, перегниватели и конвейеры для отходов.

— Мне и самому не хотелось бы копать на Роаноке выгребные ямы. Я предпочитаю теплый клозет.

— Дело тут вовсе не в комфорте, — серьезно пояснил Ферро. — Вы отправляетесь на планету шестого класса, экологическая система которой полностью несовместима с нами. Вам потребуется все удобрение, какое вы будете в состоянии получить. Эта система переработки отходов будет потреблять все биологические продукты вашей жизнедеятельности — от мочи до трупов — и вырабатывать из них стерильный компост для ваших полей. Это, пожалуй, самая важная вещь из всего, что вписано в декларацию для этого

трюма. Вы уж постарайтесь не сломать ее.

Я улыбнулся:

— Похоже, вы хорошо разбираетесь в канализации.

— Что есть, то есть. Но если серьезно, то я хорошо разбираюсь в комплектации груза для новых колоний. Я занимаюсь этим уже двадцать пять лет, и все это время мы почти без перерывов отправляли снаряжение для новых колоний. Покажите мне декларацию, и я расскажу вам, что из себя представляет планета, на которой устраивают колонию, какой там климат, какова сила притяжения и проживет ли колония дольше первого года. Может быть, вам будет интересно узнать, как я понял, что ваша колония будет устроена в несовместимой экосистеме? Конечно, не по очистному заводу. Он входит в стандартный комплект для любой колонии.

— Интересно. Еще как! — кивнул я.

Ферро набрал что-то на своей электронной записной книжке и протянул ее мне. Я увидел на экране список контейнеров.

— Начнем сначала, — сказал Ферро. — С продовольствия. Каждый колониальный корабль отправляется в рейс с трехмесячным запасом концентратов и основных пищевых продуктов

для каждого члена колонии и дополнительным месячным запасом сухих пайков, которые обеспечат колонии возможность начать охоту на местную дичь и таким образом добывать для себя пропитание. Но вы берете с собой продуктов на шесть месяцев и сухих пайков еще на два. Судя по этому грузу, экосистема там будет непригодна для человеческого организма — вы не сможете сразу же употреблять в пищу местную живность и растительность. Пожалуй, этих запасов даже больше, чем обычно берут на такие планеты: как правило, грузят четырехмесячный основной запас и дополнительный на шесть недель.

— Но почему же нам дали продовольствия больше обычного? — осведомился я.

Вообще-то я знал ответ на этот вопрос — как-никак я вроде бы начальник, — но мне хотелось посмотреть, действительно ли грузовой помощник такой мастак в своем деле, каким он себя считал.

Ферро улыбнулся:

— Разгадка лежит у вас прямо перед носом, мистер Перри. Вы везете также двойной запас почвоулучшителей и удобрений. Отсюда я делаю вывод, что почва там не ахти какая — в том смысле, что плохо подходит для возделывания

привычных для человека культур. И дополнительное продовольствие даст вам добавочное время на тот случай, если какой-нибудь идиот плохо подготовит поля.

— Все правильно, — подтвердил я.

— И не могло быть иначе, — кивнул Ферро. — И напоследок: в составе ваших медикаментов больше, чем обычно, препаратов для лечения отравлений, что тоже типично для несовместимых экологий. И еще у вас чертова прорва ветеринарных нейтрализаторов ядов. Что может рассказать об очень многом…

Ферро забрал у меня ЭЗК и вывел на экран следующий список.

— Двойной запас корма для скота.

— Вы блестяще разбираетесь в документации, Ферро, — похвалил я. — А насчет колонизации никогда не задумывались?

— Избави бог, — отмахнулся он. — Я слишком хорошо знаю о том, что случается со многими из этих новых колоний, чтобы меня туда не тянуло. С меня хватит и того, что я загружу ваше барахло здесь, выгружу его там, а потом пожелаю вам счастливо оставаться и вернусь домой на Феникс, к жене и кошке. Только не сочтите за обиду, мистер Перри.

— Не беспокойтесь. — Я вновь указал на экран. — Если не ошибаюсь, вы начали с того, что сказали, будто можете по этим спискам определить, выживет колония или нет. Что вы думаете о нас?

— Вы подготовились ко всему. У вас все пройдет прекрасно. Но среди вашего имущества есть чертовски странные вещи. Есть даже такое, чего мне никогда прежде не попадалось. У вас целые контейнеры, набитые музейными экспонатами.

Ферро вновь развернул экран ко мне.

— Вот, смотрите, полный комплект оборудования для кузницы. По образцу тысяча восемьсот пятидесятого года. Я и не предполагал, что такое можно увидеть где-нибудь, кроме передвижной развлекательной ярмарки.

Я пробежал глазами список.

— Среди наших колонистов есть меннониты. Они предпочитают не использовать современную технологию, если могут обойтись без нее. Они называют это соблазном.

— И сколько у вас таких? — осведомился Ферро.

— Человек двести — двести пятьдесят, — ответил я, возвращая ЭЗК.

— Ого! Ну что ж, если так, то, можно сказать,

что вы готовы ко всему, вплоть до путешествия во времени в эпоху Дикого Запада. Если из колонии не выйдет толку, вы не сможете оправдаться нехваткой инвентаря.

— Значит, вина может быть только моей, — вздохнул я.

— Может, и так, — отозвался Ферро.

— Я думаю, можно смело сказать, что все мы сходимся в одном: никто из нас не хочет увидеть неудачи этой колонии, — сказал Манфред Трухильо. — Я не считаю такой исход вероятным. Но тем не менее меня тревожат некоторые из принятых решений. Боюсь, что они затрудняют наше положение.

Сидевшие вокруг стола задумались, кое-кто закивал. Я заметил, что находящаяся справа от меня Савитри отмечает в блокноте, кто именно кивал. Джейн на противоположном конце была совершенно неподвижна, но я знал, что она тоже считает головы. Как-никак она была разведчицей. И выработанные тогда умения останутся при ней навсегда.

Подходило к концу первое собрание совета Роанока, состоявшего из меня и Джейн как руководителей колонии и десяти представителей колонистов — по одному от каждого мира, — ко-

торым предстояло исполнять обязанности наших заместителей. По крайней мере, так предполагалось теоретически. Ну а в действительности присутствующие уже начали борьбу за первенство и собирались всеми правдами и неправдами добиваться власти.

Первым кинулся в бой Манфред Трухильо. Именно он, занимая пост представителя Эри в СК, несколько лет назад инициировал движение за право позволить колониям самим осваивать планеты. Его постигло сильное разочарование, когда Департамент колонизации принял эту идею, но не поставил его во главе предприятия. Еще более тяжким ударом оказалось то, что руководителями колонии сделали нас, людей, о которых он ничего не знал и которые, похоже, не испытывали особого восхищения его персоной. Но у него хватило ума скрыть свое недовольство под маской высоких материй. На всем протяжении собрания он с большой настойчивостью и отеческим видом пытался со всех сторон подкапываться под нас с Джейн.

— Взять, к примеру, этот совет, — продолжал Трухильо, обведя взглядом всех сидевших за столом. — Каждый из нас облечен доверием своих товарищей-колонистов как представитель их

интересов. Не сомневаюсь, что все мы будем достойно выполнять эти обязанности. Но ведь этот совет — совещательный орган при руководителях колонии, совещательный, и не более. И я задаюсь вопросом, позволяет ли нам такой статус наилучшим образом представлять думы и чаяния колонии?

«Мы еще и от причала не отошли, а он уже затевает мятеж», — подумал я.

В те годы, когда у меня был МозгоДруг, я мог бы передать эту мысль Джейн; впрочем, она перехватила мой взгляд и достаточно хорошо поняла, о чем я думал.

— Управление новыми колониями осуществляется согласно инструкциям Департамента колонизации, — вмешалась Джейн. — А в этих инструкциях специально оговорено, что руководители колонии обладают единоличной административной и исполнительной властью. В первое время после прибытия дела могут пойти достаточно сумбурно, так что созывать собрание и дожидаться кворума всякий раз, когда понадобится принять решение, будет не самым лучшим из возможных вариантов.

— Я не собираюсь ставить под сомнение ваши профессиональные качества, — заявил Трухи-

лью. — Дело лишь в том, что наше участие не должно ограничиваться чисто символическим обсуждением. Многие из нас связаны с этой колонией еще с тех времен, когда она лишь намечалась в виде эскизного проекта. У нас есть богатейший опыт.

— Особенно если учесть, что мы подключились к делу лишь пару месяцев назад, — подлил я масла в огонь.

— Вы действительно недавнее, но очень полезное дополнение к нашему общему делу, — без секундной запинки ответил Трухильо. — И мне очень хотелось бы надеяться, что вы увидите те преимущества, какие даст вам наше участие в процессе принятия решений.

— Мне кажется, что инструкция по осуществлению колонизации была составлена не без веских оснований, — сказал я. — ДК вел надзор за колонизацией множества миров и вполне мог поднабраться опыта.

— Те колонисты, о которых вы говорите, принадлежали к самым обездоленным земным нациям, — продолжал атаку Трухильо. — Они лишены многих из тех достоинств, которыми обладаем мы.

Я ощутил, как напряглась Савитри: чванство

старинных колоний, основанных западными странами еще до того, как СК взял процесс колонизации в свои руки, всегда возмущало ее.

— О каких особых достоинствах вы говорите? — осведомилась Джейн. — Мы с Джоном прожили семь последних лет среди этих колонистов и их потомков. Савитри, присутствующая здесь, — одна из них. Я не вижу у собравшихся за этим столом никаких особых достоинств по сравнению с ними.

— Вероятно, я неудачно выразился… — вкрадчиво произнес Трухильо, начиная, как я решил, еще одну замаскированную атаку.

— Вероятно, да, — ответил я, не давая ему развить мысль. — Однако боюсь, что этот вопрос представляет чисто академический интерес. Инструкции ДК дают нам крайне мало вариантов выбора форм управления первыми волнами колонизации и при этом не делают ровно никаких скидок на прежнюю национальную принадлежность колонистов. Мы обязаны относиться одинаково ко всем, вне зависимости от того, откуда они прибыли. Мне кажется, что это мудрая политика, ведь правда?

Трухильо умолк, выискивая возможность для обходного маневра; было заметно, что направле-

ние, которое приобрела затеянная им дискуссия, вызвало у него немалое раздражение.

— Да, конечно.

— Мне очень приятно это слышать. Так что первое время мы будем следовать инструкциям. А теперь, — продолжил я, прежде чем Трухильо успел сообразить, какую еще шпильку можно было бы вонзить, — кто хочет еще что-нибудь сказать?

— Некоторые из моих земляков недовольны отведенными им местами, — сообщил Пауло Гутьеррес, представитель Хартума.

— А что именно их не устраивает?

— Они недовольны тем, что их поселили далеко от других колонистов из Хартума, — пояснил он.

— Корабль имеет в длину всего лишь несколько сотен метров, — напомнил я. — А информацию о расселении пассажиров в любой момент можно получить через ЭЗК. У них не должно быть никаких сложностей с поисками друг друга.

— Лично я это понимаю, — ответил Гутьеррес. — Перелеты будет легче переносить, если у нас будет возможность объединиться в наши привычные группы.

— Именно поэтому мы так не поступаем, — пояснил я. — Вы же знаете, что, как только мы

опустимся на Роанок, среди нас не будет ни хартумцев, ни эрийцев, ни киотцев.

Я посмотрел на Хайрама Йодера, и тот кивнул в ответ.

— Мы все станем роанокцами. И пора, не откладывая, начать становиться ими. Нас всего две тысячи пятьсот человек. Маловато для того, чтобы разбиться на десять отдельных племен.

— Очень верная мысль, — отозвалась Мария Черная с Руси. — Но я не думаю, что наши поселенцы смогут быстро забыть, откуда прибыли.

— Об этом я даже не думаю, — ответил я. — Да я и вовсе не хочу, чтобы они забыли, где их прародина. Но надеюсь, что они будут думать не о прошлом, а о настоящем. Вернее, о ближайшем будущем.

— Колонисты здесь олицетворяют свои миры, — вставил Трухильо.

— Имеет смысл поступить именно так, — с намеренной неопределенностью сказала Джейн. — По крайней мере, на данный момент. А оказавшись на Роаноке, мы сможем вернуться к этому вопросу.

Все собравшиеся несколько секунд думали над смыслом сказанного.

Затем руку подняла Марта Пиро с колонии

Чжунго.

— Прошел слух, что вместе с нами на Роанок летят два обинянина, — сказала она.

— Это не слух, — ответил я, — а чистая правда. Хикори и Дикори, можно сказать, члены нашей семьи.

— Хикори и Дикори? — переспросил Ли Чен с Франклина.

— Так назвала их наша дочь Зои, когда была маленькой, — объяснил я.

— Если позволите, я хотела бы спросить, как это может быть: два обинянина — и вдруг члены вашей семьи? — продолжала допытываться Пиро.

— Наша дочь держит их вместо домашних животных, — рубанула Джейн.

Ее слова вызвали несколько напряженный смех. А я решил, что дело не так уж плохо. После часа непрестанных, не слишком тонко замаскированных нападок со стороны Трухильо, слава людей, способных держать при себе в роли слуг или просто для развлечения грозных иноплеменных существ, могла пойти нам только на пользу.

— Вы обязательно, обязательно должны выкинуть этого сукина сына Трухильо в открытый космос! — воскликнула Савитри после того, как комната опустела.

— Успокойся, — попросил я. — Просто некоторые люди не могут ни есть, ни спать, если не руководят чем-нибудь или кем-нибудь.

— Гутьеррес, Черная и Трухильо сколачивают свою собственную политическую партию, — сказала Джейн. — И, конечно, Трухильо уже примчался к Кранджичу и сейчас излагает ему подробности собрания. Они успели прекрасно спеться друг с другом.

— Но нам это не грозит никакими проблемами, — заметил я.

— Не грозит, — согласилась Джейн. — Похоже, что никто из остальных депутатов не питает большой симпатии к Трухильо, а рядовые колонисты все еще грузятся на борт. У него не было времени, чтобы познакомиться с кем-либо, кто не с Эри. Но даже будь у него время, все равно он не имел бы шансов добиться у ДК нашей замены. Секретарь Белл ненавидит Трухильо еще с тех пор, как они оба представляли свои планеты. Воспользоваться его идеей и поставить нас во главе колонии — такое она могла устроить лишь для того, чтобы лишний раз щелкнуть его по носу.

— Генерал Райбики предупреждал нас, что эта история серьезно связана с политикой, — напомнил я.

— Генерал Райбики имеет обыкновение недоговаривать многое из того, что нам следовало бы знать, — бросила Джейн.

— Возможно, так оно и есть, — кивнул я. — Но здесь он сказал правду. И, как бы то ни было, давай не будем слишком сильно волноваться из-за этого. У нас полно дел, а после того, как «Магеллан» отчалит от станции «Феникс», их станет еще больше. Так вот, что касается дел: я обещал Зои сегодня свозить ее на Феникс. Кто-нибудь хочет отправиться со мной? Пока что в составе экспедиции я, Зои и двойняшки-обиняне.

— Я, пожалуй, пропущу, — сказала Савитри. — Мне надо привыкнуть к Хикори и Дикори.

— Но ведь ты знакома с ними уже семь лет, — удивился я.

— Да, — согласилась Савитри. — Семь лет — по пять минут общения зараз. Мне необходимо поработать над техникой продолжительных свиданий.

— Замечательно.

Я повернулся к Джейн:

— А какие планы у тебя?

— У меня назначена встреча с генералом Сциллардом. Он хочет получше разобраться в ситуации.

Сциллард являлся ни больше ни меньше командующим Специальными силами.

— Ладно, значит, ты тоже отпадаешь, — подытожил я.

— А что вы собираетесь там делать? — спросила Джейн.

— Мы отправляемся навестить родителей Зои, — ответил я. — Тех, других.

Я стоял перед могильной плитой, на которой были высечены имена отца Зои, ее матери и самой Зои. Дата смерти Зои, определенная на основе ошибочного предположения, что она погибла во время нападения на колонию, была, как мы прекрасно знали, неверна, как, впрочем, и дата смерти ее отца (хотя эта ошибка была не столь очевидной). Конец жизненного пути ее матери был обозначен точно. Зои присела на корточки, чтобы вплотную приблизиться к этим именам. Хикори и Дикори включили свои электронные личности, чтобы испытать десятисекундный экстаз от сознания того, что они находятся возле итоговой вехи жизненного пути Бутэна. Сейчас, отключив имитаторы, они с безразличным видом стояли поодаль.

— Я помню, как была здесь в прошлый раз, — сказала Зои.

Букетик цветов, который она принесла, лежал на могильном камне.

— Это было в тот самый день, когда Джейн спросила меня, хочу ли я жить вместе с вами — с нею и с тобой.

— Да, — отозвался я. — Ты узнала, что будешь жить со мной, даже раньше, чем я сам узнал, что буду жить с тобой и с Джейн.

— Но я-то думала, что у тебя и Джейн любовь. Что вы давно уже решили жить вместе.

— Насчет любви ты не ошибалась, — подтвердил я. — И жить вместе мы решили уже давно. Но все это было очень непросто.

— Все в нашей маленькой семье непросто, — вздохнула Зои. — Тебе восемьдесят восемь лет. Джейн на год старше меня. А я — дочь предателя.

— Ко всему прочему, ты единственная девочка во вселенной, имеющая личный эскорт из обинян, — добавил я.

— Кстати, о сложностях, — сказала Зои. — Днем я нормальный ребенок. А по ночам превращаюсь в объект поклонения целой иноплеменной расы.

— Бывает положение и похуже.

— Наверное, — кивнула Зои. — А вы считали, что, раз мне поклоняется разумная раса, я буду все время отлынивать от домашних дел? Не на-

дейтесь, я это хорошо замечала.

— Мы не хотели, чтобы это вскружило тебе голову, — коротко объяснил я.

— Спасибочки, — бросила она и указала на надгробный камень. — Даже с этим куда сложнее, чем у нормальных людей. Я жива, а вместо моего отца здесь захоронен его клон. Единственный настоящий человек из всех троих, кто тут якобы лежит, — моя мать. Моя родная мать. Все это очень, очень непросто.

— Мне очень жаль…

Зои пожала плечами:

— Я к этому давно привыкла. И в основном это не так уж плохо. К тому же расширяет кругозор, скажешь — нет? Когда я в школе слушала, как Анджали или Чадна жаловались на сложности своей жизни, я думала: девочки, да вы и понятия не имеете, что такое настоящая сложность.

— Рад, что ты научилась так хорошо справляться с этим.

— Я стараюсь. И должна признаться, что тот день, когда вы с Джейн сказали мне правду о папе, был не самым лучшим в моей жизни.

— Нам он тоже не доставил радости. Но мы решили, что ты имеешь полное право знать правду.

— Я знаю. — Зои встала. — Но ведь ты должен понимать, что это значит: проснуться утром, считая своего родного отца простым ученым, а ложась спать — знать о том, что это вовсе не так и что он мог бы истребить всю человеческую расу. От такого у кого угодно голова пойдет кругом.

— К тебе твой отец относился хорошо. Кем бы он ни был и что бы еще он ни делал, тебя он воспитывал правильно.

Зои шагнула ко мне и обняла.

— Спасибо, что привез меня сюда. Ты хороший парень, девяностолетний папаша.

— А ты — отличный ребенок, взрослеющая дочь, — ответил я. — Ну что, пойдем?

— Еще секундочку.

Она вернулась к могильному камню, быстро опустилась на колени и поцеловала плиту. Затем встала и вдруг сделалась похожей на самое себя — на подростка, охваченного бурей чувств.

— Я поступила так, когда была здесь в прошлый раз. Мне хотелось посмотреть, испытаю ли я сейчас то же самое, что и тогда.

— Ну и?

— Да, — отозвалась необычно притихшая Зои. — Ладно, пойдем.

Мы направились к воротам кладбища; я достал

из кармана ЭЗК и вызвал такси.

— Как тебе нравится на «Магеллане»? — спросил я Зои.

— Очень интересно. Я ведь давно не бывала на космическом корабле и совсем забыла, как там и что. А какой он большой!

— Но ведь нужно где-то разместить две с половиной тысячи колонистов и все, что они везут с собой.

— Я понимаю, — махнула рукой Зои. — Просто говорю, что он большой. Хотя теперь он уже начинает заполняться. Туда прибывают колонисты. Я уже познакомилась с несколькими. В смысле — моих лет.

— Кто-нибудь тебе понравился? — поинтересовался я.

— Парочка нашлась, — ответила Зои. — А одна девочка, похоже, очень хочет со мной подружиться. Гретхен Трухильо.

— Ты сказала — Трухильо?

Зои кивнула:

— Да. А в чем дело? Ты ее знаешь?

— Возможно, я знаком с ее отцом.

— Мир тесен, — философски заметила Зои.

— И скоро станет еще намного теснее, — добавил я.

— Хорошо подмечено. — Зои огляделась вокруг. — Интересно, я когда-нибудь попаду сюда хоть еще разок?

— Ты отправляешься всего лишь в новую колонию, — ответил я, — а не на тот свет.

Зои улыбнулась:

— Похоже, ты не обратил внимания на мою могилку, папочка. Я ведь уже была на том свете. Вернуться оттуда совсем не трудно. Это с жизнью трудно справиться.

— Джейн легла спать, — сообщила мне Савитри, когда мы с Зои вернулись в нашу каюту. Вернее, это были апартаменты люкс из нескольких комнат для особо важных пассажиров. — Она сказала, что неважно себя чувствует.

Я удивленно вскинул брови: Джейн была самым здоровым человеком из всех, кого я когда-либо знал, и оставалась такой даже после пересадки в стандартное человеческое тело.

— Да, понимаю, — ответила Савитри на мой невысказанный вопрос. — Мне тоже это показалось странным. Она сказала, что с ней все в порядке, но просила не тревожить ее хотя бы несколько часов.

— Спасибо, что предупредила. Все равно мы с Зои собирались пойти на обзорную палубу. Не

хочешь присоединиться к нам?

— Джейн попросила меня кое-чем заняться, пока она спит, — сказала Савитри. — Так что погуляю в другой раз.

— На меня ты никогда не вкалывала так старательно, как на Джейн, — недовольно заметил я.

— Тут все дело во вдохновляющем примере деятельного руководителя.

— Вот и прекрасно, — сказал я.

Савитри отмахнулась от последней реплики.

— Когда Джейн проснется, я свяжусь с вами через ЭЗК. А теперь идите. Вы мне мешаете.

Обзорная палуба «Магеллана» была оформлена в виде маленького парка, и уже сейчас там находилось много колонистов, опробующих те развлечения, которые «Магеллан» намеревался предложить им, чтобы скрасить недельный перелет к точке скачка до Роанока. По пути Зои заметила трех девочек-подростков и помахала им. Одна помахала в ответ и сделала приглашающий жест. Я подумал, не могла ли это быть Гретхен Трухильо. Зои коротким взглядом попрощалась со мной и помчалась к новым подружкам. Я же в одиночестве бродил по палубе, разглядывая моих товарищей-колонистов. Вскоре большинство из них будут с первого взгляда узнавать во мне руко-

водителя колонии. Ну а пока что я благополучно наслаждался анонимностью.

На первый взгляд могло показаться, что колонисты разгуливают совершенно свободно, но уже через пару минут я заметил, что они собираются в почти не соприкасающиеся группки. Общим для всех колоний был английский язык, но у каждого мира имелось по одному, а то и по нескольку основных языков, бывших родными для их предков. Вот и сейчас я слышал обрывки речей на испанском, китайском, португальском, русском, немецком.

— Вы тоже их слышите, — сказал кто-то у меня за спиной.

Я повернулся и увидел Трухильо.

— Все говорят на разных языках, — пояснил он и улыбнулся. — Полагаю, что вы скажете, что это рудименты наших старых миров. Но лично я сомневаюсь, что, когда мы окажемся на Роаноке, люди перестанут говорить на этих старых языках.

— Следует ли понимать ваши слова как тонкий намек на то, что колонисты не станут спешить отказываться от своей национальной принадлежности, чтобы сплотиться во вновь образовавшийся роанокский народ?

— Это всего лишь наблюдение. И я уверен, что в свое время все мы станем… роанокцами.

Трухильо произнес последнее слово так, будто оно представляло собой что-то острое и шершавое и ему лишь с большим трудом удалось вытолкнуть его из горла.

— Только на это потребуется некоторое время. Возможно, больше времени, чем вы рассчитываете. В конце концов, мы сейчас делаем нечто новое. Не просто создаем новую колонию на основе одного из старинных миров, а смешиваем десять различных культур. Если говорить начистоту, я думаю, что Департамент колонизации должен был принять мое первоначальное предложение и позволить каждой из колоний независимо от других осваивать новый мир.

— Так ведь для этого и существует бюрократия, — заметил я. — Чтобы портить идеальные планы.

— Да, пожалуй… — протянул Трухильо и слабо махнул рукой на разноязычных поселенцев и, вероятно, на меня. — Ни для кого не секрет, что дело тут прежде всего в моей вражде с министром Белл. Она с самого начала была против Роанока, но давление со стороны колоний было слишком сильным, и ей не удалось совсем погубить эту

инициативу. Но никто не мог помешать ей организовать все чрезвычайно непрактично. В том числе и поручить руководство колонии двоим, пусть даже способным, но совершенно неопытным людям, которые даже не представляют себе, где заложены самые опасные мины. А если колонизация не удастся, из них можно будет сделать прекрасных козлов отпущения.

— Вы считаете нас простофилями? — решил уточнить я.

— Я хочу сказать, что и вы, и ваша жена — умные и компетентные люди, но плохо представляете себе политические игры, — пояснил Трухильо. — Когда колонизация провалится, вина будет возложена не на Белл, а на вас.

— Но ведь это она выбрала нас.

— Разве? Я слышал, что ваши кандидатуры предложил генерал Райбики. Ему политические бури не страшны, ведь он из ССК, а там не обязаны думать о политике, о причинах и следствиях различных поступков. Нет, Перри, дерьмом будут забрасывать именно вас с супругой.

— Вы, похоже, уверены, что колонизация провалится, — сказал я. — Но все же летите с нами.

— Я уверен, что колонизация может провалиться. И уверен, что многих людей, в том числе

министра Белл, эта неудача сильно обрадует, так как поможет расквитаться с собственными политическими противниками и прикрыть собственную некомпетентность. И потому они совершенно определенно разработали весь проект с расчетом именно на провал. И воспрепятствовать этому гнусному плану, помочь колонии выжить могут только люди, обладающие желанием и соответствующим опытом.

На последнем слове он сделал сильное ударение.

— Например, такой человек, как вы, — сказал я.

Трухильо шагнул поближе.

— Перри, я понимаю, что вполне можно подумать, будто все дело в моем больном самолюбии. Действительно, оно серьезно задето. Но я хотел бы, чтобы вы приняли во внимание еще вот какое соображение. На этом корабле полетят две тысячи пятьсот человек, и произойдет это потому, что шесть лет назад, в палате представителей СК, я поднялся и потребовал для нас права колонизации. Я несу ответственность за то, что они оказались здесь, а также и за то, что я не сумел воспрепятствовать Белл и ее клике снарядить эту колонию в самоубийственный путь. Я несу

ответственность за тот колоссальный риск, которому через несколько дней подвергнутся все эти люди. Сегодня утром я предлагал, чтобы вы позволили нам оказывать вам помощь в управлении колонией вовсе не потому, что мне необходимо держать руку на пульсе событий. Я заговорил об этом лишь затем, что при тех обстоятельствах, в какие вас поставил ДК, вам потребуется вся возможная помощь, а ведь люди, с которыми вы разговаривали сегодня утром, посвятили нашему делу несколько лет своей жизни. Если мы не будем помогать вам, результат будет самым плачевным, и другого выхода просто не может быть.

— Я ценю вашу уверенность в своих организаторских способностях, — вставил я.

— Вы не понимаете меня. Черт побери, Перри, я хочу, чтобы вы достигли успеха. Я хочу, чтобы колония достигла успеха. Меньше всего на свете я хочу подвергнуть сомнению руководящее положение вас и вашей уважаемой супруги. Если бы я поступил так, то подверг бы опасности жизнь всех колонистов. Я не враг вам. Напротив, я хочу помочь бороться с истинными врагами.

— Вы утверждаете, что Департамент колонизации готов погубить две с половиной тысячи человек только для того, чтобы досадить вам?

— Нет. Не для того, чтобы досадить мне. А чтобы ликвидировать ту угрозу, которая нависла над их методами колонизации. Чтобы помочь СК железной рукой управлять колониями. Две с половиной тысячи колонистов — не слишком дорогая плата за такой результат. Если вы имеете какое-нибудь представление о колонизации, то должны знать, что две тысячи пятьсот человек — стандартная численность первоколонии. Мы время от времени теряем первопоселения, эти потери предусматриваются планами. Мы привыкли к таким потерям. Ведь речь идет не о жизни и смерти двух с половиной тысяч человек, а всего лишь об одной первоколонии.

Но тут следует еще более интересный поворот. Да, одна погибшая первоколония — это всего лишь утрата в пределах стандартов ДК. Но ведь колонисты были набраны в десяти различных мирах СК, ни один из которых прежде не осуществлял колонизации. Гибель колонии отзовется глубокой болью на каждом из них. Она явится тяжким ударом по духу каждой нации. И тогда-то ДК получит возможность сказать: теперь вы видите, почему мы удерживаем вас от попыток самостоятельной колонизации. Для вашего собственного блага. Они выложат этот аргумент

колониям, все проглотят его, и мы вернемся к существующему положению.

— Интересная теория, — заметил я.

— Перри, вы же много лет прослужили в Силах самообороны колоний. Вы на собственном опыте знаете, к каким результатам приводит политика СК. Скажите мне, только откровенно: неужели вы, со всем вашим опытом, считаете, что тот сценарий, который я сейчас обрисовал вам, целиком и полностью лежит вне царства реальности?

Я ничего не ответил. Трухильо мрачно улыбнулся.

— Подумайте над этим, Перри. Пусть мои слова послужат пищей для размышлений к тому времени, когда вам с женой захочется снова хлопнуть дверью перед нашими носами на одном из следующих совещаний. Не сомневаюсь, что вы поступите самым полезным для колонии образом. — Он посмотрел через мое плечо. — По-моему, наши дочери успели познакомиться.

Я повернулся и увидел, что Зои оживленно разговаривает с одной из тех девочек, которых я заметил раньше, — той самой, что позвала ее.

— Похоже на то, — ответил я.

— И, кажется, прекрасно ладят между собой, — добавил Трухильо. — Думаю, что это и есть

истинное начало нашей колонии Роанок. Надеюсь, мы сможем последовать их примеру.

— Что-то я никак не могу поверить в искренность и самоотверженность Манфреда Трухильо, — сказала Джейн.

Она полулежала в постели. Я сидел рядом на стуле. Варвар развалился на кровати у нее в ногах и безостановочно вилял хвостом.

— Нас, таких недоверчивых, двое, — отозвался я. — Беда в том, что я никак не могу отбросить все то, что он мне наговорил.

— Почему же? — удивилась Джейн.

Она протянула руку к кувшину, стоявшему на ночном столике, но не достала. Я налил воды в стакан.

— Помнишь, что Хикори говорил о планете Роанок? — спросил я, подавая ей воду.

— Спасибо, — пробормотала она и в пять секунд осушила весь стакан.

— Ого! — воскликнул я. — Ты уверена, что тебе стало лучше?

— Я в полном порядке, просто пить хочется.

Джейн протянула мне стакан, и я снова наполнил его. На этот раз она пила не так жадно.

— Итак, ты говорил о планете Роанок, — напомнила она.

— Хикори сказал мне, что планета Роанок на самом деле принадлежит обинянам. Если Департамент колонизации и впрямь рассчитывает на гибель этой колонии, такая провокация может иметь смысл.

— То есть: зачем торговаться из-за планеты, если известно, что твои колонисты все равно не удержат ее, — подхватила Джейн.

— Именно так. — Я кивнул. — И еще одно. Сегодня я был на погрузке, смотрел ведомости с грузовым помощником, и он между делом сказал, что мы берем с собой много устаревшего снаряжения.

— Это, наверно, имущество меннонитов, — предположила Джейн и отхлебнула еще воды.

— Так я ему и сказал. Но после разговора с Трухильо я еще раз просмотрел грузовые ведомости. Начальник багажа был прав. Там куда больше старья, чем можно было бы списать на меннонитов.

— У нас что, некомплект оборудования? — удивилась Джейн.

— В том-то и загадка. Никакого некомплекта нет. У нас целая куча различного старья, но не вместо современного, а вдобавок к нему.

Джейн задумалась.

— И что, по-твоему, это может означать?

— Я не знаю, означает ли это что-нибудь вообще. Ошибки в поставках случаются то и дело. Помню, однажды, когда я еще служил в ССК, нам прислали вместо медикаментов огромный контейнер с носками всех размеров и расцветок. Возможно, случилась особо крупная накладка и нам загрузили чье-то чужое имущество.

— Надо спросить генерала Райбики, — сказала Джейн.

— Его нет на станции. Уехал сегодня утром. И не куда-нибудь, а на Коралл. В его штабе говорят, что он будет наблюдать там за диагностикой новой сети планетарной защиты. И вернется только через стандартную неделю. Я попросил его сотрудников разобраться с инвентарем колонии. Но для них это не слишком важно — ведь наш груз не представляет очевидной опасности для благосостояния колонии. У них до нашего отправления будет масса других забот. Но не исключено, что у нас чего-то не будет хватать.

— Если нам чего-то не хватает, нужно как можно скорее выяснить, чего именно.

— Я это и сам знаю. И как бы мне ни хотелось относиться к Трухильо как к одному из бесчисленных прыщей на ровном месте, одержимых

манией величия, нельзя вот так, сразу, отбрасывать мысль о том, что он и на самом деле всем сердцем печется об интересах колонии. Учесть все возможности чертовски трудно.

— Не исключено, что он действительно прыщ на ровном месте и в то же время всем сердцем печется, — предположила Джейн.

— Ты всегда видишь во всем светлую сторону, — отозвался я.

— И еще поручи Савитри пробежаться по ведомостям. Она сможет свежим глазом заметить что-нибудь из того, что мы могли пропустить. Я велела ей как следует разобраться во всем, что связано с первоколониями, организованными в последние годы. Если чего-то не хватает, она это заметит.

— А тебе не кажется, что ты чересчур загружаешь ее работой? — осведомился я.

Джейн пожала плечами:

— Это ты постоянно недогружал Савитри. Потому-то я и взяла ее с собой. Она способна на куда более серьезные дела, нежели те, которые ты ей доверял. Хотя здесь не только твоя вина. Ведь тебе не приходилось иметь дела ни с чем хуже этих безмозглых братьев Ченджелпет.

— Ты так говоришь только потому, что никогда

не имела с ними дела, — возмутился я. — А надо было хотя бы разок пообщаться с ними.

— Если бы мне пришлось возиться с ними, то один разок оказался бы и первым, и последним. Они у меня сделались бы кроткими как овечки.

— Как прошла твоя встреча с генералом Сциллардом? — спросил я, поспешив изменить тему, прежде чем моя компетентность подвергнется еще более жесткой критике.

— Прекрасно. Между прочим, он говорил мне примерно то же самое, что ты сегодня услышал от Трухильо.

— Что ДК посылает нашу колонию на верную гибель?

— Нет. Что вокруг нашего дела идут очень большие политические игрища, о которых мы с тобой ничего не знаем.

— Какого рода?

— Он не вдавался в подробности. Сказал, что сообщает об этом только потому, что не сомневается, что мы сможем справиться с трудностями. И еще спросил меня, не хочу ли я на всякий случай получить мое старое тело — образца Специальных сил.

— Ай да Сциллард, — заметил я. — Ну и шутник.

— Вообще-то это была не совсем шутка, — сказала Джейн, а когда я ответил на эти слова прекрасно удавшимся мне испуганным взглядом, успокаивающе подняла руку: — Все равно моего старого тела у него нет. И он не собирался вновь натягивать на меня зеленую кожу. Это значило лишь, что, по его мнению, мне лучше было бы отправиться в новую колонию с хорошим телом, а не с немодифицированным человеческим.

— Забавная мысль.

Тут я заметил, что Джейн начала потеть, и потрогал ее лоб.

— По-моему, у тебя самый настоящий озноб. Это что-то новенькое.

— Немодифицированное тело… — протянула Джейн. — Рано или поздно я должна была заболеть.

— Дать тебе еще воды?

— Нет, пить я не хочу. Зато, кажется, я здорово проголодалась.

— Сейчас узнаю, нельзя ли заказать для тебя что-нибудь с камбуза. Чего бы ты хотела?

— А что у них есть?

— Думаю, что почти все.

— Вот и прекрасно. Я съем что-нибудь одно из этого всего.

Я вытащил ЭЗК, чтобы связаться с кухней.

— Все-таки хорошо, что на «Магеллане» двойной запас продовольствия.

— Если я буду чувствовать себя так же, как и сейчас, его надолго не хватит, — пошутила Джейн.

— Ну и ладно, — ответил я. — Но, если мне не изменяет память, древние учили лечить лихорадку голодом.

— В моем случае, — возразила Джейн, — твои древние глубочайшим образом заблуждались.

4

— Точь-в-точь как массовое гулянье на Новый год, — сказала Зои, окинув с нашего небольшого возвышения обзорную палубу, где ликовали толпы колонистов. Мы уже неделю путешествовали на «Магеллане», и до скачка в систему, где вращался вокруг своего светила Роанок, оставалось меньше пяти минут.

— Это именно оно и есть, — ответил я. — Как только совершится скачок, начнется официальный отсчет времени колонии — первая секунда первой минуты первого дня первого года времени Роанока. Приготовься к суткам по двадцать пять часов восемь минут и годам по триста пять дней.

— Я буду чаще праздновать дни рождения, более часто! — обрадовалась Зои.

— Да, — согласился я. — И праздники будут длиннее.

Рядом с нами Савитри и Джейн вполголоса что-то обсуждали, глядя на монитор ЭЗК Савитри. Первым моим побуждением было сострить по поводу их чрезмерной преданности работе, но я тут же передумал. Они очень быстро образовали

организационное звено системы управления, в чем я не видел ничего удивительного. Если они считали дело достаточно важным для того, чтобы заниматься им прямо сейчас, значит, оно, по всей вероятности, того стоило.

Джейн и Савитри были мозгом нашего штаба, а я занимался контактами с общественностью. За минувшую неделю я провел по нескольку часов со всеми группами колонистов, отвечая на их вопросы о Роаноке, о себе, о Джейн и обо всем остальном, что они хотели знать. У каждой группы были свои странности и причуды. Колонисты с Эри держались несколько отчужденно (возможно, на их отношении ко мне сказывалось влияние Трухильо; он, пока я говорил, сидел в последнем ряду), но постепенно оттаяли, особенно когда я прикинулся идиотом и пробормотал на ломаном испанском несколько фраз, которые помнил еще со школьных дней. После этого мы исподволь перешли к обсуждению «новых испанских» слов, родившихся уже на Эри для обозначения местных растений и животных.

Меннониты с Киото, напротив, приняли меня очень радушно, угостив для начала вкуснейшим пирогом с фруктовой начинкой. После чего, к немалому моему удивлению, принялись без-

жалостно терзать вопросами обо всех сторонах управления колонией, чем очень позабавили Хайрама Йодера.

— Пусть мы ведем простую жизнь, но мы вовсе не простаки, — сказал он мне позже.

Колонисты с Хартума все переживали из-за того, что им не дали поселиться отдельным землячеством. Поселенцы с Франклина хотели знать, насколько большую поддержку окажет нам Союз колоний и можно ли им будет ездить в гости на Франклин. Альбионские представители волновались по поводу мер, предусмотренных на случай нападения врагов. Уроженцам Феникса было крайне важно выяснить, останется ли у них после рабочего дня достаточно времени, чтобы учредить лигу софтбола и проводить регулярные игры.

Со всеми вопросами и проблемами — большими и малыми, сложными и тривиальными, серьезными и шутливыми — обращались ко мне, а моя работа заключалась в том, чтобы всех внимательно выслушать, дать понять, что к их беспокойству относятся серьезно, и, по возможности, удовлетворить многочисленные запросы. В этом деле неоценимым оказался мой недавний опыт работы омбудсменом. И не только потому,

что я знал, как решать проблемы и находить ответы, но и потому, что я хорошо научился за несколько лет выслушивать людей и убеждать их в том, что их вопросы не останутся без решения. К концу нашего недельного путешествия на «Магеллане» народ начал подходить ко мне с просьбами разрешить пари, заключенные в баре, или мелкие ссоры; это очень напоминало старые времена.

Продолжительные собрания и беседы с отдельными колонистами были очень полезны и для меня самого: они позволяли понять, что собой представляют все эти люди и насколько хорошо они смогут поладить друг с другом. Я не уверовал в теорию Трухильо, согласно которой многонациональная колония являлась порождением саботажников-бюрократов, но и не уподобился Поллианне[3], видевшей во всем лишь чудесную гармонию. Уже в тот самый день, когда «Магеллан» тронулся в путь, группа подростков с одной планеты попыталась устроить драку со сверстниками из других миров. Гретхен Трухильо и Зои удалось насмешками усмирить драчунов,

[3] Notes: 3

Поллианна — героиня рассказов американской детской писательницы Э. Портер (1868–1920), находящая причины для радости в самых бедственных ситуациях.

доказав тем самым, что нельзя недооценивать силу презрения юной девушки. Но, когда Зои рассказала об этом случае за обедом, мы с Джейн уделили случившемуся должное внимание. Подростки могут вести себя крайне глупо, не ведая, что творят, но ведь они строят свое поведение на примере взрослых, руководствуясь теми сигналами, которые получают от них.

На следующий день мы объявили турнир по игре в вышибалы, исходя из посылки, что эта древняя и простая игра в той или иной форме хорошо известна во всех колониях. Представителям колоний мы намекнули, что будет хорошо, если они смогут уговорить детвору проявить себя. В результате мы смогли укомплектовать десять команд по восемь человек, отбиравшихся по жребию, и потому каждая команда состояла из представителей разных планет. Одновременно мы составили график игр; финальное соревнование должно было состояться незадолго до скачка в систему Роанока. Таким образом мы нашли подросткам занятие и заставили их между делом познакомиться со своими сверстниками из других колоний.

К концу первого дня игр взрослые собрались посмотреть на соревнования — как-никак им

тоже было нечего делать. Уже на второй день я видел, как люди из одних колоний болтали с представителями других о шансах команды их детей достичь финала. Мы делали успехи.

На исходе третьего дня Джейн пришлось разогнать кучку зрителей, затеявших делать ставки на играющих ребят. Ладно, пусть наши успехи имели некоторые изъяны. Ну а что вы предложили бы на нашем месте?

Ни Джейн, ни я, конечно, не питали иллюзий, что игра в вышибалы приведет нас к вселенской гармонии. Слишком дерзко было бы ожидать такого от соревнования, в котором мальчишки и девчонки кидают друг в дружку ярко-красный мяч. Да и сценарий саботажа, с которым носился Трухильо, нельзя выкинуть из головы так же легко и просто, как мячик. Но вселенская гармония могла и подождать. Нам было достаточно того, что люди начинают общаться и привыкать друг к другу. Этой цели наш маленький турнир послужил очень даже неплохо.

После финала и церемонии награждения — «Драконы», которых никто не принимал всерьез, в драматическом поединке взяли верх над громившими всех подряд «Земляными слизнями», покорившими мое сердце одним лишь

названием, — большинство колонистов остались коротать недолгое время, что оставалось до скачка, на обзорной палубе. Множество информационных экранов демонстрировало вид пространства впереди по курсу «Магеллана». Сейчас там было черным-черно, но сразу же после скачка на экранах должно было появиться изображение Роанока. Колонисты были возбуждены и счастливы; слова Зои насчет новогоднего гулянья пришлись в самую точку.

— Сколько еще осталось? — спросила Зои.

Я взглянул на свою ЭЗК:

— Всего ничего. Минута двадцать секунд.

— Дай-ка мне посмотреть! — потребовала она и выхватила у меня ЭЗК.

Свободной рукой Зои взяла микрофон, которым я пользовался, когда поздравлял «Драконов» с победой.

— Эй! — воскликнула она, и все головы повернулись к нам. — До скачка осталась минута!

Колонисты разразились восторженными криками, и Зои принялась отсчитывать пятисекундные интервалы. На сцену вскарабкалась Гретхен Трухильо в сопровождении двух мальчиков; все трое уселись рядом с Зои, и один парнишка сразу же обнял Зои за талию.

Я толкнул Джейн локтем.

— Ты видишь?

— Это, вероятно, Энцо, — отозвалась Джейн.

— Энцо? Кто такой Энцо?

— Успокойся, девяностолетний папаша, — сказала Джейн и вдруг тоже обняла меня за талию, что было очень необычно для нее.

Как правило, она откладывала проявления привязанности до тех пор, пока мы не оказывались вдвоем. Но после приступа лихорадки она почему-то стала вести себя несколько свободнее.

— Ты же знаешь, что мне не нравится такое твое поведение, — наставительно заметил я. — Оно подрывает мой авторитет.

— Наплевать, — коротко ответила Джейн.

Я ухмыльнулся.

Зои дошла до двадцати секунд и теперь вместе с друзьями вела посекундный обратный отсчет; к ним присоединился нестройный хор колонистов. Когда прозвучало слово «ноль», наступила тишина. Все повернулись к экранам. Еще мгновение, которое казалось вечностью, на них оставалась чернота, испещренная точками звезд, а потом прямо по курсу возникла большая зеленая планета.

Палуба взорвалась восторгом. Люди начали

обниматься и целоваться, кто-то, вероятно, за отсутствием более подходящей песни, загорланил «Доброе старое время»[4].

Я повернулся к жене и поцеловал ее.

— С новым миром тебя.

— И тебя с новым миром, — отозвалась она и тоже чмокнула меня, а потом нас чуть не повалила Зои, пытавшаяся расцеловать обоих сразу.

Через пару минут, освободившись из объятий Зои и Джейн, я заметил, что Савитри пристально смотрит на ближайший экран.

— Теперь можешь расслабиться, — посоветовал я. — Планета никуда не денется.

Савитри потребовалось не меньше секунды, чтобы понять, что к ней обращаются.

— Что? — спросила она, недовольно вскинув голову.

— Я сказал… — начал было я, но она вновь уставилась на экран.

Я шагнул к ней вплотную.

— В чем дело?

Савитри оглянулась с таким выражением, будто только что узнала меня, а потом поднялась

---

[4] Notes: 4

«Доброе старое время» — шотландская песня на слова Роберта Бернса (1759–1796), которую по традиции поют на прощание в конце праздничного обеда, митинга и т. п.

навстречу, как будто хотела поцеловать. Впрочем, этого она не сделала, а лишь приблизила губы к моему уху и чуть слышно, но твердо сказала:

— Это не Роанок.

Я отодвинулся от нее и впервые всмотрелся в планету, плывшую на экране монитора. Она была густо-зеленой, совсем как Роанок. Сквозь облачный покров я мог различить очертания материков. Попытался мысленно представить карту Роанока, но, увы, безуспешно. Во время подготовки я уделял главное внимание междуречью, в котором предстояло разместиться колонии, а не карте планеты.

Я снова наклонился к Савитри, так что наши головы почти соприкоснулись.

— Ты уверена?

— Да.

— По-настоящему уверена?

— Да.

— Но что же это за планета?

— Не знаю, — сказала Савитри. — И не думаю, что хоть кто-нибудь это знает. Только это не Роанок.

— Ура! — Появившаяся рядом Зои принялась обнимать Савитри. Савитри тоже приобняла ее, но не сводила глаз с меня.

— Зои, — сказал я, — не могла бы ты вернуть мою ЭЗК?

— Держи.

Зоя быстро чмокнула меня в щеку и вернула маленький, но чрезвычайно мощный компьютер. Как только я взял его в руки, на экранчике высветилось сообщение от Кевина Зейна, капитана «Магеллана».

— Ее нет в регистре, — сказал Зейн. — Мы быстренько прикинули размер и массу и проверили все соответствующие объекты. Самый подходящий — Ома, но я могу дать голову на отсечение, что это не Ома. Нет даже орбитального спутника СК. Мы еще не закончили виток, но такое впечатление, что здесь нет никаких признаков разумной жизни, ни нашей, ни чьей-нибудь еще.

— А нет ли у вас еще какого-то способа выяснить, что это за планета? — спросила Джейн.

Я со всей возможной осторожностью увел ее с праздника, оставив Савитри объясняться с колонистами по поводу нашего отсутствия.

— Сейчас мы составляем звездную карту, — ответил Зейн. — Для начала прикинем относительное расположение звезд и выясним, соответствует ли оно какому-нибудь из знакомых небес. Если

это ничего не даст, перейдем к спектральному анализу. Если нам удастся отыскать несколько известных звезд, мы сможем определить наше положение путем триангуляции. На это, вероятно, уйдет некоторое время. На данный момент можно считать, что мы заблудились.

— Послушайте, может быть, я покажусь дураком, но разве вы не можете проиграть всю эту штуку наоборот? — поинтересовался я.

— При обычных обстоятельствах могли бы, — ответил капитан. — Перед тем как сделать скачок, нужно точно указать, куда ты направляешься, и этой информацией можно было бы воспользоваться для расчета обратного движения. Мы программировали скачок к Роаноку. И должны быть там. Но мы в каком-то совсем другом месте.

— Кто-то подключился к вашим навигационным системам? — предположила Джейн.

— Хуже того, — вступил в разговор Брион Жусти, помощник капитана «Магеллана». — После скачка основные двигатели оказались заблокированными. Вернее, мы можем наблюдать за их состоянием, но не можем ввести новые команды ни отсюда, с мостика, ни из машинного отделения. Мы могли бы скакнуть еще раз — поближе к планете, но, чтобы сделать обратный

скачок, необходимо убраться подальше от ее поля тяготения. А это как раз и не получится. Такое впечатление, что мы влипли.

— Мы дрейфуем? — спросил я.

Совершенно не будучи специалистом по этим делам, я все же знал, что космический корабль далеко не всегда движется по устойчивой орбите.

— У нас остались маневренные двигатели, — ответил Жусти. — Так что на планету мы не упадем. Но они не дадут нам возможности более или менее скоро удалиться на дистанцию скачка. Даже если бы мы знали, где находимся, в данный момент мы не в состоянии вернуться домой.

— Не думаю, что нам стоит немедленно оповещать пассажиров о наших проблемах, — высказался Зейн. — Навигационная группа знает о планете и двигателях, машинная — только о двигателях. Вас я поставил в известность, как только убедился в существовании обеих проблем. Думаю, сейчас о случившемся не знает больше никто.

— Почти, — поправил я. — Наша помощница знает.

— Вы сообщили вашей помощнице?! — возмутился Жусти.

— Это она сообщила нам, что случилось, — рез-

ко бросила Джейн. — Раньше, чем это сделали вы.

— Савитри никому ничего не скажет, — вмешался я. — Она хранит тайны лучше, чем любой сейф. Но нам не удастся надолго скрыть случившееся от людей.

— Я понимаю, — ответил Зейн. — Требуется время, чтобы исправить двигатели и узнать, где мы находимся. Если мы проинформируем людей раньше времени, может начаться паника.

— Если вы вообще сможете исправить двигатели, — вставила Джейн. — И еще вы, кажется, игнорируете одну серьезную проблему, которая заключается в том, что на вашем судне произошло вредительство.

— Мы ее вовсе не игнорируем, — ответил Зейн. — Когда мы восстановим управление двигателями, то получим более ясное представление о том, кто мог это сделать.

— Разве вы не проводили диагностику всех систем перед вылетом? — продолжала допытываться Джейн.

— Конечно, проводили, — огрызнулся капитан и добавил, взяв себя в руки: — Мы выполнили все стандартные процедуры. Именно это мы и пытаемся вам объяснить. Все было проверено.

И проверяется до сих пор. Я посадил главного механика за полную диагностику системы. И диагностика говорит нам, что все прекрасно. Если верить компьютерам, мы находимся на орбите возле Роанока и наши двигатели прекрасно управляются.

Эти слова заставили меня задуматься.

— Ваши навигационные и машинные системы врут, — резюмировал я. — А как насчет остальных систем?

— Пока что все в порядке. Но тот, кому с такой легкостью удалось вывести из-под контроля навигацию и двигатели, без труда сможет задурить мозги любой системе в отдельности и всем вместе.

— Отключите систему, — предложила Джейн. — Аварийные системы децентрализованы. Они будут работать, пока основная система перезагружается.

— Предотвратить панику это нисколько не поможет. Скорее наоборот, — заметил Жусти. — Кроме того, нет никакой уверенности в том, что после перезагрузки управление восстановится. Не забывайте: нашим компьютерам кажется, будто все прекрасно. Они просто вернутся к текущему состоянию.

— Но если мы не перезагрузимся, то остается риск, что вдобавок к навигационной системе и двигателям испортятся искусственное тяготение и системы жизнеобеспечения, — сказал я.

— У меня такое чувство, что, если бы вредитель решил поиграть с жизнеобеспечением или тяготением, мы уже были бы покойниками, — серьезно ответил Зейн. — Вы хотите знать мое мнение? Вот оно. Я собираюсь оставить системы в работе, а мы тем временем будем разбираться с той чертовщиной, которая блокирует наше навигационное оборудование и двигатели. Я капитан этого корабля. Решение принимать мне. А вас я прошу дать мне время на это, прежде чем вы сообщите о случившемся вашим колонистам.

Я взглянул на Джейн. Она пожала плечами.

— Нам нужен по меньшей мере день, чтобы подготовить контейнеры для доставки на поверхность планеты. И еще два-три дня, прежде чем можно будет начать переправлять большинство пассажиров. У нас нет никаких причин для того, чтобы откладывать подготовку контейнеров.

— Это значит, что вашей грузовой команде придется начать работу, — пояснил я Зейну.

— Они наверняка считают, что мы там, куда направлялись, — сказал он.

— В таком случае начинайте подготовку груза с завтрашнего утра, — предложил я. — Мы дадим вам время до тех пор, пока первые контейнеры не будут подготовлены к отправке. Если вы к тому времени не разберетесь с проблемой, нам придется говорить с колонистами. Идет?

— Вполне разумно, — согласился Зейн.

К нему подошел один из офицеров, и Зейн вступил в разговор с ним. Я повернулся к Джейн.

— Ну и что ты об этом думаешь? — спросил я ее вполголоса.

— Я думаю о том, что тебе сказал Трухильо, — тоже полушепотом ответила Джейн.

— Когда он говорил, что Департамент колонизации саботирует эту колонию, у меня и в мыслях не было, что это может развернуться таким образом.

— Такое возможно, если они хотят доказать, что колонизация — чрезвычайно опасное занятие, и если кто-то всерьез опасается, что колония может не погибнуть, а, напротив, добиться успеха. При таком развитии событий они получают прямо с пылу с жару потерянную колонию, о которой никто в ближайшее время ничего не узнает.

— Потерянная колония… — пробормотал я и непроизвольно схватился за голову. — Боже

мой!..

— В чем дело? — удивилась Джейн.

— Роанок… — чуть слышно простонал я. — На Земле была колония Роанок. Первое поселение англичан в Америке.

— Ну и что?

— Она исчезла, — объяснил я. — Губернатор колонии отправился в Англию за помощью и припасами, а когда вернулся, никого из поселенцев уже не было. Знаменитая пропавшая колония Роанок.

— По-моему, здесь слишком уж заметна прямая параллель.

— Да, — кивнул я. — Если бы они действительно собирались потерять нас, то, думаю, не стали бы так прямо указывать на это.

— Тем не менее мы — колония Роанок и мы потерялись, — констатировала Джейн.

— Ирония — великое дело, — промямлил я, только чтобы что-то сказать.

— Перри, Саган! — вдруг воскликнул Зейн. — Подойдите, пожалуйста.

— Что случилось? — спросил я.

— Мы кого-то нашли, — ответил капитан. — Идет передача кодированным направленным лучом. И этот кто-то хочет поговорить с вами

обоими.

— Мне кажется, что это хорошая новость, — заметил я.

Зейн хмыкнул что-то неопределенное и нажал кнопку вызова на селекторе.

— Говорит Джон Перри, — сказал я. — Джейн Саган рядом со мной.

— Привет, майор Перри, — раздался незнакомый голос. — И вам привет, лейтенант Саган! Вот это честь мне выпала — говорить с вами, да еще с обоими сразу! Я лейтенант Стросс из Специальных сил. Меня направили, чтобы передать вам, как следует поступать дальше.

— Вы знаете, что у нас произошло?

— Посудите сами, — мгновенно откликнулся Стросс. — Вы совершили скачок в место, где, по вашему мнению, находится планета Роанок, а вместо этого оказались на орбите совершенно незнакомой планеты и теперь боитесь, что потерялись в пространстве. А капитан Зейн обнаружил, что не может включить двигатели. Я угадал?

— В точности, — буркнул я.

— Вот и прекрасно, — бодро заявил Стросс. — Ну а у меня есть для вас хорошие новости, но, впрочем, есть и плохие. Хорошая новость — что вы не

потерялись. Мы точно знаем, где вы находитесь. Плохая — что вы в ближайшее время не сможете никуда отправиться. Все подробности я расскажу вам в любое ближайшее время при личной встрече в узком составе — вы двое, капитан Зейн и я. Что вы скажете насчет того, чтобы собраться через пятнадцать минут?

— Что значит — собраться? — недовольно спросил Зейн. — В пределах видимости нет ни одного корабля. У нас нет никакой возможности проверить, правда ли вы лейтенант Спецсил.

— За меня сможет поручиться лейтенант Саган, — ответил Стросс. — Что касается моего местонахождения, включите, если вас не затруднит, четырнадцатую внешнюю камеру и освещение на том участке.

Зейн посмотрел вокруг с сердитым и растерянным видом, а потом кивнул одному из штурманов. Серебристый в нерабочем состоянии экран монитора, расположенного перед капитанским креслом, обрел черный цвет с чуть заметным зеленоватым отблеском — камера показала участок корпуса по правому борту. В следующее мгновение почти весь экран залил свет от совмещенного с камерой прожектора.

— Не вижу ничего, кроме обшивки, — буркнул

Зейн.

Словно в ответ на его слова, в луче прожектора что-то блеснуло, и от обшивки отделился и медленно отплыл на фут от корабля странный предмет, похожий на черепаху.

— Что еще за чертовщина! — удивился Зейн.

Черепаха махнула конечностью.

— Вот сукин сын, — проворчала Джейн.

— Вам знакомо это существо? — спросил Зейн, вперив в Джейн недоверчивый взгляд.

Она кивнула.

— Это гамеранец, — объяснила она. — Да, это действительно лейтенант Стросс. Он говорит правду. И мне кажется, что мы оказались по уши в дерьме.

— Воздух, отлично! — радостно воскликнул лейтенант Стросс.

Он, легонько помахивая конечностями, плавал в воздухе посреди причального отсека для шаттла. Капитан Зейн почти полностью отключил здесь искусственное тяготение, чтобы облегчить жизнь гамеранцу, привыкшему к отсутствию притяжения.

Пока мы в сопровождении Зейна поднимались на лифте к носовым причальным отсекам, Джейн объяснила, кто такие гамеранцы. Они были людь-

ми — по крайней мере, их ДНК была создана на основе человеческой с добавлением всяких других полезных вещей, специально подобранных для создания организма, способного успешно и активно жить даже при полном отсутствии воздуха. Для этого было разработано тело, невосприимчивое к вакууму и космическому излучению, имеющее специальный орган, насыщенный симбионтами-водорослями для выработки кислорода, покрытое фотосинтетическими пятнами для использования солнечной энергии и снабженное ладонями на всех конечностях. И были эти существа солдатами Специальных сил. Так что постоянно циркулирующие в обычной пехоте ССК слухи насчет ужасных мутантов, служащих в Спецсилах, как теперь выяснилось, имели под собой твердую почву. Я подумал о моем друге Гарри Уилсоне, с которым я познакомился еще до вступления в ССК, — он воплотился именно в таком существе. При следующей встрече нужно будет сказать ему, что я знаю, как он выглядит. Если нам суждено когда-нибудь снова увидеться.

Хотя Стросс и был при исполнении служебных обязанностей, разговаривал он крайне неофициальным тоном. Понятие «разговор» здесь употреблено в чисто фигуральном смысле: при

образе жизни гамеранцев голосовые связки совершенно бесполезны, и потому они не имеют этого органа. Голос Стросса создавался компьютером МозгоДругом, имплантированным в его голову, и передавался на наши ЭЗК. Лейтенант норовил то и дело отвлечься на что-то постороннее. Таким уж он был — шальным от своего шального существования в глубинах космоса.

Зейн не стал попусту тратить время на любезности.

— Ну-ка рассказывайте, каким образом вы смогли перехватить управление моим кораблем! — потребовал он.

— Задурив ему мозги, — ответил Стросс, продолжая помахивать «руками». — В вашу систему запустили код, который создал в ней виртуальный компьютер. Все ваши программы крутились поверх него и даже не замечали, что не имеют связи с «железом». Так что ваша система не могла вам сказать, что в ней что-то не так.

— Уберите эту гадость из моих компьютеров! — повысил голос Зейн. — И сами убирайтесь с моей посудины.

Стросс раскинул три «руки» в стороны, продолжая болтать четвертой в воздухе.

— Что, по-вашему, я похож на программиста? —

осведомился он. — Я не имею никакого понятия о том, как эта штука устроена. Меня научили пользоваться ею, только и всего. К тому же, капитан, извините, но приказы, которые я выполняю, отдает кое-кто повыше вас чином.

— Как вы сюда попали? — спросил я. — Я знаю, что вы прекрасно чувствуете себя в космосе. Но сдается мне, что у вас внутри нет скачкового двигателя.

— Приехал вместе с вами, — с готовностью ответил Стросс. — Сидел на поверхности корабля десять дней, дожидаясь скачка.

Он похлопал себя по панцирю.

— Встроенный нанокамуфлятор. Довольно новое изобретение. Если я не захочу, чтобы вы меня увидели, вы и не увидите.

— Вы десять дней просидели на обшивке корабля, летевшего в космосе? — переспросил я.

— Для меня это было даже кстати, — ответил Стросс. — Я наверстал кое-что из программы моей докторантуры. Сравнительное литературоведение. Естественно, заочное обучение. Так что скучать мне не пришлось.

— Очень рада за вас, — сказала Джейн. — Но я предпочла бы обсудить не вашу докторантуру, а наше положение.

Ее холодный ровный голос являл собой полную противоположность бурлящему гневом Зейну.

— Как скажете. Я только что перекинул нужные файлы и команды на ваши ЭЗК, так что вы сможете просмотреть их на досуге. Но суть дела вот в чем: планета, о которой вы думали, что это Роанок, была приманкой. А та планета, к которой вас вынесло, — самая настоящая колония Роанок. Именно здесь вам и придется жить.

— Но мы же ничего не знаем об этой планете, — изумился я.

— Полная информация в ваших новых файлах, — ответил Стросс. — Планета гораздо лучше подходит для вас, чем та, другая. Химизм жизни здесь полностью соответствует нашим пищевым потребностям. Хорошо, хорошо, пусть будет вашим потребностям, а не моим. Вы можете сразу же начать щипать травку.

— Вы сказали, что другая планета была приманкой, — вновь заговорила Джейн. — Для кого же?

— Это довольно сложно.

— Я постараюсь понять, — так же холодно отрезала Джейн.

— Хорошо. Для начала: что вам известно о конклаве?

5

У Джейн был такой вид, будто ей влепили пощечину.

— Что-что? О чем идет речь? Какой еще конклав?! — воскликнул я и уставился на Зейна, который с виноватым видом развел руками. Он этого тоже не знал.

— Его ведь уничтожили, — проговорила Джейн после долгой паузы.

— О да, — согласился Стросс.

— Так что же это за конклав такой? — повторил я.

— Организация нескольких рас, — ответила Джейн, еще раз взглянув на Стросса, — а суть объединения состояла в том, чтобы взять под контроль эту область космоса и помешать другим расам вести колонизацию. — Она повернулась ко мне: — Последний раз я слышала о ней как раз перед тем, как мы с тобой отправились на Гекльберри.

— Знала и ничего мне не сказала?!

— Ты что, наших порядков не знаешь? — с совершенно натуральным раздражением огрыз-

нулась Джейн. — Конклав был частью моей работы. И отпустили меня из Специальных сил с особым условием: забыть все, что я когда-либо слышала о конклаве. Я не имела права ничего рассказать тебе, даже если бы захотела. К тому же и говорить-то было еще нечего. Все находилось на предварительной стадии, и то, что мне было известно, никуда не вело. А я узнала об этой истории от Чарльза Бутэна, который был не самым надежным осведомителем в вопросах межзвездной политики.

Было похоже, что Джейн всерьез сердится, я только не мог понять, на меня или на сложившееся положение. Решив не уточнять, я обратился к Строссу:

— Значит, теперь этот самый конклав превратился в действующее предприятие?

— Именно так. Уже два с лишним года назад. Первое, что они сделали, это потребовали, чтобы все расы, не присоединившиеся к ним, не основывали новых колоний.

— А если те не послушаются? — подал голос Зейн.

— Если не послушаются, то конклав истребит любую новую колонию, — сказал Стросс. — Вот почему и была затеяна вся эта игра. Мы все устро-

или так, чтобы конклав решил, что мы основали колонию и устроили ее на определенной планете. А на деле послали вас в совершенно другой мир, которого нет ни на картах, ни в регистрах космофлота. О нем не знает никто, кроме кучки чрезвычайно высокопоставленных людей. И меня. Потому что кто-то ведь должен был рассказать вам все это. А теперь еще и кроме вас. Конклав, судя по всему, намеревался напасть на колонию Роанок еще до вашей высадки на планету. Теперь они не смогут напасть, потому что просто не найдут вас. Так мы выставляем конклав в дурацком свете. А сами выглядим едва ли не героями. По крайней мере, так я это понимаю.

Теперь настала моя очередь разгневаться.

— Получается, что Союз колоний играет в прятки с этим чертовым конклавом! Ужасно весело.

— Это вы верно заметили, — согласился Стросс. — Правда, не думаю, что, если они вас найдут, дела пойдут так же весело.

— И сколько времени на это потребуется? — спросил я. — Если высадка нашей колонии действительно такой тяжкий удар для конклава, как вы говорите, они обязательно кинутся на поиски.

— Тут вы правы. А когда они вас найдут, то

постараются уничтожить. Так что теперь наша работа — сделать так, чтобы вас было как можно труднее найти. Только мне почему-то кажется, что эта часть плана не понравится вам.

— Пункт первый, — сказал я представителям народа колонии Роанок. — Абсолютно никаких контактов между колонией Роанок и всем остальным Союзом колоний.

Сидевшие за столом возмущенно зашумели.

Мы с Джейн, как обычно, сидели у противоположных концов стола. Ропот стал стихать лишь через несколько минут.

— Это безумие, — сказала Мария Черная.

— Полностью согласен, — кивнул я. — Но каждый контакт Роанока с любым другим колониальным миром проложит к нам новый след. На космических кораблях есть команды, исчисляющиеся сотнями. Нельзя рассчитывать, что никто из них ни разу не расскажет о нас жене, мужу или друзьям. К тому же вы сами знаете, что нас будут искать. Правительства ваших родных планет, родственники, журналисты — все они будут искать хоть кого-то, кто сможет дать им представление о том, куда мы делись. И если хоть кто-нибудь сможет указать на звезду, вокруг которой вращается Роанок, то конклав найдет

нас без особого труда.

— А как же «Магеллан»? — спросил Ли Чен. — Он-то вернется домой.

— Представьте себе — нет, — ответил я.

На эту новость собравшиеся ответили лишь сдавленными возгласами удивления. Я хорошо запомнил, как лицо капитана Зейна перекосилось от бешенства, когда Стросс сообщил ему об этом. Зейн заявил, что не подчинится этому безумному приказу. Строссу пришлось напомнить ему, что команда не может управлять ходовыми двигателями и что если он с командой не сойдет на поверхность, то вскоре обнаружит, что им не подчиняется также и система жизнеобеспечения. Честно говоря, это были ужасные минуты.

Но еще хуже стало, когда Стросс сказал Зейну, что, согласно плану, от «Магеллана» следует избавиться, направив его на солнце.

— У команды «Магеллана» остались семьи в СК, — сказал Хайрам Йодер. — Супруги. Дети.

— Вы правы. Так что можно представить, насколько серьезно поставлен вопрос.

— А можем ли мы позволить себе принять их? — спросил Манфред Трухильо. — Я не говорю, что нам следует отречься от них. Но ведь запасы колонии были рассчитаны на две тысячи пятьсот

человек. А теперь прибавится еще двести.

— Двести три, — уточнила Джейн. — Но это вовсе не проблема. У нас полуторные, против обычной колонии такого размера, запасы продовольствия, к тому же в этом мире имеются пригодные в пищу животные и растения. Так что особых поводов для уныния в этом отношении нет.

— И сколько времени будет продолжаться эта изоляция? — спросила Черная.

— Неизвестно, — сказал я, вызвав очередной всплеск шума. — Наше выживание зависит от изоляции. Вот и все. Но это до некоторой степени облегчает нашу жизнь. Первоколонии должны два или три года непрерывно заниматься подготовкой к прибытию следующей волны колонистов. По этому поводу нам не придется волноваться. Мы сможем целиком и полностью сосредоточиться на собственных нуждах. Это немалая разница.

Присутствующие ответили мрачным молчанием, но ведь оно, как известно, является знаком согласия. В данную минуту ни на что лучшее я надеяться просто не мог.

— Пункт второй, — продолжил я и заранее напрягся, ожидая возмущенной реакции. — Мы не

можем использовать никакие достижения технологии, которые могли бы выдать существование нашей колонии наблюдателям из космоса.

На сей раз они шумели намного дольше.

— Но ведь это попросту смешно, — сказал в конце концов Пауло Гутьеррес. — Все, что имеет беспроводную связь, потенциально обнаружимо. Достаточно пройтись широкодиапазонным пеленгатором. Он сразу укажет, где находится передатчик.

— Я это понимаю.

— Да ведь все наши приборы беспроводные!

Гутьеррес поднял свою ЭЗК.

— Взять хотя бы это! Ни одного разъема. Сюда не воткнуть провод, хоть в лепешку разбейся. И все автоматизированное оборудование, которое мы сюда доставили, тоже беспроводное.

— Что там оборудование! — перебил его Ли Чен. — Всем моим колонистам имплантированы локаторы.

— И моим, — добавила Марта Пиро. — А отключить их нельзя.

— Значит, придется их извлекать, — сказала Джейн.

— Но ведь это хирургическая операция! — возмутилась Пиро.

— Черт возьми, куда вы их вживляли? — спросила Джейн.

— В плечо, — ответила Пиро.

Чен молча кивнул — его колонистам имплантаты вживили туда же.

— Не такая уж серьезная операция, но все же…

— Существует лишь одна альтернатива — подвергнуть всех без исключения колонистов риску быть обнаруженными и убитыми, — отчеканила Джейн. — Я думаю, что ваши люди предпочтут перенести кратковременную боль.

Пиро открыла было рот, чтобы ответить, но потом, кажется, передумала.

— Даже если мы удалим вживленные локаторы, все равно останется множество радиофицированного оборудования, — сказал Гутьеррес, и все внимание обратилось к нему. — Сельскохозяйственное оборудование. Медицинское оборудование. И много еще чего. А вы, если я правильно вас понял, говорите, что мы вообще не должны пользоваться техническим оборудованием, если хотим выжить.

— Вы не правы. Беспроводная связь требуется далеко не для всего оборудования, — возразил Хайрам Йодер. — Ни одно из тех устройств, которые мы привезли с собой, ею не оснащено. Наше

оборудование не имеет электронных устройств. Чтобы заставить его работать, нужен человек у рычагов. Но у нас оно делает все, что нужно. И делает прекрасно.

— У вас такое оборудование есть, — сказал Гутьеррес. — Но у нас-то его нет. И у всех остальных тоже.

— Мы поделимся с остальными всем, чем можем.

— При чем здесь поделимся! — рявкнул Гутьеррес.

Впрочем, через секунду он взял себя в руки.

— Я не сомневаюсь, что вы сделаете все возможное, чтобы помочь нам, — сказал он Хайраму. — А для всех нас его нужно в десять раз больше.

— Оборудования у нас достаточно, — вновь вступила в разговор Джейн.

Все сидевшие за столом повернулись к ней.

— Я только что переслала всем вам копию грузовой ведомости корабля. Вы можете увидеть, что помимо массы современного оборудования нас также обеспечили полным комплектом инструментов и орудий, считающихся на сегодня устаревшими. Это говорит о двух вещах. Во-первых, о том, что Союз колоний изначально намеревался предоставить нас собственной уча-

сти. И во-вторых, что у правительства не было намерения погубить нас.

— Это одна сторона вопроса, — встрял Трухильо. — А другая состоит в том, что правительство СК сознательно бросило нас в одиночку на растерзание конклаву и вместо того, чтобы дать какие-нибудь эффективные средства для обороны, посоветовало сидеть тихо, не поднимая головы, и тогда, возможно, конклав нас не услышит.

Опять ропот; похоже, что большинство были согласны с Трухильо.

— Сейчас не лучшее время для дискуссии, — вмешался я. — Какими резонами ни руководствовался бы СК, мы находимся здесь и не можем никуда отсюда деться. Когда мы высадимся на планету и примем первые необходимые меры по обустройству колонии, можно будет подумать, в чем заключается стратегия СК. А пока мы должны сосредоточиться на том, что нужно делать, чтобы выжить. Хайрам, — обратился я к меннониту, вручая ему мою ЭЗК, — вы лучше всех из нас разбираетесь в старине. Посмотрите, насколько это оборудование подходит для наших нужд. Можем ли мы им пользоваться?

Хайрам несколько минут листал список, сосре-

доточенно глядя на экран.

— Трудно сказать, — проговорил он, поднимая голову. — Я должен посмотреть все это внимательно и не спеша. И посоветоваться с людьми, которые владеют тем или иным ремеслом. И еще много чего. Но мне все же кажется, что мы сможем справиться со всем этим.

Он окинул взглядом всех, кто сидел за столом.

— Я заверяю всех вас, что окажу любую помощь, какая только будет в моих силах. Я не могу говорить за всех моих братьев по вере, но, исходя из опыта, уверен, что каждый из нас поступит так же. Мы сможем заставить всю эту технику работать. Нам это по силам.

— Есть и другой вариант, — заговорил Трухильо.

Все взгляды обратились к нему.

— Мы не станем скрываться. Мы будем использовать все оборудование, которое имеем, все наши ресурсы, — чтобы выжить. Когда конклав нас найдет — если он нас найдет! — мы скажем, что мы «дикая» колония. И уже не имеем никакого отношения к СК. Конклав воюет с Союзом колоний, а не с «дикими» колониями.

— Мы не станем выполнять неразумные приказы, — подхватила Мария Черная.

— Изоляция — штука двусторонняя, — продолжал Трухильо. — Раз мы в изоляции, значит, СК не сможет проверять нас. И даже если мы не станем выполнять их распоряжения, что из того? Мы что, солдаты ССК? Они нас расстреляют? Или, может быть, выгонят с работы? И кроме того, положа руку на сердце, разве мы, собравшиеся здесь, признаем законность этих распоряжений? Союз колоний бросил нас на произвол судьбы. Больше того, он с самого начала намеревался так поступить. Нас попросту обманули. И я считаю, что мы должны поступить точно так же. Я предлагаю объявить себя дикарями.

— Мне кажется, что, выступая с этим предложением, вы просто не знаете, о чем говорите, — сказала на это Джейн. — В последней «дикой» колонии, которую мне довелось видеть, всех поселенцев попросту забили на мясо. Мы нашли детские тела, сложенные в штабеля и приготовленные к разделке. Не советую вам обманываться насчет «диких» колоний. Объявить себя дикарями — все равно что подписать смертный приговор.

После заявления Джейн несколько секунд все молчали, никто не решался возразить.

— Конечно, риск есть, не без этого, — загово-

рил наконец Трухильо, принимая вызов. — Но ведь мы действительно брошены на произвол судьбы. Мы — «дикая» колония во всем, кроме формального статуса. К тому же мы ведь не знаем, действительно ли этот ваш конклав настолько ужасен, как его представляет Союз колоний. СК все время нас обманывает. И мы не можем и дальше доверять ему. И не должны. Нам следует бороться за собственные интересы.

— Значит, вы без доказательств не поверите, что конклав глубоко враждебен нам? — спросила Джейн.

— А что, было бы неплохо, если бы вы их предоставили, — тут же пошел в атаку Трухильо.

Джейн взглянула на меня.

— Покажи им.

— Что вы хотите нам показать?

— А вот что.

Со своей ЭЗК — которой вскоре уже нельзя будет пользоваться — я включил большой монитор, укрепленный на стене, и запустил показ видеофайла. На экране появилось странного облика существо, стоящее на утесе или крутом холме. А за спиной существа виднелось поселение — по виду типичная деревня. И эта деревня была залита ослепительным светом.

— Деревня, которую вы видите, — колония вхайдов, — пояснил я. — Они основали ее почти сразу после того, как конклав потребовал от неприсоединившихся к нему рас прекратить колонизацию. На требование обратили не слишком много внимания, поскольку тогда конклав никак не мог подтвердить серьезность своего ультиматума. И некоторые из неприсоединившихся продолжали основывать колонии. Но теперь конклав заставил прислушиваться к себе.

— Откуда этот свет? — спросил Ли Чен.

— С кораблей конклава, находящихся на орбите, — объяснила Джейн. — Они используют тактику террора. Чтобы запугать врагов.

— Похоже, что там много кораблей, — предположил Чен.

— Да, — подтвердила Джейн.

Свет, освещающий вхайдианскую колонию, внезапно погас.

— А сейчас начнется самое главное, — сказал я.

Смертоносное излучение нельзя было увидеть — оно предназначено не для того, чтобы производить впечатление, а для разрушения. Почти вся энергия досталась цели и не была уловлена объективом камеры. С того расстояния, где находилась камера, можно было разглядеть лишь, как

исказился вид дальней деревни, словно перед ней внезапно возникло знойное марево.

А затем, через какие-то доли секунды, все строения колонии загорелись и начали взрываться. Вверх полетели клубы пыли и куски сооружений, машин, множество мертвых и еще живых тел, образовавших в раскаленном воздухе вихрь, по которому только и можно было судить о колоссальной энергии лучей. А вслед за темными кусками и пылающими головешками к самым небесам взметнулись языки пламени.

В считаные секунды от колонии осталось лишь пятно выгоревшей земли и груда обугленных обломков. Марево исчезло — массированный поток теплового излучения прекратился. Прекратилось и световое шоу в небе, остались лишь огонь на земле и расплывавшиеся по сторонам густые клубы дыма. А по периферии центра разрушения замелькали отдельные вспышки.

— Это еще что такое? — изумился Йодер.

— Скорее всего, это означает, что кое-кто из колонистов оказался в момент нападения за пределами поселения, — ответил я. — И они проводят окончательную зачистку.

— Боже! — воскликнул Гутьеррес. — Но ведь после гибели колонии эти люди все равно были

обречены.

— Они решили сразу довести дело до конца, — сказала Джейн.

Я выключил видео. Некоторое время в комнате стояла мертвая тишина.

Ее нарушил все тот же Трухильо.

— Как это к нам попало? — спросил он, указав на мою ЭЗК.

— Видео? — переспросил я.

Он кивнул.

— По всей видимости, было доставлено посланниками конклава в Министерство внешних сношений СК, а также правительствам всех остальных неприсоединившихся миров.

— Но зачем они это сделали? — воскликнул Трухильо. — Зачем им понадобилось выставлять себя в таком виде, демонстрируя это… это ужасное преступление?

— По-моему, на этот счет не может быть никаких сомнений, — сказал я. — Лично я думаю, что это означает: что бы мы сейчас ни думали о Союзе колоний, мы не имеем права исходить в своих действиях из надежды на то, что конклав поведет себя разумно по отношению к нам. СК пытается натянуть им нос, а они не собираются за здорово живешь спустить такую наглость.

Они будут искать нас. А мы не должны дать им возможность найти.

Мои слова вызвали очередную паузу.

— И что же теперь делать? — спросила наконец Марта Пиро.

— Я думаю, что мы должны проголосовать, — заявил я.

Трухильо вскинул голову и, недоверчиво прищурясь, взглянул на меня:

— Прошу прощения. Мне тут случайно послышалось, будто вы сказали, что мы должны проголосовать?

— Мы предлагаем на обсуждение один-единственный вариант плана. Тот самый, который власти СК передали нам с Джейн. В свете последних событий я думаю, что ничего лучшего на сегодня у нас нет. Но и он не даст никаких результатов, если вы все не будете согласны. Ведь вам придется вернуться к вашим колонистам и объяснить им, что происходит. Вам придется убеждать их. Чтобы колония могла хоть как-то существовать, мы должны придерживаться единого мнения. И прежде всего это касается вас.

Я встал, Джейн поднялась почти одновременно со мной.

— Об этом вам лучше будет поговорить без

нас, — сказал я. — Мы подождем за дверью.

И мы вышли.

— Что-то не так? — спросил я Джейн, как только мы вышли из зала.

— Ты серьезно? — возмутилась Джейн. — Нас выкинули в незнакомую область пространства, лишили возможности вернуться, нам остается только сидеть и ждать, когда конклав отыщет и спалит нас, и ты спрашиваешь меня, что у нас не так!

— Я имел в виду: все ли в порядке с тобой? — пояснил я. — Ты затыкала глотки всем и каждому, кто пытался хоть что-то сказать. Да, положение у нас хуже некуда, но мы с тобой обязаны не терять головы. И вести себя как можно более дипломатично.

— Ты у нас прямо воплощенная дипломатия.

— Очень рад, что ты так высоко меня ценишь. Но почему-то совсем не помогаешь.

Джейн надолго умолкла. По всей вероятности, ей пришлось мысленно сосчитать до десяти. И еще раз.

— Извини. Ты прав. Извини.

— Объясни, пожалуйста, что с тобой происходит, — попросил я.

— Не сейчас. Попозже. Когда мы останемся

одни.

— Но мы и сейчас одни, — удивился я.

— Обернись.

Я увидел за спиной Савитри. Когда же я вновь повернулся к Джейн, она уже быстро шла прочь по коридору.

— Все в порядке? — спросила Савитри, провожая взглядом Джейн.

— Как только узнаю сам, немедленно сообщу тебе.

Я ожидал от нее обычной колкости, но ответа не последовало, что само по себе говорило о настроении и направлении мыслей Савитри.

— Кто-нибудь имеет представление о нашей истории с планетой? — спросил я ее.

— Мне так не кажется. Большинство народа — вроде вас… извините… понятия не имеет о том, как выглядит планета. А вот ваше отсутствие было замечено. Ваше и всего совета колонии. Но никто, похоже, не видит в этом ничего зловещего. Наверное, даже наоборот — решили, что собрались, чтобы еще раз поговорить о колонии. Я знаю только, что вас ищет Кранджич, но, скорее всего, он всего лишь надеется выжать из вас несколько слов о скачке и празднике.

— Ладно, — кивнул я.

— Если вдруг решите сказать мне, что еще у нас творится, смело говорите. Когда вздумается. Хоть ночью, — отрывисто проговорила Савитри.

Я забормотал было что-то уклончивое, но вовремя остановился, разглядев выражение ее глаз.

— Не тревожься, Савитри, скоро все узнаешь. Я тебе обещаю. Нам только нужно сначала разобраться с парой вещей.

— Ладно, босс.

Кажется, мои слова не так уж сильно успокоили ее.

— Сделай мне любезность, — обратился я к ней. — Разыщи Хикори или Дикори и пришли ко мне. Я должен кое-что с ними обсудить.

— Вы думаете, что им что-то известно?

— Не только думаю, но и точно знаю. Вот только хорошо бы выяснить, как много им известно. Скажи им, что мы встретимся в моей квартире немного попозже.

— Будет сделано, — откликнулась Савитри. — Я сейчас найду Зои. Они всегда болтаются не дальше тридцати метров от нее. Я думаю, это начинает ее раздражать. И, кажется, ее новый приятель изрядно побаивается их.

— Приятель, наверное, Энцо, — хмыкнул я.

— Он самый, — подтвердила Савитри. — Хоро-

ший мальчишка.

— Когда мы высадимся, я, пожалуй, попрошу Хикори и Дикори взять его с собой на хорошую дальнюю прогулку.

— Знаете, по-моему, очень любопытно, что вы даже в разгар кризиса думаете только о том, как бы сделать пакость парню, который клеится к вашей дочери, — заметила Савитри. — Какой-нибудь циник решил бы, что это просто замечательно.

Я ухмыльнулся. Савитри ответила мне такой же усмешкой. Должен признаться, что моя реплика дала тот самый результат, на который я рассчитывал.

— У всех людей свои представления о том, что важно, а что нет, — ответил я.

Савитри демонстративно закатила глаза и умчалась.

Через несколько минут вернулась Джейн с двумя чашками. Одну она протянула мне.

— Чай, — пояснила она. — Давай помиримся.

— С удовольствием, — ответил я и отхлебнул.

Джейн указала на дверь, за которой остались депутаты колонистов.

— Есть какие-нибудь новости?

— Никаких. Я даже не подслушивал у замочной

скважины.

— У тебя есть хоть какие-нибудь мысли насчет того, как поступить, если они решат, что наш план ни к черту не годится?

— Я рад, что ты меня об этом спросила. Честно скажу — совершенно не представляю, что можно будет поделать.

— Вижу, что ты, как всегда, продумал все наперед, — заявила Джейн, неспешно отпив из чашки.

— Не надо меня подкалывать, — посоветовал я. — Это работа для Савитри.

— Смотри-ка, сюда идет Кранджич! — воскликнула Джейн, указав пальцем в конец широкого коридора, где возникла фигура репортера. Как всегда, следом тащилась Беата. — Я могу разделаться с ним, если это доставит тебе удовольствие.

— Но Беата останется вдовой, — лицемерно вздохнул я.

— Не думаю, что она сильно расстроится из-за этого.

— Пусть еще поживет, — решил я.

— Перри, Саган, — обратился к нам Кранджич. — Я отлично знаю, что вы не очень-то жалуете меня, но все же думаю, что вы не откажетесь дать интервью по поводу скачка. Хотя бы на

десяток строк, а? Обещаю, что вы будете выглядеть у меня самыми настоящими милашками.

Дверь зала заседаний открылась, и оттуда выглянул Трухильо.

— Подождите здесь, Джанн, — сказал я Кранджичу. — Через минуту я, вероятно, скажу вам кое-что интересное.

Мы с Джейн вошли внутрь. Закрывая дверь, я успел услышать тяжелый вздох Кранджича.

— Ну что? — обратился я к депутатам.

— Собственно, у нас было не так уж много вариантов для обсуждения, — сказал Трухильо. — Мы решили, что, по крайней мере пока, лучше будет следовать плану Союза колоний.

— Что ж, прекрасно, — бесстрастным голосом ответил я. — Спасибо.

— А теперь нам нужно, чтобы вы посоветовали, что следует сказать людям, — продолжал Трухильо.

— Правду, — посоветовала Джейн. — От начала до конца.

— Вы много говорили о том, как СК обманул нас, — сказал я Трухильо. — Давайте не будем развивать эту тему.

— Значит, вы хотите, чтобы мы рассказали все? — уточнил он.

— Все, — подтвердил я. — Только подумавши.

Я открыл дверь и жестом пригласил Кранджича и Беату войти.

— Начните с него.

Все уставились на журналиста.

— Ну и что здесь происходит? — осведомился Кранджич.

— Команда «Магеллана» будет спускаться последней, — сказал я Джейн.

Я только что вернулся после совещания по поводу организации высадки с Зейном и Строссом. Джейн и Савитри занимались повторной сверкой списков технического оборудования колонии исходя из сложившегося положения. Но в данный момент в каюте нас было только трое: я, Джейн и Варвар, который, как и подобает собаке, пребывал в счастливом неведении наших новых сложностей.

— После того как команда уйдет с корабля, Стросс запрограммирует «Магеллан» на курс прямо к солнцу. Без шума, пыли и каких-либо следов нашего пребывания здесь.

— А что собирается делать Стросс? — спросила Джейн.

Она задала вопрос, не глядя на меня, а уставившись на крышку стола, по которой негромко

барабанила пальцами.

— Сказал, что «поболтается» немного.

Джейн вскинула на меня насмешливый взгляд. Я пожал плечами.

— Он приспособлен к жизни в пространстве. Вот и будет там жить. Он еще сказал, что с него хватит работы с докторской диссертацией до тех пор, пока за ним кто-нибудь не явится.

— Так значит, он надеется, что его отсюда заберут? И это вселяет в тебя оптимизм?

— Хорошо, что оптимизм сохраняется хоть у кого-то. Хотя мне показалось, что Стросс совершенно не склонен к пессимизму.

— Да, — кивнула Джейн.

Ритм, который она отбивала пальцами, немного изменился.

— Как насчет обинян?

— Более или менее, — ответил я, вспомнив недавний разговор с Хикори и Дикори. — А именно: мне кажется, что эта парочка знала о конклаве все, но нам ничего не говорила. Они вели себя примерно так же, как одна из моих жен. Не хотелось бы указывать пальцем, но если ты настаиваешь…

— Я не собираюсь просить за это прощения, — отрезала Джейн. — Это было одним из основных

условий, на которые я должна была согласиться, чтобы мне позволили жить с тобой и Зои. Тогда мне это казалось справедливым.

— А я вовсе и не требую от тебя извинений, — сказал я самым мягким тоном, на какой был способен. — Я просто очень расстроен. Из содержимого файлов, которые нам дал Стросс, я узнал, что этот самый конклав объединяет сотни рас. Как я понимаю, это крупнейший союз из всех, какие знала вселенная. И складываться он начал не один десяток лет назад, еще в ту пору, когда я жил на Земле. А узнаю о его существовании я только сейчас. Я не представлял, что такое возможно.

— Тебе не было положено об этом знать.

— Но ведь их владения пронизывают все известные нам области. Такое просто невозможно скрыть.

— Еще как возможно.

Пальцы Джейн, непрерывно барабанившие по столу, вдруг остановились.

— Союз колоний скрывает это уже давно и очень успешно. Вспомни, каким образом осуществляется связь между колониями. Они не могут общаться друг с дружкой сами — слишком велики расстояния. Для обмена информацией они должны собрать свои сведения и переслать их с

космическим кораблем. А всеми перемещениями в пространстве, подконтрольном человечеству, управляет Союз колоний. И вся информация обязательно проходит через СК. Если ты управляешь связью, тебе под силу скрыть все, что угодно.

— Не думаю, что это действительно так, — ответил я. — Рано или поздно все просачивается наружу. На Земле…

Джейн вдруг фыркнула.

— В чем дело? — удивился я.

— Ну, ты и сказал! На Земле… Если в человеческих владениях и есть место, где никто ничего не знает, — это Земля. — Она широко взмахнула рукой. — Много ты знал хоть о чем-нибудь из этого, когда жил на Земле? Вспомни-ка. И ты, и любой новобранец ССК подписывал контракт, не имея ни малейшего представления о том, как здесь обстоят дела. Ты даже не знал, каким образом тебе предстоит воевать. Союз колоний держит Землю в изоляции, Джон. Не допускает никакой связи с остальными человеческими мирами. Никакой информации ни туда, ни отсюда. Причем Союз колоний не просто скрывает прочую вселенную от Земли. Он еще и прячет Землю от прочей вселенной.

— Это же родина человечества! И естественно,

что СК не хочет афишировать его местонахождение.

— Чушь собачья! — с искренним раздражением воскликнула Джейн. — Никогда не поверю, что ты настолько глуп, чтобы верить в это. СК прячет Землю вовсе не из-за каких-то сентиментальных соображений, а только потому, что она — его важнейший ресурс. Земля — это фабрика, непрерывно поставляющая колонистов и солдат, но ни один из них не имеет никакого представления о том, что здесь творится. Потому что Союз колоний заинтересован в этом. И никто ничего не знает. Ты же не знал! Точно так же, как и все остальные. Так что не надо мне рассказывать, будто это невозможно. И не то удивительно, что СК скрывал от тебя существование конклава. Удивительно, что тебе вообще позволили о нем узнать.

Джейн снова принялась барабанить пальцами. С минуту она сидела молча, а потом вдруг с силой шлепнула ладонью по столу.

— Провались оно все! — выкрикнула она и уронила голову на руки.

Нетрудно было догадаться, что она донельзя разгневана.

— А теперь мне очень хочется знать, что имен-

но с тобой происходит, — сказал я.

— Ты тут ни при чем. Я сержусь вовсе не на тебя.

— Приятно слышать. Правда, думаю, тебе нетрудно понять, что после того, как ты назвала меня глупым незнайкой, мне очень интересно узнать, правда это или все же нет.

Джейн протянула ко мне руку.

— Подойди, пожалуйста.

Я шагнул к столу, и она положила мою ладонь на столешницу.

— Не мог бы ты сделать одну вещь? — попросила она. — Ударить по столу изо всей силы.

— Зачем? — удивился я.

— Ну пожалуйста. Ударь. Что тебе стоит?

Стол был стандартным — из прессованного углеродистого волокна, покрытый пленкой под дерево. Дешевый, довольно прочный и чуть ли не вечный. Я сжал кулак и треснул по столу. Удар получился не таким уж громким, а вот предплечье у меня сразу же ощутимо заныло. Варвар, как обычно лежавший на кровати, поднял голову и удивленно посмотрел, дескать, что это на тебя нашло.

— Ф-фух, — выдохнул я.

— У нас с тобой сила примерно одинаковая, —

без выражения сказала Джейн.

— Думаю, что да, — ответил я и, отойдя от стола, принялся потирать ушибленную руку. — Хотя ты, пожалуй, находишься в лучшей форме, чем я. Так что, может быть, сейчас ты и посильнее.

— Да, — кивнула Джейн и, не вставая со стула, ударила ребром ладони по столу.

Столешница сломалась с резким треском, похожим на винтовочный выстрел. Половина от нее отлетела и врезалась в дверь, оставив на ней заметную царапину. Варвар заскулил и прижался к стене.

От неожиданности я раскрыл рот и уставился на жену, которая с безучастным видом рассматривала остатки стола.

— Ну, Сциллард, ну, сукин сын, — сказала она.

Сциллард был главнокомандующим Специальными силами.

— Он знал о той пакости, которую нам собирались устроить. Не мог не знать. Ведь Стросс — его человек. И отлично знал, с чем нам придется столкнуться. Вот и решил дать мне боевое тело Специальных сил, хочу я того или нет.

— Каким же образом?

— Он пригласил меня на ланч, — объяснила Джейн. — И, вероятно, добавил что-нибудь в еду.

Тела, которыми Силы самообороны колоний снабжали своих солдат, до известной степени поддавались усовершенствованиям прямо, если можно так выразиться, по ходу жизни, что и делалось время от времени при помощи инъекций или приема с пищей специальных нанороботов, которые восстанавливали и улучшали ткани. Для восстановления обычных человеческих тел ССК эту методику не применяли, но никаких принципиальных препятствий для этого не существовало. И об изменении обычного тела при помощи нанороботов я тоже не слышал.

— Этой пакости нужно было всего ничего. Главное, чтобы они попали в меня, а там они начали размножаться.

В мозгу у меня словно лампочка зажглась.

— У тебя была лихорадка.

Джейн кивнула. Она упорно продолжала смотреть куда угодно, только не на меня.

— Лихорадка. И еще мне все время хотелось есть, и жажда была страшная.

— Когда ты это заметила? — спросил я.

— Вчера. Я вдруг начала все ломать и портить. Попыталась обнять Зои, а она пожаловалась, что я сделала ей больно. Хлопнула Савитри по плечу, и она спросила, зачем я дерусь. Я весь день

чувствовала себя ужасно неуклюжей. А потом увидела Стросса. — Джейн буквально выплюнула это имя. — И наконец-то поняла, что со мной творится. Я не стала неуклюжей, я изменилась. Опять стала тем же, кем была. Я не сказала тебе, потому что сначала решила, что это не важно. Но это засело у меня в голове, как заноза. И я не могу думать ни о чем другом. Я изменилась.

Джейн все же решилась посмотреть на меня. В ее глазах стояли слезы.

— Я этого не хочу, — с отчаянием в голосе произнесла она. — Я отказалась от всего этого, когда выбрала для себя жизнь с тобой и с Зои. Я так решила и отказалась, хотя мне и было больно. Расстаться со всем, что было у меня в прошлом.

Она прикоснулась пальцем к голове за ухом — когда-то там находился МозгоДруг, которого теперь у нее не было.

— От всех голосов, которые всегда были со мной. И впервые в жизни осталась одна. Мне было очень трудно привыкать к слабости этого тела, к тому, что очень многого больше не смогу делать. Но ведь я выбрала это! Приняла и привыкла. Научилась видеть красоту там, где прежде и представить не могла. И впервые в жизни поняла, что моя жизнь куда больше, чем то, что

непосредственно окружает меня. Я научилась видеть созвездия, а не только звезды. Моя жизнь — это и ты, и Зои. Мы все. Вместе. И это стоит всего того, от чего я отказалась.

Я подошел к Джейн и обнял ее.

— Все в порядке.

— Нет, не все и не в порядке, — с горьким смешком отозвалась Джейн. — Понимаешь ли, я знаю, о чем думал Сциллард. Он думал, что поможет мне — поможет нам, — сделав меня сверхчеловеком. Вот только он не знает того, что знаю я. Когда кто-то превращается в сверхчеловека, он одновременно делается и недочеловеком. Я так долго училась быть обычным человеком. А он взял и не задумываясь отнял у меня то, что было.

— Но ведь ты — это ты, — сказал я. — И это не может измениться.

— Надеюсь, что ты прав, — вздохнула Джейн. — Надеюсь, что этого будет достаточно.

6

— Эта трава воняет, как потная подмышка, — сказала Савитри.

— Вот и прекрасно, — отозвался я.

Когда явилась Савитри, я все еще обувался. В конце концов я все же зашнуровал ботинки и встал.

— И даже не пытайтесь доказать мне, что я не права, — добавила Савитри.

Варвар соизволил проснуться и подошел к ней. Савитри погладила его.

— Не то чтобы ты была не права, — сказал я. — Мне только казалось, что к совершенно новому миру можно было бы относиться с большим почтением.

— Я живу в палатке и писаю в ведро, — огрызнулась Савитри. — А потом мне приходится переться с этим ведром через весь лагерь к очистной установке, в которой из моей мочи извлекается мочевина на удобрения. Может быть, я и зауважала бы эту планету, если бы мне не приходилось тратить столько времени на перетаскивание взад-вперед отходов моей соб-

ственной жизнедеятельности.

— Попробуй писать пореже, — предложил я.

— О, большое спасибо! Вы одной-единственной фразой сразу разрубили гордиев узел. Неудивительно, что вас поставили самым главным.

— Все равно ведро — это только временная трудность.

— Вы это уже говорите мне две недели.

— В таком случае, Савитри, прошу прощения. Я должен был учесть, что две недели — больше чем достаточно для того, чтобы наша колония от трудностей начального периода достигла патрицианской изнеженности нравов.

— Мочиться в нормальных условиях — вовсе не изнеженность, — возразила Савитри, — а один из признаков цивилизации наряду с прочными стенами. И еще ваннами, которыми, должна вам сообщить, в последнее время в нашей колонии пользуется слишком мало народу.

— Теперь ты поняла, почему на планете пахнет подмышками?

— Здесь пахло подмышками, когда мы только-только высадились, — ответила Савитри. — А мы еще добавили вони.

Я расправил грудь и набрал через нос полные легкие воздуха, стараясь показать, будто

наслаждаюсь этим процессом. Но, к великому сожалению, Савитри была права — на Роаноке действительно пахло давно не мытым потным человеческим телом, так что меня хватило лишь на то, чтобы не зажать нос. Но кислое выражение лица Савитри с лихвой окупило неприятные ощущения.

— Ах! — провозгласил я, выдохнув воздух. И умудрился не закашляться при этом.

— Чтоб вы подавились! — пожелала мне Савитри.

— Кстати, мне тоже надо заняться кое-какими личными делами. — Я нырнул в палатку за своим собственным ведром. — Не хочешь прогуляться, составить мне компанию?

— Предпочла бы не составлять.

— Извини, но на самом деле это не предложение, а приказ. Пошли.

Савитри вздохнула, и мы направились через нашу деревушку к очистной установке. Следом за нами трусил Варвар, то и дело останавливавшийся, чтобы подлизаться к детям. Варвар, единственный из всех собак в колонии, не сидел на привязи, а врожденное дружелюбие помогало ему заводить друзей. Это быстро снискало ему популярность и помогло растолстеть.

— Манфред Трухильо сказал мне, что наш поселок построен по принципу лагерей римских легионеров, — сказала Савитри.

— И он совершенно прав, — ответил я. — Тем более что это была именно его идея.

Причем идея хорошая. Поселок был в плане прямоугольным с тремя широкими продольными улицами и одной поперечной, делящей их ровно пополам. Посередине находилась общая столовая, в которой колонисты посменно получали точно отмеренные порции из наших запасов продовольствия. Перед ней была устроена небольшая квадратная площадь, где дети и подростки пытались развлекаться играми, а напротив столовой поставили штабную палатку, служившую по совместительству домом для меня, Джейн и Зои.

По обе стороны от поперечной улицы, получившей гордое наименование проспект Вызова, тянулись ряды палаток, в каждой из которых обитали до десяти человек — как правило, две семьи и несколько одиночек или бездетных пар, которых удалось туда втиснуть. Несомненно, это было неудобно, но слишком уж мало места было у нас в поселке. Савитри жила в палатке с тремя семьями, имевшими по двое детей — в каждой

по одному младенцу и одному постарше, — что служило одной из немаловажных причин ее плохого настроения. Ей удавалось нормально спать не более трех часов в сутки. А поскольку сутки на Роаноке продолжались двадцать семь часов шесть минут, такой срок был явно маловат.

— Думаю, что римские легионеры не строили оборонительный периметр из складских контейнеров, — сказала Савитри, указав на окраину поселка.

— Пожалуй, что нет, — согласился я. — Но это было у них серьезным недостатком.

Построить стену из контейнеров предложила Джейн. Во времена Древнего Рима легионеры окружали свои лагеря канавами и частоколами, чтобы защититься от гуннов и волков. Гунны или иные враждебные кочевники нам не угрожали, зато мы уже видели в высокой траве каких-то крупных животных, и нам вовсе не хотелось, чтобы дети, да и некоторые взрослые, уже успевшие проявить свою неосторожность, отправлялись гулять в дальние окрестности поселка — за полкилометра и дальше. Контейнеры с нашим имуществом идеально подходили для этой цели: длинные, высокие, прочные. К тому же их было много — хватило, чтобы обнести лагерь двойной

стеной; а в пространство между стенами члены корабельной трюмной команды, все еще пребывавшие в глубоком унынии или гневе, при необходимости выгружали содержимое контейнеров.

Мы с Савитри направились к западной границе Хорватграда, где протекал неширокий, но быстрый ручей, благодаря которому этот край поселка, пока что единственный, обзавелся своим водопроводом. В северо-западном углу находилась фильтровальная установка с большой цистерной, производившая с избытком питьевую воду. Здесь же поставили две душевые кабины, в которых по строго ограниченной временной норме (минута для человека и три минуты для семьи) могли ополоснуться все желающие. За соблюдением сроков строго следили стоявшие в очереди. В юго-западном углу смонтировали септик — маленький, не такой, как мне показывал на Фениксе Ферро, — куда все колонисты опорожняли свои ночные горшки. А днем народ пользовался передвижными туалетными кабинами, стоявшими неподалеку от септика. К ним тоже почти всегда тянулись очереди.

Я подошел к септику и вылил содержимое своего ведра в люк; при этом пришлось задержать

дыхание — из дыры пахло отнюдь не розами. В установке наши испражнения перерабатывались в стерильное удобрение, которое запасалось впрок, и чистую воду, спускавшуюся по большей части в ручей. Не обошлось без споров по поводу того, как поступать с очищенной водой: то ли повторно использовать ее для своих нужд, то ли попросту выливать. Подавляющее большинство сошлись на том, что пусть даже вода кристально чистая, но колонисты и без того испытывают сильное нервное напряжение, так что незачем заставлять пить то, что совсем недавно было мочой, или купаться в этой воде. На мой взгляд, это не было пустым капризом. Однако часть этой воды сохранялась для мытья «ночных ваз». В приличном городе без этого не обойтись.

Когда я вернулся к оставшейся поодаль Савитри, она ткнула пальцем в сторону западной стены.

— Не собираетесь помыться в ближайшее время? — спросила она. — Вы только не обижайтесь, но рядом с вами и запах потной подмышки покажется вполне сносным.

— А ты сама долго намерена пребывать в таком состоянии? — ответил я вопросом на вопрос.

— До тех пор, пока у меня не будет внутреннего

водоснабжения. Что, в свою очередь, подразумевает наличие помещения, внутри которого все это находилось бы.

— Об этом мечтает весь Роанок, — заметил я.

— Но мечта так и останется мечтой, пока мы не переселим всех колонистов из этого палаточного города на их собственные фермы.

— Ты не первая говоришь мне об этом, — начал я, но не договорил, так как тут к нам подлетела Зои.

— А-а, вот вы где! — воскликнула она и протянула мне руку. — Смотри. Я нашла зверюшку.

Я взглянул на существо, сидевшее у нее на ладони. А оно посмотрело на меня. Оно походило на крысу, пропущенную через машинку для выдавливания тянучек. От земной крысы местную отличало в первую очередь наличие четырех овальных глаз, по паре с обеих сторон головы, а также то, что у нее, как и у всех остальных позвоночных животных, с которыми мы успели познакомиться на Роаноке, имелись противостоящие большие пальцы на трехпалой кисти. И эта «крыса» всеми своими пальцами держалась за ладонь Зои.

— Ну разве не симпатяга? — спросила Зои.

Существо издало звук, похожий на отрыжку;

Зои истолковала его как требование и свободной рукой извлекла из кармана крекер. Зверек схватил его одной лапой и принялся грызть.

— Раз ты так говоришь, значит, да, — философски заметил я. — Где ты его нашла?

— Да их целая куча, там, за столовой, — сказала Зои, показывая зверька Варвару.

Он потянулся к существу носом — оно зашипело.

— Они там смотрят, как мы едим.

В моем мозгу вдруг словно дверца приоткрылась: я сообразил, что сам видел их на минувшей неделе, но ухитрился не обратить внимания. А Зои продолжала свой рассказ:

— Я подумала, что они голодные. Мы с Гретхен вышли покормить их, но они разбежались. Кроме этого вот парня. Он сразу подошел ко мне и взял крекер прямо из рук. Пожалуй, я оставлю его у себя.

— Я предпочел бы, чтобы ты этого не делала, — ответил я. — Ты же не знаешь, откуда он взялся.

— Да нет же, знаю, — возразила Зои. — Он был около столовой.

— Ты не поняла меня.

— Я отлично тебя поняла, девяностолетний папаша. Но знаешь, что я тебе скажу: если бы он

хотел укусить меня ядовитым зубом и сожрать, он наверняка уже и укусил бы, и съел бы меня.

Существо расправилось с крекером, опять рыгнуло, а потом вдруг соскочило наземь и помчалось к стене из контейнеров.

— Эй! Постой! — крикнула Зои.

— Какой верный, прямо как любимый щенок, — съязвил я.

— Когда он вернется, я перескажу ему все те гадости, которые ты про него наговорил, — пригрозила Зои. — И позволю ему наложить тебе на голову.

Я поднял ведро и звучно постучал по нему.

— Нет, нет и еще раз нет. Для подобных целей у нас вот это.

Зои скривила губы — необходимость пользоваться ведром, пусть даже оснащенным специальной крышкой-сиденьем, донельзя ее раздражала.

— Спасибо, папашенька, за приятное зрелище.

— Не стоит, — усталым тоном откликнулся я.

И вдруг до меня дошло, что я не вижу рядом с Зои ее постоянных спутников.

— А где Хикори и Дикори?

— Мама попросила их проводить ее, она решила кое-что посмотреть. А меня послала искать тебя.

Она хочет, чтобы ты тоже туда пришел. Она будет по ту сторону баррикады. У северного входа.

— Ладно. А где будешь ты?

— На площади, конечно. А где еще, по-твоему, я могу быть?

— Прости, дорогая. Я знаю, что тебе и твоим друзьям скучно.

— Не прикидывайся, — огрызнулась Зои. — Мы все знали, что колонизация будет трудным делом, но и предположить не могли, что она окажется такой скучной.

— Если ты ищешь какое-нибудь занятие, можно организовать школу, — сказал я.

— Нам скучно, и ты предлагаешь не что-нибудь, а школу? Хоть подумал бы. Кроме того, ведь ты сам отобрал все ЭЗК. Мне кажется, нас будет трудно чему-нибудь учить, не имея ни программ, ни заданий.

— У меннонитов есть книги, — сказал я. — Старомодные. Со страницами и всем прочим.

— Знаю. Они единственные, кто не лезет на стенку от скуки. Боже, как мне не хватает моей ЭЗК.

— Ирония должна быть убийственной, — напомнил я.

— А сейчас я с тобой расстанусь, — сказала

Зои, — а то ты меня доведешь, и я начну швыряться в тебя камнями.

Впрочем, угроза не помешала ей быстро поцеловать на прощание и меня, и Савитри. Варвар убежал за Зои — с ней было куда веселее, чем с нами.

— Я хорошо ее понимаю, — сказала Савитри, когда мы направились дальше.

— Тебе тоже хочется закидать меня камнями? — полюбопытствовал я.

— Иногда, — серьезно ответила Савитри. — Но не сейчас. Кстати, насчет ЭЗК. Мне ее тоже сильно недостает. Но вы посмотрите вот на это.

Савитри сунула руку в задний карман брюк и вынула блокнотик, скрепленный проволочной спиралью, который сделал ей в подарок то ли сам Хайрам Йодер, то ли кто-то еще из меннонитов.

— Вот до чего я дошла.

— Дикарка, — улыбнулся я.

— Можете издеваться как хотите, — ответила Савитри и убрала записную книжку в карман. — Но переход с компьютера на блокнотик никому не дастся легко.

Я не стал спорить. Некоторое время мы шли молча и, выйдя из северных ворот поселка, вскоре нашли Джейн в обществе Хикори и Дикори

и двоих представителей службы безопасности «Магеллана», которых она впрягла в работу.

— Посмотри-ка на это.

Джейн указала на один из контейнеров.

— Что я должен увидеть? — кротко спросил я.

— Вот это, — пояснила Джейн и указала на стенку контейнера на высоте около трех метров над землей.

— Там царапины.

— Да. И на других контейнерах мы их тоже видели.

Джейн прошла дальше, миновав два или три контейнера.

— А здесь нора. Такое впечатление, что кто-то пытался подкопаться под контейнеры.

— Что ж, в добрый час, — отозвался я.

Контейнеры были больше двух метров в ширину.

— С другой стороны периметра мы нашли еще одну нору — почти метровой глубины, — сообщила Джейн. — Кто-то пытался ночью пробраться к нам. Не может перепрыгнуть через контейнеры и потому пробует подкопаться снизу. И это еще не все. Здесь то и дело попадаются участки вытоптанной травы и много следов лап самых разных размеров на земле и на контейнерах. Не знаю,

что это за животные, но они живут стаями.

— А что говорят те, кто видел это зверье? — поинтересовался я. — Они крупные или не очень?

Джейн пожала плечами.

— Вблизи их не видел никто, а днем они не показываются. В обычных условиях мы выставили бы на стене инфракрасные камеры, но здесь не можем позволить себе этого.

Джейн не требовалось объяснять мне, почему не можем: камеры наружного наблюдения, как и большая часть нашего электронного оборудования, были приспособлены для беспроводной связи и, следовательно, представляли дополнительную угрозу нашей безопасности.

— Есть у них мозги или нет, но они умудряются не попадаться на глаза ночным часовым. К тому же наши часовые не пользуются приборами ночного видения.

— И ты считаешь их опасными.

Джейн кивнула:

— Не могу представить себе, чтобы какое-нибудь травоядное животное с такой настойчивостью пыталось бы прорваться внутрь. А эти видят нас, чуют нас и хотят забраться к нам, чтобы выяснить, что мы из себя представляем. Мы, в свою очередь, должны узнать, что представляют собой

они и сколько их.

— Если это хищники, то их не должно быть очень много, — поразмыслил я. — Перебор с хищниками привел бы к истреблению всей добычи.

— Да, — согласилась Джейн. — Но это не объясняет нам, сколько их, могут ли они представлять опасность и какую. Мы знаем только, что они ведут ночной образ жизни, что они крупные и лишь немного не достают до верхнего края контейнера, и достаточно умны, чтобы догадаться начать подкоп. И мы не можем позволить людям переселяться на фермы, пока не выясним, какую угрозу представляют собой эти твари.

— Но ведь наши люди вооружены.

Среди наших грузов было и немалое количество древних винтовок и боеприпасов к ним, не имевших никакого отношения к нанотехнологиям.

— Да, огнестрельное оружие у них есть, — ответила Джейн. — Но большинство не имеют ни малейшего представления о том, как им пользоваться. Прежде чем попасть в зверя, они перестреляют друг друга и самих себя. К тому же опасность угрожает не только людям. Я больше беспокоюсь о домашней скотине. Мы просто не можем себе позволить кормить коровами хищников. По крайней мере сейчас.

Я окинул взглядом расчищенное пространство, ограниченное зарослями кустарника. Один из меннонитов обучал нескольких других колонистов вождению старомодного трактора. Поодаль от них группа поселенцев брала пробы почвы, чтобы проверить в лаборатории, насколько она подходит для наших зерновых культур.

— Это не может продолжаться долго, — сказал я Джейн. — Люди и так уже жалуются, что мы все время держим их взаперти в поселке.

— Чтобы выследить тварей, много времени не понадобится. Сегодня же ночью я возьму Хикори и Дикори, и мы засядем на контейнерах. Зрение обинян охватывает инфракрасный диапазон, так что, когда появятся звери, они их заметят.

— А ты?

Джейн пожала плечами. После того как во время перелета на «Магеллане» выяснилось, что ее тело подвергли усовершенствованию, она мало разговаривала о своих вновь обнаруживающихся способностях. Но можно было не сомневаться в том, что к их числу относится и расширение оптического диапазона.

— Что же ты намерена делать, когда увидишь их?

— Сегодня — ничего. Я хочу всего лишь полу-

чить представление о том, сколько их и как они выглядят. А потом уже будем решать, что с ними делать. Но до тех пор мы должны позаботиться, чтобы все за час до заката возвращались домой, а те, кто днем выходит за пределы поселка, имели вооруженную охрану.

Она кивнула в сторону своих помощников-людей.

— Эти двое обучены владеть оружием, в команде «Магеллана» найдется еще несколько. С этого и начнем.

— И никаких построек посреди чистого поля, пока мы не разберемся в обстановке полностью, — добавил я.

— Совершенно верно, — кивнула Джейн.

— До чего же забавным будет следующее заседание совета.

— Я заставлю их понять, что к чему, — пообещала Джейн.

— Нет, этим придется заняться мне. Тебя и так уже считают чуть ли не пугалом. И я не хочу, чтобы народ думал, будто ты всегда сообщаешь только дурные вести.

— Меня это нисколько не беспокоит.

— Я знаю. Но из этого вовсе не следует, что ты всегда должна рассказывать о неприятностях.

— Ну и ладно. В таком случае ты можешь сказать, что я рассчитываю очень скоро выяснить, представляют ли эти твари опасность, и если да, то какую. Так им будет легче перенести очередной удар.

— Будем надеяться, — вздохнул я.

— Неужели у нас нет никакой информации об этих существах? — спросил Манфред Трухильо.

Вместе с ним и капитаном Зейном я направлялся к информационному центру поселка.

— Нет, — ответил я. — Мы даже не знаем, как они выглядят. Но Джейн собирается выяснить это нынче ночью. Пока что единственные существа, о которых мы хоть что-то знаем, — это те крысы, что шныряют возле столовой.

— Фугли, — вставил Зейн.

— Что? — удивился я.

— Фугли, — повторил Зейн. — Такое название придумали им подростки. Потому что они чертовски уродливы.

— Хорошее название, — кивнул я. — Вот только мне кажется, что нельзя получить полное представление о биосфере планеты по одному фуглю, который почему-то дался в руки.

— Я знаю, что вы превыше всего цените осторожность, — сказал Трухильо. — Но люди начи-

нают беспокоиться. Мы приволокли их в место, о котором они ничего не знают, сказали, что они никогда больше не увидят своих родных и друзей, а потом на целых две недели лишили их возможности хоть чем-нибудь заниматься. Мы понятия не имеем, где находимся и что нас ждет. Необходимо предоставить людям возможность сделать следующий шаг к нормальной жизни, а не то они всерьез решат, что обречены всю жизнь вести такое существование.

— Все это понятно, — ответил я. — Но вы же не хуже меня знаете, что в этом мире у нас нет ровным счетом ничего. Вы обладаете той же информацией, что и я. Неизвестно, кто проводил, извините за выражение, исследование этой планеты, но ясно, что он потратил на него не более десяти минут. Мы знаем основные биохимические характеристики планеты, но это чуть ли не все. У нас почти нет информации о флоре и фауне, вернее, даже о том, есть ли здесь деление на флору и фауну. Мы не знаем, будут ли на здешней почве расти наши сельскохозяйственные культуры. Мы не знаем, какие из местных организмов пригодны в пищу и есть ли здесь хоть что-то съедобное или годящееся для чего-нибудь. У нас нет абсолютно ничего из той информации,

которую Департамент колонизации обычно предоставляет будущим колонистам. Мы должны собственными силами получить все эти сведения, прежде чем перейдем к расселению, но, к сожалению, здесь перед нами очень и очень много трудностей.

Мы добрались до информационного центра — так громко именовался разгруженный контейнер, приспособленный для чрезвычайно важной цели.

— Прошу. После вас, — сказал я, придержав первую дверь для Трухильо и Зейна, и закрыл ее за собой на специальный замок. Дверь сразу же стала совершенно незаметной — вся стена обрела ровный, глубоко черный цвет — это включилась наносистема, без чего нельзя было бы открыть внутреннюю дверь. Наномеханическая оболочка, покрывавшая стены, потолок и пол контейнера, улавливала и поглощала все виды электромагнитного излучения. Человеку, впервые попавшему в это помещение, неизбежно становилось жутковато — казалось, что ты попал в самое сердце ничего.

Изобретатель системы ждал за второй дверью.

— Администратор Перри, капитан Зейн, мистер Трухильо, — высокопарно приветствовал

нас Джерри Беннетт, — рад видеть вас в моем маленьком черном ящике.

— Как работает система? — спросил я.

— Прекрасно. — Беннетт указал на потолок. — Никакого излучения ни оттуда, ни туда. Шредингер[5] сдох бы от зависти. Но мне нужны аккумуляторы. Этих не хватает. Вы просто не поверите, как система жрет энергию. Не говоря уже обо всем остальном оборудовании.

Беннетт указал на стоявший посередине стол. Благодаря системе нанороботехнической защиты здесь находилось единственное на Роаноке место, где можно было соприкоснуться с технологией, опередившей уровень середины двадцатого века на Земле, не считая, конечно, производства энергии, которое не пришлось переводить на ископаемое топливо.

— Я подумаю, что можно сделать, — пообещал я. — Но ведь чудотворец у нас не я, а вы, Беннетт.

— Нет, — он мотнул головой, — я всего лишь обычный «ботаник». Вот данные о почве, которые вы просили.

Он подвинул мне ЭЗК, и я незаметно погладил

---

[5] Notes: 5

Шредингер, Эрвин (1887–1961) — австрийский физик-теоретик, лауреат Нобелевской премии по физике (1933), основоположник квантовой механики.

ее, прежде чем взглянуть на экран.

— На мой взгляд, новости хорошие — образцы почвы, которые я успел обработать, в целом годятся для наших растений. В почве нет ничего такого, что могло бы убить их или помешать росту, по крайней мере из химических веществ. И еще в каждом из образцов было полно всякой живности.

— Это плохо? — заволновался Трухильо.

— Помилуйте! — воскликнул Беннетт. — Все мои агрономические знания ограничиваются теми статьями из справочников, которые я прочел, пока возился с образцами. На Фениксе у жены был небольшой садик, и она вроде бы считала, что всякие там жучки-червячки — это хорошо, потому что они помогают земле дышать. Кто знает, возможно, она права.

— Она права, — подтвердил я. — Наличие изрядного количества биомассы обычно считается хорошим признаком.

Трухильо взглянул на меня, не скрывая скепсиса.

— Послушайте, я как-никак содержал ферму, — предупредил я его вопрос. — Но мы не знаем, как эти существа отреагируют на появление наших растений. Ведь мы же вводим в биосферу совер-

шенно новые виды.

— В сельском хозяйстве вы разбираетесь намного лучше меня, так что я пойду дальше, — продолжал Беннетт. — Вы спрашивали, есть ли какой-нибудь способ переделать нашу аппаратуру, заменив беспроводные соединения контактными, чтобы мы могли ее использовать. Вам нужен длинный ответ или устроит и короткий?

— Давайте начнем с короткого, — предложил я.

— Пожалуй, что не сможем, — сказал Беннетт.

— Ладно, — кивнул я, — теперь можно перейти и к длинному ответу.

Беннетт протянул руку, взял со стола ЭЗК, с которой заранее снял нижнюю крышку, и вручил мне.

— Вот вам ЭЗК. Совершенно стандартное изделие технологии Союза колоний. Вы видите здесь все компоненты: процессор, монитор, устройство памяти, беспроводной передатчик, позволяющий осуществлять связь с другими ЭЗК, а также между компонентами данного устройства. Ни один из компонентов не имеет физического контакта ни с одним из других. Все взаимодействие осуществляется без проводов.

— Но почему они решили делать именно так? — спросил я, вертя ЭЗК в руках.

— Потому что это дешево, — ответил Беннетт. — Микроскопические передатчики делаются почти что из ничего. И обходятся гораздо дешевле, чем материалы, которые потребовались бы для поддержания электрического контакта. Они тоже очень недороги, но разница все же весьма заметна. Так что почти каждый изготовитель идет именно по этому пути. А его диктует бухгалтерия. Токопроводящие контакты в ЭЗК используются лишь для передачи энергии от источника питания к отдельным модулям, но тоже из соображений стоимости.

— А нельзя ли использовать эти контакты для передачи данных? — спросил Зейн.

— Не представляю себе, как это можно сделать, — вздохнул Беннетт. — То есть передать данные по реально существующей цепи — несложно. А вот забраться в микросхемы — в переносном смысле, конечно, — и перепрограммировать командное ядро на новый маршрут мне не по силам. Я ведь не такой уж сильный программист, а каждый изготовитель запирает доступ к командному ядру. Что поделать — защита интеллектуальной собственности. И даже если

бы мне удалось взломать защиту, нет никакой гарантии, что в итоге машина заработала бы. Ведь помимо всего прочего, сигналы пришлось бы пересылать через источник питания. Не уверен, что эта затея легко исполнима.

— Получается, что, даже если мы выключим все беспроводные передатчики, эти блоки все равно будут отправлять радиосигналы? — уточнил я.

— Да. Пусть на очень короткое расстояние — не больше нескольких сантиметров, — но все же будут. И если вы поставите себе целью засечь такое излучение, вы сможете это сделать.

— Знаете, мы тут думаем, гадаем, как лучше спрятаться, но сдается мне, что все впустую, — вмешался Трухильо. — Если кто-то может уловить такие слабые радиосигналы, для него тем более не составит труда как следует рассмотреть планету. Поглядят в телескопы и попросту увидят нас.

— От глаза скрыться труднее всего, — ответил я. — А от радиопеленгатора — совсем не сложно. Ответьте мне еще на один вопрос. — Я возвратил Беннетту ЭЗК. — Не могли бы вы сделать контактные ЭЗК? Без радиообмена между модулями и отдельными устройствами.

— Схему подобрать не составит особого труда, — ответил он. — Они, как правило, выкладывались

совершенно открыто. А вот насчет производства у меня оптимизма нет совершенно. Я могу пошарить по складам и слепить худо-бедно работающую железку. Беспроводные модули — общее правило, но эту трудность, возможно, удастся решить. Но заменить бортовые компьютеры на большинстве наших машин устройством с проводами нам не удастся никогда. Если честно, я считаю, что за пределами этого «черного ящика» нам не скоро удастся продвинуться дальше начала двадцатого столетия.

С минуту мы переваривали услышанное.

— Но хотя бы расширить вот это мы сможем? — спросил наконец Зейн, указывая пальцем на стену.

— Я думаю, что получится, — ответил Беннетт. — Лично я считаю, что мы должны выстроить «черный ящик» для медицинского пункта. Мне то и дело приходится уступать это место доктору Цао, так что своими делами заниматься просто некогда.

— Она сильно вам мешает? — осведомился я.

— Нет, она очень милая и приятная женщина. И поэтому очень не нравится моей жене. Но здесь поместилась лишь пара ее диагностических аппаратов. Хотелось бы иметь более удобное

помещение, где она могла бы развернуться, на случай если у нас вдруг появится серьезная медицинская проблема.

Я кивнул. За минувшее время в нашем лагере случилась всего одна травма: подросток полез на стену из контейнеров, сорвался и сломал руку. Ему повезло, что только руку, а не шею.

— Наноботов у нас хватит?

— Сюда ушел почти весь запас, — ответил Беннетт. — Но я могу запрограммировать остатки на самовоспроизведение. Только потребуется дополнительное сырье.

— Я попрошу Ферро заняться этим, — сказал Зейн. — Пусть посмотрит, что у нас годится для этого.

— Я его изредка вижу, и мне всегда кажется, что он чертовски зол, — заметил Беннетт.

— А вы не допускаете, что ему может не нравиться, что он оказался здесь, а не у себя дома? — огрызнулся Зейн. — Что ему не слишком понравилось его похищение Союзом колоний.

За две прошедшие недели капитан нисколько не смирился с уничтожением своего корабля и насильственным зачислением команды в колонисты.

— Извините, — отозвался Беннетт.

— Я могу идти? — осведомился Зейн.

— Еще два кратких сообщения, — остановил его Беннетт. — Я почти закончил распечатку тех сведений, которые вы получили, когда мы оказались здесь, так что у вас теперь будет свой экземпляр. Видео и звуковые файлы я, конечно, распечатать не могу, но пропущу их через процессор, чтобы у вас была хотя бы текстовая расшифровка.

— Замечательно, — сказал я. — А что же у вас на второе?

— Я обошел лагерь с пеленгатором, как вы меня просили, и поискал источники радиоизлучения.

При этих словах Трухильо удивленно вскинул брови.

— Пеленгатор — полупроводниковый прибор, который ничего не излучает, а только принимает, — пояснил Беннетт. — Как бы там ни было, я думаю, что вам следует знать, что в лагере все еще имеется три беспроводных устройства. И они все продолжают передачи.

— Совершенно не понимаю, о чем вы говорите! — заявил Джанн Кранджич.

Далеко не в первый раз мне пришлось сделать усилие, чтобы не долбануть ему со всей силы кулаком в висок.

— Джанн, неужели нам действительно необхо-

димо переходить к жестким мерам? — спросил я. — Давайте сделаем вид, что нам не по двенадцать лет и что мы беседуем не на уровне «хочу — не хочу».

— Я выключил свою ЭЗК, как и все остальные, — сказал Кранджич и раздраженно махнул рукой в сторону Беаты, которая лежала на кровати, прикрыв глаза посудным полотенцем. Очевидно, она страдала мигренями. — Беата тоже выключила и ЭЗК, и свою камеру. Больше у нас ничего нет.

Я оглянулся.

— Ну, Беата, а вы что скажете?

Она приподняла краешек полотенца и, моргая от света, взглянула на меня. Потом вздохнула и снова прикрыла глаза.

— Осмотрите его исподнее, — посоветовала она.

— Извините? — удивился я.

— Беата! — рявкнул Кранджич.

— Заставьте его снять трусы, — пояснила Беата. — На них вы найдете маленький кармашек, в котором лежит записывающее устройство. А объектив с микрофоном для него замаскированы под булавку в виде умбрийского флага. Наверно, она и сейчас на нем.

— Сука! — выкрикнул Кранджич, непроизволь-

но прикрывая булавку ладонью. — Ты уволена.

— А вот это по-настоящему смешно, — отозвалась Беата, прижимая обеими руками полотенце к глазам. — Мы находимся за тысячу световых лет от всего на свете без малейшего шанса когда-либо вернуться на Умбрию, ты тратишь целые дни, надиктовывая на спрятанный в грязном белье диктофон длиннющие монологи для книги, которую никогда не напишешь, и вдобавок ко всему увольняешь меня! Держи пять, Джанн, ты клево схохмил.

Кранджич застыл на месте, очевидно, придумывая, как подраматичнее выйти из создавшегося положения. Я не стал дожидаться, когда его осенит.

— Джанн… — сказал я и протянул руку.

Он выдернул булавку и швырнул мне в ладонь.

— Что, теперь будете рыться в моем белье? — ехидно бросил он.

— Оставьте ваше белье себе, — ответил я. — Только отдайте диктофон.

— Через много лет люди захотят узнать историю этой колонии, — провозгласил Кранджич, расстегивая ремень брюк и копаясь в трусах. — Они начнут выяснять факты и сведения, но

ничего не найдут. И не смогут ничего найти, потому что руководство колонии тратит все свои силы и время на жестокое цензурное угнетение единственного в колонии представителя журналистского сообщества.

— Беата тоже журналист, — возразил я.

— Она всего лишь технический помощник, — презрительно скривил рот Кранджич и хлопнул по столу миниатюрным диктофоном. — Это совсем не то же самое, что журналист.

— Я не собираюсь устраивать на вас цензурные гонения, — сказал я, — но не могу позволить вам подвергать опасности колонию. Я возьму это устройство и попрошу Джерри Беннетта распечатать для вас расшифровку всего, что вы наговорили. Только очень мелким шрифтом, поскольку не хочу впустую тратить бумагу. Так что вы получите свои записи. Если хотите, обратитесь к Савитри. Можете сказать ей, что я попросил дать вам один из ее блокнотов. Но только один, Джанн. Все остальное ей необходимо для работы. А если вам понадобится еще бумага, обратитесь к меннонитам. Может быть, они вам помогут.

— Вы хотите, чтобы я вел свои записи от руки?! — вновь возмутился Кранджич. — На простой бумаге?

— Сэмюэля Пеписа[6] это устраивало, — ответил я.

— Вы что, серьезно думаете, будто Джанн умеет писать? — пробормотала Беата со своей кровати.

— Сука, — повторил Кранджич и выскочил из палатки.

— Веселая у нас семейка, — заметила Беата.

— Заметно, — согласился я. — Хотите развестись?

— Посмотрим. — Беата снова выглянула из-под полотенца. — Как вы думаете, ваша помощница согласилась бы дружить со мной?

— Не припомню, чтобы за все время нашего с нею знакомства она бы с кем-нибудь дружила.

— Значит, нет.

— Но если я что-нибудь понимаю, в ней накопилось столько огня… — добавил я.

— М-м-м-м… — протянула Беата, вновь опустив полотенце на глаза. — Заманчиво. Но, пожалуй, я еще побуду замужней дамой. Это чертовски раздражает Джанна. Приятно хоть немного расквитаться с ним за нервотрепки, которые он мне непрерывно устраивал все эти годы.

— Буйная семейка, — усмехнулся я.

---

[6] Notes: 6
Пепис, Сэмюэль (1633–1703) — английский политик и мемуарист.

— А то! — весело отозвалась Беата.

— Мы вынуждены отказаться, — сказал Хикори.

Мы с обинянами вели беседу в «черном ящике». Я решил, что сообщить им о запрете использования своих искусственных эмоций, работающих на основе устройств беспроводной связи, будет лучше, когда их трансплантаты включены.

— Вы никогда прежде не отказывались выполнять мои приказы.

— Ни один из ваших приказов пока что не вступал в противоречие с договором между нашими народами, — пояснил Хикори. — По соглашению с Союзом колоний мы имеем право находиться рядом с Зои. Соглашение также позволяет нам записывать испытываемые нами ощущения и делиться ими со всем народом обинян. Ваше требование отключить эмоции идет полностью вразрез с соглашением. А это основа нашего сотрудничества.

— Вы могли бы извлечь и сдать ваши имплантаты, — предложил я. — И это решило бы проблему.

— Мы не можем этого сделать, — ответил Хикори. — Это явилось бы отказом от обязанностей, возложенных на нас нашим народом.

— Я мог бы сказать Зои, чтобы она потребовала этого от вас. Не могу представить себе, чтобы вы смогли проигнорировать ее приказ.

Хикори и Дикори одновременно склонились друг к другу и так же одновременно выпрямились.

— Это было бы мучительно для нас, — доложил Хикори.

Я же впервые в жизни слышал, чтобы это слово произносилось с такой апокалипсической серьезностью.

— Вы, конечно, понимаете, что у меня нет никакого личного основания так поступать с вами, — продолжал я. — Но указания, полученные от Союза колоний, совершенно однозначны. Мы не можем допустить никаких излишних признаков нашего присутствия в этом мире. Конклав истребит нас. Всех нас, в том числе Зои и вас обоих.

— Мы обдумали такую возможность, — отозвался Хикори, — и считаем опасность крайне незначительной.

— Напомните мне, чтобы я показал вам небольшой видеофильм.

— Мы его уже видели. Он был направлен нашему правительству, так же как и вашему.

— Раз вы его видели, как же вы можете не понимать, что конклав представляет угрозу для нас?

— Мы внимательно изучили фильм и уверены, что риск крайне незначителен.

— Но решения принимаете не вы.

— Мы. В соответствии с нашим соглашением.

— На этой планете законную власть осуществляю я.

— Вы, — согласился Хикори, — но вы не можете по собственной прихоти аннулировать соглашение между нашими народами.

— Принимать меры для того, чтобы колонию не истребили, — это, по-вашему, прихоть?

— Мы считаем прихотью вашу попытку избежать обнаружения путем отключения всех беспроводных устройств, — заявил Хикори.

— Почему вы никогда ничего не говорите? — обратился я к Дикори.

— У меня нет разногласий с Хикори, — ответил он.

Я почувствовал приступ отчаяния, но тут же взял себя в руки.

— Мы столкнулись с серьезной проблемой, — сказал я. — Я не могу заставить вас выдать мне ваши имплантаты, но и не могу позволить вам передвигаться по планете с ними. Ответьте мне

на такой вопрос: будет ли нарушением соглашения с моей стороны, если я потребую, чтобы вы жили здесь, в этом помещении, а Зои будет регулярно посещать вас?

Хикори задумался.

— Нет, — сказал он. — Этот вариант не из тех, кои были бы для нас сугубо предпочтительны.

— И для меня тоже, — кивнул я. — Но мне кажется, что выбора просто нет.

На этот раз Хикори и Дикори совещались несколько минут.

— Это помещение покрыто материалом, поглощающим волновое излучение, — сказал в конце концов Хикори. — Дайте его нам. Мы могли бы использовать его для того, чтобы экранировать наши устройства и самих себя.

— Сегодня у нас его слишком мало. Необходимо изготовить побольше. А для этого потребуется некоторое время.

— Если вы согласны на это предложение, то мы согласимся с вашим на то время, кое потребуется для производства нужного материала, — провозгласил Хикори. — А на протяжении этого периода мы не будем использовать наши имплантаты за пределами этого помещения, но вы приложите усилия, чтобы организовать визиты Зои к нам

сюда.

— Замечательно, — выдохнул я. — Благодарю вас.

— Рады, что достигли взаимопонимания. Возможно, так будет даже лучше. Поскольку за время нашего пребывания здесь Зои, по нашим наблюдениям, уделяет мало внимания общению с нами.

— Но ведь она же юная девушка, — сказал я. — У нее новые друзья. Новая планета. Новый поклонник.

— Да. Энцо, — подтвердил Хикори. — Мы испытываем к нему очень двойственное отношение.

— Присоединяйтесь к клубу недовольных, — усмехнулся я.

— Мы можем устранить его, — предложил Хикори.

— Если честно, то не можете.

— Тогда несколько позже, — не отступал Хикори.

— Я предпочел бы, чтобы вы, вместо того чтобы убивать потенциальных поклонников Зои, помогли Джейн разобраться, кто оставляет следы на нашем заборе. Вероятно, в эмоциональном плане это не так сильно впечатляет, зато в общем и целом будет гораздо полезнее.

Джейн бросила тушу на пол домика, в котором заседал совет. Животное имело определенное сходство с койотом; правда, у койотов вы не увидите четырех глаз и противостоящих больших пальцев.

— Дикори поймал его в одной из нор. Там было три зверя, но два убежали, а этого Дикори успел убить.

— Застрелил? — полюбопытствовала Марта Пиро.

— Заколол ножом.

Ответом было приглушенное взволнованное бормотание; большинство колонистов, да и членов совета, все еще испытывали к обинянам изрядное недоверие.

— Вы думаете, это один из тех хищников, из-за которых вы так встревожились? — спросил Манфред Трухильо.

— Возможно, — ответила Джейн.

— Возможно… — повторил Трухильо.

— Лапы той самой формы, что и найденные нами следы, — продолжала Джейн. — Но мне кажется, что этот зверь мелковат.

— Мелкий он или нет, но следы оставлял кто-то такой же, как он, — заметил Трухильо.

— Возможно, — вновь сказала Джейн.

— Вы не видели никого крупнее? — спросил Ли Чен.

— Нет. — Джейн взглянула на меня. — Я караулила три ночи и минувшей ночью вообще впервые увидела живое существо, подошедшее к стене.

— Хайрам, вы почти каждый день выходите за ограду, — сказал Трухильо. — Вам попадался кто-нибудь вроде этого?

— Каких-то животных я видел. Но, насколько могу судить, все они были травоядными. И ничего похожего на эту тварь мне не попадалось. Но ведь я выходил за ограду только днем, а администратор Саган считает, что это ночное животное.

— Но больше она их не встречала, — вставила Мария Черная. — А мы из страха перед призраками не начинаем заселение.

— Царапины и подкопы были вполне реальными, — напомнил я.

— С этим я не спорю, — ответила Черная. — Но ведь может быть, что это была всего лишь случайность. Допустим, мигрирующая стая животных проходила здесь несколько дней назад и заинтересовалась нашей оградой. Попробовала перебраться через нее, не смогла и пошла себе дальше.

— Возможно, — в очередной раз повторила Джейн.

По тону было ясно, что теория Марии ее нисколько не убедила.

— И долго еще мы из-за этого будем откладывать начало заселения? — подхватил Пауло Гутьеррес. — У меня уже люди с ума сходят, не в силах дождаться, когда же наконец можно будет выбраться из этого осточертевшего лагеря, где им приходится бессмысленно торчать. Уже начинаются драки по самым идиотским поводам. К тому же мы теряем все больше и больше времени. Скажете — нет? Здесь уже весна, и нам необходимо начинать сев зерновых и подготовку пастбищ для скота. Мы уже две недели питаемся запасами продовольствия. Если не начнем освоение планеты, то окажемся в глубокой заднице.

— Мы не бессмысленно торчим в лагере, — сказал я. — Нас высадили на планету, о которой мы не знаем ровным счетом ничего. И необходимо время, чтобы убедиться, что здесь нам не грозят непреодолимые смертельные опасности.

— Но ведь мы пока что живы, — заметил Трухильо. — И это хороший знак. Пауло, позвольте мне сказать. Перри абсолютно прав. Нам ни в коем случае нельзя отправляться куда глаза глядят

и устраивать фермы где понравится. Но, Перри, Пауло тоже прав. Мы не можем и дальше отсиживаться за стенами. Саган потребовалось три дня, чтобы подкараулить этих животных и убить одно. Да, мы должны помнить об осторожности. И просто обязаны продолжать изучать Роанок. Но делать это одновременно с его освоением.

Совет в полном составе уставился на меня, ожидая ответа. Я взглянул на Джейн; она лишь чуть заметно пожала плечами. Она не была целиком и полностью убеждена в наличии реальной опасности, но для подкрепления подозрений не имела ничего, кроме одного убитого хищника. К тому же не очень крупного. Да и Трухильо был прав: нужно было браться за колонизацию практически.

— Согласен, — сказал я.

— Ты без всякого сопротивления полностью отдал Трухильо инициативу, — сказала Джейн, когда мы уже раздевались, чтобы лечь.

Она говорила полушепотом: Зои уже спала. Хикори и Дикори неподвижно стояли по другую сторону ширмы, отделявшей нашу кровать от служебной половины административной палатки. Обиняне были облачены в спецкостюмы, на которые пошла первая же продукция самовос-

производящихся наномеханизмов. Эти одеяния не только полностью поглощали излучение их электронных «я», но и делали их трудно заметными для окружающих, особенно в полумраке. Днем же они напоминали ходячие тени. Сейчас Хикори и Дикори, возможно, спали — трудно сказать.

— Получается, что да, — согласился я. — Трухильо — профессиональный политик. И у него такие вещи время от времени получаются. Особенно когда он прав. Мы действительно должны начать расселять людей за пределы поселка.

— Лично я должна быть уверена, что каждый поселенец, выходящий в поле, хоть немного умеет обращаться с оружием, — сказала Джейн.

— Мне кажется, это прекрасная идея. Хотя, думаю, тебе вряд ли удастся уговорить меннонитов взяться за винтовки.

— Да, и это меня здорово беспокоит.

— В таком случае тебе придется беспокоиться дальше, потому что все равно тебе не удастся переубедить их.

— Они хранители всего нашего запаса знаний. Никто, кроме них, не умеет пользоваться неавтоматизированными машинами и делать хоть что-нибудь руками, а не кнопками. Мне очень не хочется, чтобы их съели.

— Если ты считаешь необходимым приглядывать за меннонитами, не имею ничего против. Но если ты надеешься переделать их в каких-то других людей, не таких, какие они есть, то будь готова к сюрпризам. Однако какими бы они ни были, именно им предстоит спасти всех нас.

— Не понимаю я религии, — посетовала Джейн.

— Она становится понятнее, когда смотришь на нее изнутри, а не снаружи. Впрочем, тебе вовсе не обязательно ее понимать. Вполне достаточно просто уважать.

— Я уважаю. И еще я уважаю тот факт, что у этой планеты остается немало разных способов разделаться с нами, а мы не знаем каких. Хотелось бы знать, понимает ли это хоть кто-нибудь еще.

— Выяснить это можно лишь одним путем.

— Мы с тобой ни разу не говорили, будем ли сами устраивать ферму и какую.

— Не думаю, что это был бы самый разумный поступок, — сказал я. — Мы с тобой руководители колонии и не имеем даже подспорья в виде всякой электроники. Так что дел у нас полно и будет выше головы. Когда в Хорватграде поубавится народу, мы сможем построить здесь приличный дом. Если ты хочешь что-нибудь выращивать

— разобьем садик. Вернее сказать, нам все равно необходим сад, где мы могли бы выращивать для себя овощи и фрукты. А заниматься этим поручим Зои. Должна же она хоть что-то делать.

— Я хочу, чтобы там обязательно росли цветы. Розы.

— Вот это да! — изумился я. — Ты же никогда раньше не питала пристрастия ко всяким таким вещам.

— Да я и сейчас не питаю, — призналась Джейн. — Вот только эта планета слишком уж сильно воняет потными подмышками.

7

Роанок совершает оборот вокруг своего солнца за 323 дня. Мы разбили год на одиннадцать месяцев: семь по двадцать девять дней, а четыре по тридцать. Месяцам дали названия в честь каждого из миров, приславших сюда своих представителей, а еще одному — в честь «Магеллана». Наше летосчисление началось со дня и часа осуществления скачка в систему, к которой принадлежит Роанок, что послужило основанием назвать первый месяц магелланом. Команде погибшего корабля это доставило удовольствие, что само по себе было хорошо, правда, обнародован наш календарь был двадцать девятого магеллана — месяц звездолетчиков почти закончился. Это их немного разочаровало.

Вскоре после того, как мы приняли решение позволить колонистам создавать фермы, Хайрам Йодер зашел ко мне для личной беседы. Он сказал, что, по его наблюдениям, большинство колонистов не подготовлены к ведению сельского хозяйства: все они обучались использованию современного сельскохозяйственного обору-

дования и потому плохо справлялись с более трудоемкими методами полевых работ, которыми хорошо владели меннониты. У нас имелся большой запас быстро прорастающих генетически модифицированных семян, посеяв которые, мы могли бы собрать урожай уже через два месяца. Правда, на успех можно было рассчитывать лишь в том случае, если бы мы точно знали, что делаем. Мы, увы, этого не знали, и я порой видел в отдалении призрак голода.

Йодер предложил мне позволить меннонитам заняться на первых порах возделыванием земель в интересах всей колонии, чтобы наше поселение через три месяца не постигла участь древней группы Доннера[7]. В этом меннонитам должны были бы помогать другие колонисты, так что получалось обучение в ходе работы. Я с радостью согласился. К началу второй недели альбиона меннониты, опираясь на проведенные нами исследования почв, начали сеять пшеницу, кукурузу и различные овощи. Вскоре они пробудили погруженных в искусственный зимний сон

[7] Notes: 7

Группа Доннера — зимой 1846/47 г. 87 переселенцев из Иллинойса, которыми руководил Дж. Доннер, оказались отрезаны от мира снегами в горах Сьерра-Невада на севере Калифорнии. Когда у них закончились запасы пищи и люди стали умирать, оставшиеся в живых питались мясом умерших. Всего умерли от голода 40 человек, из них 39 детей.

пчел, и те завели свои танцы над опыляемыми цветами. Затем выгнали на пастбища скотину и принялись демонстрировать колонистам из девяти других миров (и одного звездолета) преимущества интенсивного земледелия, использования сопутствующих культур, сбережения углерода и возделывания высококалорийных видов. Не отпускавшая меня тревога начала понемногу ослабевать. Савитри, пристрастившаяся было к шуткам по поводу «длинной свиньи» — так на Земле в одном племени людоедов называли человечину, — нашла иные объекты для юмора.

В месяце умбрий фугли распознали вкус быстрорастущего картофеля и за три дня истребили посадки на нескольких акрах. Так мы обнаружили первого сельскохозяйственного вредителя. Тогда же был смонтирован медицинский центр, защищенный наномеханическим экраном. Доктор Цао не скрывала своей радости, когда всего через несколько часов ей пришлось включить хирургическую аппаратуру, чтобы пришить палец неосторожному колонисту, неловко обращавшемуся с ленточной пилой во время постройки сарая.

В первый выходной день месяца чжунго я сидел на почетном месте во время первой свадьбы на

Роаноке — Кэтрин Чао, прилетевшей с Франклина, и Кевина Джонса, уроженца Руси. Все бурно веселились. Через две недели я сделал первую запись о разводе — к счастью, не Чао и Джонса. Беате наконец-то надоело измываться над Джанном Кранджичем, и она решила отпустить его на волю. Подписание этого гражданского акта также вызвало большую радость.

Десятого числа эри мы закончили в основном сбор нашего первого урожая. Я объявил этот день национальным праздником и днем благодарения. В честь праздника колонисты возвели для меннонитов молитвенный дом, причем почти не обращались за советами к последним. Менее чем через неделю был завершен второй посев.

В месяце хартум Патрик Казами играл с друзьями на берегу речки возле западной стены Хорватграда. Пробегая по воде, он поскользнулся, ударился головой о камень и захлебнулся. Ему было восемь лет. На похороны собрались почти все колонисты. В последний день хартума Анна Казами, мать Патрика, украла у подруги тяжелое теплое пальто, набила карманы камнями, выбрала в речке место поглубже и прыгнула туда, желая присоединиться к своему сыну. Это ей удалось.

Месяц киото отличался дождями — четыре дня

из пяти с неба лило, что никак не шло на пользу посевам и поставило под угрозу второй урожай. Наконец-то свершился довольно драматический разрыв между Зои и Энцо, которые, как это порой бывает при очень уж пылкой любви, изрядно поднадоели друг другу. К тому времени Хикори и Дикори, уже изнемогавшие от переживаний Зои, взялись во всеуслышание обсуждать пути решения проблемы Энцо. В конце концов Зои потребовала прекратить эти разговоры: они стали наводить на нее настоящий ужас.

В месяце элизиуме похожие на койотов хищники, обнаруженные нами возле ограды — мы не мудрствуя лукаво назвали их йотами, — вернулись в район колонии и попытались добраться до наших овец, которые, вероятно, показались им очень вкусными. Колонисты в ответ открыли охоту на них. Савитри после трехмесячных раздумий смягчилась и отправилась на свидание с Беатой. На следующий день Савитри отозвалась о вечере как о «поучительной неудаче», но наотрез отказалась вдаваться в подробности.

В разгар роанокской осени последние палатки были убраны на склад. Люди теперь жили в простых, но удобных и аккуратных домах на территории Хорватграда и на фермах, располо-

женных за его стенами. В Хорватграде жили еще примерно половина колонистов, учившихся у меннонитов тем или иным ремеслам. Вторая половина уже достраивала свои фермы и ждала Нового года, после которого можно будет засеять собственные поля и жить плодами своих трудов.

День рождения Савитри — согласно летосчислению Гекльберри, переведенному на календарь Роанока, — приходился теперь на двадцать третье элизиума. Я преподнес ей в подарок унитаз для ее крошечного домика, снабженный небольшим, но достаточно вместительным и легко опорожняемым баком-септиком. Савитри растрогалась до слез.

Тринадцатого числа месяца русь Анри Арлиан отлупил свою жену Терезу, заподозрив в измене с бывшим соседом по палатке. Тереза перешла в контратаку и тяжеленной сковородкой сломала мужу челюсть, выбив три зуба. И Анри, и Терезе пришлось нанести визиты доктору Цао, после чего ревнивый муж временно переселился в тюрьму, сооруженную на скорую руку из хлева для скота. Тереза же попросила развести их, а потом и впрямь сошлась с тем самым соседом по палатке. Она заявила, что прежде у нее и мыслей таких не было, но теперь навязчивая идея мужа

кажется ей замечательной.

Нового мужа Терезы звали Джозеф Лунг. Двадцатого феникса Лунг пропал без вести.

— Начнем сначала, — сказал я Джейн, после того как Тереза Арлиан сообщила об исчезновении Лунга. — Где в последнее время находился Анри Арлиан?

— На принудительных работах, — ответила Джейн. — В одиночестве он оставался только за дверью уборной. А на ночь возвращался в свою камеру.

— Камера у него не слишком надежная, — заметил я: до недавнего времени она была стойлом для лошади.

— Не слишком, — согласилась Джейн. — Но для скотины хватало. Дверь прочная, замок массивный, к тому же запирается только снаружи. Ночью Анри никуда не отлучался.

— Он мог послать к Лунгу кого-нибудь из своих друзей, — предположил я.

— Не думаю, что у Арлиана есть друзья. Чед и Ари поговорили с соседями. Они чуть ли не в один голос заявили, что, когда Тереза огрела Анри сковородкой, он лишь получил по заслугам. Я переверну все вверх дном, но не думаю, что мне удастся выяснить что-то другое.

— В таком случае, что же ты думаешь? — спросил я.

— Ферма Лунга находится на самой границе с лесом, — сказала Джейн. — Тереза сказала, что они иногда ходили туда гулять. Неподалеку от них проходит тропа фантов, и Лунг хотел получше их рассмотреть.

Фантами по тому же примитивному принципу, что и йотов, путем отсечения первого слога, назвали больших неуклюжих животных, имевших отдаленное сходство со слонами — элефантами, — которых мы довольно часто видели на опушке леса вскоре после высадки. Они, по всей вероятности, совершали далекие миграции в поисках пищи. Наша высадка совпала с окончанием сезона их пребывания здесь, а сейчас начинался следующий сезон. Я считал, что они похожи на слонов лишь чуть больше, чем я сам, но название прижилось, и тут я уже не мог ничего поделать.

— Получается, что Лунг отправился смотреть на фантов и заблудился, — сказал я.

— Или его растоптали, — отозвалась Джейн. — Фанты крупные, это им вполне по силам.

— Что ж, в таком случае давай отправимся на поиски. Если Лунг просто заблудился и если у него есть хоть капля здравого смысла, он будет

сидеть на одном месте и ждать, пока его найдут.

— Будь у него хоть капля здравого смысла, он не поперся бы в одиночку выслеживать фантов, — возразила Джейн.

— Наверное, участие в сафари не доставило бы тебе никакого удовольствия, — констатировал я.

— Опыт подсказывает мне, что не стоит без необходимости выслеживать инопланетных существ, потому что они частенько поворачиваются и бросаются на преследователей, — ответила Джейн. — Через час я выхожу в лес с поисковой группой. Ты отправишься с нами.

Поисковый отряд вышел из поселка незадолго до полудня. Он состоял из ста пятидесяти добровольцев. Возможно, Анри Арлиан и впрямь не пользовался популярностью в народе, зато и у Терезы, и у Лунга оказалось множество друзей. Тереза тоже хотела принять участие в поисках, но я отправил ее домой и поручил двум подругам побыть с ней. Мне совершенно не улыбалось, чтобы она случайно наткнулась на труп Джо.

Джейн разбила отряд на маленькие группы, распределила между ними места поисков и строго-настрого приказала всем оставаться на расстоянии оклика — не громкого крика, а именно оклика! — друг от друга. Савитри и Беата,

подружившиеся, несмотря на «поучительную неудачу», пошли со мной. Савитри крепко стискивала в руке старомодный компас, который ей удалось как-то выторговать у меннонитов. Джейн в сопровождении Зои и Хикори с Дикори углубилась в лес дальше всех. Я не слишком тревожился из-за того, что Зои приняла участие в поисках, — рядом с Джейн и двумя обинянами она, пожалуй, была в большей безопасности, чем даже на центральной площади Хорватграда.

После того как мы провели в лесу три часа, ко мне явился Хикори, смутной тенью мелькавший между деревьями в своем наномеханическом поглощающем костюме.

— Вас хочет видеть лейтенант Саган.

— Иду, — ответил я и знаком поманил за собой Савитри и Беату.

— Нет, — сказал Хикори. — Только вас.

— Что случилось?

— Не могу сказать. Прошу вас, майор, пойдемте скорее.

— Вы хотите, чтобы мы тоже заблудились в этом жутком лесу? — совершенно искренне обеспокоилась Савитри.

— Если хотите, можете отправиться куда глаза глядят, — серьезным тоном отозвался я. — Только

не забудьте сказать соседним группам, чтобы они перекрыли ваш поисковый участок.

И, не дожидаясь ответа, я припустил за Хикори, целеустремленно мчавшимся вперед.

Несколько минут спустя мы добрались до места, где ожидала Джейн. Рядом с нею стояли Марта Пиро и еще двое колонистов — все трое с совершенно ошарашенным видом. Неподалеку лежала громадная туша фанта, вокруг которой кишели тучи местных аналогов насекомых. И еще один труп, вернее, почти скелет, гораздо меньшего размера. Джейн увидела меня издалека и что-то сказала Пиро и ее спутникам, те кивнули в ответ и зашагали в направлении колонии.

— Где Зои? — первым делом спросил я.

— Я попросила Дикори отвести ее домой. Решила, что ей вовсе ни к чему видеть то, что нашла Марта со своей командой.

Я кивнул в сторону обглоданного скелета.

— Судя по всему, это Джозеф Лунг.

— Но это еще не все, — сказала Джейн. — Взгляни повнимательнее.

Мы подошли к трупу, представлявшему собой кровавое месиво.

— Ну и что ты видишь теперь?

Я наклонился и всмотрелся в останки, пытаясь

мыслить бесстрастно.

— Его начали есть, но немного не доели.

— Именно это я и сказала Марте и всем прочим. Потому что хочу, чтобы сейчас они так и считали. Ну а тебе стоит посмотреть получше.

Я нахмурился и принялся рассматривать труп, стараясь понять, что же упустил из виду. И вдруг меня осенило. Я покрылся холодным потом.

— Боже правый! — пробормотал я и отпрянул.

Джейн посмотрела на меня и кивнула.

— Ну вот, ты тоже это заметил. Его не съели. Его разделали. На мясо.

Совет в полном составе, к тому же дополненный доктором Цао, не без труда набился в медицинский пункт.

— Зрелище будет не из приятных, — предупредил я и, не дожидаясь реакции, сорвал простыню, прикрывавшую то, что осталось от Джо Лунга.

Впрочем, так, будто их сейчас вырвет, выглядели только Ли Чен и Марта Пиро; я ожидал худшего.

— Господи! Его кто-то сожрал! — воскликнул Пауло Гутьеррес.

— Нет, — возразил Хайрам Йодер и, шагнув поближе, наклонился над останками. — Посмотрите, ткани не разодраны, а разрезаны.

Он ткнул пальцем.

— Вот, вот и вот. Вы поэтому решили показать его нам? — спросил он, оглянувшись на Джейн.

Она молча кивнула.

— Послушайте, — нахмурился Гутьеррес, — я что-то не понимаю, что именно вы хотите нам показать?

— Этого человека разделали, как мясную тушу, — пояснил Йодер. — Не знаю, кто это сделал, но мясо с костей срезали. Ножом или, возможно, топором.

— С чего вы взяли? — агрессивно спросил Гутьеррес.

— Я своими руками забил и разделал немало скотины, так что знаю, как выглядит мясная туша после обработки.

Йодер взглянул на Джейн, а потом на меня.

— И я полагаю, что наши администраторы на войнах тоже насмотрелись на разнообразное насилие и знают, что к чему.

— Но вы не можете быть в этом уверены, — заявила Мария Черная.

Джейн кивнула доктору Цао.

— На костях заметны зазубрины, оставленные, скорее всего, режущим орудием, — сказала Цао. — Очень четкие и ясные. Зубы животного

оставили бы совсем другие следы. Так что это сделал кто-то двуногий, а не четвероногий.

— Насколько я понимаю, вы утверждаете, что в колонии завелся убийца, — сказал Манфред Трухильо.

— Убийца?! — перебил его Гутьеррес. — Слишком мягко сказано. Это дело рук не простого убийцы, а сумасшедшего людоеда!

— Нет, — коротко сказала Джейн.

— Простите… — удивился Гутьеррес. — Ведь Йодер только что сказал, что убитого, по его выражению, разделали, как мясную тушу. Ножом или топором. Значит, это сделал кто-то из нас.

Джейн взглянула на меня.

— Ладно, — вступил я. — Вижу, что придется ввести наш разговор в официальное русло. Как администратор, представляющий на Роаноке Союз колоний, я объявляю, что все, присутствующие здесь, с настоящей минуты связаны законом о сохранении государственной тайны.

— Согласна, — поддержала Джейн.

— Это означает: о том, что говорится или делается здесь, вы не должны рассказывать никому другому под страхом обвинения в государственной измене, — пояснил я.

— Вы в своем уме?! — возмутился Трухильо.

— В своем, в своем. И мы отнюдь не шутим. Если вы проболтаетесь обо всей этой истории, прежде чем мы с Джейн сочтем нужным обнародовать ее, то приготовьтесь окунуться в дерьмо. Причем глубоко.

— Что значит «глубоко»? — осведомился Гутьеррес.

— Это значит, что я вас пристрелю, — спокойно сообщила Джейн.

Гутьеррес нерешительно улыбнулся и взглянул на нее, дожидаясь знака, что это была шутка. Но не дождался.

— Хорошо, — сказал наконец Трухильо. — Мы вас понимаем. Болтовни не будет.

— Спасибо, — ответил я. — Мы позвали вас сюда, чтобы показать две вещи. Во-первых, его.

Я указал на останки Лунга, доктор Цао уже вновь накрыла их простыней.

— А во-вторых — вот это.

Наклонившись к стоявшему рядом столику, я вынул из-под полотенца небольшой предмет и вручил его Трухильо.

— Похоже на наконечник копья, — сказал он, осмотрев предмет со всех сторон.

— Это и есть наконечник. Мы обнаружили его возле туши фанта, рядом с которой нашли

Лунга. Мы подозреваем, что копье было брошено в фанта, но животное сумело выдернуть его и сломать или, наоборот, сначала сломать, а потом вытащить.

Трухильо, протянувший было руку, чтобы передать наконечник Ли Чену, замер и вновь поднес вещицу к глазам.

— Если вы имеете в виду то, о чем я думаю, это не может быть серьезно.

— Разделали не только Лунга, — вступила в разговор Джейн. — С фанта тоже срезали немало мяса. Вокруг тела Лунга оставили следы и Марта, и ее спутники, и я, и Джон. Рядом с фантом тоже немало натоптано. Но уже не нами.

— Фанта загрызли йоты, — подала голос Мария Черная. — Йоты кочуют стаями, им вполне по силам справиться с фантом.

— Вы что, меня не слышите? — сурово спросила Джейн. — Фанта разделывали. Вряд ли можно считать, что Лунга и фанта разделывали разные мясники. Но эти мясники не относятся к человеческой расе.

— Вы хотите сказать, что на Роаноке имеются разумные аборигены? — уточнил Трухильо.

— Да, — кивнул я.

— Насколько разумные?

— Достаточно разумные, чтобы сделать вот это. — Я указал на наконечник. — Это пусть примитивное, но все же настоящее копье. И для того, чтобы делать ножи, пригодные для разделки туши.

— Мы прожили на Роаноке почти год, — сказал Ли Чен. — Если это аборигены, почему мы не видели их прежде?

— Не видели, но со следами их присутствия сталкивались, — ответила Джейн. — Я уверена, что именно они пытались проникнуть в Хорват-град вскоре после нашего прибытия. И когда не смогли перебраться через верх, то попытались подрыться снизу.

— Я думал, что норы рыли йоты, — упорствовал Чен.

— Первого йота мы убили в норе, — напомнила Джейн. — Но это вовсе не значит, что именно он ее выкопал.

— Норы появились примерно тогда же, когда мы впервые увидели фантов, — добавил я. — Теперь фанты вернулись. Возможно, эти существа следуют за стадом. Нет фантов, нет и роанокских дикарей.

Я указал на труп Лунга.

— Я считаю, что они охотились на фанта. Лунг

наткнулся на них, когда они убили зверя и принялись его разделывать. Возможно, Лунг напугал их, они со страху убили его, а потом тоже разделали.

— Они увидели в нем новую добычу, — заявил Гутьеррес.

— Мы не знаем этого, — ответил я.

— Бросьте! — Гутьеррес ткнул пальцем в сторону накрытого простыней трупа. — Эти сучьи дети самым гнусным образом наделали из него бифштексов!

— Да, — согласился я. — Но мы не знаем, охотились ли они на него. Я предпочел бы не делать преждевременных заключений. И еще предпочел бы, чтобы мы с вами не ударялись в панику по поводу того, что представляют собой эти существа и каковы их намерения по отношению к нам. На сегодня можно предполагать, что никаких особых намерений у них не было. И все произошло чисто случайно.

— Надеюсь, вы не хотите предложить нам притворяться, будто Джо не был убит и съеден, — сказала Марта Пиро. — Это уже невозможно. Жан и Эван уже знают о несчастье, потому что мы трое увидели труп одновременно. Джейн попросила нас молчать, и мы пока что молчим. Но это событие не из тех, о которых можно долго

умалчивать.

— Мы не собираемся делать ничего подобного, — ответила Джейн. — Можете спокойно рассказывать о том, что именно с ним произошло. Но некоторое время помолчите о тех существах, которые это сделали.

— Я не собираюсь пудрить моим людям мозги и говорить, будто Джо погиб в результате случайного нападения животного, — заявил Гутьеррес.

— Никто и не говорит, что нужно врать, — сказал я. — Скажите правду: что следом за стадами фантов идут хищники, что они очень опасны и что до особого разрешения никто не должен гулять в лесу или вообще удаляться в одиночку от Хорватграда без крайней на то необходимости. Но о подробностях пока что следует умалчивать.

— Но почему? — не унимался Гутьеррес. — Эти твари представляют для нас реальную опасность. Они уже убили одного из нас. Убили и сожрали! Мы обязаны подготовить людей.

— Дело в том, что, когда люди отправляются охотиться на какое-нибудь существо, обладающее мозгами, они зачастую ведут себя крайне неразумно, — пояснила Джейн. — Точно так же, как вы сейчас.

— Я вовсе не считаю свое поведение неразум-

ным, — огрызнулся Гутьеррес, смерив Джейн яростным взглядом.

— Тогда ведите себя разумно, — отрезала Джейн, — потому что могут быть серьезные последствия. И не забывайте, Гутьеррес, что это государственная тайна.

Гутьеррес умолк, но было видно, что он кипит от гнева.

— Послушайте, — снова заговорил я. — Если эти существа разумны, то думаю, что помимо всего прочего мы несем перед ними определенную ответственность. Прежде всего мы не имеем права истреблять их из-за трагедии, явившейся, возможно, следствием недоразумения. И если они разумны, то нам, может быть, удастся внушить им, что лучше всего для них будет держаться от нас подальше.

Я протянул руку, и Трухильо вложил мне в ладонь острие.

— Помилуй бог, вы же видите, чем они пользуются.

Я помахал наконечником копья.

— Даже с теми примитивными ружьями, которые вы вынуждены здесь использовать, нам будет раз плюнуть уничтожить их всех до одного. Но я хотел бы постараться не делать этого, если

найдется другой выход.

— Позвольте мне осветить сложившееся положение с другой позиции, — по-парламентски велеречиво заговорил Трухильо. — Вы просите нас скрыть принципиально важную информацию от уполномочивших нас людей. Я — и, думаю, присутствующий здесь Пауло не в меньшей степени — беспокоюсь из-за того, что сокрытие этой информации снижает безопасность наших людей, поскольку они не представляют в полной мере, с чем им придется иметь дело. Подумайте хотя бы о том, где мы все сейчас находимся. Мы забились в грузовой контейнер, покрытый маскировочным материалом, чтобы нас не могли заметить, а причина в том, что наше правительство скрыло от нас жизненно важные сведения. Колониальное правительство сделало из нас дураков. Это и есть та причина, по которой мы вынуждены жить как в каменном веке, а не как подобает цивилизованным людям. Только не сочтите за обиду, — добавил он, обернувшись к Хайраму Йодеру.

— Не тревожьтесь, — успокоил его Йодер.

— Я, собственно, хочу сказать, что верховное правительство этими тайнами причинило нам колоссальные неприятности, — продолжал Тру-

хильо. — Так с какой же стати мы должны вести себя так же по отношению к нашим согражданам?

— Я не намерен сохранять это в тайне на веки вечные, — пояснил я. — Но сегодня нам не хватает информации о величине реальной угрозы, исходящей от этих существ, и я хотел бы иметь возможность все выяснить без помех со стороны людей, свихнувшихся от страха перед прячущимися в кустах роанокскими неандертальцами.

— Вы полагаете, что наши люди свихнутся от страха? — вскинулся Трухильо.

— Был бы очень рад ошибиться. Но лучше перестраховаться, чем поступать опрометчиво.

— Поскольку выбора у нас, похоже, нет, давайте перестраховываться, — кисло заметил Трухильо.

— Боже! — воскликнула Джейн.

Я отметил в ее голосе необычную ноту: раздражение.

— Трухильо, Гутьеррес, попытайтесь пошевелить вашими треклятыми мозгами. Мы ведь вовсе не были обязаны говорить вам все это! Когда Марта нашла Лунга, она и понятия не имела, что именно она видит. Из всех вас только Йодер понял, что случилось, да и то лишь потому, что ему показали труп. Если бы мы не созвали

вас сюда, вы так ничего и не узнали бы. Я могла упаковать труп и похоронить его не открывая, и никто из вас не догадался бы, зачем и почему это сделано. Но мы не хотели ничего от вас скрывать, мы знали, что должны поделиться с вами информацией. Мы настолько верим в ваш разум, что говорим вам то, что смело могли и не говорить. Но доверьтесь и нам, когда мы просим вас выждать некоторое время и не сообщать все сразу колонистам. Мы просим не слишком много.

— Все, что я вам сейчас говорю, подпадает под действие закона о государственной тайне, — торжественно сказал я.

— А что, у нас есть государство? — осведомился Джерри Беннетт.

— Джерри… — На сей раз мой тон был укоризненным.

— Извините. Так в чем же дело?

Я рассказал Джерри о местных жителях и о собрании совета, прошедшем минувшей ночью.

— Ну и дичь! — воскликнул Джерри. — И что же вы хотите от меня?

— Просмотрите все имеющиеся файлы об этой планете. И сообщите мне о любом, даже самом незначительном признаке того, что Союз колоний имел хоть какое-то представление об этих

парнях с копьями. Пусть даже этот признак будет самым косвенным и спорным.

— Ничего определенного о них не сказано, — ответил не задумываясь Беннетт. — Это я точно знаю. Ведь я же прочитал все, что для вас распечатывал.

— Я ищу вовсе не прямые ссылки, а какие-нибудь намеки на то, что их кто-нибудь обнаружил или догадывался об их существовании.

— Вы полагаете, что СК намеренно уничтожил сведения о том, что на этой планете имеется разумная жизнь? Но зачем такое могло им понадобиться?

— Не знаю, — честно сознался я. — Не думаю, что это имело какой-то смысл. Но ведь в отправке нас совсем не на ту планету, о которой шла речь, а потом и полной изоляции от всей вселенной тоже не видно особого смысла, верно?

— Знаете, братец, тут вы попали в самую точку, — сказал Беннетт и добавил после непродолжительного раздумья: — Насколько глубоко я, по-вашему, должен рыть?

— Как можно глубже. А в чем дело?

Беннетт схватил лежавшую в сторонке ЭЗК и вызвал файл.

— Союз колоний использует для всех своих до-

кументов стандартный формат файла, — пояснил он. — Текст, изображение, звук — все сводится к одному формату. И среди многого другого этот формат позволяет проследить изменения содержимого файла при редактировании. Допустим, вы составляете какой-то проект, отправляете его начальнице, та вносит поправки, документ возвращается к вам, и вы ясно видите, где и как она правила ваш труд. Все изменения сохраняются в метаданных. И заметить их нельзя, если не включить специально режим отслеживания изменений.

— Значит, какое бы редактирование ни проводилось, первичные данные все равно сохранятся в документе? — спросил я.

— Могут сохраниться, — поправил меня Беннетт. — По правилам СК, из окончательных вариантов официальных документов метаданные должны удаляться. Но ведь придумать правило — одно дело, а заставить людей выполнять его — совсем другое.

— В таком случае займитесь этим. Я хотел бы, чтобы вы изучили все, что у нас есть. И постарайтесь не обижаться, что я терзаю вас, как здоровенная заноза в заднице.

— Ерунда, — отмахнулся Беннетт. — С па-

кетными командами все делается запросто. А потом останется всего лишь правильно задать поисковые параметры. Больше мне ничего не потребуется.

— Считайте меня вашим должником, Джерри.

— Вы серьезно? В таком случае подыщите мне помощника. Я ведь единственный программист и оператор на всю колонию — работы до черта. Вот и торчу в коробке с утра до ночи. Было бы неплохо заиметь компанию.

— Я займусь этим, — пообещал я. — А вы займитесь тем.

— Заметано! — бодро воскликнул Беннетт и сделал прощальный жест.

Выйдя наружу, я увидел быстро приближавшихся Джейн и Хайрама Йодера.

— У нас проблема, — сказала Джейн. — И серьезная.

— Что случилось?

Джейн кивнула Хайраму.

— Нынче утром мимо моей фермы прошли Пауло Гутьеррес и еще четверо, — сказал Хайрам. — Все с винтовками. Направлялись к лесу. Я спросил его, что он затеял, а он сказал, что пошел с друзьями на охоту. Я тогда спросил, на кого же он намерен охотиться, а он сказал, что я и сам это

отлично знаю. И предложил мне пойти с ними. Я ему ответил, что моя религия не позволяет отнимать жизнь у разумных существ, и попросил его остановиться, не нарушать ваш приказ и не убивать разумных существ. А он рассмеялся, и они все ушли в лес. Они и сейчас в лесу. Администратор Перри, я думаю, что они хотят убить как можно больше этих существ — всех, какие им попадутся.

Йодер проводил нас к тому месту, где охотники вошли в лес, и сказал, что подождет у опушки. Мы с Джейн принялись искать следы.

— Вот оно.

Джейн указала на отпечаток подошвы ботинка. Пауло и его ребятки либо вовсе не пытались скрывать свой путь, либо пытались, но не имели ни малейшего понятия о том, как заметать за собой следы.

— Идиоты, — проворчала Джейн и кинулась за ними, без раздумья перейдя на свою вновь обретенную повышенную скорость передвижения. Я последовал за ней — однако не так быстро и далеко не настолько бесшумно.

Я догнал ее примерно через километр.

— Не делай так больше, — сказал я, отдуваясь. — У меня, похоже, легкие вот-вот разорвутся.

— Тише, — одернула меня Джейн.

Я замолчал. Слух Джейн, несомненно, стал настолько же лучше, насколько увеличилась и скорость передвижения. Я постарался заглатывать воздух хотя бы без хрипа. Постояв немного, Джейн двинулась на запад, и тут до нас донесся выстрел, а потом еще три подряд. Джейн понеслась на звуки. Я последовал за нею со всей возможной быстротой.

Пробежав еще с километр, я оказался на поляне. Джейн стояла на коленях возле тела, под которым уже растеклась лужа крови. Еще один мужчина полулежал на земле, опираясь спиной на высоко сломанный пень. Я подбежал к Джейн.

— Уже мертв, — сказала она, даже не взглянув на меня. — Пуля вошла у самой грудины, пробила сердце и прошла навылет. Наверно, умер, еще не коснувшись земли.

Я всмотрелся в лицо убитого. Потребовалась минута, чтобы его вспомнить: Марко Флорес, один из колонистов Гутьерреса с Хартума. Оставив его Джейн, я подошел ко второму, который сидел, глядя перед собой остановившимся взглядом. Это был Гален Делеон, тоже хартумский колонист.

— Гален!

Я присел на корточки, чтобы мое лицо ока-

залось прямо перед его глазами. Он никак не отреагировал. Я несколько раз щелкнул пальцами у него перед носом; таким образом мне все же удалось привлечь его внимание.

— Гален, — повторил я. — Скажите, что здесь случилось?

— Я застрелил Марко, — ответил Делеон ровным, спокойным голосом, будто мы с ним беседовали о чем-то совершенно постороннем и малоинтересном, глядя все так же в пространство мимо меня. — Я не хотел. Они просто выскочили из ниоткуда, я выстрелил, а Марко вдруг оказался передо мной. Я попал в него. Он упал.

Делеон вцепился обеими руками в волосы и принялся выдирать их.

— Я не хотел, — повторил он. — Слишком уж внезапно они появились.

— Гален, вы пришли с Пауло Гутьерресом и еще несколькими людьми. Куда они делись?

Делеон вяло махнул рукой куда-то на запад.

— Они убежали. Пауло, Хуан и Дит погнались за ними. Я остался. Хотел помочь Марко. И увидел…

Он снова умолк. Я встал.

— Я не хотел в него стрелять, — опять сказал Делеон все тем же ровным тоном. — Они вдруг выскочили перед нами. И двигались так быстро…

Если бы вы их видели… Если бы вы их видели, то поняли бы, почему я должен был стрелять. Если бы вы увидели, на кого они похожи…

— И на кого же?

Делеон скривил губы в трагической улыбке и впервые посмотрел на меня.

— На вервольфов.

Он опустил глаза и закрыл лицо руками.

Я вернулся к Джейн.

— У Делеона шок. Кто-то из нас должен отвести его назад.

— Что он говорит об этой истории? — спросила Джейн.

— Сказал, что существа внезапно взялись ниоткуда и побежали в ту сторону.

Я указал на запад.

— Гутьеррес и все остальные погнались за… — Я осекся. — Они же попадут в засаду!

— Вперед! — скомандовала Джейн и указала на винтовку Флореса. — Захвати.

И она сорвалась с места. Я взял винтовку, проверил заряд и опять устремился вслед за женой.

Раздался еще один выстрел, за которым последовал громкий человеческий крик. Я помчался со всех ног и, взлетев на пригорок, увидел в рощице Джейн, упиравшуюся коленом в спину одному

из охотников, который вопил от боли. Пауло Гутьеррес направил винтовку на Джейн и требовал, чтобы она выпустила лежащего. Джейн, естественно, не собиралась повиноваться. Третий человек стоял в стороне с таким видом, будто с трудом удерживался, чтобы не намочить штаны.

Я, в свою очередь, прицелился в Гутьерреса.

— Брось винтовку, Пауло! — приказал я. — Брось, а не то я уложу тебя на месте.

— Скажи своей жене, чтобы она отпустила Дита, — ответил Гутьеррес.

От всей вымученной вежливости наших разговоров на совете не осталось и следа.

— Нет, — отрезал я. — Брось ружье немедленно.

— Она же сломает ему руку! — попытался возразить Гутьеррес.

— Если бы хотела, то уже сломала бы. А если бы она захотела расправиться с вами, кретинами, вы все лежали бы здесь мертвые. Пауло, я не собираюсь больше повторять. Брось винтовку.

Пауло выпустил ружье из рук. Я оглянулся на третьего охотника — это был Хуан. Он бросил ружье, не дожидаясь, пока я обращусь к нему.

— На колени, — приказал я обоим. — Руки ладонями на землю.

Они сразу повиновались.

— Джейн, что случилось? — спросил я.

— Этот болван выстрелил в меня.

— Но я же не знал, что это вы, — простонал Дит.

— Заткнись! — рявкнула Джейн.

Он умолк.

Я подобрал винтовки Хуана и Гутьерреса.

— Пауло, где ваши остальные спутники? — спросил я.

— Где-то позади, — ответил Гутьеррес. — Эти твари повыскакивали прямо-таки из ниоткуда и побежали сюда. Мы погнались за ними, а Марко и Гален, наверно, взяли куда-то в сторону.

— Марко мертв, — сказал я.

— Неужели эти уроды добрались до него?! — воскликнул Дит.

— Нет. Его застрелил Гален. Точно так же, как ты чуть не застрелил Джейн.

— Господи… — пробормотал Гутьеррес. — Марко…

— Именно поэтому я и хотел, чтобы о местных жителях пока что молчали, — сказал я Гутьерресу. — Чтобы помешать всяким идиотам творить глупости. Ты, кретин безмозглый, даже не подумал о том, что затеял, а теперь один из вас мертв,

убит своим же товарищем, а с остальными вы помчались прямиком в засаду.

— О боже, — простонал Гутьеррес.

Он попытался сесть на корточки, потерял равновесие и безвольно упал наземь.

— Сейчас мы уберемся отсюда. Мы все, — сказал я, шагнув к Гутьерресу. — Вернемся тем же путем, каким пришли сюда, и заберем Марко и Галена. Пауло, мне очень… — Краем глаза я уловил движение: это Джейн сделала мне знак замолчать.

Она к чему-то прислушивалась.

— В чем дело? — беззвучно, одними губами спросил я.

Джейн взглянула на Дита, на спину которого продолжала опираться коленом.

— Так куда, ты говоришь, удрали эти твари?

Дит указал на запад.

— Туда. Мы гнались за ними, а потом они исчезли, и тут же прибежали вы.

— Что значит — исчезли? — спросила Джейн.

— Да просто только что мы их видели, а потом уже не видели, — ответил Дит. По-видимому, он уже немного успокоился. — Эти дряни такие прыткие — прямо беда.

Джейн отпустила его.

— Вставай. Живо!

И добавила, взглянув на меня:

— Они не бежали в засаду. Они в нее уже попали. Засада здесь.

Тут и я услышал то, что Джейн уловила раньше: из крон деревьев — прямо над нами — доносилось чуть слышное пощелкивание.

— Проклятие! — воскликнул я.

— Что за черт?! — изумился Гутьеррес и вскинул голову, в аккурат подставив горло острию копья, которое вонзилось в мягкую ямку наверху грудины и глубоко проникло в грудную клетку. Я откатился в сторону, увернувшись от предназначенного для меня копья и успев при этом осмотреться.

С деревьев дождем сыпались вервольфы.

Два упали между мною и Гутьерресом, который был все еще жив и пытался вытащить копье из раны. Один ухватился за древко, с силой протолкнул его глубже в грудь Гутьерреса и пару раз яростно рванул из стороны в сторону. У Гутьерреса изо рта брызнула струйка крови, и он умер. Второй попытался ухватить меня когтями, когда я еще не закончил перекатываться, но лишь порвал куртку, не задев тела. Я не выпустил винтовку, которую держал одной рукой; существо схватило ее за ствол своими когтями

или пальцами, что там у него было, и попыталось вырвать у меня. Оно, конечно, не понимало, что из этого конца палки вылетает смертоносная пуля, и мне пришлось продемонстрировать это на деле. Существо, расправившееся с Гутьерресом, издало резкий щелчок, свидетельствовавший, как я надеялся, об испуге, и помчалось на восток. Но не по земле — оно мгновенно взмыло вверх по стволу ближайшего дерева, огромным прыжком перелетело на соседнее и почти сразу же скрылось в листве.

Я посмотрел вокруг. Они исчезли. Все.

Заметив движение, я вскинул винтовку. Но это оказалась Джейн. Она выдернула нож из лежавшего на земле вервольфа. Рядом был еще один. Я поискал глазами Хуана и Дита. Они тоже лежали на земле. Без признаков жизни.

— Ты в порядке? — спросила Джейн.

Я кивнул. А она выпрямилась и прижала ладонь к боку; между пальцами сочилась кровь.

— Ты ранена? — встревожился я.

— Пустяки. Выглядит куда хуже, чем на самом деле.

Издали донесся крик. Несомненно, человеческий.

— Это Делеон! — воскликнула Джейн и помча-

лась на голос, все так же держась одной рукой за бок.

Я побежал за ней.

На том месте, где мы расстались с Делеоном, его не было. Вернее, остались пятна крови и клочья мяса, вырванного из живого тела. Однако он еще был жив и продолжал орать где-то неподалеку. От того места, где он сидел, к ближайшему высокому дереву тянулся кровавый след. Раздался очередной истошный вопль.

— Его уносят на север, — сказал я. — Пойдем.

— Нет, — остановила меня Джейн и показала в другую сторону.

На востоке от нас в кронах деревьев было заметно движение.

— Они взяли Делеона как приманку, чтобы увести нас. А большинство из них направилось на восток. К колонии.

— Мы не можем бросить Делеона. Он еще жив.

— Я отниму его, — сказала Джейн. — А ты возвращайся. Но будь осторожен. Внимательно смотри на деревья и вокруг себя.

И она умчалась.

Через пятнадцать минут я оказался на опушке леса и сразу же увидел Хайрама Йодера, стоявшего в окружении четырех вервольфов. Я бесшумно

опустился наземь.

Вервольфы меня не заметили, их внимание было полностью сосредоточено на Йодере, сохранявшем полную неподвижность. Двое держали копья и были готовы проткнуть его при первом же движении. Но Хайрам не давал им повода. Все четверо непрерывно щелкали и шипели, шипение то и дело уходило за грань моего слухового восприятия. Потому-то Джейн своим обостренным слухом раньше всех уловила переговоры аборигенов.

Один из вервольфов, продолжая шипеть и щелкать, шагнул к Йодеру. В отличие от высокого худощавого землянина, абориген был приземист и мускулист. В руке он держал примитивный каменный нож. Когтем свободной руки он сильно ткнул Йодера в грудь; тот сохранил полную неподвижность. Существо схватило его правую руку и принялось рассматривать и обнюхивать, громко фыркая. Хайрам не сделал попытки сопротивления. Ведь он же был меннонитом, пацифистом, да и вообще очень умным человеком.

Внезапно вервольф с силой ударил Йодера по руке; возможно, он хотел узнать, что за этим последует. Тот покачнулся от удара, но устоял на ногах. Вервольф испустил быструю щебечущую

трель, такие же звуки издали и остальные. Я решил, что это могло быть смехом.

Неожиданно абориген взмахнул рукой и царапнул когтями по лицу Йодера. До меня донесся треск разодранной кожи. По щеке Хайрама потекла кровь, он непроизвольным движением зажал рану рукой. Вервольф издал другой звук, на сей раз похожий на воркование, и уставился четырьмя немигающими глазами на Йодера, ожидая, что же будет дальше.

Хайрам отнял руку от изуродованного лица, медленно опустил ее и посмотрел на вервольфа. Потом так же медленно повернул голову, подставляя другую щеку.

Вервольф громко защебетал и отступил от Йодера к своим спутникам. Двое, вооруженные копьями, опустили свое оружие. Я сдержал вздох облегчения и на секунду опустил голову. Только сейчас я обнаружил, что сам весь покрылся холодным потом. Хайрам сохранил себе жизнь тем, что не оказывал сопротивления; существа, что бы они собой ни представляли, оказались достаточно умны, чтобы понять, что он для них безопасен.

Я снова поднял голову и увидел, что один из вервольфов смотрит прямо на меня.

В тот же миг он испустил громкий переливчатый крик. Тот, кто стоял ближе всех к Йодеру, оглянулся на меня, зарычал и вонзил свой каменный нож в грудь меннонита. Хайрам согнулся. Я вскинул винтовку и прострелил вервольфу голову. Он упал, остальные кинулись бежать в лес.

Я подбежал к Йодеру, который уже опустился на землю и осторожно ощупывал торчавший у него в груди каменный нож.

— Не трогайте, — предупредил я.

Нож мог задеть крупный сосуд; в таком случае вынуть его означало бы вызвать сильное кровотечение.

— Больно, — сказал Йодер.

Потом взглянул на меня и улыбнулся, показав белые зубы.

— Да, но ведь почти получилось.

— Совсем получилось, — ответил я. — Простите меня, Хайрам. Если бы не я, этого не случилось бы.

— Вы не виноваты, — сказал Хайрам. — Я видел, как вы спрятались. И понял, что вы дали мне шанс. Вы все сделали правильно.

Он протянул руку к трупу вервольфа и прикоснулся к безжизненной ноге.

— Жаль, что вам пришлось застрелить его.

— Простите меня, — повторил я.

Но Хайрам мне уже не ответил.

— Хайрам Йодер. Пауло Гутьеррес. Хуан Эскобедо. Марко Флорес. Дитер Грубер. Гален Делеон, — перечислил Манфред Трухильо. — Шесть погибших.

— Да, — кивнул я.

Я сидел за столом на своей кухне. Зои ушла к Гретхен Трухильо и собиралась там заночевать. Хикори и Дикори сопровождали ее. Джейн была в медицинском пункте — помимо глубокой раны в боку она вся ободралась о деревья, пока преследовала похитителей Делеона. Варвар сидел, прижавшись ко мне и положив голову на мои колени. Я рассеянно поглаживал его.

— И всего один труп, — добавил Трухильо.

Я вскинул голову и посмотрел на него.

— В тот лес, где все это происходило, отправились сто человек. Мы нашли много следов крови, но ни одного трупа. Эти твари утащили их с собой.

— А как же Гален? — спросил я.

Джейн рассказала мне, что в своей погоне она то и дело натыкалась на обрывки одежды и куски выдранного из тела мяса. Она остановилась, лишь когда он перестал кричать, да и собствен-

ные раны не позволяли ей продолжать погоню.

— Нашли кое-что, — ответил Трухильо. — Но слишком мало для того, чтобы сказать, будто у нас есть еще одно тело.

— Прекрасно. Просто прекрасно.

— Как вы себя чувствуете? — спросил Трухильо.

— Послушайте, Ман, как, по-вашему, я могу себя чувствовать? Мы потеряли сегодня шесть человек. Мы потеряли лучшего из лучших — Хайрама Йодера. Если бы не он, мы все уже были бы покойниками. Он спас эту колонию, он и меннониты. Теперь он мертв — по моей вине.

— Эту охоту затеял Пауло. Он нарушил ваш прямой приказ и погубил себя и еще пять человек. Подверг смертельной опасности вас и Джейн. Если уж возлагать на кого-то вину, то на него.

— Я не собираюсь возлагать вину на Пауло.

— Я и сам это знаю, — сказал Трухильо. — Потому-то и говорю. Пауло был моим другом, ближайшим другом из всех, какие у меня здесь есть. Но он свалял дурака и погубил всех этих людей. Ему следовало послушаться вас.

— Да… Конечно… — протянул я. — Когда я устроил весь этот фарс с государственной тайной, то надеялся не допустить ничего подобного. Иначе

я так не поступил бы.

— Тайное всегда становится явным, — заметил Трухильо. — Вы это сами знаете. Или должны знать.

— Значит, нужно было во всеуслышание объявить об этих существах?

— Возможно. Вы должны были принять решение, и вы его приняли. Должен сказать: не то, какого я от вас ожидал. Это не ваш стиль поведения. Если позволите, я скажу прямо: вы не очень сильны в конспирации. Да и все наши сограждане тоже не привыкли к тому, что вы что-то скрываете от них.

Я утвердительно хмыкнул и погладил собаку. Трухильо с минуту ерзал на стуле, словно не решался продолжить разговор.

— Что вы собираетесь делать дальше? — спросил он наконец.

— Да будь я проклят, если знаю. Сейчас, пожалуй, единственное, что мне приходит в голову, — это прошибить стену кулаком.

— Я бы вам не советовал, — серьезно сказал Трухильо. — Я знаю, вы в общем-то не одобряете моих попыток давать вам советы. Но все же рискну.

Я улыбнулся и кивнул на дверь:

— Как там народ?

— Все чертовски перепуганы. И понятно: один человек погиб вчера, еще шестеро — сегодня, причем от пятерых из них не осталось даже трупов. Люди тревожатся, кто же окажется следующим. Подозреваю, что несколько ближайших суток большинство народу будет ночевать в поселке. Боюсь, что кота все-таки не удалось удержать в мешке. В том смысле, что стало известно, что эти существа обладают разумом. Гутьеррес, набирая свой отряд, рассказал об этом целой куче народа.

— Меня не на шутку удивляет, что никто другой не собрался вновь на охоту за вервольфами.

— Вы назвали их вервольфами?

— Вы же видели того, который убил Хайрама, — ответил я. — Ну и попробуйте доказать мне, что он похож на кого-то другого.

— Сделайте милость, не употребляйте это название, — попросил Трухильо. — Люди и без того донельзя перепуганы.

— Хорошо, — кивнул я.

— И еще. Все же нашлись некоторые, пожелавшие отправиться мстить за погибших. Кучка безмозглых детишек. И среди них Энцо, приятель вашей дочери.

— Бывший приятель, — поправил я. — Наде-

юсь, вы отговорили их от этой глупости?

— Я напомнил, что на охоту за лесными обитателями уже отправились пятеро взрослых мужчин, и ни один не вернулся домой. Это, мне кажется, немного остудило их пыл.

— Замечательно.

— Вы должны сегодня вечером выйти в зал собраний. Там будет много народу. Вы должны появиться на людях.

— Я не в той форме, чтобы встречаться с людьми, — возразил я.

— А у вас просто нет выбора, — заявил Трухильо. — Вы глава колонии. Джон, послушайте, люди в трауре. Из этой передряги живыми выбрались только вы с женой, причем Джейн попала в больницу. Если вы всю ночь просидите дома взаперти, то люди будут думать, что от этих страшных лесных жителей нет никакого спасения. А ведь вы попытались скрыть их существование. Вы должны исправить свою ошибку.

— Я и не знал, что вы психолог, Ман.

— Я не психолог, я политик. Как и вы, хотите вы признаться себе в этом или нет. Возглавлять колонию — значит прежде всего быть политиком.

— Послушайте, Ман, если вы хотите возглавить колонию, я уступлю вам свой пост. Прямо сейчас.

Я ведь хорошо знаю: вы считаете, что именно вы должны были стать ее руководителем. Так вот, эта должность ваша. По рукам?

Трухильо ответил не сразу, видимо, ему нужно было подобрать слова.

— Вы правы, — сказал он. — Действительно, я считал, что должен был возглавить колонию. Я и сейчас иногда так думаю. И когда-нибудь, возможно, так и случится. Но на сегодня это не мое дело. А ваше. А мое дело — олицетворять собой вашу лояльную оппозицию. И вот что думает ваша лояльная оппозиция: Джон, ваши люди боятся. Вы их руководитель. Так займитесь же руководством, черт возьми. Сэр.

— Знаете, а ведь вы еще ни разу прежде не называли меня сэром, — произнес я после долгой-долгой паузы.

Трухильо усмехнулся:

— Я берег это обращение для особого случая.

— Ну что ж, если так, то у вас прекрасно получилось. Правда, здорово впечатляет.

Трухильо поднялся.

— Значит, увидимся вечером, — утвердительно заявил он.

— Увидимся. Постараюсь излучать убедительность и спокойствие. Спасибо, Ман.

Он отмахнулся от моей благодарности и вышел. И на крыльцо сразу же поднялся Джерри Беннетт.

Я жестом пригласил его войти.

— Ну, что у вас новенького?

— Насчет аборигенов — ничего. Я провел поиск по всем возможным параметрам, но все впустую. Очень уж мало исходных материалов. Должен заметить, что первооткрыватели планеты провели ее исследование крайне халтурно.

— Может, расскажете мне что-нибудь такое, чего я не знаю?

— Ну, раз уж вы так просите… — в тон мне отозвался Беннетт. — Вы ведь знаете видеофайл конклава о том, как была уничтожена та колония?

— Да, — кивнул я. — Но какое отношение он имеет к этой планете?

— Никакого. Я ведь говорил вам, что проверил пакетной командой все файлы данных на предмет редактирования. И наряду со многим другим вылез и этот файл.

— Что же в нем не так?

— Видите ли, оказалось, что файл, который вам показывали, — всего лишь часть другого видеофайла. А маркеры времени говорят, что это

лишь завершающая часть большого фильма. И там действительно кое-что обнаружилось.

— Много?

— Намного больше того, что вы видели, — сказал Беннетт.

— Вы можете восстановить это?

Беннетт улыбнулся:

— Уже сделано.

Через шесть часов, после множества весьма напряженных бесед с колонистами, я наконец-то вошел в «черный ящик». ЭЗК, куда Беннетт уже загрузил видеофайл, как он и обещал, ждала меня на столе. Я включил аппарат — высветился стоп-кадр. На экране появились два существа на холме над рекой. И холм, и одно из существ я уже знал по первому фильму. Второго прежде не видел. Сначала я прищурился, чтобы лучше разглядеть его, затем молча выругал сам себя за глупость и увеличил изображение. Все сразу стало ясно.

Это был вхайдианин.

— Привет, — сказал я ему. — Чем это ты здесь занимаешься? Любезничаешь с парнем, который уничтожил твою колонию?

И включил показ, чтобы выяснить, в чем же там дело.

8

Двое стояли возле обрыва на краю утеса, возвышавшегося над рекой, и смотрели на закат, пылавший над уходившей к горизонту бескрайней степью.

— У вас тут красивые закаты, — сказал генерал Тарсем Гау, обращаясь к Чану оренТхену.

— Спасибо, — не без иронии отозвался оренТхен. — Это все вулканы.

Гау удивленно взглянул на оренТхена. Рельеф слегка всхолмленной равнины нарушался лишь рекой, ее обрывистым берегом и маленькой колонией, расположенной у воды под обрывом.

— Не здесь, — пояснил оренТхен, отвечая на невысказанный вопрос Гау.

Он указал на запад, где солнце только-только ушло за горизонт.

— Это чуть ли не на противоположной стороне планеты. Сильная тектоническая активность. Весь западный океан окаймляет кольцо вулканов. Один из них взорвался в конце осени. И в атмосфере все еще полно пыли.

— Наверно, зима далась вам нелегко, — сказал

Гау.

ОренТхен сделал движение, которое, очевидно, следовало толковать как отрицание.

— Достаточно крупное извержение, чтобы живописно раскрасить закаты. Но недостаточное для перемены климата. Здесь умеренные зимы. Это одна из причин, по которым мы выбрали это место. Лето жаркое, но не настолько, чтобы горели посевы. Плодородная почва. Неограниченный запас воды.

— И никаких вулканов, — добавил Гау.

— Никаких вулканов, — подтвердил оренТхен. — А также и землетрясений, потому что мы расположились как раз посередине тектонической плиты. Зато невероятные грозы. А минувшим летом было несколько ураганов со смерчами и градом размером с вашу голову. Мы лишились изрядной части урожая. Но ведь ничто не идеально в этом мире. В общем и целом это подходящее место для того, чтобы основать колонию и начать строить новый мир для моего народа.

— Согласен с вами, — ответил Гау. — И могу добавить, что вы проявили себя как прекрасный руководитель этой колонии.

ОренТхен чуть заметно склонил голову.

— Благодарю вас, генерал. Похвала из ваших уст — похвала вдвойне.

Собеседники вновь повернулись к медленно угасавшему закату и к сумеркам, сгущавшимся внизу на равнине.

— Чан, — сказал Гау. — Вы понимаете, что я не могу позволить вам сохранить эту колонию.

— А-а, — с улыбкой отозвался оренТхен, не отрывая взгляда от заката. — Не слишком ли серьезная тема для случайной встречи старых друзей?

— Вы же знаете, что нет.

— Знаю. Первым сигналом послужило уничтожение моего спутника связи.

ОренТхен указал вниз по склону холма, где стояли десятка три солдат Гау, с которых не сводили глаз примерно столько же фермеров, составлявших личный эскорт оренТхена.

— А они — вторым.

— Они нужны лишь для вида, — ответил Гау. — Я должен был обеспечить себе возможность поговорить с вами, не боясь, что меня пристрелят на полуслове.

— А уничтожение моего спутника? — осведомился оренТхен. — Это, подозреваю, было сделано не для вида.

— Это было необходимо для вашего же блага.

— Я сильно в этом сомневаюсь.

— Если бы я оставил спутник на месте, то или вы, или кто-то другой из вашей колонии непременно послали бы беспилотный скачковый курьер, чтобы дать знать вашему правительству, что на вас напали, — объяснил Гау. — Но я пришел сюда не поэтому.

— Вы только сказали, что не позволите мне сохранить ту колонию, — напомнил оренТхен.

— Не позволю, — подтвердил Гау. — Но для вас это не то же самое, что подвергнуться нападению.

— Разница понятий что-то ускользает от меня, генерал. Особенно в сочетании с тем, что вашим оружием был разнесен вдребезги чрезвычайно дорогостоящий спутник и что по моей земле ходят ваши солдаты.

— Сколько времени мы с вами знакомы, Чан? — спросил Гау. — Уже очень давно. Сначала как друзья, а потом как противники. Вы хорошо знаете мою манеру поведения и образ мыслей. Вам когда-нибудь приходилось видеть, чтобы я говорил одно, а делал другое?

ОренТхен на мгновение задумался.

— Нет, — сказал он наконец. — Вы, Тарсем, мо-

жете быть наглой скотиной. Но если вы говорили о своих намерениях, то всегда правду.

— В таком случае поверьте мне еще раз, — сказал Гау. — Я больше всего на свете хочу, чтобы все прошло мирно. Именно поэтому сюда прилетел я, а не кто-то другой. Потому что наш с вами разговор касается не только этой колонии и этой планеты. Я не могу позволить вашей колонии остаться здесь. Вы сами это знаете. Но это не значит, что вы или кто-либо из ваших людей должны пострадать.

И снова оренТхен ответил не сразу.

— Должен признаться, я немало удивился, узнав, что на этом корабле прилетели именно вы. Мы знали, что конклав может напасть на нас. Ведь не для того же вы начали борьбу против всех рас, объявив о прекращении колонизации для них, чтобы позволить нам исподтишка все же освоить планету. Мы учли такую возможность в своих планах. Но я предполагал, что сюда прилетит какой-нибудь кораблик под командованием мелкого офицерика. И вдруг к нам спускается предводитель конклава собственной персоной.

— Мы как-никак друзья, — улыбнулся Гау. — Вы заслуживаете особого отношения.

— Очень приятно слышать от вас такие слова,

генерал. Но, друзья мы или нет, все равно речь идет о массовом убийстве.

Гау улыбнулся:

— Что ж, возможно. Или, пожалуй, вернее было бы сказать, что могло бы случиться и массовое убийство. Но ваша колония куда важнее, чем вы думаете, Чан.

— Не знаю, с чего бы ей быть такой важной, но я ее люблю. Здесь немало хороших людей. Мы всего лишь первоколония. Нас тут всего две с небольшим тысячи. Самый минимум, чтобы только-только выжить. Мы занимаемся только сельским хозяйством для самообеспечения да подготовкой места для следующей волны поселенцев. А они будут готовить место для следующей волны. Так что ничего особенного в нас нет.

— Ну и скажите, кто же из нас лицемерит? — спросил Гау. — Вы прекрасно знаете, что важность вашей колонии заключается не в том, что она выращивает или для чего предназначена, а в самом факте ее существования в нарушение соглашения о конклаве. А оно не допускает новых колоний, управление которыми осуществляется не конклавом. Ваш народ пытается игнорировать это соглашение, а это прямое нарушение законов

конклава.

— Мы не игнорируем ваши законы, — с явным раздражением ответил оренТхен. — Они попросту не имеют к нам никакого отношения. Мы не подписывали соглашения о конклаве, генерал. Как и несколько сотен других рас. Мы имеем полное право основывать колонии везде, где сочтем нужным. Именно это мы и сделали здесь. А вы, генерал, не имеете никакого права оспаривать наши действия. Мы суверенный, самостоятельный народ.

— Вы перешли на официальный тон, — заметил Гау. — Насколько я помню, это верный признак того, что я напрочь вывел вас из себя.

— Не слишком надейтесь на наше знакомство, генерал. Да, мы были друзьями. Возможно, мы до сих пор ими остаемся. Но вы не должны сомневаться в том, кому и чему я верен. Не считайте, что лишь потому, что вам удалось заманить или загнать в ваш конклав большинство рас, вы получили некое верховное моральное право. Если бы вы напали на мою колонию до образования конклава, это была бы агрессия с целью захвата территории. Четко и ясно. Но и теперь, хотя у вас и есть ваш драгоценный конклав, подобное нападение остается все той же агрессией с целью

захвата территории, как бы вы ни назвали свои действия.

— Я помню, что в свое время вы считали создание конклава хорошей идеей. Я хорошо помню, как вы убеждали в этом других вхайдианских дипломатов. И, помнится, вам удалось убедить и их, и самого атаФью присоединиться к конклаву.

— АтаФью был убит, — заметил оренТхен. — И это вы отлично знаете. А его сын придерживается совершенно иного мнения.

— Да, это так, — согласился Гау. — И убийство отца странным образом помогло сыну отстоять свою позицию.

— Этого я обсуждать не могу. А после того, как трон занял новый атаФью, я, естественно, не мог идти против его воли.

— Сын атаФью был и остался дураком, и вы это знаете лучше меня, — бросил Гау.

— Возможно, — кивнул оренТхен. — Но, как я вам уже сказал, вы не должны сомневаться, кому и чему я верен.

— В этом я не сомневался и не сомневаюсь. Вы верны народу вхайдиан. Именно поэтому вы и боролись за вступление в конклав. Если вхайдиане присоединятся к конклаву, вы получите возможность колонизировать эту планету, и

четыреста с лишним других рас будут защищать это ваше право.

— У нас есть полное право находиться здесь, — гнул свое оренТхен. — И мы законно владеем этой планетой.

— Вы очень скоро лишитесь ее.

— Но мы никогда не завладели бы ею, находясь в составе конклава, — продолжал оренТхен, словно не слыша реплики Гау, — потому что это была бы территория конклава, а не вхайдиан. Мы были бы на этой планете простыми дольщиками наряду с представителями других рас конклава. Ведь конклав до сих пор придерживается идеи о смешанном населении планет, верно? Создание единого населения планеты, но на основе не расовой принадлежности, а преданности конклаву обеспечит прочный мир. Ведь вы на это надеетесь?

— В свое время вы тоже считали эту идею хорошей.

— Жизнь полна неожиданностей, — отозвался оренТхен. — В ней многое меняется.

— Да, действительно. А вы помните, что привело меня к мысли о создании конклава?

— Сражение за Амин, по крайней мере так вы говорили. Когда вы отобрали планету у кайесов.

— Без всякой на то необходимости, — добавил Гау. — Ведь они живут в воде. У нас не было никакой разумной причины, которая мешала бы нам поделить эту планету. Но мы не пожелали. И они не пожелали. В результате и мы, и они потеряли намного больше, чем принесла нам победа. Перед тем сражением я был таким же ксенофобом, как ваш безумный атаФью, таким же, каким прикидываетесь сейчас вы. А после сражения я сгорал от стыда из-за того, насколько сильно мы отравили планету, пока отвоевывали ее. Да, Чан, я сгорал от стыда. И знал, что так и останусь с этим чувством. Если не смогу положить конец такому положению. Если не изменю его в корне.

— И вот вы с вашим прекрасным конклавом, с вашей, так сказать, борьбой за вечный мир в этом участке космоса явились сюда, — насмешливо подхватил оренТхен. — И в чем же проявляется ваше стремление к миру? Вы намерены изгнать меня и мою колонию прочь с этой планеты. Вы ничему не положили конец, генерал. Вы ничего не изменили.

— Да, не изменил, — согласился Гау. — Пока что не изменил. Но перемены приближаются.

— Я все же надеюсь, что вы объясните, каким образом из того, что вы здесь говорили, вытекает

великая важность моей колонии.

— В соглашении о конклаве говорится, что расы, входящие в его состав, не имеют права колонизировать новые миры только для себя; они осваивают планеты, которые обнаруживают, но в этом освоении участвуют и другие члены конклава. В соглашении также говорится, что, если конклав находит планету, колонизированную неприсоединившейся расой после обнародования соглашения, эта планета отбирается и передается под юрисдикцию конклава. Никто не должен колонизировать планеты иначе, чем через конклав. Мы предупредили об этом все неприсоединившиеся расы.

— Я помню это заявление, — сказал оренТхен. — Мне поручили возглавить колонию вскоре после того, как оно было сделано.

— И все же вы отправились осваивать планету.

— Генерал, тогда никто еще не мог сказать, что конклав утвердится всерьез и надолго, — ответил оренТхен. — Несмотря на вашу уверенность в высшем предназначении, вы вполне могли провалиться.

— Резонно, резонно, — протянул Гау. — Но я не провалился. Конклав существует, и настало вре-

мя добиваться выполнения нашего соглашения. За время, прошедшее с тех пор, как мы сделали свое заявление, было основано несколько десятков колоний. В том числе и эта.

— Теперь я понимаю. Мы оказались первыми на пути завоевательного похода во славу конклава.

— Нет. Мы не занимаемся завоеваниями. Повторяю, что я продолжаю питать определенные надежды.

— На что же? — небрежно поинтересовался оренТхен.

— На то, что вы уйдете отсюда сами.

ОренТхен с искренним изумлением уставился на Гау:

— Старый друг, вы, похоже, выжили из ума.

— Послушайте, Чан, — поспешно сказал генерал. — Тому, что мы начинаем именно здесь, есть веская причина. Я хорошо знаю вас. Я знаю, чему вы преданы на самом деле — своему народу, а не атаФью и его политике, ведущей вашу расу к самоубийству. Конклав не может позволить вхайдианам продолжать колонизацию миров. Тут не может быть никаких вопросов. Вас заставят вернуться на те планеты, которые вы имели до того, как было заключено соглашение. И перекроют все дальнейшие пути. С горстки своих планет вы

будете смотреть, как остальной космос заполняется без вашего участия. Вы будете фактически в ссылке. И в этой ссылке зачахнете и умрете. Вы же понимаете, что конклав в состоянии это сделать. Вы знаете, что это в моих силах.

ОренТхен промолчал, и Гау продолжил:

— Я не могу заставить атаФью изменить образ мыслей. А вот в ваших силах помочь мне доказать другим, что конклав предпочитает действовать мирными средствами. Покиньте вашу колонию. Уговорите своих колонистов. Вы сможете возвратиться на свою родную планету. Я гарантирую вам безопасность.

— Вы сами знаете, что это пустые слова, — ответил оренТхен. — Если мы покинем колонию, нас обвинят в предательстве. Всех до одного.

— В таком случае, Чан, присоединяйтесь к конклаву, — предложил Гау. — Не раса вхайдиан. А вы. Вы и ваши колонисты. Первая колония конклава вскоре откроется для эмигрантов. И ваши колонисты могут быть среди них. Вы все еще имеете хороший шанс оказаться первыми в новом мире. Вы можете остаться колонистами.

— А вы получите хороший пропагандистский козырь в доказательство своего миролюбия, а в придачу еще и новых подданных, — добавил

оренТхен.

— Да, — согласился Гау. — Конечно. Это тоже важно. И другие колонии будет куда легче убедить покинуть свои миры, если они узнают, что я сохранил вам жизнь здесь. Если мы обойдемся без кровопролития, то это удастся нам и в других местах. Вы сохраните жизни не только своим колонистам, но и бесчисленному множеству представителей самых разных рас.

— Но вы сказали не все, — заметил оренТхен. — О чем же вы умолчали?

— Я не хочу вашей смерти, — ответил Гау.

— Вы имеете в виду, что не хотите убивать меня? — уточнил оренТхен.

— Совершенно верно.

— Но убьете, — с сильным ударением сказал оренТхен. — И меня, и всех моих колонистов.

— Да.

ОренТхен громко хмыкнул:

— Иногда я очень жалею, что у вас на языке и на самом деле то же самое, что и на уме.

— Ничего не могу с этим поделать.

— И никогда не могли. Это одна из важнейших составляющих вашего обаяния.

Гау ничего не сказал. Он вскинул голову и посмотрел на звезды, которые только-только на-

чали появляться на темнеющем небе. ОренТхен взглянул туда же, куда смотрел его собеседник.

— Ищете ваш корабль?

— Уже нашел. — Гау указал почти в зенит. — «Добрая звезда». Вы должны помнить ее.

— Еще бы, — кивнул оренТхен. — Она была маленькой и старой еще во время нашей первой встречи. Удивительно, что вы до сих пор держите на ней свой флаг.

— Один из плюсов управления вселенной — что можно потакать своим причудам.

ОренТхен указал на стоявших поодаль солдат охраны Гау.

— Если мне память не изменяет, на «Звезде» у вас хватает места для полноценного воинского подразделения. Не сомневаюсь, что у вас достаточно солдат, чтобы сделать здесь все, что вы сочтете нужным. Но если вы намереваетесь с их помощью пропагандировать свои мирные планы, то, должен заметить, их присутствие производит не слишком хорошее впечатление.

— Сначала вы говорили о массовом убийстве, а теперь вас не впечатляет… — проворчал Гау.

— Ваше прибытие сюда определенно прелюдия к массовому убийству. И говорим мы сейчас о ваших, а не о чьих-то еще солдатах.

— Я рассчитываю, что ни одному из них не придется действовать. И что вы прислушаетесь к моим резонам. Именно поэтому я взял с собой так мало народу.

— А если я не прислушаюсь к вашим, как вы выразились, резонам? — осведомился оренТхен. — Чтобы захватить эту колонию, вам, генерал, хватит и роты. Но все равно вам придется заплатить за это. Среди моих людей есть бывшие военные. Все они сильны, смелы и опытны. Так что рядом с нами ляжет и кое-кто из ваших солдат.

— Я это знаю, — ответил Гау. — Но я вовсе не собирался использовать солдат. На тот случай, если вы не захотите прислушаться к голосу разума — или к уговорам старого друга, — у меня был предусмотрен другой план.

— Какой же? — спросил оренТхен.

— Я сейчас вам покажу.

Гау оглянулся на своих солдат. Один из них шагнул вперед. Генерал коротко кивнул, солдат отдал честь и негромко заговорил в переговорное устройство. Гау вновь повернулся к оренТхену.

— Поскольку вы сами когда-то пробивали в своем собственном правительстве идею присоединения к конклаву — и в том, что этого не

случилось, нет ни капли вашей вины! — я уверен, что вы сможете понять и оценить, когда я скажу, что существование конклава вообще-то довольно удивительное явление, — сказал Гау. — На сегодня в составе конклава четыреста двенадцать рас; каждая из них имеет собственные ближние и дальние планы, которые было необходимо учесть и совместить с другими. Но даже и сейчас конклав довольно хрупок. В нем имеются фракции и союзы. Некоторые расы присоединились, рассчитывая на то, что им удастся со временем перехватить власть. Другие надеялись, что конклав откроет перед ними широкий простор для колонизации, не требуя ничего взамен. Я должен был заставить их всех понять, что конклав означает безопасность для всех и предполагает ответственность каждого. И те расы, которые не хотят присоединиться, должны уяснить, что деяния конклава — это деяния всех его членов.

— Так, значит, вы сейчас выступаете от имени всех рас, составляющих конклав, — подытожил оренТхен.

— И опять же я имею в виду вовсе не это.

— Я снова перестал вас понимать, генерал.

— Посмотрите наверх. — Гау указал на свой корабль. — Вы видите «Звезду»?

— Да.

— А что еще вы видите?

— Звезды. А что еще, по-вашему, я должен видеть?

— Смотрите, смотрите.

Через мгновение рядом со «Звездой» вспыхнула светящаяся точка. Потом еще и еще.

— Другие корабли, — сказал оренТхен.

— Да.

— И сколько же их?

— Смотрите, смотрите, — повторил Гау.

Сначала в небе мигали точки отдельных кораблей, но вскоре они начали собираться в пары, тройки, а затем и в созвездия.

— Как же их много, — проговорил оренТхен после долгой паузы.

— Смотрите, смотрите, — в третий раз сказал Гау.

ОренТхен еще некоторое время глядел вверх; в конце концов на небе перестали вспыхивать новые точки. Тогда он вновь посмотрел на Гау, который так и стоял, устремив взгляд на звезды.

— Сейчас над вашей планетой кружатся четыреста двенадцать кораблей, — сказал генерал. — По одному от каждой расы, входящей в конклав. С этим флотом мы посетим все миры, колонизи-

рованные без нашего разрешения после того, как мы объявили о своем соглашении и требовании.

Гау снова повернулся, не без труда нашел взглядом в темноте своего офицера и снова кивнул. Тот произнес еще несколько слов в переговорное устройство.

От каждого из висевших в небе кораблей протянулись яркие лучи, залившие раскинувшуюся на берегу реки колонию ослепительно-белым светом. ОренТхен испустил отчаянный надрывный крик.

— Это всего лишь прожектора, Чан, — успокоил его Гау. — Безвредный свет.

Дар речи к оренТхену вернулся лишь через минуту.

— Прожектора, — повторил он. — Но ведь этот свет безвреден только сейчас, верно?

— Если я дам приказ, все корабли флота сфокусируют свои лучи. Ваша колония сгорит, и в этом примут участие все расы, входящие в конклав. Наше дело может делаться только так, и никак иначе. Общая безопасность, но и ответственность тоже общая. И ни одна раса не сможет сказать, что не заработала будущего выигрыша.

— Как я жалею, что не убил вас в первую минуту, как только увидел на этой планете, — сказал

оренТхен. — Мы стояли здесь и обсуждали прекрасные закаты, и вы все это время выжидали, когда же понадобится продемонстрировать свою мощь, чтобы напугать меня. Будьте вы прокляты вместе с вашим конклавом.

Гау раскинул руки:

— Так убейте меня, Чан. Это не спасет вашу колонию. И не остановит конклав. Ничем из того, что вы можете сделать, вы не помешаете конклаву занять эту планету, а потом еще одну и еще одну. Конклав — это четыреста рас. А все прочие расы, выступающие против нас, сражаются в одиночку: вхайдиане, рраей, фран, человечество. И все прочие, продолжающие основывать колонии после того, как мы обнародовали соглашение. Если даже не учитывать всех прочих факторов, они заранее безнадежно проигрывают по соотношению сил. Нас несоизмеримо больше. Одно дело — раса против другой расы. А одна раса против четырехсот — совсем другое. Нам требуется только время, а его достаточно.

ОренТхен отвернулся от Гау и посмотрел на свою колонию, продолжавшую купаться в ярком свете.

— Я сейчас вам кое-что расскажу, — сказал он. — Вы, возможно, увидите здесь некоторую

иронию судьбы. Когда меня назначили начальником этой колонии, я предупредил атаФью, что вы нападете на нее. Вы и весь конклав, который вы возглавляете. Он ответил на это, что конклав никогда не удастся сформировать, что вы показали себя дураком, потому что взялись за это дело, а я — потому что слушал вас. Что расы космоса никогда не согласятся войти в какой-нибудь союз — ведь это значит, что им придется кому-то подчиняться. И что враги прилагают столько сил, что просто не могут потерпеть неудачу. И еще он сказал, что человечество все же остановит вас, даже если никто другой еще не сделал этого. Он чрезвычайно высоко ценит их умение сталкивать расы лбами, оставаясь при этом в стороне.

— Он был недалек от истины, — ответил Гау. — Но люди перестарались. Такое случается с ними постоянно. Лига, которую они сколачивали, чтобы противостоять конклаву, развалилась. Большинство тех рас, которые поддерживали людей, теперь гораздо больше страшатся своих бывших союзников, чем нас. К тому времени, когда конклав доберется до людей, они останутся практически без поддержки.

— Вы могли бы вначале взяться за людей, — сказал оренТхен.

— Всему свое время.

— Позвольте мне сформулировать мое высказывание по-иному. Вам не стоило прилетать к нам первым.

— Здесь находитесь вы, — сказал Гау. — А вы не чужды делу конклава. Вы давно знаете меня. Начни мы с какого-нибудь другого места, и никаких вопросов не было бы — уничтожение и гибель. Здесь же у нас с вами есть шанс на иной исход. Исход, который отзовется далеко за пределами этой колонии и этого мгновения.

— Слишком уж много надежд вы возложили на меня, — ответил оренТхен. — И на моих сограждан.

— Так оно и есть. Простите меня, старый друг. Я не мог найти никакого иного пути. Я усмотрел здесь шанс показать всему свету, что конклав хочет мира, и должен был попытаться воспользоваться им. Да, я прошу у вас многого. Но ведь я именно прошу вас, Чан. Помогите мне. Помогите мне спасти ваших колонистов, не уничтожать их. Помогите мне установить мир в нашей части космоса. Я умоляю вас об этом.

— Вы меня умоляете? — ОренТхен резко повысил голос и шагнул к Гау: — Четыреста двенадцать линейных кораблей по вашему приказу

нацелили оружие на мою колонию, и после этого вы умоляете меня помочь вам установить мир? Тьфу! Ваши слова не значат ровным счетом ничего, старый друг. Вы явились сюда и спекулируете на нашей былой дружбе, а взамен просите мою колонию, мою верность, то, что я собой являю как личность. Все, что у меня есть. Умоляете, направив на меня ружье. Хотите, чтобы я стал помогать вам создавать видимость мира. Да-да, видимость, поскольку то, что вы здесь делаете, — не что иное, как самое простое, грубое и наглое завоевание. Вы кладете на чашу весов жизни моих колонистов и предлагаете мне выбрать между их поголовным уничтожением или превращением их всех в предателей. А после этого заявляете, что, дескать, сочувствуете мне. Знаете, генерал, можете идти к черту.

ОренТхен повернулся и отступил от Гау на несколько шагов.

— Значит, таково ваше решение? — сказал немного погодя Гау.

— Нет, — ответил оренТхен, не поворачиваясь к генералу. — Это не тот вопрос, который я мог бы решить самостоятельно. Мне нужно время, чтобы поговорить с моими людьми и поставить их в известность о том выборе, который их вы-

нуждают сделать.

— Сколько времени вам нужно?

— Ночи здесь длинные. Дайте мне время до утра.

— Хорошо, — согласился Гау.

ОренТхен кивнул и пошел прочь.

— Чан, — проговорил Гау, шагнув вслед за вхайдианином.

ОренТхен остановился и поднял массивную лапу, призывая генерала замолчать. Затем он повернулся и протянул обе лапы Гау, который взял их в свои.

— Знаете, я не забыл первого знакомства с вами, — сказал оренТхен. — Я ведь был при старом атаФью, когда он получил приглашение на встречу с вами и представителями многих других рас на том распроклятом холодном булыжнике в космосе, который вы так величественно провозгласили нейтральной землей. Я помню, как вы стояли на возвышении и приветствовали прибывающих на всех языках, с какими только мог справиться ваш голосовой аппарат, а потом впервые поделились с нами вашей идеей о конклаве. И я хорошо помню, как повернулся к атаФью и сказал ему, что вы, несомненно, спятили. Настолько, что вас следовало бы упрятать в

сумасшедший дом.

Гау рассмеялся:

— А немного позже вы встретились с нами, как и со всеми представителями рас, прибывших на этот планетоид, — продолжал оренТхен. — И помню, как вы старались доказать нам, что конклав — это такая вещь, что участие в ней принесет нам великое счастье. Вы тогда убедили меня.

— Потому что я не окончательно спятил, — вставил Гау.

— О нет, генерал. Окончательно, — возразил оренТхен. — Полностью и неизлечимо. Но, несмотря на это, за вами все же была определенная правота. И я хорошо запомнил, как спросил себя: а что, если этот сумасшедший генерал все же сможет это сделать? Я попытался представить себе такое будущее — наш сектор космоса без войн, в мире. И не смог! Словно передо мной стояла белокаменная стена, не позволявшая заглянуть вперед. Причем это было в то время, когда я решил, что буду бороться за конклав. И боролся. Я не мог увидеть того мира, который он принесет с собой. Не мог даже вообразить его себе. Я знал лишь одно — что я этого хочу. И я знал, что если есть шанс его добиться, то использовать его сможет лишь этот безумный генерал.

Я верил в это.

ОренТхен выпустил руки генерала.

— Это было так давно…

— Мой старый друг, — сказал Гау.

— Старый друг, — согласился оренТхен. — И впрямь старый. А теперь я должен идти. Я был рад снова увидеться с вами, Тарсем. Я говорю правду. Вот только предпочел бы выбрать другие обстоятельства.

— Конечно, — кивнул Гау. — Но ведь вхайдианин предполагает, а жизнь располагает. Жизнь полна неожиданностей.

ОренТхен снова повернулся, чтобы уйти.

— Как я смогу узнать, что вы приняли решение? — спросил Гау.

— Вы узнаете, — бросил, не оборачиваясь, оренТхен.

— И все же как?

— Вы услышите, — сказал оренТхен и повернул голову к генералу: — По крайней мере, это я могу вам обещать.

С этими словами он направился к своей машине и уехал в сопровождении своего эскорта.

Офицер почтительно приблизился к Гау.

— Скажите, генерал, что он имел в виду, когда сказал, что вы услышите ответ?

— Они будут петь, — ответил Гау и указал на колонию, все еще залитую лучами прожекторов. — Ритуальное пение — это высшая форма их искусства. Пением они выражают радость, скорбь, в песнях молятся богам. Чан дал мне понять, что, когда его разговор с колонистами закончится, они пропоют мне свой ответ.

— Неужели мы услышим их отсюда? — удивился молодой офицер.

Гау улыбнулся:

— Если бы вы когда-нибудь слышали пение вхайдиан, то не задали бы этот вопрос, лейтенант.

Гау ждал над обрывом всю ночь, прислушиваясь к тишине. Он нес свою вахту в одиночестве, лишь изредка к нему подходил лейтенант или солдат, приносивший горячее питье, помогавшее сохранить бодрость. Но лишь на востоке показалось солнце, не успевшее еще осветить колонию, Гау наконец-то услышал то, чего так долго ждал.

— Что это? — спросил лейтенант.

— Тише! — раздраженно отмахнулся Гау.

Лейтенант отскочил.

— Они запели, — сказал генерал через несколько секунд. — Сейчас они поют приветствие утру.

— И что же это означает? — продолжал допы-

тываться любопытный офицер.

— Это означает, что они приветствуют утро. Это ритуал, лейтенант. С него они начинают каждый день.

Утренняя молитва то звучала громче, то стихала и тянулась, как показалось генералу, немыслимо долго. Но наконец-то подошла к резкому финальному вибрато. Гау, который давно уже в нетерпении вышагивал взад-вперед над обрывом, замер в неподвижности.

Со стороны колонии послышалось иное пение, в ином ритме, постепенно становившееся все громче и громче. Гау несколько долгих минут прислушивался, а потом вдруг шлепнулся на складной стул, как будто его внезапно оставили силы.

Лейтенант мгновенно подскочил к нему, но Гау отмахнулся своим обычным жестом.

— Что они поют теперь, генерал? — поинтересовался лейтенант.

— Свой гимн, — ответил Гау. — Свой государственный гимн.

Он встал.

— Они говорят, что не покинут планету. Они говорят, что предпочитают умереть, оставаясь вхайдианами, нежели жить, подчиняясь кон-

клаву. Все мужчины, женщины и дети этой колонии.

— Они сумасшедшие, — сказал лейтенант.

— Они патриоты, лейтенант, — поправил его Гау, повернувшись и глядя офицеру в лицо. — Они сделали выбор согласно своим убеждениям. Не следует непочтительно относиться к их решению.

— Извините, генерал, — сказал лейтенант. — Я просто не понимаю их выбора.

— А я понимаю. Вот только я надеялся, что он будет другим. Принесите мне коммуникатор.

Лейтенант поспешил прочь, а Гау вновь повернулся к колонии, вслушиваясь в песнь неповиновения.

— Вы всегда были упрямцем, мой старый друг, — вслух сказал Гау.

Вернулся лейтенант с маленьким переговорным устройством. Гау взял его, набрал свой личный код и перешел на связь по общему каналу.

— Говорит генерал Тарсем Гау. Всем кораблям сфокусировать световые излучатели и приготовиться действовать по моей команде.

Свет прожекторов, отчетливо видимый даже в свете восходящего солнца, сразу же исчез — кора-

бельные оружейники занялись перенастройкой своего оружия в боевой режим.

Пение смолкло.

Гау чуть не выронил переговорное устройство и замер, приоткрыв от удивления рот и уставившись на колонию. Потом, шепча что-то про себя, медленно подошел к краю обрыва. Лейтенант стоял навытяжку поблизости и напряженно прислушивался.

Генерал Тарсем Гау молился.

Тишина продолжалась всего несколько секунд. А потом колонисты вновь завели свой гимн.

Генерал Гау стоял на краю обрыва высоко над рекой. Его губы больше не шевелились, глаза были закрыты. Гимн, пение которого продолжалось, как показалось ему, целую вечность, он дослушал до конца.

А потом поднял переговорное устройство.

— Огонь! — громко скомандовал он.

9

Джейн уже давно вернулась из медицинского пункта и ждала меня на крыльце нашего бунгало, устремив взгляд на звезды.

— Что-то ищешь? — осведомился я.

— Узоры, — ответила Джейн. — За все время, которое мы здесь находимся, никто не дал имени ни одному созвездию. Вот я и решила сама попробовать.

— Ну и как получается?

— Ужасно. — Джейн взглянула на меня. — Мне потребовалось очень много времени, чтобы научиться различать созвездия в небе Гекльберри, а ведь их выдумали другие люди. Составлять новые — куда сложнее, чем запоминать придуманные до тебя. Я вижу лишь россыпь отдельных звезд.

— Постарайся сосредоточиться на самых ярких, — посоветовал я.

— В этом-то вся проблема. Мои глаза теперь куда лучше твоих. Лучше, чем у всех остальных здесь. Для меня все звезды яркие. Возможно, именно потому я и не видела созвездий, пока не попала на Гекльберри. Слишком много ин-

формации. Чтобы различать созвездия, нужны человеческие глаза. Еще одна часть отнятой у меня человеческой сущности.

Она снова вскинула голову.

— Как ты себя чувствуешь? — спросил я, не сводя с нее взгляда.

— Все нормально.

Джейн приподняла полу рубашки. Шрам на боку был мертвенно-бледным даже в ночном полумраке, но выглядел далеко не так устрашающе, как на первых порах.

— Доктор Цао зашила рану, которая, впрочем, успела неплохо затянуться еще до того, как она взялась за иголку. Она хотела сделать анализ крови, чтобы проверить на заражение, но я сказала, чтобы она не беспокоилась. Все равно теперь во мне снова течет УмноКровь. Я не стала говорить ей об этом.

Она опустила рубашку.

— Но тем не менее кожа не позеленела, — заметил я.

— Нет. И глаза не сделались кошачьими. И МозгоДруга в башке тоже нет. Что, впрочем, не может значить, что у меня нет повышенных способностей. Просто они не распознаются так сразу, чему я очень рада. А ты где был?

— Просматривал кусок, который режиссер отрезал от фильма об уничтожении вхайдианской колонии.

Джейн вопросительно взглянула на меня, и я с начала до конца пересказал все, что только что увидел.

— И как, ты веришь в это? — спросила Джейн, когда я закончил.

— Во что?

— Что этот генерал Гау надеялся обойтись без уничтожения колонии.

— Не знаю, — честно признался я. — Разговор показался мне достаточно откровенным. К тому же если бы он хотел попросту уничтожить колонию, то мог бы без всякого труда сделать это, не устраивая спектакля с уговорами о переходе на его сторону.

— Если только это не было элементом тактики запугивания. Сломить волю колонистов, заставить их сдаться, а потом все равно уничтожить их. И отправить свидетельство об этом другим расам, чтобы деморализовать их.

— Возможно, — кивнул я. — Но это имеет смысл, лишь если они намерены поработить расу. Что, по всем имеющимся сведениям, не соответствует стратегии конклава. Он все-таки представляется

мне союзом разумных рас, а не империей.

— Я бы не рискнула строить предположения на основе одной видеозаписи, — сказала Джейн.

— Я знаю. Но это меня изрядно беспокоит. В том видео, которое нам переслал СК, показано, как конклав попросту уничтожает вхайдианскую колонию. С расчетом на то, что мы должны видеть в конклаве угрозу, и все. А вот из того, что я только что просмотрел, следует, что все не так однозначно.

— Потому-то эту часть и вырезали.

— Потому что фильм получается неоднозначным?

— Потому что он запутывает мозги. Союз колоний послал нас сюда с определенными инструкциями и дал нам информацию, подкрепляющую эти инструкции, но устранил те сведения, которые могли бы заставить нас усомниться в полученных указаниях.

— Ты не видишь в этом проблемы?

— Я вижу в этом тактический ход.

— Но во всех своих действиях мы исходили из единственной предпосылки: что конклав представляет собой страшную угрозу и средством борьбы за свои цели для него является геноцид. Из фильма следует, что это не совсем так.

— И снова ты строишь предположения на пустом месте, — укорила меня Джейн.

— Но ведь ты имеешь представление о конклаве. Как, по-твоему, поголовное уничтожение соперников вписывается в то видение конклава, которое сложилось у тебя?

— Нет. Но ведь я и раньше говорила, что почти все мои сведения об этом союзе были получены от Чарльза Бутэна, который целенаправленно готовился предать Союз колоний. Так что они не слишком достоверны.

— И все равно это меня тревожит. Мне очень не нравится, что эту информацию так тщательно скрывали от нас.

— Информацией манипулирует Союз колоний. Таким образом он осуществляет управление. Я уже объясняла тебе это, так что для тебя это не должно стать новостью.

— Но это заставляет меня пускаться в догадки насчет того, чего мы пока что не знаем. И почему.

— Но мы просто не можем узнать ничего нового, — рассудительно заметила Джейн. — У нас есть те сведения о конклаве, которые нам предоставил Союз колоний. То немногое, что известно мне. И эта новая часть видеофильма. Вот и все.

Я с минуту обдумывал ее слова и в конце концов сказал:

— Нет. У нас есть кое-что еще.

— Вы способны лгать? — спросил я Хикори.

Он, как обычно на пару с Дикори, стоял передо мной в гостиной нашего бунгало. Я сидел в кресле за своим столом. Джейн стояла рядом со мной. Зои, которую мы разбудили, зевала на диване.

— Мы пока что не лгали вам, — лаконично ответил Хикори.

— Но совершенно очевидно, что вы способны уклоняться от ответа, поскольку я спросил вас не об этом.

— Мы можем лгать. Это одна из тех выгод, которые принесло нам самосознание.

— Я не стал бы называть это выгодой, — заметил я.

— Это качество открывает множество интереснейших возможностей при общении, — пояснил Хикори.

— Возможно, это так. Но в данный момент меня интересует совсем не это. — Я повернулся к Зои: — Дорогая, мне нужно, чтобы ты приказала этой парочке отвечать на все мои вопросы правдиво, не лгать и не уклоняться от ответов.

— С чего бы это? — удивилась Зои. — Что слу-

чилось?

— Зои, прошу тебя, сделай это.

Зои слово в слово повторила то, о чем я ее просил.

— Большое спасибо, — сказал я. — А теперь можешь вернуться в кровать.

— Я хочу знать, что здесь происходит, — заявила Зои.

— Это дело не из тех, которые должны тебя волновать.

— Сначала ты приказываешь мне потребовать от них, чтобы они говорили правду, а потом хочешь, чтобы я считала, будто это меня не касается! Что-то у тебя тут не сходится, папочка!

— Зои! — повысила голос Джейн.

— Кроме того, если я сейчас уйду, у вас не будет никакой гарантии, что они станут говорить вам правду, — поспешно выпалила Зои, чтобы не дать Джейн договорить.

Зои хорошо знала, что торговаться со мной вполне можно, а вот Джейн, раз сказавши, ни за что не отступит.

— Эмоционально они вполне готовы солгать тебе, потому что их не будет тревожить, что ты из-за этого расстроишься. А меня они расстраивать не захотят.

Я вновь повернулся к Хикори:

— Это правда?

— Вам мы солгали бы, если бы почувствовали, что это необходимо, — подтвердил он. — Но Зое лгать не стали бы.

— Вот вам! — выпалила Зои.

— Попробуй только шепнуть хоть слово о том, что сейчас услышишь, и просидишь весь следующий год в конском стойле, — пригрозил я.

— Считай, что мой рот на замке, — поклялась Зои.

— Нет. — Джейн подошла к Зои. — Мне необходимо знать, что ты твердо поняла, что тем, что услышишь здесь, ты не сможешь ни с кем поделиться. Ни с Гретхен, ни с кем другим из твоих друзей. Ни с кем на свете. Это не игра, и речь идет не о шуточных секретах. Это чрезвычайно серьезное дело, Зои. Если ты не готова отнестись к этому со всей серьезностью, то тебе придется немедленно покинуть комнату. Я лучше рискну оказаться обманутой Хикори и Дикори, но только не тобой. Так что скажи мне: ты понимаешь чрезвычайную важность твоего обещания молчать? Да или нет?

— Да, — ответила Зои, глядя на Джейн. — Я все понимаю, Джейн. Никому ни слова.

— Спасибо, Зои. — Джейн, наклонившись, поцеловала Зои в макушку, а потом кивнула мне: — Начинай.

— Хикори, вы помните наш разговор, когда я попросил вас отключить и сдать на закрытый склад приборы, при помощи которых работает ваше самосознание?

— Да.

— Мы тогда говорили о конклаве, — продолжал я. — И вы сказали, что не считаете, будто конклав представляет угрозу для этой колонии.

— Я сказал так, потому что мы убеждены, что опасность крайне незначительна.

— Почему вы так считаете?

— Конклав предпочитает эвакуировать население колоний, а не уничтожать его, — пояснил Хикори.

— Откуда вам это известно?

— Из той информации о конклаве, которую предоставило нам наше правительство.

— Почему вы до сих пор не поделились с нами этой информацией?

— Нам приказали не делать этого.

— Кто?

— Наше правительство.

— Но почему вам дали такой приказ?

— Мы имеем постоянный приказ нашего правительства не делиться с вами информацией по вопросам, в которых вы мало информированы. Причем виноваты в этом не мы, а ваше правительство, которое требует от нашего хранить в тайне очень широкий круг вопросов. Мы не лгали вам, ни Дикори, ни я, но мы не имели права выдавать вам ту информацию, которой располагаем сами. Вы должны помнить, как перед отбытием с Гекльберри мы расспрашивали вас, что вам известно о статусе этой части пространства.

— Помню, — кивнул я.

— Мы пытались выяснить, много ли из того, что мы знаем, можно будет сообщить вам. Должен с сожалением сказать, что вы тогда произвели впечатление не слишком осведомленного человека. Поэтому в той ситуации мы имели право сказать вам очень немного.

— Но теперь вы готовы сказать больше?

— Теперь вы задаете прямые вопросы. А Зои приказала нам не лгать.

— Вы видели наш видеофильм о том, как конклав уничтожает вхайдианскую колонию?

— Да, когда вы показывали его всем своим колонистам.

— Он соответствует вашему собственному

фильму?

— Нет. Наш был намного длиннее.

— Почему же наша версия оказалась настолько короче?

— Мы не можем строить предположения о причинах тех или иных поступков вашего правительства, — резонно заметил Хикори.

Я задумался; построение фразы оставляло немало простора для толкований.

В разговор вступила Джейн.

— Вы сказали, что конклав предпочитает эвакуировать колонии, а не уничтожать их. Вы сделали этот вывод по видеофильму или у вас еще какая-то информация?

— Да, у нас есть и другая информация, — ответил Хикори. — На видео снята лишь первая попытка конклава удалить колонию с планеты.

— И сколько же всего было таких попыток? — продолжала допытываться Джейн.

— Мы не знаем. Почти весь год по времени Роанока мы не имели связи с нашим правительством. Однако известно, что ко времени нашего отправления конклав ликвидировал семнадцать колоний.

— Сколько из них было уничтожено? — спросила Джейн.

— Три. Остальные эвакуировались. В десяти случаях колонисты вернулись во владения своих рас. Четыре колонии решили присоединиться к конклаву.

— У вас есть какие-нибудь доказательства? — спросил я.

— Конклав направлял документы о каждой такой акции правительствам всех неприсоединившихся рас, — объяснил Хикори. — Мы располагаем информацией обо всех прекративших свою деятельность колониях вплоть до нашего прибытия на Роанок.

— Но почему? — удивилась Джейн. — Какое отношение эта информация имеет к вам?

— Наше правительство хорошо знало, что эта колония основывается, несмотря на предупреждения конклава. И хотя мы и не знали этого наверняка, но все же ожидали, что Союз попытается скрыть ее от конклава. Раскрыть вам нашу информацию мы должны были лишь после того, как конклав отыщет вашу колонию.

— С какой целью? — спросила Джейн.

— Чтобы убедить вас сдаться. Мы не можем позволить ей погибнуть.

— Из-за Зои? — спросил я.

— Да.

— Ни фига себе! — воскликнула Зои.

— Тише, тише, малышка, — сказал я.

Зои послушно замолчала. Я же пристально посмотрел на Хикори.

— А если бы мы с Джейн решили не сдаваться? Если бы мы предпочли гибель капитуляции?

— Мы предпочли бы не отвечать на этот вопрос.

— Не пытайтесь уклоняться, — жестко сказал я. — Отвечайте.

— Нам следовало бы убить вас и лейтенанта Саган. Вас и любых других лидеров колонистов, которые согласились бы с гибелью колонии.

— Ну и как, убили бы? — поинтересовался я.

— Это было бы нелегко, — признался Хикори. — Нам было предписано сделать это с отключенными эмоциональными блоками. Не думаю, что Дикори или я решились бы потом снова включить их. Эмоции были бы невыносимо интенсивными. К тому же нам известно, что лейтенанта Саган генетически модифицировали до эксплуатационных параметров Специальных сил. Поэтому убить ее было бы чрезвычайно трудно.

— Откуда вы знаете? — удивилась Джейн.

— Мы заметили это. Мы знаем, лейтенант, что

вы стараетесь скрыть свое новое качество. Но вас выдают мелочи. Например, вы слишком быстро шинкуете овощи.

— О чем они говорят? — спросила Зои, изумленно взглянув на Джейн.

— Потом объясню, — бросила Джейн, не сводя взгляда с Хикори. — Ну и как теперь? Вы все еще настроены убить меня и Джона?

— Если вы решите позволить уничтожить колонию, то да.

— Вы не посмеете! — выкрикнула Зои и вскочила с места; ее глаза метали молнии. — Я запрещаю! Вы никогда и ни за что не сделаете этого.

Хикори и Дикори трясло от эмоциональной перегрузки, которую они испытывали, столкнувшись с гневом Зои.

— Мы вынуждены не подчиниться вам, — выговорил наконец Хикори. — Вы слишком важны. Для нас. Для всех обинян.

Зои раскраснелась, ее тоже трясло — от бешенства.

— Из-за обинян я уже лишилась одного родителя! — воскликнула она.

— Ну-ка, живо успокойтесь все! — прикрикнул я. — Никто никого не убивает. Договорились? Все это чушь собачья. Зои, послушай, Хикори и Дико-

ри не станут убивать нас, потому что мы с мамой не собираемся допустить уничтожения колонии. Вот и все. И я ни за что на свете не допущу, чтобы с тобой случилось что-нибудь плохое. И Хикори, и Дикори, и мы с мамой — мы все согласны, что ты слишком важна для того, чтобы рисковать твоей жизнью.

Зои с громким всхлипом глотнула воздуха и разрыдалась. Джейн обняла ее и усадила на диван. Я же вновь повернулся к обинянам.

— Я хочу четко и недвусмысленно вас попросить: при любых обстоятельствах защищайте Зои.

— Мы будем ее защищать. Всегда.

— Вот и прекрасно. Только постарайтесь, защищая ее, не убить меня. Или Джейн.

— Мы постараемся, — пообещал Хикори.

— Вот и прекрасно, — повторил я. — С этим мы разобрались. Пойдем дальше.

Мне потребовалось не менее минуты, чтобы вспомнить, о чем я думал перед тем, как случился этот инцидент: новость о том, что спутники, которых мы повсюду таскаем с собой, запланировали мое убийство, и последовавшая за этим неожиданная, хотя и вполне объяснимая истерика Зои изрядно вывели меня из равновесия.

— Вы сказали, что вам известно о прекращении деятельности семнадцати колоний, верно?

— Да.

— В четырнадцати случаях обитатели колоний уцелели. Четыре из них присоединились к конклаву. Вы имели в виду только колонистов или расы целиком?

— Только колонистов.

— Значит, ни одна из тех рас, которые лишились колоний, не присоединилась к конклаву?

— Ни одна, — подтвердил Хикори. — Это вызвало в самом конклаве определенное беспокойство. Там рассчитывали, что хотя бы некоторые из них под влиянием случившегося примут приглашение присоединиться. Но действия этой организации, похоже, вызвали противоположную реакцию.

— Конклав не пытается заставить расы войти в свой состав силой? — спросила Джейн с дивана.

— Нет. Он просто не разрешает им дальше расширять свое влияние.

— Не понимаю, как они могут устраивать это, — сказал я. — Вселенная огромна.

— Огромна, — согласился Хикори. — Но ни одна раса не желает отказаться от прямого управления своими колониями. Так что обнаружить их не

слишком трудно.

— Кроме этой, — задумчиво произнес я. — Именно поэтому они и заставили нас прятаться. Куда важнее дать людям лишний шанс выжить во вселенной, чем наслаждаться возможностью глядеть, что и как делают колонисты.

— Возможно.

— Хикори, я хочу ознакомиться с теми файлами, которые имеются в вашем распоряжении, — сказала Джейн и добавила, взглянув на меня: — И, конечно, с фильмом, о котором ты мне рассказывал.

— Чтобы передать их вам, нам придется укрыться в технологической лаборатории, — заметил Хикори.

— Сейчас самый подходящий момент, — бодро провозгласил я.

Мы с Джейн по очереди поцеловали Зои, пожелали ей доброй ночи, вышли из дома и направились к «черному ящику». Хикори и Дикори шагали впереди.

— Почему ты так сказал? — шепотом спросила меня Джейн.

— Что сказал?

— Что мы не допустим уничтожения колонии.

— Прежде всего потому, что наша дочь уже яв-

ственно представила себе, как Хикори и Дикори полосуют нас ножами, и была на грани нервного срыва. И еще потому, что если нам предложат выбор — или капитуляция, или все население колонии: мужчины, женщины, дети — превратится в пепел… Я знаю, как поведу себя в таком положении.

— И снова ты строишь предположения, исходя из неполной информации. Прежде чем мы будем принимать какое-то решение, я должна посмотреть все эти записи. А до тех пор все варианты равны.

— Могу заранее сказать, что в этих вариантах нам еще копаться и копаться.

Я остановился и посмотрел на звезды. Джейн тоже задрала голову.

— Интересно, вокруг которой из них вращается Гекльберри? — спросил я, двинувшись дальше. — Я частенько думаю, что нам всем, пожалуй, стоило спокойненько сидеть там. И все эти проблемы решал бы кто-нибудь другой. По крайней мере, какое-то время.

— Джон! — воскликнула Джейн.

Я обернулся. Она стояла на том же месте — я успел отойти от нее на несколько шагов — и продолжала разглядывать небо.

— В чем дело? — спросил я и тоже посмотрел вверх. — У тебя составилось созвездие?

— Джон, там появилась звезда, которой раньше не было. — Джейн ткнула пальцем в небо. — Вон та.

Я прищурился, но почти сразу же понял, что можно не щуриться и не напрягать зрение, поскольку я понятия не имел, какие звезды были на этом небе раньше и каких не было. А затем я увидел ту, на которую указывала Джейн. Она была яркой. И быстро двигалась.

— О боже… — пробормотал я.

И вдруг Джейн громко закричала и, стиснув виски обеими руками, упала наземь. Я метнулся к ней. Она забилась в конвульсиях. Я обхватил ее, попытался удержать руки, которыми она отчаянно размахивала, но лишь схлопотал удар ладонью выше уха, ткнулся головой в землю, увидел перед глазами россыпь белых искр и вынужден был на несколько секунд замереть в неподвижности, сдерживая подступившую к горлу тошноту.

Хикори и Дикори взяли меня за руки и подняли. Я сразу же повернулся к Джейн (в глазах еще двоилось). Она тоже успела вскочить на ноги и стояла, бормоча что-то себе под нос как сума-

сшедшая. Потом выгнулась и снова закричала; этому ее воплю позавидовала бы даже банши. Я сам громко крикнул — от изумления.

В конце концов Джейн справилась со странным припадком и подошла ко мне.

— Тебе придется встречать их без меня, потому что я перебью всех этих долбаных сволочей, как только они попадутся мне на глаза.

— О чем ты говоришь? — удивился я.

— Об этом гребаном Союзе колоний, — ответила Джейн и снова ткнула пальцем в зенит. — Это их корабль, и они уже снижаются. Прямо сюда.

— Откуда ты знаешь?

Джейн взглянула в сторону и рассмеялась — отрывистым жутким смехом, какого я никогда прежде от нее не слышал и, очень надеюсь, больше не услышу.

— Ну да. Конечно. Помнишь, мы недавно говорили о моих новых способностях, и я сказала тебе, что у меня нет МозгоДруга?

— Да.

— Так вот. Оказывается, я была не права.

— Должен заметить, я надеялся, что вы обрадуетесь встрече со мной, — сказал генерал Райбики. — Все остальные, похоже, рады.

Он помахал из моего окна на улицу, где собра-

лись все роанокцы, совершенно обезумевшие от счастья — прежде всего потому, что период изоляции подошел к концу.

— Где Саган?

— Вы должны сказать мне, что за хрень здесь творится, генерал, — процедил я вместо ответа.

Райбики оглянулся на меня.

— Простите? Я, конечно, давно уже не ваш командир, Перри, но все же остаюсь вашим начальником. А к начальникам полагается относиться с несколько большим уважением.

— Насрать мне, что там полагается, а что не полагается. И на вас самого тоже. Вы и слова правды не сказали об этой долбаной колонии с тех пор, как приперлись на Гекльберри вербовать нас.

— Я был с вами честен, насколько мог.

— Насколько могли…

Мой тон не оставлял возможности надеяться, будто я поверил его словам.

— Позвольте мне выразиться по-другому, — сказал Райбики. — Я был с вами честен ровно настолько, насколько мне было разрешено.

— Вы наврали и мне, и Джейн, и множеству народа, который попал в эту колонию, пройдя через трудные процедуры отбора. Вы загнали нас в самую задницу вселенной, и теперь нас в

любую минуту могут спалить корабли некоей группы, о существовании которой никто из нас даже не имел представления. Вы набрали колонистов, обученных пользоваться современным оборудованием, и вынудили их вести колонизацию при помощи древних машин, о которых они даже слыхом не слыхивали и, уж конечно, не учились работать на них. Если бы среди наших колонистов не оказались случайно несколько меннонитов, то вы нашли бы здесь только кости. Из-за того, что вы не потрудились хоть немного осмотреть эту планету, никто не знал, что на ней имеются аборигены, достаточно разумные для того, чтобы за последние три дня расправиться с семью моими колонистами. Так что со всем положенным уважением, генерал, заявляю вам, что вы можете поцеловать меня в задницу. Джейн не пришла сюда, потому что в ином случае вы уже были бы мертвы. И я тоже ни в малейшей степени не считаю себя облагодетельствованным вами.

— Что ж, ваше недовольство вполне оправданно, — мрачно ответил Райбики.

— Ну, считайте, что основные вопросы я вам задал. Теперь я жду ответов.

— Поскольку вы употребили слово «спалить», я могу сделать вывод, что вы знаете о существова-

нии конклава. Много вы о нем знаете?

— Я обладаю той информацией, которой вы нас снабдили.

Я не упомянул о том, что мне известно кое-что еще.

— В таком случае вам известно, что он ведет активный поиск новых колоний и ликвидирует их, когда находит. Как вы, конечно, понимаете, это не помогает улучшению отношений с теми расами, чьи колонии оказываются жертвами этой агрессивной политики. Союз колоний взял на себя инициативу в организации сопротивления конклаву, и этой колонии отведена главная роль в нашей стратегии.

— В чем же эта главная роль заключается?

— В том, чтобы вы сидели тише воды ниже травы, — ответил Райбики с выражением, давно забытым уже и на Земле. — Господи, Перри, вы же находитесь здесь почти год! Конклав с ног сбился, разыскивая вас. И чем дольше он безуспешно ищет, тем менее страшным он кажется. Тем яснее становится, что он представляет собой на самом деле: крупнейшую «пирамиду» во всей вселенной. Это организация, в которой несколько могущественных рас, обманным путем заручившись поддержкой рас послабее, загребают под

себя все пригодные для жизни планеты, какие только попадают в поле их зрения. Мы намерены использовать эту колонию как рычаг, при помощи которого сможем отковырнуть от конклава некоторые из этих рас-сателлитов. Мы должны дестабилизировать конклав, прежде чем он наберет критическую массу и окажется в состоянии сокрушить нас и всех прочих, кто участвует в освоении вселенной.

— И для этого потребовалось обманывать весь мир, включая команду «Магеллана»?

— К сожалению, да. Посудите сами: число осведомленных следовало свести до крайнего минимума. Министр колонизации. Я. Командующий Специальными силами генерал Сциллард и несколько его особо доверенных офицеров. Я контролировал комплектование оборудования и частично отбор колонистов. Перри, меннониты оказались здесь вовсе не случайно. И вовсе не случайно в вашем грузе оказалось так много по-настоящему древних машин, которыми мало кто умел пользоваться. Очень жаль, что мы не могли поставить вас в известность о том, что делаем и что вас ожидает, но мы попросту не видели иного пути. Но я не собираюсь просить у вас извинения за наши действия, потому что они

привели к тому самому результату, на который мы рассчитывали.

— А как это восприняли те, кто остался дома? — осведомился я. — Что думают жители родных планет наших людей о том, что вы ведете игру, где ставки — жизни их друзей и родственников?

— Они ничего не знают. Перри, существование конклава — наивысшая государственная тайна. Мы даже не открываем ее властям колоний. На этот счет им пока что не следует волноваться.

— Неужели вам не кажется, что большая часть человечества хотела бы узнать о существовании в этой области космоса федерации, состоящей из нескольких сотен рас?

— Уверен, что хотела бы, — согласился Райбики. — И, между нами, я считаю, что об этом стоило бы рассказать. Но решаю здесь не я, и не вы, и не народ.

— Значит, все считают, что мы пропали, — констатировал я.

— Именно так, — кивнул Райбики. — Вы уже прославились. Как же — вторая потерянная колония Роанок.

— Но сейчас вы сами прекратили свою игру. Вы прилетели сюда. И, когда вы вернетесь, человечество узнает, где мы находимся. К тому же мои

люди знают о существовании конклава.

— И откуда же?

— От нас, — ответил я, не совсем веря своим ушам. — Вы что, серьезно? Неужели вы рассчитывали, что я запрещу своим людям использовать любые технические средства сложнее дизельного трактора и не объясню им причину? Да я оказался бы первым покойником на планете. Так что о конклаве они знают. И раз они это знают, то и в Союзе колоний очень скоро тоже узнают. Если, конечно, вы не решите снова оставить нас здесь без связи с миром. Но, если все те люди, которые сейчас пляшут от радости под нашими окнами, об этом узнают, вас тут же повесят на ближайшем дереве. Вверх ногами, чтобы вы дольше мучились.

— Нет, мы не собираемся держать вас взаперти, — сказал Райбики. — Но, с другой стороны, все же нельзя сказать, что мы выпустили вас на свободу. Мы прилетели сюда, чтобы сделать две вещи. Во-первых, вывезти команду «Магеллана».

— За что она, без сомнения, будет вам благодарна по гроб жизни. Хотя мне кажется, что капитан Зейн захочет получить обратно свой корабль.

— Во-вторых, хочу сказать вам, что теперь вы имеете право использовать все то снаряже-

ние и оборудование, которое так благоразумно спрятали, — продолжал Райбики. — Можете распрощаться со вторым тысячелетием и вернуться в современность. Правда, поддерживать связь с Союзом колоний вам пока что нельзя. Нужно отработать еще несколько деталей.

— Использование современного оборудования сразу выдаст нас.

— Совершенно верно.

— Вы меня совсем сбили с толку. Мы просидели здесь, как мыши в норе, целый год, чтобы подорвать тем самым могущество конклава, а теперь вы решили, что мы должны открыть свое существование. Возможно, я чего-то не понимаю, но я не вижу, какую выгоду получит Союз колоний, если конклав все же истребит нас.

— Так вы считаете, что вас ждет истребление?

— А что, существует иной вариант? Может быть, если мы хорошо попросим, конклав позволит нам собрать вещи и отправиться восвояси?

— Я говорю не об этом, — ответил Райбики. — Я говорю, что Союз колоний держал ваше местонахождение в тайне, потому что так было нужно. Теперь мы намерены позволить конклаву узнать, где вы находитесь. У нас есть кое-какие планы. И как только мы преподнесем конклаву наш ма-

ленький сюрприз, уже не будет никакого смысла скрывать от колоний его существование и ваше местонахождение. Потому что конклав развалится, и вы сыграете главную роль в его распаде.

— Вы должны рассказать мне, что и как будет происходить.

— Ладно, — ответил Райбики.

И рассказал.

— Ну, как дела? — спросил я Джейн, войдя в «черный ящик».

— Мне больше не хочется выпустить кишки первому же встречному чиновнику СК, если ты об этом, — ответила она и добавила, постучав по лбу, где скрывался МозгоДруг: — Но это меня совершенно не радует.

— Но как ты могла не знать, что у тебя в голове эта штука?

— МозгоДруг активируется извне. Я не могла включить его сама. С корабля Райбики послали направленный сигнал, который и разбудил МозгоДруга. Теперь он работает. Послушай, я просмотрела все те файлы, которые мне дал Хикори.

— Все? — удивился я.

— Да, — подтвердила Джейн. — Похоже, что меня уже полностью модифицировало, и к тому же у меня есть МозгоДруг. Я опять могу работать

в режиме Специальных сил.

— И?

— Эти сведения дают немало материала для раздумий. Хикори располагает видеоматериалами и документацией, поступившей от конклава, что, конечно, подозрительно. Но у него масса информации по каждому случаю из собственных источников обинян, от рас, чьи колонии были ликвидированы, и даже от Союза колоний.

— Все это может быть фальшивками, — предостерег я. — Что, если это обширная кампания по дезинформации?

— Нет. Файлы Союза колоний поддаются проверке через метатексты. Я пропустила их через МозгоДруга. Они подлинные.

— И наверно, ты смогла больше узнать про старину Хикори, да?

— Смогла, — кивнула Джейн. — Он не обманул нас, когда сказал, что обиняне не назначат кого попало телохранителями Зои. Хотя из этих файлов я поняла, что старший из них Дикори.

— Боже мой… — пробормотал я. — Только-только подумаешь, что хорошо знаком с парнем… или девчонкой… или существом неопределенного пола — ведь они именно такие, верно?

— Они не неопределенного пола, — поправила

меня Джейн. — Они двуполые.

— А как насчет этого генерала Гау? О нем что-нибудь было сказано?

— Есть кое-что. Но лишь самые общие сведения. Он из расы вреннов и, похоже, в фильме из нашего файла говорил о себе правду: он действительно начал агитацию за создание конклава после сражения с кайесами. Поначалу он не встретил понимания. Его посадили в тюрьму за антиправительственную деятельность. Но вскоре с правителем вреннов случился несчастный случай со смертельным исходом, и его преемник освободил генерала.

Я вскинул брови.

— Политическое убийство?

— Нет. Хроническое расстройство сна. Заснул во время еды и упал лицом вперед прямо на столовый нож. Проткнул мозг и скончался на месте. Генерал, вероятно, мог захватить власть над своей расой, но вместо этого занялся созданием конклава. Он так и не стал правителем вреннов. И даже не занимает никаких официальных высших постов в конклаве, хотя является его фактическим главой.

— Когда я говорил с Райбики, он сказал, что конклав построен по принципу «пирамиды», —

сказал я. — Какие-то расы, занимающие ведущие позиции, получают выгоду, а те, кто оказался в основании, — синяки и шишки.

— Возможно. Насколько я смогла уяснить из этих материалов, первые колониальные миры, учрежденные конклавом, были населены представителями относительно узкого круга рас. Но означает ли это, что какие-то народы пользуются преимуществом, или же дело лишь в том, насколько планета подходит чьим-то организмам, — не могу тебе сказать. Даже если вопрос касается преимуществ, все равно это точно такая же политика, как та, что была осуществлена здесь. Наша колония полностью населена представителями самых старых человеческих поселений, существовавших еще до образования СК. Этнически и экономически они не имеют ничего общего с более поздними колониями.

— И как ты считаешь: конклав представляет для нас опасность?

— Конечно, представляет. Из их файлов совершенно ясно, что, если колония не сдается, конклав уничтожает ее. Причем всегда действует одинаково: все небо забито кораблями, и каждый пускает в колонию один лазерный луч. Такого не выдержит и большой мощный город, не то

что мелкая колония. Роанок превратится в пар за считаные минуты.

— Но, по-твоему, это вероятно?

— Не знаю. Сейчас у меня больше сведений, чем раньше, но все равно они неполные. Не хватает данных почти за год, и вряд ли нам удастся восполнить недостающее. Союз колоний в этом наверняка не поможет. На данный момент могу тебе сказать, что для того, чтобы смотреть те файлы СК, которые дал мне Хикори, моего допуска в Спецсилах не хватило бы. Но, как бы там ни было, я вовсе не собираюсь сдаваться и позволять разогнать колонию без борьбы. Ты рассказал Райбики о том, что мы знаем?

— Нет. И не думаю, что мы вообще должны говорить ему об этом. По крайней мере, сейчас.

— Ты не доверяешь ему?

— Лучше сказать, у меня есть определенные сомнения. Их не может не быть, поскольку Райбики придерживался своей обычной тактики. Я спросил его, допускает ли он, что конклав может позволить нам мирно уйти с этой планеты, если мы изъявим такое желание, и он сказал, что не верит в это.

— Он солгал.

— Он предпочел ответить не так, как диктовала

бы полная честность, — дипломатически сформулировал я. — Но я не уверен, что это можно назвать ложью.

— И ты не видишь в этом проблемы?

— Я вижу в этом тактический ход.

Джейн улыбнулась: само собой получилось, что мы вернулись к нашему прежнему разговору.

— Но из этого также следует, что нам не нужно торопиться глотать каждую наживку, которой он будет водить перед нашими носами. Нас уже разыграли однажды. И не сомневаюсь, что пытаются разыграть еще раз.

— Ты рассуждаешь совсем как Трухильо, — заметила Джейн.

— Хотел бы я рассуждать по-иному. Впрочем, Трухильо уже засомневался, что вся эта история произошла из-за его политических стычек с министром колонизации. Кстати, эта его уверенность в том, что он пуп земли, меня всегда очень забавляла. А наше положение, Джейн, больше всего походит на тот лабиринт, в который биологи много веков запускают крыс: только покажется, что выход совсем рядом, как экспериментатор вставляет перегородку, и приходится искать новый путь. И мне чертовски хочется до конца разобраться в этой проклятой штуковине.

— Для этого у нас недостаточно информации, — стояла на своем Джейн. — Те сведения, которые мы получили от Хикори, по всей видимости, достоверны, но они устарели, и мы не знаем, изменилась ли политика конклава, набрал ли он новую силу, а может быть, и вовсе развалился. Союз колоний не намерен идти нам навстречу, но, опять же, я не могу сказать, то ли власти намерены подстроить нам какую-нибудь гадость, то ли они просто ограничивают информацию, чтобы мы не так сильно волновались. И у конклава, и у Союза колоний имеются четко сформулированные планы. Но с теми данными, которыми мы располагаем, ни один план понять нельзя. Ясно лишь, что мы угодили в самую круговерть.

— Я знаю одно слово, которое хорошо описывает наше положение, — сказал я. — Пешка.

— Только еще вопрос, чья пешка, — отозвалась Джейн.

— Мне кажется, я знаю. Дай-ка я расскажу тебе о еще одной мелочи.

— Я готова прямо с ходу перечислить добрый десяток узких мест, в которых дела могут пойти не так, как надо, — сказала Джейн, когда я умолк.

— Я тоже. И готов спорить, что у нас с тобой почти не окажется совпадений.

10

Спустя неделю после появления в небе Роанока корабль СК «Сакаджавея»[8] стартовал к Фениксу, увозя на борту 190 человек, составлявших некогда команду «Магеллана». Четырнадцать членов команды остались в колонии: две женщины успели выйти замуж за колонистов; еще одна забеременела и решила не встречаться с оставшимся дома мужем; один подозревал, что по возвращении на Феникс ему предстоит неприятная встреча с законом; а остальные десять человек просто не захотели улетать. Не вернулись домой еще два члена команды — умершие. Один — в результате сердечного приступа, а другой спьяну перевернулся вместе с трактором и сломал шею. Капитан Зейн тепло попрощался со всеми оставшимися, пообещал, что добьется выплаты им жалованья за весь прошедший год, и с радостью покинул Ро-

[8] Notes: 8

Сакаджавея (Сакагавеа) — индианка из североамериканского племени шошонов. Была проводником и переводчицей экспедиции Льюиса и Кларка (которая пересекла весь континент до Тихого океана и сыграла важную роль в подготовке дальнейшего освоения белыми североамериканцами нынешней территории США). В честь Сакаджавеи названы река, горная вершина и перевал в штате Монтана.

анок. Он был хорошим человеком, и я нисколько не ставил ему в вину желание вернуться к своей работе в космофлоте СК.

Когда же «Сакаджавея» вернулась на Феникс, команду «Магеллана» не распустили по домам. Роанок как-никак был почти неисследованным миром, никто ничего не знал о его флоре, фауне и микроорганизмах, которые могли вызывать смертоносные болезни. Все прибывшие должны были в течение стандартного месяца пройти карантин в спецотделении медицинского центра ССК на станции «Феникс». Само собой разумеется, команда «Магеллана» чуть не взбунтовалась, узнав об этом. Впрочем, удалось достичь компромисса: прибывших все же обязали остаться в карантине, но разрешили свидания с несколькими (очень немногочисленными) избранными родственниками и друзьями, которые, в свою очередь, должны были дать подписку о неразглашении информации о возвращении команды до тех пор, пока СК не обнародует официально новость об обретении потерянной колонии Роанок. Разумеется, и члены команды, и их родственники с готовностью согласились на эти условия.

И, естественно, несмотря на карантин и подписку, слухи о возвращении команды «Магеллана»

сразу же просочились наружу. Средства массовой информации и колониальные правительства, попытавшиеся выяснить подробности, получили от правительства СК официальные опровержения и неофициальные предупреждения, что публикация новостей повлечет за собой резко негативные последствия; власти продолжали замалчивать всю эту историю. Но слухи продолжали распространяться: от родственников космонавтов с «Магеллана» к их друзьям и коллегам и далее к командам других гражданских и военных космических кораблей. Слухи втихомолку подтверждали члены экипажа «Сакаджавеи», которых, несмотря на то что они высаживались на Роаноке и во время перелета общались с магелланцами, в карантин не посадили.

У СК было не так уж много союзников в освоенной части космоса, но они все же имелись; довольно скоро о возвращении команды «Магеллана» услышали и космонавты с союзнических кораблей. А они, в свою очередь, посещали порты самых разных миров, среди которых были и не дружественные Союзу колонии, а также и члены конклава. В таких портах отдельные космонавты обменивали свои сведения о возвращении команды «Магеллана» на самую прозаическую

наличность. Что конклав искал потерянную колонию Роанок, было широко известно, не составляло тайны и то, что конклав был готов платить за достоверную информацию.

Торговцы информацией распустили и другой слух: что конклав готов в самом прямом смысле озолотить того, кто сообщит, в какой именно части вселенной команда «Магеллана» пребывала весь минувший год. Это было труднее всего выяснить, потому и награда была обещана невероятно щедрая. И так уж получилось, что вскоре после возвращения «Сакаджавеи» на станцию «Феникс» помощник навигатора напился на вахте и был уволен. Больше того, офицера включили в черный список, что означало, что он вряд ли сможет когда-нибудь вернуться к своей профессии. Боязнь нищеты и желание отомстить заставило его довести до всеобщего сведения, что он владеет информацией, которая, как он слышал, чрезвычайно интересует кое-кого, и что он готов поделиться ею за сумму, которая позволила бы ему пережить несправедливое отношение со стороны руководства гражданского космического флота Союза колоний. В результате он получил требуемые деньги и сообщил пространственные координаты колонии Роанок.

И потому на третий день второго года по роанокскому летосчислению в небе планеты появился одинокий космический корабль. Это была «Добрая звезда», на борту которой находился генерал Гау. Генерал приветствовал меня как руководителя колонии и предложил встретиться с ним, чтобы обсудить будущее моего мира. Это случилось третьего числа месяца магеллана. Согласно предварительным расчетам разведки Сил самообороны колоний, сделанным еще до организации «утечки информации», генерала Гау следовало ждать именно в это время.

— У вас тут прекрасные закаты, — сказал генерал Гау через автоматический переводчик, висевший на вытяжном ремне.

Солнце село всего несколько минут назад.

— Я уже где-то слышал эту фразу, — ответил я.

Я пришел на встречу один, оставив Джейн успокаивать перепуганных колонистов в Хорватграде. Шаттл генерала Гау сел за рекой, в километре от поселения. Здесь пока еще не было ни одной фермы. Солдаты — на шаттле прибыл взвод — внимательно следили за моим приближением. Судя по их поведению, они не сочли меня опасным для генерала. И правильно. Я вовсе не собирался причинить ему какой-либо вред.

Мне лишь хотелось узнать, хорошо ли я понял его по виденному мною видеофильму.

Услышав мой ответ, Гау сделал движение, которое, вероятно, у человека называлось бы «развел руками».

— Прошу извинить меня, — сказал он. — Я не хочу, чтобы воспринимали мои слова как лицемерие. Ваши закаты действительно прекрасны.

— Благодарю вас, — ответил я. — Правда, я не могу принять ваши слова на свой счет: не я сотворил этот мир. Но я ценю ваше эстетическое чувство.

— Рад приветствовать вас лично, — продолжал Гау. — Должен заметить, что мне очень приятно узнать, что ваше правительство снабдило вас информацией о наших действиях по прекращению деятельности колоний.

Ну и тон. Прямо переговоры на высшем уровне!

— Мы опасались, что оно этого не сделает.

— Почему же? — делано удивился я.

— Ну как же, — ответил Гау. — Мы же знаем, насколько тщательно Союз колоний контролирует поток информации. Мы опасались, что, когда мы прибудем сюда, выяснится, что вы ничего не знаете о нас или ваши сведения недостаточны и

односторонни и что из-за недостатка информации вы можете повести себя неразумно.

— Например, отказаться сдаться на вашу милость? — уточнил я.

— Именно, — подтвердил Гау. — По нашему мнению, капитуляция была бы наилучшим выходом. Скажите, администратор Перри, вам приходилось когда-нибудь участвовать в военных действиях?

— Приходилось. В составе Сил самообороны колоний.

Гау пристально взглянул на меня.

— Но вы не зеленый.

— Больше нет.

— Я полагаю, вы занимали командную должность.

— Вы правы.

— В таком случае вы не можете не знать, что нет позора в том, чтобы на почетных условиях сдаться противнику, намного превосходящему вас по численности и огневой мощи. Такому противнику, который уважает вас и людей, находящихся под вашим командованием, и относится к вам точно так же, как хотел бы, чтобы при зеркально ином положении вещей отнеслись к нему.

— Должен с сожалением констатировать, что

на протяжении моей службы в ССК мне доводилось встречать крайне мало противников, которые желали бы нашей капитуляции, — ответил я, не уступая ему в высокопарности.

— Да, пожалуй, — сказал Гау. — Это издержки вашей собственной политики, администратор Перри. Вернее, политики ССК, которую вы были обязаны проводить в жизнь. Вы, люди, не слишком склонны отпускать своих врагов живыми.

— Для вас я с радостью сделаю исключение.

— Благодарю, администратор Перри.

Даже через прибор-переводчик я уловил в его голосе сухую насмешку.

— Хотя не думаю, что в вашем предложении может быть какой-то смысл.

— Надеюсь, что вы передумаете, — сказал я.

— Я рассчитывал на то, что у вас хватит благоразумия сдаться мне, — продолжал Гау. — Если вы знакомы с информацией о том, как конклав обходился с населением колоний в ходе своих предыдущих акций, то должны знать, что, когда колонии сдаются, не пытаясь сопротивляться, мы относимся к их населению с величайшим уважением. Никому из ваших людей не будет причинено ни малейшего вреда.

— Я знаю, как вы обращались с колонистами

в прошлом — в тех случаях, когда колонии не были уничтожены, — подтвердил я. — Но я также слышал, что мы — совсем особый случай. Союзу колоний удалось обмануть вас, скрыв наше местонахождение. Конклав был выставлен в дурацком виде.

— Да, пропавшая колония… — отозвался Гау. — Знаете, мы ведь караулили вас. Нам было примерно известно, когда ваш корабль совершит скачок. Вам должны были салютовать несколько крейсеров, в том числе и мой. Вашим людям даже не удалось бы покинуть судно.

— Вы намеревались уничтожить «Магеллан»?

— Нет. Если бы только он не попытался напасть на нас или все же начать высадку пассажиров. При благополучном развитии событий мы попросту сопроводили бы ваше судно на такое расстояние, которое позволило бы ему сделать обратный скачок к Фениксу. Но вы, как вы сами выразились, обманули нас, и нам потребовалось немало времени, чтобы вас отыскать. Вы можете, конечно, говорить, что конклав выставлен в дурацком виде. Мы же полагаем, что положение Союза колоний теперь стало безнадежным. И ведь мы все-таки нашли вас.

— Для этого вам потребовался год, — вставил я.

— А мог потребоваться и еще один, — подхватил Гау. — Хотя не исключено, что мы нашли бы вас днем-двумя позже. Вопрос заключался лишь в том, когда именно это случится, администратор Перри, а не в том, найдем или нет. И я просил бы вас учесть это. Ваше правительство подвергло опасности вашу жизнь и жизни всех обитателей вашей колонии, затеяв безнадежную игру против нас. Рано или поздно мы обязательно нашли бы вас. Теперь это случилось. И вот мы здесь.

— Мне кажется, генерал, что вы раздражены.

Генерал совершил какое-то странное движение ртом; я решил, что это должно было означать улыбку.

— Да, я действительно раздражен, — подтвердил он. — Я впустую потратил на поиски вашей колонии время и средства, которые можно было с пользой употребить на укрепление самого конклава. К тому же пришлось отражать политические маневры тех членов конклава, которые восприняли дерзкий поступок вашего правительства как личное оскорбление. В конклаве имеется довольно многочисленная группа, желающая покарать ваше правительство, и для этого нанести удар в самое сердце человечества — атаковать Феникс.

Я почувствовал резкий испуг, который, впрочем, тут же сменился некоторым облегчением. Когда Гау сказал «нанести удар в самое сердце человечества», я тут же подумал о Земле. Но упоминание Феникса напомнило мне, что теперь сердцем человечества Землю считают лишь те, кто на ней родился. Вся же прочая вселенная считала родиной человечества именно Феникс.

— Если ваш конклав действительно так силен, как вы считаете, то вы и впрямь могли бы напасть на Феникс, — сказал я.

— Могли бы. И вполне могли бы уничтожить его. Мы в состоянии также уничтожить все человеческие колонии, и, если вы хотите узнать мое искреннее мнение, не так уж много рас, и в конклаве, и вне его, сильно пожалели бы об этом. Но я скажу вам то же самое, что сказал тем участникам конклава, которые стремятся разделаться с вами: конклав — не орудие для завоевания.

— Вы так утверждаете, — добавил я.

— Да, так я утверждаю, — согласился Гау. — И заставить всех, как входящих в конклав, так и пожелавших остаться вне его, понять это было труднее всего. Империи, сложившиеся путем завоеваний, недолговечны, администратор Перри. Они быстро прогнивают изнутри от жадности

правителей и неистребимой тяги к завоеваниям. Конклав — не империя, и я вовсе не хочу уничтожать человечество, администратор Перри. Я хочу, чтобы оно стало частью конклава. Если оно не пожелает, я предоставлю его собственной участи, оно будет прозябать на тех мирах, которыми владело до создания конклава, и никогда не получит новых. Но я предпочел бы, чтобы вы присоединились к нам. Человечество сильно и невероятно находчиво. Оно смогло за краткий промежуток времени добиться очень больших успехов. Многим расам, путешествующим среди звезд тысячи и тысячи ваших лет, далеко как до ваших успехов в колонизации миров, так и до технологических достижений.

— Я не раз думал об этом, — сказал я. — Существует так много различных рас, они так долго исследуют и колонизируют планеты, и все же для того, чтобы встретиться с ними, нам самим пришлось выйти в космос.

— У меня есть на это ответ. Но я уверен, что он вам не понравится.

— Все равно хотелось бы его услышать.

— В войны мы вкладывали гораздо больше сил и средств, чем вы в исследования, — сказал Гау.

— Это очень упрощенный ответ, генерал, — за-

метил я.

— Посмотрите на наши цивилизации. Все они вполне сопоставимы по численности, поскольку мы ограничиваем народонаселение друг друга войнами. Все мы пребываем на практически одном уровне развития технологии, потому что обмениваемся, торгуем и воруем знания друг у друга. Все мы сосредоточены в одной и той же области пространства, поскольку там мы зародились, там находятся наши колонии, и мы хотим держать их под своим контролем, вместо того чтобы позволить им развиваться самостоятельно. Мы воюем за планеты, которые нравятся и нам, и нашим соседям по космосу, и лишь изредка предпринимаем целенаправленные поиски новых миров, за которые тут же начинаем грызться с другими, как омерзительные падальщики за разложившийся труп. Наши цивилизации пребывают в равновесии, администратор Перри. В искусственном равновесии, которое ведет нас всех в сторону нарастания энтропии. Так обстояли дела до появления людей в этой области пространства. Ваш выход в большой космос на некоторое время нарушил это равновесие. Но теперь вы освоились и воруете у других, и ссоритесь с ними точно так же, как и все остальные.

— Я ничего не знаю об этом, — признался я.

— То-то и оно. Позвольте мне задать вам вопрос, администратор Перри, много ли планет человечество открыло за последнее время? И сколько вы попросту отняли у других рас? И сколько планет у людей отняли другие расы?

Я порылся в памяти и вспомнил тот день, когда мы оказались в небе другой планеты, псевдо-Роанока, и вспомнил, что журналисты задавали один и тот же вопрос: у кого мы ее отвоевали? Это подразумевалось само собой, и никому даже не пришло в голову спросить, когда она была открыта.

— Эта планета — новая, — сказал я.

— Вы оказались на вновь открытой планете лишь потому, что ваше правительство попыталось спрятать вас от всех прочих, — заявил Гау. — Даже столь жизнеспособная культура, как ваша, взялась за исследования. И причина тому — отчаяние. Вы попали в ту же самую ловушку, погрязли в том же самом застое, что и все мы. Вашу цивилизацию ждет медленное угасание, такое же, в каком пребываем мы все.

— И вы надеетесь, что конклав исправит это состояние?

— В любой системе существует фактор, ограни-

чивающий рост. Наши цивилизации составляют систему, и наш фактор ограничения — война. Если устранить его, система расцветет. Мы сможем перейти от соперничества к сотрудничеству. От войн — к исследованиям. Если бы конклав возник раньше, то, вероятно, мы нашли бы вас до того, как вы вышли в космос и сами обнаружили нас. Возможно, когда мы возьмемся за совместные исследования, то найдем новые расы.

— И что мы будем с ними делать? — спросил я. — На этой планете имеется разумная раса. Я хочу сказать — кроме горстки представителей моей собственной. Наше знакомство с ними состоялось не лучшим образом, и мы имеем потери с обеих сторон. Мне потребовалось приложить немало сил, чтобы убедить наших колонистов не убивать каждого аборигена, попавшегося им на глаза. Что вы, генерал, будете делать, обнаружив новую расу на планете, которую вы присмотрели для конклава?

— Не знаю, — ответил генерал Гау.

— Прошу прощения?

— Да, я не знаю, — повторил Гау. — Такого еще никогда не случалось. Мы были заняты налаживанием и укреплением отношений с теми расами, с которыми уже были знакомы, и думали,

как поступать с уже обследованными мирами. У нас не было времени для новых исследований. Оно еще не подошло.

— Извините, — сказал я. — Я ожидал иного ответа.

— Послушайте, администратор Перри, у нас сейчас чрезвычайно щекотливая ситуация, касающаяся впрямую не чего-либо отвлеченного, а будущего ваших колонистов, — решил вернуться к исходной теме Гау. — Я не хотел бы еще больше усложнять ее ложью. Особенно касательно гипотез, не имеющих никакого прямого отношения к нынешним событиям.

— По крайней мере, генерал Гау, я хотел бы верить в это.

— В таком случае начнем. — Гау окинул меня взглядом с головы до ног. — Вы сказали, что воевали в составе Сил самообороны колоний. Насколько мне известно, это означает, что вы не уроженец Союза колоний. Вы родом с Земли. Я прав?

— Совершенно правы.

— Человечество и впрямь очень своеобразно. Вы единственная раса во вселенной, пожелавшая преобразовать природу своей родины. Я имею в виду — сменить добровольно. Вы не первые и не

единственные, кто комплектует свои вооруженные силы уроженцами одного мира, но никто, кроме вас, не использует для этой цели какую-то второстепенную планету. Боюсь, что мы до сих пор не имеем достаточно полного представления об истинных взаимоотношениях между Землей, Фениксом и прочими колониями. А то, что знаем, нам непонятно. Хотя, возможно, когда-нибудь мне удастся получить у вас объяснения по этому поводу.

— Возможно, — нейтральным тоном ответил я.

— Но не сегодня.

Гау, несомненно, решил вернуть разговор со светского к деловому направлению.

— Боюсь, что нет, — согласился я.

— Жаль, — бросил Гау. — У нас получилась интересная беседа. Мы уже прекратили деятельность тридцати шести колоний. Ваша — последняя. Но что сказать, нашлось лишь у вас и руководителя самой первой колонии, которую мы посетили.

— Трудно вести содержательный разговор с собеседником, угрожающим превратить вас в пар, если вы не выполните его требований, — заметил я.

— Вы, конечно, правы, — согласился Гау. — Но

ведь руководящее положение требует хоть какой-то силы духа. А вышло так, что многим лидерам, как мне показалось, этого самого духа не хватало. И это заставило меня задуматься, устраивались ли эти колонии всерьез или же лишь для того, чтобы проверить нашу решимость добиваться выполнений своих требований. Хотя одна предводительница все же попыталась убить меня.

— Как я вижу, безуспешно, — усмехнулся я.

— Да.

Гау указал на своих охранников, которые держались поодаль, но не сводили с нас глаз.

— Один из моих солдат застрелил ее, прежде чем она смогла нанести удар. Потому-то, кстати, я и устраиваю такие встречи на открытом месте.

— Значит, не только из-за красоты закатов, — не удержавшись, съязвил я.

— К великому сожалению, — ответил Гау. — И, как нетрудно понять, гибель руководителя колонии крайне затрудняет общение с его заместителем. Но ту колонию мы в конечном счете убедили эвакуироваться. Кровопролития удалось избежать. Ее глава оказалась единственной жертвой.

— Но вы не являетесь принципиальным противником кровопролития. Если я откажусь

эвакуировать эту колонию, вы не остановитесь перед ее уничтожением.

— Не остановлюсь, — без раздумий подтвердил Гау.

— И, насколько я понимаю, ни одна из тех рас, чьи колонии вы ликвидировали — хоть мирно, хоть оружием, — до сих пор не решила присоединиться к конклаву.

— Это правда.

— Таким путем вы ни за что не завоюете сердца и умы.

— Мне не знакомы термины, которые вы употребили, — признался Гау. — Но я, конечно, понимаю, что вы хотели сказать. Да, эти расы не вошли в состав конклава. Но предполагать, что так случится, было бы нереалистично. Мы изгнали с планет их колонии, а они не смогли этому воспрепятствовать. Нельзя рассчитывать, что кто бы то ни было перейдет на твою сторону после того, как ты нанес ему столь тяжкое оскорбление.

— Они могут стать опасными для вас, если объединятся, — заметил я.

— Я знаю, что ваш Союз колоний прилагает силы для того, чтобы это случилось. Во вселенной происходит мало такого, о чем мы не знали бы, администратор Перри. Но Союз колоний и рань-

ше предпринимал такие попытки, и, пока наша организация еще не сложилась, он сформировал контрконклав. Из него тогда ничего не вышло. И мы убеждены, что не выйдет и теперь.

— Вы можете и ошибаться, — предупредил я.

— Могу, — согласился Гау. — Время покажет. Ну а сейчас я все же должен вернуться к делу. Администратор Перри, я прошу вас передать мне управление вашей колонией. Если вы согласитесь, мы обеспечим вашим колонистам благополучное возвращение на их родные планеты. Второй вариант — вы, если захотите, сможете отказаться от своего правительства и войти в состав конклава. Или же вы можете отказаться от обоих этих вариантов. Тогда вас ждет гибель.

— Позвольте мне сделать вам встречное предложение. Оставьте эту колонию в покое. Отправьте сигнальную капсулу к своему флоту, который, я уверен, находится на дистанции скачка и готов в любую секунду его осуществить. Прикажите ему оставаться там, где он есть. Соберите своих солдат, вернитесь на корабль и отправляйтесь восвояси. Сделайте вид, что вам не удалось нас найти. И предоставьте событиям идти своим чередом.

— Уже слишком поздно, — ответил генерал

Гау.

— Я ожидал от вас этих слов, — сказал я. — Но мне хотелось бы, чтобы вы запомнили: я сделал вам это предложение.

Гау несколько секунд безмолвно смотрел на меня.

— Администратор Перри, похоже, что я уже знаю, как вы ответите на мое предложение. Но призываю вас хорошо подумать, прежде чем вы произнесете свой ответ вслух. Не забывайте, что у вас есть и другие варианты — реальные, честные варианты. Я знаю, что Союз колоний дал вам определенный приказ, но вспомните, что вы ведь можете руководствоваться и собственной совестью. Союз колоний — правительство человечества, но человечество не ограничивается Союзом колоний. А вы кажетесь мне не тем человеком, которого можно к чему-то принудить хоть мне, хоть Союзу колоний, хоть кому-то еще.

— Если вы считаете меня стойким человеком, то интересно, что вы сказали бы, увидев мою жену.

— Мне бы хотелось с ней познакомиться, — ответил Гау. — Думаю, эта встреча доставила бы мне удовольствие.

— Можно, пожалуй, сказать, что вы правы.

Действительно, меня, вероятно, не так-то просто к чему-то принудить. Но все-таки можно. Я также могу попасть в поток событий, которому будет невозможно сопротивляться. Сейчас как раз один из этих случаев. В данную минуту, генерал, у меня нет выбора, а есть только один вариант, который я вообще-то не должен вам предлагать. Он заключается в том, чтобы вы не вызывали свой флот, улетели отсюда и позволили Роаноку оставаться потерянной колонией. Пожалуйста, поразмыслите на этот счет.

— Не могу, — сказал Гау. — Очень жаль, но так поступить я не могу.

— Я не могу сдать вам эту колонию. Поступайте, как сочтете нужным, генерал.

Гау оглянулся и дал сигнал одному из своих солдат.

— Много времени на это уйдет? — спросил я.

— Немного.

Гау был прав. Уже через несколько минут в небе начали загораться новые звезды — это прибывали первые корабли. Не прошло и десяти секунд, как гигантский флот собрался в полном составе.

— Как их много… — пробормотал я и почувствовал, что на глаза навернулись слезы.

Генерал их заметил.

— Я дам вам время вернуться в вашу колонию, администратор Перри, — сказал он. — Обещаю, что это будет быстро и безболезненно. Не потеряйте мужества перед своими людьми в последний раз.

— Я оплакиваю не свой народ, генерал, — ответил я.

Гау сначала уставился на меня, а затем взглянул в небо. Как раз вовремя, чтобы увидеть, как взорвался первый из кораблей его флота.

Сделать возможно все, были бы время и желание.

Союз колоний, конечно, очень хотел уничтожить флот конклава. Неприятно жить под дамокловым мечом. Как только Союз колоний узнал о существовании флота, он решил, что с ним необходимо разделаться. Однако это невозможно было сделать в большом сражении: соединенная эскадра конклава состояла из 412 кораблей класса нашего линейного крейсера, и флоту ССК было по численности далеко до нее. Эскадра конклава собиралась в полном составе лишь для операций по устранению колоний, так что можно было бы атаковать корабли по отдельности. Но в этом не было никакого смысла: союзные правительства могли без труда заменить каждый свой корабль,

входивший в соединенный флот конклава; к тому же такая стратегия означала вступление в войну со всеми четырьмя с лишним сотнями рас конклава, многие из которых не представляли реальной опасности для СК.

К тому же Союз колоний желал не просто уничтожить флот конклава. Требовалось унизить и пошатнуть этот союз; подорвать самую основу его политики и доверие его членов основателям. Доверие определялось масштабом конклава и его способностью поставить непроходимый барьер на пути свободной колонизации. Союз колоний должен был нанести по конклаву такой удар, которому не помешал бы гигантский размер организации. Цель — показать бессилие конклава и его запрета. Также необходимо было нанести удар в тот момент, когда конклав будет ощущать себя на пике своего могущества — во время осуществления операции против колонии. Одной из наших колоний!

Но у СК не было новых поселений, которым угрожала бы опасность со стороны конклава. Самую последнюю по времени, Эверест, освоили за считаные недели до того, как конклав обнародовал свой манифест. Поэтому колонию следовало основать специально.

Тут-то, как раз вовремя, и объявился Манфред Трухильо с его крестовым походом за свободную колонизацию. Департамент колонизации много лет делал вид, будто не замечает его, и главная причина такого отношения заключалась не только во взаимной ненависти Трухильо и министра колонизации. Давно уже был установлен постулат: лучший способ сохранить планету за собой — сделать ее население как можно многочисленнее, чтобы было непросто быстро перебить всех. Поэтому требовалось увеличивать не количество колоний, а численность населения каждой из существующих. Этой цели можно было достичь путем массового переселения избыточного населения с Земли. Трухильо, неосведомленный о возникновении конклава, мог до бесконечности подбирать союзников и сколачивать партии; в конце концов его, по всей вероятности, частично ввели бы в курс дела и он навсегда остался бы ни с чем.

Но в сложившейся ситуации кампания, развернутая Трухильо, оказалась выгодна правительству. Правительство Союза скрывало от колоний факт существования конклава (как и много разных других вещей). Однако рано или поздно колонии обязательно прознали бы о нем — слиш-

ком уж велик был конклав, чтобы его очень долго не замечать. Союзу колоний нужно было, чтобы конклав начал недвусмысленно враждебные действия. И совершенно необходимо — чтобы в борьбу против конклава включились колонии.

Поскольку Силы самообороны колоний набирали рекрутов исключительно на Земле — а также потому, что политика СК заставляла колонии сосредотачиваться прежде всего на своих внутренних делах и проблемах, оставляя вне поля зрения вещи, касающиеся всего Союза, — колонисты редко проявляли интерес к чему-то, не затрагивавшему напрямую их собственные планеты. Поэтому на Роанок следовало отправить представителей десяти самых населенных людских планет. Новая колония должна была сразу попасть в центр внимания более чем половины населения Союза колоний, что автоматически предполагало расширение круга участников борьбы против конклава. В целом открывалась возможность для довольно тонкого и притом принципиального решения широкого круга проблем.

Трухильо сообщили, что его инициатива одобрена, и сразу же забрали дело из его рук. Вот это уже явилось личным выпадом ненавидящей его

министра Белл. Однако этим была достигнута еще одна важная цель — Трухильо отстранили от информации. Он был слишком умен для того, чтобы не сложить воедино те куски, которые непременно оказались бы в его распоряжении, останься он у руля. Одновременно возникла и политическая интрига: колонии завели грызню за пост руководителя нового поселения, что отвлекло внимание от истинных целей, ради которых СК затевал все дело.

Добавьте в эту картину двух руководителей, назначенных в самый последний момент, и окажется, что никто из верхушки группы колонистов Роанока не имел никаких шансов даже случайно изгадить план Союза колоний: выиграть время и подготовить возможность уничтожить флот конклава. Это достигалось за счет тщательного сокрытия Роанока.

Главным фактором являлось время. Когда Союз колоний затевал свой план, начинать действия было слишком рано: другие расы, колониям которых угрожал конклав, не последовали бы за СК. А вот лишившись своих колоний и увидев в истории с Роаноком доказательство того, что даже могущественный конклав можно обмануть, у потенциальных союзников могло появиться

желание наладить отношения с СК.

Роанок являлся символом и для некоторых наименее удовлетворенных членов конклава, которые обязательно решили бы, что существование потаенной колонии лишает их тех выгод, на которые они рассчитывали, присоединяясь к конклаву. Если люди решаются бросать вызов столь могущественной организации и остаются при этом безнаказанными, то какой смысл вообще состоять в конклаве? Каждый лишний день скрытного существования Роанока должен был подбрасывать новый хворост в пламя неудовлетворенности мелких членов конклава, отдавших этой организации свой суверенитет.

Однако главным образом время требовалось совсем для другого. Чтобы опознать все 412 кораблей, входящих в объединенный флот конклава; выяснить, где эти суда находятся, когда флот не ведет военных действий; и скрытно доставить гамеранцев из состава Специальных сил — таких же, как наш старый знакомый лейтенант Стросс, — туда, где находится каждый из этих кораблей. Как и Стросс, эти солдаты Специальных сил были приспособлены к жизни в безвоздушном пространстве. Они обладали нанокамуфляжной оболочкой, которая позволяла

устроиться на обшивке корабля и оставаться там невидимыми для почти всех средств обнаружения в течение многих дней, недель или даже месяцев. Но, в отличие от Стросса, каждый из этих солдат был снабжен маленькой, но чрезвычайно мощной бомбой из десятка-полутора граммов высокодисперсного антивещества, хранящегося в вакуумной магнитной ловушке.

Когда «Сакаджавея» вернулась на Феникс с командой «Магеллана», гамеранцы взялись за дело. Беззвучно и незримо они устроились на обшивках указанных космических крейсеров и отправились вместе с ними в заранее оговоренную точку сбора, откуда наводящая ужас армада должна была совершить скачок в небо мира потаенной колонии. Когда в этой области пространства появился беспилотный курьер с «Доброй звезды», гамеранцы с величайшей осторожностью закрепили бомбы на корпусах крейсеров и покинули корабли до того, как они перескочили в нужное место. Аннигиляционные бомбы дистанционно активировал лейтенант Стросс, находясь на безопасном отдалении. Он протестировал их и взорвал в том порядке, который диктовало его эстетическое чувство. Стросс был довольно своеобразным человеком.

Бомбы, получив сигнал подрыва, выбрасывали свое содержимое на обшивку космических кораблей, что гарантировало чрезвычайно эффективный результат при соприкосновении материи и антиматерии. Все это выглядело издали очень красиво, но само действие было ужасным.

Почти все подробности я узнал намного позже и при различных обстоятельствах. Но и тогда, стоя рядом с генералом Гау, я точно знал: Роанок никогда не был колонией в традиционном смысле этого слова. Он заселялся не для того, чтобы люди обрели еще один дом или шагнули дальше в космическом пространстве. Роанок существовал как символ вызова, как залог гандикапа, как медовая западня для тех, кто мечтал изменить вселенную по своему разумению.

Как я уже сказал, если есть время и желание, сделать можно все, что угодно. Время у нас было. А желание — уж тем более.

Генерал Гау стоял неподвижно и смотрел на гибель своего флота, превратившуюся в великолепный беззвучный салют. За нашими спинами отчаянно орали перепуганные увиденным солдаты.

— Вы знали… — шепотом проговорил Гау, не

сводя глаз с неба.

— Да, я знал, — ответил я. — И пытался предупредить вас, генерал. Я же просил вас не вызывать флот.

— Да, вы пытались, — согласился Гау. — Но я не могу даже представить себе, почему ваши командиры разрешили вам так поступить.

— Мне никто этого не разрешал.

Гау наконец-то повернулся ко мне. Я не мог прочитать эмоций, написанных на непостижимом для человеческого взора лице, но все же чувствовал его глубокий ужас и, как ни странно, любопытство.

— Вы меня предупредили… по своей собственной инициативе?

— Именно так.

— Но почему вы так поступили?

— Боюсь, что не смогу дать вам точного ответа, — сознался я. — А почему вы каждый раз пытались эвакуировать колонистов, вместо того чтобы попросту разделаться со всеми?

— Это вопрос морали.

— Возможно, по той же самой причине и я сделал то, что сделал, — сказал я, глядя туда, где продолжали распускаться ослепительно-яркие цветы взрывов. — А может быть, мне просто не

хотелось, чтобы вся эта кровь оставалась на моих руках.

— Это организовали не вы, — проговорил, помолчав, Гау. — В этом я просто уверен.

— Да, не я. Хотя это не имеет значения.

Взрывы наконец прекратились.

— Генерал Гау, ваш собственный корабль цел, — проинформировал я.

— Цел… — растерянно повторил он. — Но почему?

— Потому что это часть плана. Ваш корабль и вы сами. Вам гарантируется возможность свободно покинуть Роанок и удалиться на дистанцию скачка, но вы должны сделать это немедленно. Если вы не отправитесь в путь, то гарантия вашей безопасности закончится через час. К сожалению, я не знаю, какова у вас эквивалентная мера времени. Думаю, будет достаточно сказать, что вам следует поспешить, генерал.

Гау повернулся и взревел, обращаясь к своим подчиненным. Потом взревел еще громче, поняв, что на его окрик попросту не обратили внимание. На этот раз один солдат отделился от кучки, в которую превратилась шеренга, и поспешно подошел. Генерал выключил переводчик и сказал что-то на своем языке. Солдат бросился к осталь-

ным, что-то крича на бегу.

Гау вновь обернулся ко мне.

— Это сильно затруднит положение, — сказал он.

— При всем моем уважении к вам, генерал, думаю, что именно ради этого все и затевалось.

— Нет, — произнес Гау. — Вы не понимаете. Я ведь говорил вам, что в конклаве есть желающие уничтожить человечество. Уничтожить вас всех, как вы только что уничтожили мой флот. Теперь их будет еще труднее сдерживать. Да, они — члены конклава. Но у них есть и собственные правительства, и собственный флот. Я не знаю, как теперь пойдут дела. Не знаю, смогу ли руководить ими после того, что здесь случилось. Не знаю, будут ли они теперь слушаться меня.

Взвод охраны, кое-как построившись, подошел к генералу, чтобы сопроводить его на шаттл; двое солдат направили на меня оружие. Генерал что-то рявкнул, и ружья опустились. Гау шагнул ко мне. Мне же захотелось отступить, и лишь усилием воли я заставил себя остаться на месте.

— Подумайте о своей колонии, администратор Перри. Теперь ее местонахождение известно всему космосу. После того что только что произошло, она станет знаменитой. Сородичи погибших

захотят отомстить за них. Целью будет весь Союз колоний. Но случилось это не где-нибудь, а здесь.

— Лично вы, генерал, будете мстить нам?

— Нет, — ответил Гау. — Ни один корабль конклава, ни один отряд под моей командой сюда не вернется. Даю вам слово. Вам, администратор Перри. Вы пытались предупредить меня. И я в долгу у вас за эту великую любезность. Но я могу отвечать только за свои собственные корабли и войска.

Он указал на горсточку своей охраны.

— На данный момент это все мое войско. И один-единственный корабль. Надеюсь, вы понимаете, что я хочу вам сказать.

— Понимаю.

— В таком случае желаю вам всего хорошего, администратор Перри, — сказал Гау. — Следите за своей колонией. Берегите ее. Надеюсь, что вам повезет и ваша жизнь окажется не такой трудной, как я предвижу.

Гау отвернулся от меня и быстро зашагал к своему шаттлу. Я проводил его взглядом.

«План очень простой, — говорил мне генерал Райбики. — Мы уничтожим его флот, все корабли до одного, кроме его собственного. Он вернется

в центр конклава и обратит все свои силы на то, чтобы удержать в руках управление своей разваливающейся федерацией. Видите ли, именно ради этого и необходимо сохранить ему жизнь. Даже после катастрофы у него останутся лояльные сторонники. Но их не может остаться много. Между членами конклава неизбежно начнется гражданская война, которая раз и навсегда уничтожит организацию. Более того, она подорвет военные силы и экономику членов конклава во много раз сильнее, чем это случилось бы в результате гибели генерала Гау и мирного распада его союза. Через год конклав разлетится на кусочки, и СК получит возможность подобрать самые лакомые из них».

Я смотрел, как шаттл генерала Гау оторвался от земли и умчался в ночное небо.

Я надеялся, что генерал Райбики был прав.

Но не верил в это.

11

Спутник Сил самообороны колоний, находящийся на стационарной орбите вокруг Роанока, сообщил, что в области верхней границы атмосферы планеты появился вышедший из межзвездного скачка ракетный блок. Он разделился на пять ракет, которые включили двигатели и сразу же нырнули в атмосферу.

У двух из них не сработала тепловая защита, они раскалились добела и взорвались еще в верхних слоях атмосферы. Судя по силе взрывов, их боеголовки не были активированы. Спутник обороны взял под наблюдение ракеты и направил в колонию предупреждение о нападении. Недавно вернувшиеся в повседневный обиход ЭЗК сообщили о ракетной атаке своим хозяевам. Колонисты побросали тарелки с недоеденным обедом, похватали детей и поспешили в свежевыкопанные бомбоубежища. Для обитателей поселка было построено несколько больших общих укрытий; на каждой ферме существовали свои, намного меньше. На фермах меннонитов об опасности предупреждали сирены, испускавшие

душераздирающий вой.

Ближе к поселку действовала оборонительная система (Джейн дистанционно активизировала ее), поспешно установленная в первые же дни после того, как Роаноку разрешили использовать современную технику. Впрочем, название «оборонительная система» было слишком громким для того, чем мы располагали: несколько взаимосвязанных автоматизированных точек наземной обороны и пара лучевых установок, расположенных на противоположных углах Хорватграда. Лучевые установки теоретически были способны уничтожать ракеты, сжигая их в воздухе, но для этого им требовался большой запас энергии, которым мы не располагали, поскольку наши энергетические потребности удовлетворялись исключительно за счет солнечных батарей. Того, что мы получали, более или менее хватало для повседневных нужд, но было катастрофически мало для эффективного действия чрезвычайно энергоемкого лучевого оружия. Аккумуляторы установок могли обеспечить пять секунд излучения на полной мощности или пятнадцать секунд — на пониженной. При втором режиме ракету нельзя было уничтожить, хотя почти наверняка выводилась из строя ее система наведения, и

ракета неминуемо сбивалась с курса.

Наземное оружие Джейн отключила. Сейчас оно нам совершенно не требовалось. Затем она напрямую подключилась к спутнику обороны через МозгоДруга и анализировала данные, задействовав все его ресурсы, чтобы лучше понять, как же именно ей использовать лучевые установки.

Пока Джейн включала нашу систему, спутник вычислил, какая из ракет представляла самую большую опасность для колонии, и поразил ее своим энергетическим лучом, повредив корпус. Из-за нарушения аэродинамических свойств ракета почти сразу же рассыпалась в воздухе. Затем настала очередь второй. У нее оказался поврежден двигатель, она вильнула вверх и унеслась куда-то за горизонт. Теперь она упадет на землю и взорвется где-то очень далеко.

С третьей ракетой спутник, исчерпавший собственные энергетические ресурсы, сделать уже ничего не мог, так что он лишь транслировал данные о ее скорости и траектории Джейн, которая взяла на себя управление лучевыми установками, начавшими отслеживать ракету.

Боевые лучи представляют собой чрезвычайно точно сфокусированное когерентное световое

излучение, однако их энергия сильно снижается по мере удаления. Чтобы добиться наивысшей эффективности, Джейн позволила ракете подлететь поближе и лишь тогда открыла огонь. Она решила использовать весь заряд обеих установок. Дальнейший ход событий показал, что решение было правильным, так как ракета оказалась невероятно живучей. Даже ударом лучей обеих установок Джейн смогла лишь поразить ее электронный мозг, отключив боеголовку, двигатели и систему наведения. Ракета «умерла» на самом подлете к колонии, но по инерции понеслась с невероятной скоростью вперед и вниз.

Наземь она упала в километре от поселка, оставив безобразную глубокую рану в стоявшем под паром поле. Выброшенное ударом в воздух топливо сразу вспыхнуло и взорвалось. Конечно, взрывная волна не шла ни в какое сравнение с той, которую породил бы взрыв боеголовки (чего, к счастью, не случилось), но и ее хватило, чтобы сбить меня с ног — а ведь я находился в километре! — и почти на час лишить слуха. Осколки ракеты разлетелись во все стороны, взрыв топлива добавил им энергии, и они срубали на своем пути деревья, поджигали свежую листву, пронзали насквозь строения близлежащих ферм,

превращая любовно выкармливаемую скотину в безжизненные, изуродованные, окровавленные туши.

Большой кусок двигателя ракеты, подброшенный высоко в воздух, описал крутую дугу и грохнулся точно на только что построенное убежище семейства Гугино. Насыпная крыша не помогла: убежище засыпало. Внутри находилась вся семья — Бруно и Натали Гугино, их шестилетние двойняшки Мария и Катерина и семнадцатилетний сын Энцо, недавно возобновивший ухаживания за Зои — с большим успехом, чем при первой попытке.

Никто из них не уцелел.

Вся семья погибла на месте. Это было ужасно.

Но могло быть много, много хуже.

Примерно с час я ходил по поселку, изучая повреждения, а затем направился в сопровождении Савитри на ферму Гугино. Там я нашел Зои. Она безучастно сидела на крыльце, засыпанном осколками выбитых стекол. Рядом с нею стоял Хикори; Дикори сопровождал Джейн, которая пошла осмотреть то, что осталось от убежища. Кроме них, там никого не было; небольшая группа мужчин стояла поодаль, ожидая распоряжений Джейн.

Я пошел к Зои и крепко обнял ее. Она не отстранилась, но и не ответила мне тем же.

— Дорогая моя, мне так жаль, — сказал я.

— Папа, я в порядке, — ответила она, но даже в этой короткой фразе голос выдал ее: она пыталась меня обмануть.

Я выпустил ее.

— Мне действительно очень жаль. Ужасное событие. Не уверен, что тебе сейчас стоит здесь находиться.

— Я не хочу уходить.

— Это совсем не обязательно. Просто не думаю, что будет хорошо, если ты все это увидишь.

— Мне нужно здесь быть, — настаивала Зои. — Я должна увидеть все своими глазами.

— Ну что ж…

Ничего другого я сказать не мог.

— Я должна была, ты понимаешь, должна была тоже быть здесь! — воскликнула Зои и махнула рукой в сторону дома. — Энцо пригласил меня на обед. Я пообещала ему прийти, но заболталась с Гретхен. Я как раз собиралась позвонить ему и попросить прощения, как началась тревога. Я тоже должна была оказаться там.

— Золотко, тебе ни в коем случае не следует винить себя в том, что случилось, — ответил я.

— Я вовсе не виню себя в этом, — досадливо отозвалась Зои. — Знаешь, я рада, что не оказалась здесь. И поэтому мне очень стыдно.

Я как-то визгливо рассмеялся и вновь обнял Зои.

— Зои, бог мой. Я тоже очень рад, что ты не пришла сюда нынче вечером. И мне из-за этого ничуть не стыдно. Мне очень жаль Энцо и его родных. Но я счастлив, что ты оставалась с нами, в безопасности. Не стыдись того, что уцелела, милая моя.

Я чмокнул ее в макушку.

— Спасибо, папа.

Мои слова немного успокоили ее, но не до конца.

— Я попрошу Савитри побыть с тобой, а сам пойду поговорю с мамой, ладно?

Зои негромко хмыкнула.

— Ты считаешь, что Хикори плохо успокаивает меня?

— Я уверен, что хорошо. Но, видишь ли, я собираюсь позаимствовать его у тебя на несколько минут. Ладно?

— Ладно, папа.

Савитри села на ступеньку к Зои и обняла ее за плечи. Я знаком подозвал Хикори к себе. Он

пошел рядом, подстраивая свои шаги под мою походку.

— Ваш эмоциональный блок сейчас включен? — спросил я его без предисловий.

— Нет. Скорбь Зои слишком сильна для меня.

— Включите его, пожалуйста, — попросил я. — Мне намного легче разговаривать с вами, когда вы испытываете эмоции.

— Как пожелаете.

Хикори нажал выключатель имплантата на воротнике и в тот же миг бессильно осел на дорогу.

— Что с вами, черт возьми?! — воскликнул я, остановившись.

— Прошу прощения, — сказал Хикори, поднимаясь на ноги. — Я же сказал вам, что эмоции Зои чересчур интенсивны. Я все еще продолжаю ощущать их. Это новые эмоции, с которыми нам еще не приходилось иметь дела за все время знакомства с ней. Ими гораздо труднее управлять.

— Вы в порядке?

— Да, в порядке. — Хикори не без труда выпрямился во весь рост. — Прошу прощения.

— Забудьте. А теперь скажите мне: вы сейчас имеете контакт со своим народом?

— Имеем. Не напрямую, только через вашу спутниковую коммуникационную систему. Но

пока что мы успели лишь восстановить контакт и передать общий обзор событий минувшего года. Полной информации мы пока не отправляли.

— Почему же? — спросил я.

Мы не спеша пошли дальше.

— Ваша система передачи данных небезопасна, — пояснил Хикори.

— Вы хотели бы обмениваться сведениями с вашим руководством, не опасаясь того, что вас подслушает Союз колоний?

— Да.

— И что же вы хотели бы сообщать?

— Наши наблюдения, — ответил Хикори. — И предложения.

— Некоторое время тому назад вы говорили мне, что обиняне будут готовы помочь нам, если потребуется. Это предложение все еще в силе?

— Насколько я знаю, да. Вы просите у нас помощи, майор Перри?

— Пока что нет. Мне лишь хотелось получше представить свои возможности.

Джейн посмотрела на меня, лишь когда мы подошли совсем близко.

— Я не хочу, чтобы Зои оставалась здесь, — сказала она.

— Настолько плохо?

— Хуже некуда. Если хочешь знать мое мнение, то я предлагаю вот что: вытащить эту проклятую железку, полностью засыпать это, так сказать, убежище землей и поставить памятник. Все равно нам не удастся набрать столько кусков, чтобы можно было похоронить их в другом месте.

— Господи… — пробормотал я и кивнул на торчащую из земли часть двигателя. — Насчет этого удалось что-нибудь узнать?

Джейн указала на стоявшего поблизости обинянина.

— Дикори говорит, что, судя по маркировке, это ноурийская работа.

— Никогда не слышал о таком народе.

— Союз колоний почти не имел с ними контактов. Но к нападению они, по всей вероятности, не причастны. Они обитают только на своей родной планете и не занимаются колонизацией. У них нет никаких причин для вражды с нами.

— Они входят в конклав?

— Нет, — ответил Дикори, подойдя к нам. — Но они продают оружие некоторым членам конклава.

— Значит, на нас мог напасть конклав, — констатировал я.

— Вполне возможно, — подтвердил Дикори.

— Генерал Гау сказал тебе, что не станет нападать.

— Еще он сказал, что вряд ли сможет удержать от этого других, — напомнил я.

— Я не думаю, что это было нападение, — протянула Джейн.

Я подошел вплотную к здоровенному куску двигателя, от которого все еще исходил сильный жар.

— А мне это почему-то показалось очень похожим на нападение.

— Если бы это было нападение, нас всех уже на свете не было бы, — ответила Джейн. — Слишком уж мелко все было и слишком по-дурацки для настоящей атаки. Не знаю, кто устроил всю эту заваруху, но ракеты он сбросил чуть ли не над самой колонией, там, где наш спутник не мог не заметить их. Для нападения на колонию — очень бестолково и никчемно. А для проверки нашей обороноспособности — в самый раз.

— Значит, если бы им удалось уничтожить колонию, это было бы чем-то вроде награды за находчивость, — добавил я.

— Верно, — кивнула Джейн. — А теперь тот, кто это устроил, кем бы он ни был, знает, какими оборонительными средствами мы располагаем

и каковы их возможности. А мы не знаем о напавших ровным счетом ничего, кроме того, что они достаточно умны: провели предварительную разведку перед атакой.

— Из этого также следует, что для повторной атаки подготовят не пять ракет, а немного побольше, — протянул я.

— Вероятно, да, — согласилась Джейн.

Я окинул взглядом разрушения.

— Мы здесь словно мишень на стрельбище. Эту пакость удалось сбить лишь с величайшим трудом, и все равно мы потеряли несколько человек. Нам необходимо срочно укреплять оборону. Союз колоний сам поставил нас под удары, вот теперь пусть помогает отражать их.

— Я сомневаюсь, что они откликнутся на письмо, даже если мы обложим их всех десятиэтажным матом, — сказала Джейн.

— Не откликнутся, — согласился я. — Но через несколько дней сюда должен прибыть «Сан-Хоакин» с товарами. И кто-то из нас должен будет отправиться с ним на Феникс. Когда ты или я войдем в кабинет к начальнику, ему труднее будет отмахнуться от нас.

— У тебя больше веры в лучшее будущее, чем у меня, — заметила Джейн.

— Если мы не добьемся результатов там, можно будет попробовать другие варианты, — добавил я, взглянув на Хикори, но тут же прикусил язык, увидев, что к нам приближаются Савитри и Зои.

Чтобы Зои не увидела, что осталось от убежища и тех, кто в нем укрывался, я поспешил навстречу.

Савитри протянула мне ЭЗК.

— Вам пришла почта.

— Помилуй бог, Савитри! — воскликнул я. — Мне сейчас не до глупостей. Перешлите ее Джанну.

После того как Роанок был вновь официально открыт, мне и Джейн пришлось иметь дело (к счастью, не лично) с представителями множества всевозможных СМИ, какие только создало человечество. Все они обращались с какими-нибудь просьбами, требовали дать интервью или же просто пытались, что называется, навести мосты. Первый же беспилотный курьер привез на Роанок более полутысячи подобных депеш. У нас с Джейн не было ни времени, ни желания разбираться с этим мусором, но мы знали человека, которому это должно было доставить истинное удовольствие. И Джанн Кранджич официально стал пресс-секретарем Роанока.

— Я не стала бы беспокоить вас письмом из какой-нибудь газеты, — сказала Савитри. — Это из Департамента колонизации. И с пометками «конфиденциально» и «сверхсрочно».

— Что им нужно?

— Не знаю. Я не смогла его открыть.

Она передала ЭЗК мне. На экране светилась табличка «Доступ блокирован». Год, на протяжении которого я не мог пользоваться ЭЗК, заставил меня понять, насколько сильно я зависел от нее все последнее время, а также насколько мне хотелось избавиться от этой зависимости. Поэтому я не носил ее с собой, а передал Савитри, которой из-за этого приходилось все время держаться где-то неподалеку от меня.

ЭЗК запросила пароль, проверила мои биометрические данные и после этого открыла письмо.

— Во чудеса! — воскликнул я, пробежав текст глазами.

— Все в порядке? — осведомилась Савитри.

— Конечно нет! Савитри, скажи Джейн, чтобы она как можно скорее заканчивала здесь и мчалась в администрацию. Я буду там. И еще срочно разыщи Манфреда Трухильо и Джанна Кранджича и скажи им то же самое: пусть все бросают и бегут в администрацию. Будем совещаться.

— Хорошо, — сказала Савитри. — Но все-таки что случилось? Вы можете мне сказать?

Я вернул ей ЭЗК.

— Меня снимают с должности руководителя колонии. И вызывают на станцию «Феникс».

— Ну, во-первых, от работы вас отстраняют только временно, и это хорошо, — сказал Манфред Трухильо, передавая ЭЗК с письмом на экране Джанну Кранджичу.

Они вдвоем, Джейн, Савитри и Беата, сопровождавшая Кранджича, и, конечно, я — все мы вшестером набились в мой кабинет, совершенно не рассчитанный на такое количество народу.

— «Временно» означает, что они не собираются повесить вас, как только вы сойдете с корабля. Они намерены сначала поговорить с вами и лишь после разговора примут решение.

— Похоже, Манфред, вы сможете в конце концов занять мое место, — сказал я из-за своего стола.

Трухильо взглянул на Джейн, которая стояла сбоку.

— Думаю, что для этого мне нужно будет сначала оттеснить ее, а это мне точно не удастся.

— Я не собираюсь оставаться на этой работе без Джона, — сказала Джейн.

— Вы лучше всех годитесь для нее, — отозвался Трухильо. — Никто даже не попытается оспаривать ваше положение.

— Я не сомневаюсь в своей компетентности, — заявила Джейн. — Просто я не буду заниматься этим делом, вот и все.

Трухильо кивнул:

— Как бы там ни было, отсюда не следует, что они намерены окончательно и бесповоротно сместить вас. — Он указал на ЭЗК, которая теперь оказалась в руках Беаты. — Вас, несомненно, вызывают в какую-то комиссию по какому-то расследованию. Как бывший депутат, могу сказать, что расследования обычно устраиваются для того, чтобы прикрыть чью-то задницу, а не для того, чтобы выяснить что-то у кого-то. И, опять же, как бывший депутат, знаю: у Департамента колонизации столько грехов, что ему не хватит зонтиков, чтобы прикрывать свою задницу, если начнутся неприятности.

— Но ведь они не стали бы отзывать вас, если бы вы не сделали чего-нибудь такого, что можно было бы поставить вам в вину? — ввернул Кранджич.

— Молодец, Джанн! — воскликнула Беата. — Хорошо, что мы всегда можем рассчитывать на

твою поддержку.

— Беата, я вовсе не говорю, что он действительно сделал что-то не так, — повысил голос Кранджич.

Став пресс-секретарем колонии, он вновь взял Беату своей помощницей, но было ясно, что за время, прошедшее после развода, их личные отношения ничуть не улучшились.

— Я говорю, что они могли найти в его поступках что-то такое, что можно вменить ему в вину и сделать предметом расследования.

— И ведь предлог для этого есть, не так ли? — обратился ко мне Трухильо. — Ведь в разговоре с генералом Гау вы указали ему возможность спасения. Вы посоветовали ему не вызывать флот. Ведь вы не должны были так поступать.

— Нет, не должен был, — подтвердил я.

— Мне кажется, что это изрядно усложняет дело, — сказал Трухильо.

— Я могу совершенно точно сказать, зачем я это сделал. Ради успокоения собственной совести.

— Не будем касаться таких деликатных предметов, как мораль и совесть, — продолжал Трухильо. — Кто-нибудь, при желании, сможет обвинить вас за это в измене. По плану Союза колоний весь флот конклава должен был собраться

здесь. А вы, получается, преднамеренно поставили под угрозу осуществление их стратегии.

Я повернулся к Кранджичу.

— Вы общаетесь с другими журналистами. Среди них были такие разговоры?

— О том, что вас могут обвинить в предательстве? Нет, — ответил Кранджич. — Очень много журналистов все еще стремятся поговорить с вами или с Джейн, но их всех интересует та ночь, когда погиб флот конклава, и то, как нам удалось выжить здесь. Я переадресовал их всех к Манфреду и другим членам совета. Возможно, они слышали что-то в разговорах с журналистами.

Я вновь взглянул на Трухильо.

— Что вы скажете?

— Я тоже ничего подобного не слышал. Но ведь вы сами знаете, что никакие планы или соображения правительства Союза колоний не выходят за пределы кабинетов. А если что-то выходит, значит, произошла намеренная утечка.

— Так, значит, они собираются ославить вас как предателя только потому, что вы не прыгали от радости, получив возможность поучаствовать в убийстве каких-то жалких пары сотен тысяч разумных существ! — воскликнула Савитри. — Хорошо, что напомнили, а то ведь я уже начала

забывать, почему всю жизнь ненавидела власти Союза колоний.

— Может быть, дело не только в этом, — серьезно ответила Джейн. — Из Джона действительно могут попытаться сделать козла отпущения. Но если это правда, тогда возникает очередной вопрос: какую именно и чью вину ему хотят навесить? С другой стороны, если расследоваться будет его поведение с Гау, то Союз колоний обязательно должен учесть, как его действия и слова повлияли на ход событий.

— Ты думаешь, что в их плане начались сбои? — спросил я.

— Я думаю, что, когда планы осуществляются блестяще, не нужно искать козлов отпущения. Если за вчерашним нападением стоит конклав, то, выходит, он сумел реорганизоваться куда быстрее, чем ожидал СК.

Я посмотрел на Кранджича, который верно истолковал мой взгляд.

— В сообщениях СМИ, которые я видел, нет ни слова о конклаве. Ни хорошего, ни плохого.

— Это совершенно бессмысленно, — сказал я. — Генерал Райбики в последнюю встречу сказал мне, что важной частью плана должно было стать оповещение колоний о конклаве в момент

его самого тяжкого поражения. Что ж, такой момент произошел, и о нем следовало поднять крик во всех средствах массовой информации, но, выходит, прежняя секретность сохраняется?

— Конклав ни разу не упоминался, — уточнил Кранджич. — В сообщениях СМИ мне попадались лишь упоминания о том, что Союз колоний обнаружил опасность, угрожавшую колонии со стороны целого ряда чужих рас, что и заставило СК так долго продолжать свой обман. Говорят и о случившемся здесь сражении. Но нигде ни разу не упомянут собственно конклав и не сказано, что именно он собой представляет.

— Но мы-то знаем о конклаве, — сказала Савитри. — Все, до единого человека. Во всех письмах и видеофильмах, которые наши люди посылают друзьям и знакомым, обязательно говорится о нем. Так что его существование недолго останется тайной. Особенно после нынешней ночи.

— У СК есть много способов справиться с этим, — заметила Беата. — Прежде всего мы не знаем, кто напал на нас сегодня. Это могла быть любая раса, причем у нас нет никаких данных, которые говорили бы, что за нападением стоит какой-то союз рас. Если Союз колоний пожелает прекратить распространение слухов о конклаве,

ему достаточно сообщить в СМИ, что правительство преднамеренно дезинформировало нас ради нашей же собственной пользы. Дескать, нагнать на нас страху, убедить, что вся вселенная жаждет нашей крови, и мы будем больше заботиться о своей безопасности.

Савитри ткнула пальцем в мою сторону.

— А его беседа с генералом Гау, выходит, была только галлюцинацией, да?

— Его отзывают в столицу, — напомнила Беата. — Очень даже может быть, что все расследование будет заключаться в том, что ему очень-очень настойчиво посоветуют напрочь вычеркнуть этот случай из памяти.

— А я и не знала, что ты поклонница теории заговоров, — усмехнулась Савитри.

— Присоединяйся, — предложила Беата.

— Не исключено, что и журналисты, и многие другие на самом деле знают о существовании конклава, — вставил Кранджич. — Знают, но держат языки за зубами. В смысле — не разглашают по официальным каналам. И если СК всерьез запретил журналистам говорить об этом, вряд ли они станут делиться своей информацией с нами.

— Потому что вся наша почта доставляется беспилотным курьером СК, — добавила Джейн. — А

это означает, что вся она проверяется цензурой Союза колоний.

— Совершенно верно, — кивнул Кранджич.

Я вспомнил, что Хикори тревожился из-за того, что СК контролирует его обмен информацией со своим правительством. Очевидно, не только он относился к нашим властям с подозрением.

— А разве у вашей братии нет какого-нибудь кода или, как говорилось в старину, эзопова языка? — спросил я Кранджича. — В общем, каких-нибудь способов поделиться своими знаниями с другими журналистами, даже если тебе зажимают рот?

— Вы хотите, чтобы я написал роман, в котором зашифровал бы нашу историю? Как вам такое название: «Когда ястреб вылетает в полночь»? — не без иронии осведомился Кранджич. — Нет, у нас нет никакого кода, никаких условных фраз, и даже если бы и были, то никто не пошел бы на такой риск. Неужели вы считаете, что СК не анализирует стиль и лексикон каждого журналиста? И что у них плохо с дешифровальщиками?

Он указал на Джейн.

— Я слышал, что она когда-то служила в разведке ССК. Спросите ее об этом.

— Получается, что мы не только не знаем, что

известно СК, но даже и не можем этого узнать, — подытожила Савитри. — Лучше было бы нам оставаться потерянной колонией.

— Нет, — поправил ее я. — Узнать мы можем. Но только не отсюда.

— А-а, — протянул Трухильо. — Ваш предстоящий вояж на станцию «Феникс». Вы надеетесь что-то разузнать там.

— Да.

— Вы по уши увязнете в расследовании, — предупредил Трухильо, — так что у вас не останется времени на сбор сплетен.

— У вас остались хорошие знакомые в правительстве Союза колоний? — спросил я.

— Остались, — ответил Трухильо. — Если, конечно, не было государственного переворота. Прошел всего лишь год. Я подскажу вам, как связаться с подходящими людьми.

— Я предпочел бы, чтобы вы полетели со мной. Вы ведь сами сказали, что у меня не останется времени из-за расследования. Да и ваши друзья будут с вами говорить куда откровеннее, чем со мной. Особенно если учесть, как вы относились ко мне в то время, когда общались с ними перед отправлением.

Я взглянул на Кранджича.

— И вы тоже полетите со мной, Джанн. У вас обширные знакомства в СМИ.

— Он знаком только с говорящими головами, — фыркнула Беата. — Лучше возьмите меня. Я знаю продюсеров и редакторов — тех людей, что пишут тексты, которые потом читают с экрана.

— Полетите вы оба, — поспешно сказал я, чтобы не дать вспыхнуть очередному скандалу. — Мы должны узнать как можно больше, и потому нужно пользоваться всеми возможными источниками. Манфред возьмет на себя правительство. Вы двое — средства массовой информации. Джейн — Специальные силы.

— Нет, — сказала Джейн. — Я остаюсь здесь.

Я удивленно взглянул на нее.

— Послушай, ведь это Специальные силы уничтожили флот конклава. И, вероятно, знают больше всех остальных, вместе взятых, о том, к каким это привело последствиям. Джейн, мне нужно, чтобы ты все это выяснила.

— Нет, — отрезала Джейн.

— Джон, — вмешалась Савитри, — на нас только что напали. Должен же кто-то нормально и серьезно управлять колонией, пока вы будете в отъезде. Джейн должна остаться здесь.

За решением Джейн крылись еще какие-то

соображения, но она не желала говорить о них и стояла молча, уставившись тяжелым взглядом в стену. Да и я не собирался здесь выяснять причины, которыми она руководствовалась. К тому же Савитри была, безусловно, права.

— Ладно. — Я махнул рукой. — У меня тоже найдется в этой конторе несколько знакомых, с которыми я смогу поговорить. Если, конечно, меня не отправят за решетку, как только я вылезу из шаттла.

— А вам не кажется, что ваше прибытие в сопровождении трех человек может вызвать подозрения? — спросил Трухильо.

— Нет, не кажется. Как-никак на нас только что напали. Я буду отвечать на вопросы комиссии. Так что вам, Манфред, придется прорываться в высокие кабинеты и требовать принятия безотлагательных мер по увеличению нашей обороноспособности. Причем сразу же. Беата представится нашим министром культуры; помимо встреч со своими знакомыми она попытается раздобыть побольше всяких полезных образовательных и развлекательных программ. Теперь мы можем ими пользоваться. Ну а Джанн как пресс-секретарь займется оповещением общественности о событиях первого года суще-

ствования Роанока. Так что у всех вас имеются веские основания для поездки. Убедил?

— Убедили, — согласился Трухильо.

Кранджич и Беата одновременно кивнули.

— Хорошо, — сказал я. — Наш корабль прибудет через два дня.

Я поднялся, что во всех канцеляриях всегда означало окончание встречи. Мне хотелось задержать Джейн, но она выскользнула за дверь, опередив всех.

Когда я вернулся домой, Джейн сидела в кресле возле крыльца и гладила Варвара.

— Где Зои? — спросил я.

— Она у Трухильо. Там собрались все друзья Энцо. Зои, вероятно, заночует у Гретхен.

— Как она?

— Она потеряла любимого человека, — сказала Джейн. — Такое любому трудно перенести. Да, ей уже приходилось терять близких. Но сегодня впервые погиб ее ровесник. Ее друг.

— И к тому же ее первая любовь, — добавил я. — Что еще больше усложняет дело.

— Да, — кивнула Джейн. — Теперь все будет только сложнее и сложнее.

— Кстати, о сложностях. Я хотел спросить, почему ты так решила? В смысле — не лететь на

Феникс.

— Савитри все уже объяснила. То, что тебе нужно уехать, плохо само по себе. А ты еще и забираешь с собой Трухильо. Кто-то должен здесь остаться.

— Но дело не только в этом. Я знаю тебя достаточно хорошо, чтобы понять: у тебя на уме еще что-то.

— Я не хочу нести ответственность за подрыв безопасности колонии.

— Интересно, каким же образом ты можешь ее подорвать?

— Ну, во-первых, как только я увижу этого ублюдка генерала Сцилларда, то сразу же сверну ему шею, — пояснила Джейн. — Вряд ли меня после этого оставят на свободе. Вот и получится, что колония останется без руководителя.

— Ты всегда отличалась практичностью, — заметил я.

— Что есть, то есть, — согласилась Джейн. — Наверно, это передалось мне от Кэти.

— Возможно.

Джейн очень редко говорила о Кэти; очевидно, непросто говорить с мужем о его первой жене, особенно в том случае, если ты выращена из ее ДНК. И если Джейн упоминала Кэти, это означа-

ло, что она чем-то очень серьезно озабочена. Я молчал — расспрашивать было бесполезно. Если она захочет мне что-то рассказать, то сделает это по собственной инициативе. А любой нажим только пойдет во вред.

— Я иногда вижу ее во сне, — сказала наконец Джейн. — Кэти.

— И что же ты видишь?

— Что мы с ней разговариваем. И она рассказывает мне о том, каким ты был, когда жил с ней, а я — о том, как мы живем с тобой. Мы говорим о наших семьях, о наших жизнях, о нас самих. Но когда я просыпаюсь, то не могу вспомнить никаких подробностей наших разговоров.

— Наверное, это расстраивает тебя? — предположил я.

— Нет, — покачала головой Джейн. — Пожалуй, что нет. Мне нравится говорить с ней. Нравится чувствовать связь с ней. Она — часть того, что я есть. Моя мать, моя сестра и я сама. Все вместе. Мне нравится, что она навещает меня. Пусть даже я знаю, что это только сон, мне все равно бывает очень хорошо от этого.

— Не сомневаюсь, что так оно и есть.

Передо мной, как наяву, предстала Кэти, на которую Джейн была так похожа, хотя и оставалась

совсем другим человеком.

— Я хотела бы навестить ее когда-нибудь, — добавила Джейн.

— Сомневаюсь, что нам это удастся. Ведь ее уже давно нет на свете.

— Ты меня не понял. Я имею в виду, что хочу побывать там, где она сейчас находится. На ее могиле.

— И в этом я тоже сомневаюсь, — сказал я. — Нам категорически запрещено возвращаться на Землю.

— Но ведь я никогда не жила на Земле, — возразила Джейн, глядя на Варвара, который блаженно растянулся у ее ног и лениво помахивал хвостом. — Там была только моя ДНК.

— Не думаю, что Союз колоний усмотрит в этом разницу, — сказал я, улыбнувшись одной из редких шуток Джейн.

— Я и сама это понимаю, — сказала с оттенком горечи в голосе Джейн. — Земля слишком дорога им как заповедник людских ресурсов, чтобы они рискнули заразить ее знакомством с большой вселенной.

Она вновь посмотрела на меня.

— А тебе никогда не хочется вернуться? Ведь ты как-никак провел там большую часть жизни.

— Да, провел. Но я уехал оттуда, потому что меня там больше ничто не держало. Моя жена умерла, наш ребенок стал взрослым. С тем, что осталось, было не так уж трудно распрощаться. Теперь все, что мне дорого, находится здесь. Теперь это мой мир.

— Да?

Джейн вскинула голову и некоторое время молча смотрела на звезды.

— Помню, как на Гекльберри я стояла на дороге и думала, удастся ли мне сделать своим домом другой мир. Этот мир.

— Ну и как, удалось?

— Пока что нет. Все дело в том, что этот мир постоянно меняется. Дело в том, что любая причина из тех, по которым нас сюда занесло, стоит над ней задуматься, оказывается в лучшем случае полуправдой. Я думаю о Роаноке. Я думаю о людях, которые здесь живут. Я готова сражаться за них и, если дело дойдет до этого, буду защищать Роанок до последнего дыхания. Но это не мой мир. Я не доверяю ему. А ты?

— Не знаю, — признался я. — Хотя не на шутку волнуюсь, как бы после этого чертова расследования меня не убрали отсюда.

— Ты считаешь, что здесь много народу будет

переживать из-за того, что Союз колоний поставит командовать этой колонией кого-нибудь другого вместо тебя?

— Пожалуй, что нет. Но все равно это было бы неприятно.

— М-м-м-м… — протянула Джейн и задумалась. — И все же мне очень хотелось бы когда-нибудь повидать Кэти, — сказала она после долгого молчания.

— Я посмотрю, нельзя ли будет что-нибудь придумать.

— Только не обещай, если это просто слова.

— Это не просто слова, — ответил я и не без удивления понял, что так оно и есть. — Я и сам хотел бы познакомить тебя с ней. Очень жаль, что вы не могли встретиться на самом деле.

— И мне, — сказала Джейн.

— Значит, договорились. Теперь нам остается лишь придумать, как попасть на Землю, чтобы крейсеры СК не расстреляли наш корабль по пути. Нужно будет подумать.

— Вот и займись этим. Но не сейчас. Попозже.

Она поднялась и протянула мне руку. Я взял ее ладонь в свою. Мы вошли в дом.

12

— Администратор Перри, приносим вам извинения за задержку, — сказал Джастин Батчер, помощник министра колонизации по колониальной юриспруденции. — Как вы, возможно, заметили, у нас в последнее время довольно напряженная обстановка.

Я заметил. Когда мы — Трухильо, Кранджич, Беата и я — высаживались из шаттла на станцию «Феникс», всегдашняя суматоха, казалось, стала втрое интенсивнее. Никому из нас прежде не приходилось видеть, чтобы на станции было столько солдат ССК и функционеров СК, как сейчас. Неизвестно, что здесь происходило, но проводилось оно с размахом. Мы переглянулись, поскольку было ясно: что бы тут ни творилось, это как-то связано с Роаноком и с нашими персонами. Впрочем, мы сразу разошлись, чтобы заняться своими собственными делами.

— Конечно, конечно, — с готовностью отозвался я. — Наверно, у вас возникла какая-то важная проблема, потребовавшая срочного решения.

— Возникает очень много проблем, причем

одновременно, — ответил Батчер. — Хотя ни одна из них в настоящее время не имеет к вам прямого отношения.

Что означало: это тебя не касается.

— Понятно, — сказал я. — Ну что ж…

Батчер кивнул и указал на двоих мужчин, сидевших за длинным столом, перед которым я стоял.

— Целью этого расследования является выяснение всех обстоятельств и подробностей вашей беседы с представителем конклава генералом Тарсемом Гау, — сказал он. — Расследование официальное, следовательно, вы обязаны давать на все вопросы прямые, правдивые и максимально полные ответы. Впрочем, напоминаю, что это не суд. Вас не обвиняют ни в каком преступлении. Однако же, если в ходе расследования выяснится, что в ваших действиях мог присутствовать состав преступления, вы предстанете перед Судом колониальных дел Департамента колонизации. Вы меня понимаете?

— Понимаю, — подтвердил я.

В СКД — Судах колониальных дел — процессы проходили при участии только одного человека, судьи. Их придумали для того, чтобы дать возможность главам колоний и судьям, которых

они назначали, разбираться с делами как можно быстрее, чтобы колонисты не отвлекались от своих насущных дел. Решение СКД имело силу закона, но ограничивалось только конкретным случаем и не создавало прецедента. Судья СКД или глава колонии, выполняющий его обязанности, подчинялся инструкциям и регламентам Департамента колонизации, но таковых было на удивление мало. Суды колониальных дел также не имели инстанций, поэтому в колониальном праве не существовало понятия апелляции. По сути, судья колониальных дел мог творить все, что пожелает. С юридической точки зрения разбирательство в таком суде было не самым легким испытанием для ответчика.

— Хорошо, — сказал Батчер и посмотрел на экран своей ЭЗК. — Тогда, пожалуй, начнем. Во время разговора с генералом Гау вы сначала предложили ему сдаться, а потом — покинуть пространство Роанока без ущерба для его флота и для него лично.

Он оторвал взгляд от ЭЗК и сурово взглянул на меня.

— Это правильно, администратор?

— Правильно, — ответил я.

— Генерал Райбики, которого мы уже вызыва-

ли сюда…

Вот это для меня было новостью; я вдруг подумал, что Райбики теперь был далеко не в восторге от того, что вообще вспомнил обо мне, когда шла речь о выборе руководителя для этой колонии.

— …дал показания, что полученные вами распоряжения состояли в том, чтобы занимать Гау разговором по несущественным вопросам до тех пор, пока его флот не погибнет, после чего вы должны были сообщить ему, что только его корабль уцелел после диверсии.

— Да.

— Очень хорошо, — с ударением на «очень» произнес Батчер. — В таком случае вы можете приступить к объяснению причин, которыми вы руководствовались, когда предложили Гау сначала сдаться вам, а потом и вовсе увести его флот в целости и сохранности.

— Полагаю, что я рассчитывал таким образом избежать кровопролития.

— Не ваше дело было рассчитывать или не рассчитывать, — рявкнул полковник Брайан Беркли, представлявший в комиссии по расследованию Силы самообороны колоний.

— Не согласен с вами, — возразил я. — Моей колонии угрожало нападение. Я возглавлял

колонию. Моей главной обязанностью было обеспечить ее безопасность.

— Флот конклава был уничтожен в ходе нашей операции, — заявил Беркли. — Вашей колонии вообще ничего не угрожало.

— Операция могла и провалиться, — сказал я. — Полковник, я совершенно не имею намерения оскорбить ССК или Специальные силы, но должен заметить, что не каждая операция, которую они планируют, заканчивается успешно. Я лично участвовал в операции на Коралле, где планы ССК самым печальным образом не сбылись, в результате чего погибли сто тысяч наших солдат.

— Вы хотите сказать, что ожидали неудачи нашей операции? — оживился Беркли.

— Я говорю, что никогда не забываю: планы — это всего лишь планы, — ответил я. — А самым главным для меня были обязательства перед моей колонией.

— Вы всерьез ожидали, что генерал Гау сдастся вам? — спросил третий член комиссии.

Мне потребовалось время, чтобы узнать его: это был генерал Лоренс Сциллард, главнокомандующий Специальными силами ССК.

Его участие в комиссии особенно встревожило меня. Собственно говоря, ему было совершенно

нечего здесь делать. В бюрократической иерархии он находился на несколько ступеней выше, чем Батчер и тем более Беркли. Увидеть его смиренно сидящим на месте для рядового члена комиссии — даже не председателя! — было все равно что случайно узнать, что нянька, которую вы пригласили присмотреть за детьми, занимает пост декана в одном из колледжей Гарвардского университета. Такого попросту не могло быть. Если он решил, что меня следует покарать за попытку сорвать миссию подчиненных ему Специальных сил, то совершенно не важно, какое мнение сложится у остальных двух заседателей: я смело могу считать, что уже болтаюсь в петле или поджариваюсь на шампуре. От этих мыслей я почувствовал спазм в желудке.

Но нельзя не признаться, что я очень любопытен. Передо мной находился тот самый генерал, которому моя жена мечтала свернуть шею за то, что он без разрешения подверг ее организм генетической модификации. И, как я подозревал, не испытал из-за этого особого раскаяния. Какая-то часть меня задумалась, не стоит ли попытаться прямо сейчас осуществить план Джейн, чтобы отомстить за ее оскорбление. Но другая, более разумная часть напомнила, что он, как предста-

витель Специальных сил, без труда напинал бы мне задницу, даже когда я был генетически модифицированным солдатом. Теперь же, будучи простым смертным, я вряд ли сумел бы даже дотронуться до него. Джейн, по всей вероятности, не очень обрадуется, узнав, что шею свернули мне.

Сциллард с непроницаемым выражением лица ждал моего ответа.

— Нет, у меня не было никаких оснований надеяться, что он сдастся, — сказал я.

— Но тем не менее вы сделали ему такое предложение, — продолжал Сциллард. — Якобы для того, чтобы спасти свою колонию. Мне кажется любопытным, что вы предлагали ему сдаться, вместо того чтобы умолять его пощадить вашу колонию. Разве не было бы благоразумнее просто обратиться к нему с просьбой не уничтожать колонию и колонистов? Та информация о генерале, которой снабдил вас Союз колоний, не давала вам ни малейшего основания считать, что он может сдаться вам.

«Осторожнее!» — прозвучало где-то в глубине моего мозга.

По тому, как Сциллард построил фразу, становилось понятно, что он подозревает меня в получении информации из других источников.

Так оно и было, но я никак не думал, что он может знать об этом. Если же знает, а я начну лгать, то окажусь по уши в дерьме. Решение… решение…

— Я знал о нашей запланированной операции, — сказал я. — Возможно, это придало мне излишней самонадеянности.

— Значит, вы признаете, что предложение, сделанное вами генералу Гау, могло выдать ему подготовленную нами ловушку? — спросил Беркли.

— Сомневаюсь, что он видел за моими словами нечто большее, нежели пустую браваду руководителя колонии, пытающегося спасти своих людей.

— Однако вы не можете не понимать, что с точки зрения Союза колоний ваши действия могут быть истолкованы как осознанная или неосознанная попытка сорвать операцию и подвергнуть угрозе безопасность не только вашей колонии, но и всего Союза колоний, — заявил Батчер.

— Мои действия можно истолковать множеством самых различных способов. Я не могу предпочесть ни одно истолкование моему собственному. А оно заключается в том, что я делал то, что, по моему мнению, требовалось для защиты колонии и колонистов.

— В беседе с генералом Гау вы прямо сказали, что не должны были предлагать ему отзывать флот, — сказал Беркли. — Вы знали, что совет, который вы дали генералу, полностью противоречил нашим намерениям и мог быть воспринят как прямой намек на то, что вам известно что-то такое, чего не знает он. Если бы у генерала хватило ума вдуматься в вашу логику, он разгадал бы нашу ловушку.

Я ответил не сразу. Это уже становилось смешным. Нельзя сказать, что я не ожидал от этого расследования обвинительного настроя, но все же думал, что он будет проводиться тоньше. Можно было предположить, что Батчер решил поторопить события. Впрочем, не знаю, отличалось ли расследование моих поступков от каких-нибудь других расследований.

— Даже не знаю, что можно ответить на такое умозаключение. Я поступил так, как мне представлялось правильным.

Батчер и Беркли быстро искоса переглянулись. Они получили ответы на все свои вопросы и теперь готовы были закончить заседание. Я углубился в пристальное разглядывание носков своих ботинок.

— Что вы думаете о генерале Гау?

Я вскинул голову. Вопрос меня совершенно ошарашил. Генерал Сциллард сидел в той же позе и с тем же непроницаемым выражением и вежливо ждал моего ответа. Батчер и Беркли тоже не могли скрыть своего удивления; несомненно, поведение Сцилларда никак не укладывалось в привычный для них сценарий.

— Я не уверен, что правильно понял вопрос, — осторожно сказал я.

— Перестаньте, все вы поняли, — бросил Сциллард. — Вы довольно долго разговаривали с генералом Гау и, конечно же, успели подумать о том, что он за личность, и до, и после уничтожения флота конклава. Так что же вы думаете о нем, опираясь на свои личные впечатления?

«Будь оно все проклято!» — подумал я.

Теперь у меня уже не оставалось сомнений в том, что Сциллард знал о моей более обширной информированности о генерале Гау и конклаве. Мысли, откуда он это узнал, можно было отложить на потом. Сейчас же вопрос был в том, что ему ответить.

«Можешь считать, что с тобой покончено», — вывернулась откуда-то паническая мыслишка.

Было ясно, что Батчер и Беркли уже готовы сплавить мое дело в Суд колониальных дел, где

разбирательство по любому возможному обвинению (я решил, что это будет «некомпетентность», хотя возможны и «халатное отношение к своим обязанностям», и даже «государственная измена») будет скорым и закончится не слишком приятно для меня. Я исходил из предположения, что Сциллард явился сюда, чтобы удостовериться, что он добился желаемого результата. Возможно, он не был до конца убежден в том, что я пытался воспрепятствовать его миссии, но теперь я и в этом не был уверен. Внезапно я понял, что не имею даже догадок о том, чего же ждет Сциллард от этого расследования. И потому, что бы ни сказал, это уже не имело значения — меня уже ничто не могло спасти.

Но, черт возьми, это же официальный допрос в ходе официального расследования! А это значило, что его запись сохранится в архиве Союза колоний. Ну и будь что будет!

— Я думаю, что он благородный… человек, — сказал я, запнувшись на слове «человек».

— Прошу прощения? — уставился на меня Беркли.

— Я сказал: я думаю, что он благородный человек, — повторил я. — Прежде всего он не стал попросту уничтожать Роанок. Он предложил

на выбор или эвакуировать моих колонистов, или позволить им присоединиться к конклаву. В той информации, которой снабдил меня Союз колоний, такие варианты не рассматривались. Из этой информации — я ознакомил с ней всех колонистов Роанока до одного — следовало лишь то, что Гау и конклав истребляют колонии, как только обнаружат их. Потому-то мы сидели целый год, не смея поднять головы.

— Его слова о том, что он намерен позволить вашим колонистам покинуть планету, вовсе не значат, что он так и поступил бы, — заметил Беркли. — Как бывший офицер ССК вы не можете не понимать ценности военной дезинформации и многообразия способов передачи ее врагу.

— Не думаю, что он рассматривал роанокскую колонию как врага, — возразил я. — Нас там было менее трех тысяч человек против четырехсот двенадцати боевых кораблей высшего ранга. У нас не было ровно никаких средств для обороны, и Гау не получил бы никакого военного преимущества, если бы обманом заставил нас капитулировать, а потом уничтожил бы иным способом. Это была бы немыслимая жестокость.

— Вы что, не знаете, насколько жестокость с точки зрения психологии важна в войне? — воз-

мутился Беркли.

— Это я хорошо знаю. Вот только из той информации, которой снабдил меня Союз колоний, не было понятно, является ли жестокость неотъемлемой частью психологической характеристики генерала или же его военной тактики.

— Вы много чего не знаете об этом генерале, — вставил Батчер.

— Не смею отрицать, — сказал я. — Именно поэтому я и решил, что, имея с ним дело, будет полезнее руководствоваться своей собственной интуицией. Но я вроде бы припоминаю, будто генерал сказал, что до того, как попасть на Роанок, он осуществил более трех десятков аналогичных операций. Если вы располагаете информацией об этих случаях и, в частности, о линии поведения генерала по отношению к каждой из этих колоний, можно было бы выработать определенное мнение о его представлениях, о чести и жестокости. У вас есть такая информация?

— У нас она есть, — рубанул Батчер. — Но мы не имеем права предоставить ее вам, поскольку вы временно отстранены от своей должности.

— Это я отлично понимаю, — кивнул я. — Но, скажите, имелась ли у вас такая информация, когда я еще находился на своем посту?

— Вы намекаете на то, что Союз колоний скрыл от вас информацию? — в очередной раз взвился Беркли.

— Я ни на что не намекаю. Я задал совершенно прямой вопрос. И утверждаю, что в условиях крайней скудности сведений, предоставленных мне Союзом колоний, я мог руководствоваться лишь своим собственным здравым смыслом. Таким образом мне удалось получить дополнительную информацию, с которой я вас сейчас знакомлю.

Я взглянул в глаза Сцилларду.

— С моей точки зрения, согласно моему жизненному опыту и моему знанию людей и других разумных существ, генерал Гау — очень достойная личность.

Сциллард ненадолго задумался.

— Как вы поступили бы, администратор Перри, если бы флот Гау появился в вашем небе прежде, чем Союз колоний успел бы осуществить свой план диверсии?

— Вы спрашиваете, сдал ли бы я колонию?

— Я спрашиваю, как поступили бы вы.

— Я принял бы предложение Гау. И позволил бы ему эвакуировать колонистов Роанока на территорию Союза колоний.

— Значит, вы сдали бы колонию врагу, — веско произнес Батчер.

— Нет, — возразил я. — Я остался бы оборонять Роанок. И почти уверен, что моя жена осталась бы со мной. А также любой, кто пожелал бы остаться на верную смерть.

«Кроме Зои», — мысленно добавил я, хотя мне чрезвычайно не понравилось возникшее в тот же миг видение Хикори и Дикори, волокущих рыдающую и отчаянно сопротивляющуюся Зои в трюм межзвездного транспортника.

— Это пустые слова! — рявкнул Беркли. — Нет колонистов, значит, нет и колонии.

— С этим я согласен, — сказал я. — Но даже одного колониста хватит и для того, чтобы объявить, что колония жива, и для того, чтобы умереть во славу Союза колоний. Я несу ответственность перед колонией как таковой и в равной мере перед колонистами, которые ее населяют. Сдать колонию Роанок я не согласился бы. Но в то же время сделал бы все, что в моих силах, чтобы спасти колонистов. Если рассуждать здраво, две с половиной тысячи колонистов способны сопротивляться громадной армаде космических крейсеров ничуть не с большим успехом, чем один-единственный. Моей смерти было бы

вполне достаточно, чтобы СК мог представить события подобающим образом. А если вы, полковник Беркли, думаете, что я обрек бы на смерть хотя бы еще одного колониста Роанока, чтобы вы могли поставить в своей тайной бухгалтерии нужное количество галочек, потому что иначе гибель колонии будет неубедительной, то вы безмозглый дурак и последняя сволочь.

Беркли уставился на меня с таким видом, будто был готов опрокинуть стол и вцепиться мне в горло. Сцилларда сохранял все то же непроницаемое выражение, с каким сидел на всем протяжении допроса.

— Что ж, — сказал Батчер, пытаясь вернуть себе контроль над ходом событий, — думаю, что вы, администратор Перри, ответили на все интересовавшие нас вопросы. Можете идти и дожидаться решения нашей комиссии. До оглашения решения вам не разрешается покидать станцию «Феникс». Вам понятно?

— Чего тут не понять? — ответил я. — Только скажите, должен ли я подыскать какое-нибудь жилье?

— Не думаю, что вам придется ждать так долго, — сказал Батчер.

— Как вы понимаете, все, что я слышал, исхо-

дит из неофициальных источников, — сказал Трухильо.

— Конечно, — ответил я. — Тем более что в нынешнем положении я не рискнул бы доверять официальной информации.

Трухильо кивнул:

— Полностью с вами согласен.

— Так что же вам удалось узнать? — спросил я.

— Дела плохи. И становятся все хуже.

Мы вчетвером — Трухильо, Кранджич, Беата и я — сидели за угловым столиком в лучшей, по моему мнению, военной забегаловке на всем Фениксе, той, где готовили несравненные бургеры. Естественно, мы заказали по штуке, но они успели совсем остыть, пока мы разговаривали.

— Что же означает «плохо»?

— Недавно по Фениксу нанесли ночью ракетный удар, — пояснил Трухильо.

Я пожал плечами:

— Это не плохо, это глупо. У Феникса самая мощная из всех человеческих планет противоракетная оборонительная система. Через нее не проскочит ничего крупнее сливовой косточки.

— Вы правы, — ответил Трухильо. — И это известно всей вселенной уже более ста лет. Не было ни мелких, ни массированных нападений

на Феникс. Да и это нападение нельзя считать серьезным. У него была единственная цель — дать понять, что ни одна человеческая планета теперь не может считать себя в безопасности и что нас ждет возмездие. Довольно внушительное заявление.

Я задумался и наконец-то откусил кусок от своего остывшего бургера.

— Возможно, нападению подвергся не только Феникс.

— Не только, — подтвердил Трухильо. — Мне сказали, нападению практически одновременно подверглись все колонии.

Я чуть не подавился.

— Все колонии?

— Все до одной, — подтвердил Трухильо. — Большие колонии отделались легким испугом: их оборонительные системы перехватили все ракеты. Но некоторым из малых колоний причинен достаточно серьезный ущерб. На Седоне уничтожено целое поселение. Десять тысяч убитых.

— Вы в этом уверены? — спросил я.

— Сведения из вторых рук, — ответил Трухильо. — Но от человека, которому я доверяю и который сам разговаривал с представителем Седоны. У меня нет оснований верить ему меньше,

чем другим.

Я взглянул на Кранджича и Беату.

— С тем, что вы слышали, это сходится?

— Вполне, — сказал Кранджич.

Беата кивнула и добавила:

— У нас с Манфредом разные источники, но говорят они почти одно и то же.

— Но ничего этого нет в новостях, — сказал я, взглянув на лежавшую на столе ЭЗК. — Сейчас проверим.

Я открыл крышку, набрал пароль для входа и стал ждать ответа на запрос.

— Не дождетесь, — усмехнулся Трухильо. — Союз колоний наложил полный запрет на любую информацию о нападениях. Закон о государственной тайне. Вы, наверно, помните о таком.

— Да.

У меня даже мороз по коже пробежал от воспоминания о встрече с вервольфами и походе Гутьерреса.

— Мне он не принес ровно никакой пользы. Сомневаюсь, что СК сумеет извлечь из него больше проку.

— Именно нападениями и объясняется то сумасшествие, которое здесь творится, — продолжал Трухильо. — У меня нет никаких источников в

ССК, вернее, есть, но они прикусили языки, да еще и рты зажали для верности. Но я знаю, что представители колоний требуют немедленно отправить войска для их защиты. Корабли отзывают из рейсов и перенаправляют в другие места, но для всех колоний их не хватает. Насколько я понимаю, ССК сейчас решают, какие колонии можно и нужно защищать, а какими разумнее будет пожертвовать.

— И куда же попадает Роанок при таком раскладе? — спросил я. — К чистым или нечистым?

Трухильо пожал плечами:

— Естественно, все стремятся в первую очередь обезопасить себя. Я побывал чуть ли не у всех знакомых депутатов — просил их помочь с укреплением обороны Роанока. Все в один голос пообещали приложить все силы, но лишь после того, как обеспечат свои собственные планеты.

— Вообще все разговоры о Роаноке прекратились, — сказала Беата. — Все сосредоточились на том, что происходит у них дома. Говорить об этом запрещено, но даю голову на отсечение, что наши журналюги следят за событиями самым внимательным образом.

После ее слов все как-то сразу замолчали и тоже сосредоточились на собственных мыслях

и бургерах. Я задумался настолько глубоко, что долго не замечал остановившегося рядом со мной человека. В конце концов Трухильо перестал жевать и окликнул меня.

— Перри, — негромко сказал он и указал взглядом на кого-то за моей спиной.

Я обернулся и увидел генерала Сцилларда.

— Мне тоже нравится здешняя кухня, — сказал он. — Я присоединился бы к вам, вот только боюсь, что после случая с вашей женой вы откажетесь есть со мной за одним столом.

— Раз уж вы заговорили об этом, генерал, должен сказать, что вы поступили совершенно правильно, — ответил я.

— В таком случае, администратор Перри, предлагаю вам составить мне компанию. Нам есть о чем поговорить, а времени в обрез.

— С удовольствием.

Взяв со стола свой поднос, я мельком взглянул на сотрапезников. Они застыли с окаменевшими лицами. Я выбросил почти нетронутую еду в ближайшее мусорное ведро и повернулся к генералу.

— Куда прикажете? — спросил я.

— Давайте выйдем отсюда. Прокатимся немного.

— Посмотрите туда, — сказал Сциллард.

Личный шаттл Сциллларда висел в пространстве; в иллюминатор входного люка была целиком видна планета Феникс, а в иллюминатор правого борта — станция «Феникс».

— Хороший вид, не правда ли?

— Замечательный, — отозвался я, хотя в это время меня больше всего интересовали не космические пейзажи, а вопрос, какого черта Сциллард приволок меня сюда.

Какой-то параноидальный кусочек моего сознания предполагал, что он сейчас распахнет люк и вышвырнет меня в пустоту; впрочем, у него не было космического скафандра, так что это казалось маловероятным. Но с другой стороны, он ведь был не просто генералом, а генералом Специальных сил. Что, если ему скафандр вовсе не нужен?

— Я не собираюсь убивать вас, — успокоил меня Сциллард.

Я улыбнулся. Против воли:

— Похоже, что вы умеете читать мысли.

— Случается, но не ваши. Просто без труда могу предположить, о чем вы сейчас думаете. Успокойтесь. Я не могу убить вас хотя бы по той причине, что в таком случае Саган разыщет меня,

где бы я ни прятался, и меня самого будет ждать медленная и мучительная смерть.

— Вы и так уже возглавляете ее черный список, — заметил я.

— О, вне всякого сомнения. Но это было необходимо, и я не собираюсь просить у нее извинения.

— Генерал, — перебил я его, — зачем вы притащили меня сюда?

— Во-первых, потому, что мне нравится этот вид, а во-вторых, я хочу откровенно поговорить с вами, а моя шлюпка — единственное место, где нас наверняка никто никаким способом не сможет подслушать.

Он дотянулся до приборной панели и нажал кнопку; виды планеты и станции сразу сменил непроницаемый черный покров.

— Наномеханический экран, — догадался я.

— Конечно. Никакие сигналы не проникают ни внутрь, ни наружу. Вы, думаю, знаете, что находиться взаперти для солдат Специальных сил невыносимо: мгновенно развивается нечто вроде клаустрофобии. Мы привыкли быть в постоянном контакте друг с другом через МозгоДрузей, так что отключение связи для нас — все равно что потеря любого из трех первичных чувств.

— Знаю.

Джейн рассказывала мне об операции Специальных сил против Чарльза Бутэна, в которой принимала участие. Бутэн изобрел способ отключать сигналы МозгоДрузей членов группы Специальных сил, отчего большинство из них погибли, а часть выживших бесповоротно утратили рассудок.

Сциллард кивнул:

— Тогда вы поймете, насколько трудно сделать что-то подобное даже мне. Честно говоря, я никак не могу сообразить, каким образом Саган удалось перенести потерю контакта с миром, когда она стала вашей женой.

— Поддерживать контакт можно разными способами.

— Что ж, вам виднее. Но, думаю, уже из того, что я пошел на полное экранирование, вам должно быть понятно, что речь пойдет об очень серьезных вещах.

— Я весь внимание.

— Роанокская операция повлекла за собой серьезные неприятности, — начал Сциллард. — Для всех. Союз колоний рассчитывал, что уничтожение флота конклава вызовет в конклаве гражданскую войну. Этот расчет, в общем-то, оправдался. Распад конклава уже начался. Расы,

оставшиеся верными генералу Гау, столкнулись с фракцией, которую возглавил Нерброс Эзер, представитель расы аррисов. От взаимного уничтожения эти две фракции конклава удерживает лишь одна вещь.

— Какая же?

— Та, которую Союз колоний в свое время не принял во внимание. А именно: что теперь каждая раса, входящая или, вернее будет сказать, входившая в конклав, горит желанием уничтожить Союз колоний. Не просто изолировать его, чем готов был удовлетвориться Гау, а полностью уничтожить.

— Потому что мы уничтожили флот, — вставил я.

— Это лишь ближайший повод. Союз колоний забыл, что, нападая на флот, мы атакуем не просто конклав, а всех его членов. В сводную эскадру входили по большей части флагманские корабли флотов каждой из рас. Мы не просто уничтожили флот, мы погубили символы народов. Мы сильно и грубо оскорбили все четыреста двенадцать рас, понимаете, Перри? И они не намерены простить нам это. Но кроме того, мы пытаемся воспользоваться гибелью флота конклава для сплочения других неприсоединившихся рас. Мы хотим сде-

лать из них наших союзников. И члены конклава решили, что лучший способ заставить неприсоединившиеся расы оставаться такими и впредь состоит в том, чтобы устроить СК показательную казнь. На этом они все опять сошлись.

— Но вас, похоже, все это не удивляет, — заметил я.

— Меня — нет, — согласился Сциллард. — При подготовке к уничтожению флота конклава разведка Специальных сил смоделировала последствия этой акции. И такой результат оказывался наиболее вероятным при всех расчетных вариантах.

— Но почему же вас не послушали? — спросил я.

— Потому что штаб ССК представил правительству Союза колоний именно те модели, которые оно желало видеть, — объяснил Сциллард. — И еще потому, что, если брать по большому счету, Союз колоний куда больше доверяет разуму настоящих людей, чем франкенштейновских монстров, которых эти самые настоящие люди создают для того, чтобы они делали для них грязную работу.

— Наподобие уничтожения флота конклава, — вставил я, вспомнив лейтенанта Стросса.

— Да.

— Раз вы предвидели такой результат, то должны были отказаться выполнять этот план. Вы не должны были позволить вашим солдатам уничтожить флот.

Сциллард покачал головой:

— Все не так просто. Если бы отказался, меня тут же сместили бы с должности и назначили бы другого командующего Специальными силами. Видите ли, Перри, в Специальных силах не меньше интриг и борьбы амбиций, чем во всех остальных сферах человеческого бытия. Я могу назвать троих подчиненных мне генералов, каждый из которых с готовностью будет исполнять самые дурацкие приказы, если ему пообещают повышение на мое место.

— Но, как бы там ни было, дурацкий приказ выполнили вы.

— Да, выполнил. Но сделал это на своих условиях. Одним из которых было назначение вас и Саган руководителями колонии на Роаноке.

— Значит, это вы послали нас туда?! — удивился я. — Вот это новость!

— Если честно, я хотел послать туда Саган, — признался Сциллард. — Вы были лишь довеском к ней. Я решил, что вы вряд ли испортите дело.

— Приятно узнать, что тебя высоко ценят, — усмехнулся я.

— Благодаря вам оказалось гораздо легче ввести в операцию Саган, — продолжал Сциллард. — К тому же я знал, что вы давно известны генералу Райбики. В общем, вы пришлись кстати. Но на самом деле главной фигурой были не вы и не Саган. Решающее значение здесь имеет личность вашей дочери, администратор Перри. Именно из-за нее я и добился назначения вас обоих руководителями колонии на Роаноке.

Я попытался сам разрешить новую загадку.

— Неужели все дело в обинянах? — спросил я.

— В них самых, — кивнул Сциллард. — Обиняне считают ее чем-то вроде воплощения бога, так как поклоняются ее родному отцу, подарившему им сомнительное благо эмоционального восприятия.

— Боюсь, что не очень-то понимаю, какое отношение могут иметь обиняне ко всей этой истории, — сказал я.

Это была ложь. Я точно знал ответ на свой вопрос, но хотел услышать его от Сцилларда.

И он не обманул моих ожиданий.

— Дело в том, что без них Роанок обречен. Роанок уже сыграл свою роль приманки для флота

конклава. Теперь нападению подвергся весь Союз колоний, и СК должен решить, как лучше всего распределить свои оборонительные ресурсы.

— Мы уже знаем, что Роанок не может рассчитывать на весомую поддержку, — сказал я. — И мне, и моим помощникам уже осточертело слушать об этом.

— О нет, — отозвался Сциллард. — Дела еще хуже.

— Да куда же хуже-то? — удивился я.

— А вот куда, — серьезно сказал Сциллард. — Роанок будет куда ценнее для Союза колоний, если погибнет, чем уцелеет. Вы должны это понять, Перри. Союз колоний собирается биться не на жизнь, а на смерть с очень значительной частью известных нам рас. Отработанная за много лет система комплектования вооруженных сил престарелыми землянами в таких условиях окажется неудовлетворительной. Нужно будет набирать войска на планетах Союза колоний и делать это быстро. И вот тут-то и нужен Роанок. Живой Роанок — всего лишь одна маленькая колония. Погибший — взывающий к отмщению символ для каждого из десяти миров, отправивших туда своих людей, да и для всех остальных миров Союза колоний. Если Роанок погибнет,

граждане Союза колоний потребуют пустить их на войну, чтобы они могли отомстить за поруганный символ. И СК даст им такое разрешение.

— И вы наверняка это знаете? — спросил я. — Это обсуждалось?

— Конечно нет. И об этом никогда не будут говорить вслух. Но произойдет именно так. Союз колоний знает, что Роанок превратился в символ и для рас конклава, как место их первого поражения. За которое обязательно будут мстить. Союз колоний знает также, что, если он не станет защищать Роанок, эта месть осуществится очень скоро. И чем раньше, тем выгоднее гибель Роанока окажется для СК.

— Ничего не понимаю, — сказал я. — Вы говорите, что для войны с конклавом Союзу колоний требуется, чтобы граждане пошли в солдаты. А чтобы мотивировать их, Роанок должен быть разрушен. Но вы только что сказали мне, что выбрали Джейн и меня руководить Роаноком, потому что обиняне почитают мою дочь и, возможно, воспрепятствуют разрушению колонии.

— И это тоже не так просто, — ответил Сциллард. — Обиняне приложат все силы, чтобы не допустить гибели вашей дочери, это так. Они смогут или не смогут защитить вашу колонию. Но

они помогли вам иным путем: дали вам знания.

— Что-то, генерал, я совсем перестал успевать за ходом вашей мысли.

— Хватит прикидываться дураком, Перри. Или делать из меня дурака. Это, в конце концов, оскорбительно. Я знаю, что вам известно о генерале Гау и конклаве куда больше, чем вы показали сегодня на этой пародии допроса. Я знаю это точно, потому что именно Специальные силы подготовили для вас досье на генерала Гау и конклав, то самое, где якобы по небрежности оставили огромное количество метаданных, которые было очень нетрудно найти. Я также знаю, что обиняне, телохранители вашей дочери, знали о конклаве несколько больше, чем мы могли сообщить вам в этом досье. Ведь именно оттуда вы узнали, что слову генерала Гау можно верить. И именно поэтому вы пытались убедить его не вызывать корабли. Вы знали, что флот ждет уничтожение, а это неизбежно скомпрометирует Гау.

— Вы не могли знать, что я стану искать эти метаданные, — возразил я. — И потому сильно рисковали, положившись на мое любопытство.

— Не так уж сильно. И не забывайте, что вы были, в общем-то, случайной фигурой в нашем процессе выбора. Я оставил эту информацию для

того, чтобы ее нашла Саган. Она много лет была офицером разведки. И обязательно, как само собой разумеющееся, проверила бы файлы на метаданные. Но и в том, что на информацию первым наткнулись вы, нет ничего удивительного. Она была оставлена так, чтобы ее нашли. Я терпеть не могу доверять ход событий воле случая.

— Но в настоящее время мне от всей этой информации нет никакого толку. Роанок взят на мушку, и никакие знания не позволят мне увести его из-под прицела. Вы же сами участвовали в моем допросе. Мне еще повезет, если они позволят сообщить Джейн, в какой тюрьме я буду гнить.

Сциллард небрежно махнул рукой.

— Расследование установило, что вы действовали ответственно и в пределах вашей компетенции. Вы имеете право вернуться на Роанок, как только мы закончим нашу беседу.

— Что-то с трудом верится, — усомнился я. — Может быть, вы были не на том расследовании? И допрашивали не меня, а кого-нибудь другого?

— Вы правы. И Батчер, и Беркли глубоко уверены в вашей полной некомпетентности, — сказал Сциллард. — И сначала выступили за то, чтобы предать вас Суду колониальных дел, где вам за пять минут вынесли бы приговор. Однако я сумел

убедить их изменить мнение.

— Как же вам это удалось? — полюбопытствовал я.

— Вы, конечно же, знаете, что часто бывает невыгодно иметь в биографии что-то такое, о чем не стоило бы, по вашему мнению, знать посторонним.

— Вы их шантажировали?

— Я довольно прозрачно намекнул им, что ни один поступок не остается без последствий, — сказал Сциллард. — И по зрелом размышлении они предпочли те последствия, которые наступят, если вам разрешат вернуться на Роанок, тем, которые могли бы возникнуть, если бы вы остались здесь. В конечном счете это было им совершенно безразлично. Они думают, что на Роаноке вас ждет неминуемая гибель.

— По-моему, они не так уж не правы.

— Да, вы вполне можете умереть, — продолжал Сциллард. — Но, как я уже сказал, у вас есть некоторые преимущества. Одно — ваши отношения с обинянами. Другое — ваша жена. Умело используя оба эти преимущества, вы могли бы сохранить жизнь и Роаноку, и себе.

— Но мы вновь уперлись в проблему, — сказал я. — Из ваших рассуждений следует, что Союзу

колоний требуется гибель Роанока. Помогая мне спасти планету, вы действуете против политики СК, генерал. Вы же просто изменник.

— Это моя проблема, а не ваша. И я не боюсь того, что меня могут обвинить в предательстве. Я боюсь того, что случится, если Роанок падет.

— Если Роанок падет, Союз колоний получит своих солдат, — сказал я.

— А потом вступит в войну против большинства рас, населяющих эту область космоса. Которую неизбежно проиграет. И человечество будет истреблено. Полностью, начиная с Роанока. Перри, даже Земля погибнет. Миллиарды людей, обитающих там, будут уничтожены и даже не будут иметь понятия, почему они умирают. Никто не спасется. Человечество находится на грани поголовного истребления. И это истребление мы спровоцируем своими руками. Если только вы не сможете предотвратить его. Если вы не спасете Роанок.

— Сомневаюсь, что мне удастся это сделать. Перед тем как я вылетел сюда, Роанок подвергся нападению. Было выпущено всего пять ракет, но, чтобы не погибнуть, нам пришлось пустить в ход все, чем мы располагали. Не знаю, каким образом мы сможем помешать множеству рас конклава

стереть нас в порошок, если такое придет им в головы.

— Вы должны найти способ.

— Вы — генерал. Искать способы — ваше дело.

— Я этим и занимаюсь. И поэтому перекладываю ответственность на вас. Я не могу сделать ничего большего, не лишившись своего положения в иерархии Союза колоний. А если это случится, я буду совершенно бессилен. Я делал все, что мог, с тех пор, как был разработан этот безумный план нападения на конклав. Пока можно было, я использовал вас втемную, но дальше так действовать невозможно. Теперь вы знаете, что к чему. И перед вами, Перри, стоит задача — спасти человечество.

— А вам не кажется, что это чересчур? — осведомился я.

— Вы спасали человечество много лет, — ответил Сциллард. — Или вы забыли формулировку задачи Сил самообороны колоний? «Отвоевать для человечества место среди звезд». Этим вы занимались тогда. И должны сделать теперь.

— Тогда я был всего лишь одним из множества солдат ССК, — возразил я. — Сейчас ответственность оказывается несколько тяжелее.

— В таком случае позвольте мне вам помочь, —

предложил Сциллард. — Вероятно, в последний раз. Моя разведка сообщила, что генерала Гау собираются убить. Кто-то из его приближенных советников. Кто-то, кому он доверяет, и даже больше того — кого он любит. Вероятно, убийство будет совершено в течение месяца. Другой информацией мы не располагаем. У нас нет возможности связаться с генералом Гау, чтобы предупредить его о готовящемся покушении, но даже если бы такая возможность была, мы не смогли бы передать наши сведения ему лично. Кроме того, крайне маловероятно, что он поверит нашей информации. Если Гау погибнет, весь конклав вновь объединится вокруг Нерброса Эзера, который стремится уничтожить Союз колоний. Если Эзер придет к власти, все кончено. Союз колоний будет разгромлен. Человечество погибнет.

— И что, по-вашему, я должен сделать с этой информацией?

— Найдите способ использовать ее. Сделайте это как можно быстрее. И будьте готовы ко всему, что может произойти после этого. И одна просьба к вам, Перри. Передайте Саган, что, хотя я и не прошу у нее прощения за то, что без ее согласия увеличил ее способности, мне очень жаль, что такая потребность возникла. Скажите ей также,

что я подозреваю: она пока еще не разобралась со всеми своими способностями. Скажите, что ее МозгоДруг обладает полным набором командных функций. И пожалуйста, передайте ей это слово в слово.

— Что же означает «полный набор командных функций»?

— Саган сама объяснит, если захочет, — ответил Сциллард.

Он наклонился к пульту управления и нажал кнопку. В иллюминаторах вновь появились планета и станция «Феникс».

— А теперь, — сказал Сциллард, — вам пора возвращаться на Роанок, администратор Перри. Вы и так отлучились слишком надолго, а у вас непочатый край дел. Которыми, я бы сказал, нужно было заняться еще вчера.

13

Колония Эверест была самой молодой человеческой колонией, если не считать Роанока. Ее основали как раз перед тем, как конклав выдвинул другим расам свой ультиматум с запретом колонизации. Оборона Эвереста, как и Роанока, была не слишком-то серьезной: пара спутников и шесть лучевых установок, по три на каждое из двух поселений, да еще один крейсер ССК на орбите. Когда Эверест подвергся нападению, вокруг планеты вращался «Де-Мойн». Хороший корабль с хорошей командой, но в одиночку он не смог противостоять шести аррисианским кораблям, выпустившим ракеты в «Де-Мойн» и спутники обороны. Крейсер раскололся по всей длине и начал неторопливое поначалу падение на планету, а спутники превратились в кучи орбитального мусора.

После уничтожения оборонительной системы планеты аррисианские корабли некоторое время тщательно выжигали поселения Эвереста с орбиты и в конце концов высадили войска для поиска и истребления колонистов, которым удалось

спастись из горящих поселков. В результате все 5800 эверестских колонистов погибли. Аррисы не высадили им на смену своих колонистов или гарнизон, даже не объявили планету своим владением. Они лишь уничтожили всех людей.

Эри никак нельзя было сравнить с Эверестом — это был один из старейших и наиболее многолюдных человеческих миров, имевший планетарную защитную систему и большой постоянный гарнизон ССК. Все это заранее обрекало на неудачу любую попытку нападения, кроме разве что очень уж отчаянной и массированной. Но даже планетарные системы не в состоянии уследить за каждым ледяным или каменным метеором, летящим по случайной траектории. Несколько десятков таких на первый взгляд естественных мелких каменных небесных тел вошли в атмосферу Эри над городом Нью-Корк. Во время падения они раскалились от трения об атмосферу, и под воздействием обретенной тепловой энергии включились компактные химические лазеры, скрытые в камне.

Несколько лучей поразили крупнейшие предприятия Нью-Корка, выпускавшие оружие для ССК. Остальные наносили беспорядочные удары в разные стороны, поджигая дома, школы и

рынки. Погибли сотни человек. Израсходовав энергию, замаскированные лазеры без остатка сгорели в атмосфере, не оставив никаких улик, которые позволили бы определить, кто их послал и почему.

Все это произошло в то время, когда Трухильо, Беата, Кранджич и я возвращались на Роанок. Конечно, узнали мы об этом много позже. Мы вообще не знали о каждом отдельном нападении на миры Союза колоний, во-первых, потому, что новости нам не сообщали, а во-вторых, потому, что все наши мысли были сосредоточены на собственном выживании.

— Вы предложили нам поддержку со стороны народа обинян, — сказал я Хикори через несколько часов после того, как мы ступили на поверхность Роанока. — Мы хотели бы воспользоваться этим предложением.

— Имеются некоторые трудности, — ответил он.

Я взглянул на Джейн, а потом опять на Хикори.

— Куда же без них. Без трудностей было бы не смешно.

— Я ощущаю в ваших словах сарказм, — заметил Хикори.

С чувством юмора у обинян было очень плохо,

хотя иногда оно прорезалось. Но не на этот раз.

— Прошу прощения, Хикори, — вздохнул я. — У меня выдалась очень тяжелая неделя, а предстоящая будет ничуть не лучше. Пожалуйста, скажите мне, о каких, собственно, трудностях идет речь.

— После вашего отлета с Обинура прибыл беспилотный курьер, и мы наконец-то получили возможность напрямую связаться с нашим правительством. Нам сообщили, что, как только «Магеллан» исчез, Союз колоний официально потребовал от обинян не поддерживать никаких контактов с колонией Роанок. Ни открытых, ни тайных.

— Речь шла именно о Роаноке? — уточнила Джейн.

— Да.

— Почему? — Это был уже мой вопрос.

— Союз колоний не объяснил, — ответил Хикори. — Мы теперь предполагаем: ваши власти боялись, что попытка обинян установить местонахождение планеты может помешать осуществлению диверсии СК против флота конклава. Наше правительство согласилось не вмешиваться, но указало, что если Зои будет причинен хоть какой-нибудь вред, это вызовет у нас крайнее недовольство. Союз колоний, в свою

очередь, заверил наше правительство, что Зои находится практически в полной безопасности. Как и было на самом деле.

— Операция Союза колоний против флота конклава закончена, — сказал я.

— В соглашении не указано, когда вмешательство будет приемлемым, — без тени юмора сообщил Хикори. — Мы все еще связаны его условиями.

— Значит, вы не можете ничего сделать для нас, — подытожила Джейн.

— Нам поручено защищать Зои. И в последнем сообщении было ясно указано, что понятие «защита» распространяется только на нее.

— А если Зои прикажет вам защищать колонию? — спросил я.

— Зои может приказать нам с Дикори все, что пожелает. Но сомневаюсь, чтобы в этой ситуации хватило даже ее вмешательства.

Я встал из-за стола, подошел к окну и уставился в ночное небо.

— Обинянам известно, что Союз колоний находится в большой опасности?

— Известно, — подтвердил Хикори. — После гибели флота конклава было совершено много нападений на людские планеты.

— В таком случае вам должно быть известно и то, что Союзу колоний придется выбирать, какие колонии следует защищать, а какими пожертвовать. И что Роанок наверняка будет отнесен ко второй категории.

— Это мы знаем.

— И все же вы ничего не сделаете, чтобы помочь нам? — спросил я.

— Нет, пока Роанок остается частью Союза колоний.

Я открыл было рот, но Джейн перебила меня.

— Объясните, пожалуйста, — потребовала она.

— Новый, независимый статус Роанока потребовал бы от нас иного подхода, — сказал Хикори. — Если бы Роанок объявил себя независимым от Союза колоний, народ обинян счел бы себя обязанным предложить ему поддержку и помощь на временном основании, пока СК не вернет планету под свою юрисдикцию или согласится с изменившимся положением вещей.

— Но вы рискуете испортить отношения с Союзом колоний, — заметила Джейн.

— У Союза колоний сейчас очень много других, более важных проблем, — сказал Хикори. — Мы не считаем, что помощь независимому Роаноку повлечет за собой долговременные негативные

последствия.

— Значит, вы поможете нам? — полувопросительно уточнил я. — Вы только хотите, чтобы мы сначала провозгласили свою независимость от Союза колоний?

— Мы не даем никаких советов. Мы лишь обращаем ваше внимание на то, что, если вам придется отделиться от Союза, мы поможем вам защищаться.

Я повернулся к Джейн:

— Ну, что ты скажешь?

— Сомневаюсь, что жители этой колонии готовы позволить нам провозгласить независимость, — сказала Джейн.

— Даже если перед ними стоит выбор: независимость или смерть?

— Некоторые, вероятно, предпочтут смерть предательству, — заявила Джейн. — Или разрыву с остальным человечеством.

— Давай спросим их самих, — предложил я.

Нападение на колонию Уобаш не отличалось особой масштабностью — несколько ракет уничтожили административные здания и ряд приметных ориентиров, после чего на планету был высажен не слишком внушительный воинский отряд. Но в этом случае целью был не Уобаш,

а три крейсера ССК, пришедшие для обороны колонии. В известии о нападении, доставленном ССК беспилотным курьером, сообщалось об участии в нем одного бхавского крейсера и трех малых канонерок, с которыми три корабля могли справиться без особого труда. Но в депеше не могло быть сказано, что почти сразу же после скачка курьера в пространстве Уобаша появилось еще шесть бхавских крейсеров, затаившихся в засаде. Они разрушили спутник, запускавший скачковые курьеры.

Крейсеры ССК прибыли в пространство Уобаша, соблюдая все меры предосторожности — к тому времени уже было ясно, что Союз колоний подвергся тотальной агрессии, а командиры кораблей ССК не отличались ни опрометчивостью, ни глупостью. Но обстоятельства сложились не в их пользу с самого начала. Крейсеры ССК «Августа», «Саванна» и «Портленд» уничтожили три бхавских корабля и все малые канонерки, но при этом погибли сами, рассеяв металл, воздух и свои экипажи в пространстве планеты. Оборонительный потенциал Союза колоний уменьшился на три крейсера. Стало понятно, что разбираться с каждым подобным инцидентом придется многочисленной эскадре, которой не будет угрожать

опасность встретиться с превосходящими силами противника. Количество колоний, защищаемых ССК, становилось все меньше. Приоритеты, уже сместившиеся однажды под влиянием новых реалий войны, сместились снова, и опять не в пользу СК и, конечно же, Роанока.

— Вы с ума спятили! — заявила Мария Черная. — На нас напал этот треклятый конклав, он грозится стереть нас с лица земли, а вы говорите, что выход в том, чтобы отказаться от помощи человеческой расы! Нет, это форменное безумие!

Украдкой оглядев сидевших за столом членов совета, я понял, что мы с Джейн остались вдвоем. Точь-в-точь как она и предполагала. Даже Манфред Трухильо, знавший ситуацию намного лучше всех остальных, был обескуражен нашим предложением объявить себя независимыми. Вновь образовалась сплоченная группа, настроенная против нас.

— Мы останемся не одни, — убеждал я. — Если мы станем независимыми, нам помогут обиняне.

— Тогда уж точно не о чем волноваться! — язвительно бросила Черная. — Иноземцы объединились, чтобы нас убить, но нам нечего бояться, потому что нас спасут другие иноземцы, которых

вы приручили. Может, и спасут — пока не решат, что лучше им скооперироваться с другими нелюдями.

— Вы не совсем верно оцениваете обинян, — вставил я.

— Но ведь их нисколько не интересует наша колония, — вступил Ли Чен. — Их тревожит лишь судьба вашей дочери. Если с ней, не дай бог, что-нибудь случится, где мы после этого окажемся? У обинян больше не будет причин помогать нам. И мы окажемся в полной изоляции от Союза колоний.

— Мы уже изолированы от Союза колоний, — возразил я. — Нападениям подвергаются все планеты союза. ССК уже вступили в бой. И Союз колоний уже выстроил приоритеты своей обороны. Мы в их число не попали. Мы свою роль уже сыграли.

— Но ведь это всего лишь ваши слова, — рассудительно заметил Чен. — Теперь, когда нам разрешили включить ЭЗК, мы вновь получаем новости. И в них не говорится ни слова ни о чем подобном.

— Его слова могу подтвердить я, — сказал Трухильо. — Скажу честно, я не готов прямо сейчас подписывать декларацию о независимости, но

Перри не лжет. Союз колоний определил для себя свои важные, не очень важные и совсем не важные объекты, и мы замыкаем список последней группы.

— Я не хочу сказать, что мы не верим вашим словам, — уточнил Чен. — Но сами подумайте: к чему вы нас призываете? Вы просите нас рискнуть всем — абсолютно всем! — положившись лишь на ваше слово.

— Допустим, мы решимся на это… И что тогда? — спросил Лол Гербер, заменивший в совете Хайрама Йодера. — Мы останемся в одиночестве. Если Союз колоний уцелеет, нам придется вымаливать у него прощение за мятеж. Если СК падет, то мы останемся одни из всей человеческой расы и сможем только уповать на милость иных существ. Неужели можно надеяться на то, что они станут долго защищать нас чуть ли не от всего космоса, стремящегося извести нас полностью? И разве можем мы с чистой совестью просить, чтобы обиняне ради нас поставили под угрозу свое собственное существование? Союз колоний — это человечество. К которому мы принадлежим, как бы там ни было.

— Это не все человечество, — сказал я. — Есть еще Земля.

— Которую Союз колоний задвинул в какой-то дальний угол, — пренебрежительно бросила Черная. — От нее нам точно не будет никакой помощи.

Я вздохнул:

— Мне ясно, к чему идет. Я сам попросил совет проголосовать по моему предложению, и мы с Джейн подчинимся вашему решению. Но я прошу вас хорошо подумать. Не позволяйте своему предубеждению против обинян, — я взглянул на Марию Черную, — или чувству патриотизма заставить вас забыть о том, что сейчас идет война, мы находимся на самой передней линии и не имеем ровно никакой надежды на поддержку из дома. Мы брошены на произвол судьбы. И только нам решать, что предпринять, чтобы уцелеть, потому что никто другой за нас этого не сделает.

— Перри, вы никогда еще не были таким мрачным, — заметила Марта Пиро.

— Наверное, никогда еще дела не были настолько погаными, — ответил я. — Ну ладно. Давайте голосовать.

Я проголосовал за независимость. Джейн воздержалась — по давней традиции мы располагали только одним голосом на двоих. Все остальные члены совета проголосовали за то,

чтобы остаться в Союзе колоний.

С формальной точки зрения во внимание следовало принять только мой голос. Опять же с формальной точки зрения, призывая к отделению от СК, я совершал государственную измену. Так что не исключено, что несогласные оказали мне благодеяние.

— Что ж, — подвел итог я, — мы остаемся колонией.

Почти все присутствующие заулыбались.

— И что нам теперь делать? — спросила Мария Черная.

— Я думаю, — ответил я. — Можете мне поверить, я думаю.

Планета Бонита вполне соответствовала своему названию, данному в честь красивой, стремительной и очень вкусной земной океанской рыбы. Она представляла собой прекрасное место с богатым животным и растительным миром, подходящим по своей генетической организации для потребления человеком. Бониту заселили пятнадцать лет назад, и эта довольно молодая колония уже вполне окрепла. На Бониту напали дтрутцы, раса, амбиции которой явно превышали ее мыслительные способности. Впрочем, в том столкновении Союз колоний одержал решитель-

ную победу: три крейсера ССК, базировавшиеся в районе Бониты, быстро разобрались с десантными силами дтрутцев. Часть кораблей нападавших уничтожили в самом начале боя, остальных же, сделавших безнадежную попытку уйти на дистанцию скачка и скрыться, наши крейсеры без труда догнали и расстреляли с короткой дистанции ракетами с наружных установок. Авантюра дтрутцев закончилась плачевно.

Эта агрессия получила известность не из-за успешных действий нашего флота и не из-за невероятной бездарности нападавших, а из-за своей неожиданности. Дтрутцы не входили в конклав; как и Союз колоний, они издавна предпочитали самостоятельность любым альянсам. Запрет на развитие колонизации был обращен против них так же, как и против СК.

И все же они напали на нас. По космосу все шире распространялись вести о том, что Союз колоний втянут в смертельную войну с членами конклава, а это означало возможность захватить кое-какие сравнительно мелкие человеческие колонии, пока ССК заняты в другом конце вселенной. Союзу колоний наносились раны, кровь широко растекалась в воде, и ее вкус привлекал из глубин мелкую рыбешку.

— Мы пришли за вашей дочерью, — сообщил мне Хикори.

— Прошу прощения…

Несмотря на всю напряженность момента, я не мог сдержать ухмылку.

— Наше правительство решило, что нападение на Роанок и его гибель неизбежны, — пояснил Хикори.

— Вот те раз.

— Мы с Дикори оба сожалеем о таком развитии событий. — Хикори слегка подался вперед для большей убедительности. — И что мы не можем помочь вам предотвратить беду.

— Что ж, спасибо, — сказал я, надеясь, что это прозвучало не слишком фальшиво.

Очевидно, мне удалось прикинуться искренним.

— Нам запрещено вмешиваться в ход событий или предлагать вам помощь, но мы решили, что убрать Зои из-под удара будет возможно, — продолжал Хикори. — Мы запросили для нее и для нас транспортное судно; оно уже вышло сюда. Мы решили сообщить об этих планах, потому что она — ваша дочь, а также потому, что мы добились разрешения вывезти вас и Джейн, если вы пожелаете.

— Получается, что мы втроем сможем ускользнуть из мясорубки?

Хикори кивнул.

— А как насчет всех остальных?

— У нас нет разрешения вывозить кого-нибудь другого, — ответил он.

— Но ведь отсутствие разрешения не означает, что вы не можете взять кого-то еще, верно? — спросил я. — Неужели вы откажете, если Зои захочет взять свою лучшую подругу Гретхен? И почему вам кажется, что Зои согласится уехать, если мы с Джейн останемся здесь?

— Вы собираетесь остаться? — уточнил Хикори.

— Конечно.

— Вы погибнете.

— Возможно, — согласился я, — хотя я сейчас занимаюсь поиском путей, которые позволили бы избежать этого. Но, как бы там ни было, наше место на Роаноке. Мы никуда не полетим отсюда, и я подозреваю, что вам будет непросто убедить Зои уехать без нас или без ее друзей.

— Она согласится уехать, если вы ей прикажете, — сказал Хикори.

Я улыбнулся, наклонился к ЭЗК и послал Зои сообщение с просьбой немедленно прийти ко

мне в кабинет.

Она вбежала через несколько минут.

— Хикори и Дикори хотят, чтобы ты покинула Роанок, — сказал я.

— А ты и мама полетите? — спросила Зои.

— Нет, — ответил я.

— Тогда пусть они катятся ко всем чертям, — заявила Зои, взглянув в упор на Хикори.

Я развел руками и тоже повернулся к Хикори:

— Я же вам говорил.

— Вы не приказали ей улететь.

— Зои, ты должна улететь с Роанока, — твердо повторил я.

— Плевала я на тебя, девяностолетний папаша, — сказала Зои с улыбкой, но в то же время совершенно серьезно, и добавила, повернувшись к обинянам: — И на вас обоих я тоже плевала. И, раз уж дело дошло до этого, плевала я на то, кем вы меня считаете и что обо мне думаете. Если хотите защищать меня, защищайте людей, которые мне дороги. Защищайте эту колонию.

— Мы не можем, — ответил Хикори. — Нам это запретили.

— В таком случае у вас возникла проблема.

Зои больше не улыбалась, ее глаза метали молнии.

— Потому что я никуда не улетаю. И вы никогда, никогда меня не уговорите!

Она вылетела как ураган, громко хлопнув дверью.

— Ну, видите, все прошло точно так, как я и ожидал, — констатировал я.

— Вы не приложили всех сил для того, чтобы убедить ее, — заметил Хикори.

Я, прищурившись, взглянул на него снизу вверх:

— Вы считаете меня неискренним?

— Да.

Выражение его лица было еще более непроницаемо, чем обычно, но я не сомневался, что это далось ему с очень большим трудом; наверняка он испытывал сейчас такое эмоциональное напряжение, что довольно скоро ему пришлось бы выключить имплантат. Это было заметно и по все более усложнявшемуся построению фраз.

— Вы правы, — согласился я. — Я говорил неискренне.

— Но почему? — спросил Хикори, и я поразился, уловив в его голосе жалобные нотки. — Вы же погубили своего ребенка, ребенка Чарльза Бутэна.

— Она пока еще жива. Как и мы с вами. И вся эта колония.

— Вы знаете, что мы не можем допустить, чтобы Зои был причинен вред, — нарушил свое постоянное молчание Дикори.

Я тут же вспомнил, что в этой паре он был высшим по положению.

— Вы намерены вернуться к прежнему плану — убить меня и Джейн, чтобы защитить Зои?

— Надеюсь, что удастся обойтись без этого, — ответил Дикори.

— Какой поразительно двусмысленный ответ.

— Он не двусмысленный, — сказал Хикори. — Вы же знаете, в каком положении мы находимся. И наши обязанности.

— А я попросил бы вас вспомнить о моем положении, моих обязанностях и точке зрения. Я уже говорил вам, что при любых обстоятельствах вы должны защищать Зои. И эта моя точка зрения не изменилась.

— Но вы существенно затруднили исполнение наших обязанностей, — посетовал Хикори. — Думаю, что вы лишили нас возможности их выполнить.

— А я так не думаю. Позволю себе сделать вам обоим предложение. Скоро прибудет ваш корабль. Я могу пообещать, что Зои отправится на нем вместе с вами. Но вы, в свою очередь, должны

пообещать мне, что доставите ее в место, которое я вам укажу.

— Какое место? — спросил Хикори.

— Пока что я вам этого не скажу.

— Это помешает нам дать согласие, — сказал Хикори.

— Вы, конечно, вправе так сказать. Но я гарантирую вам, что в том месте, куда вы ее доставите, она будет в куда большей безопасности, чем здесь. И сейчас. Соглашайтесь, и я сделаю так, что она улетит с вами. Если же вы не согласитесь, то вам придется найти способ, как защитить ее здесь от почти неизбежной смерти, или же убить меня и Джейн, а потом попытаться увезти ее силой. Выбирайте.

Хикори и Дикори склонились друг к другу и несколько минут переговаривались. Я еще ни разу не видел, чтобы они совещались так долго.

— Мы принимаем ваше условие, — сказал наконец Хикори.

— Вот и прекрасно. Теперь мне остается всего ничего — уговорить Зои уехать. И, конечно, уломать Джейн.

— Теперь вы скажете нам, куда мы должны будем доставить Зои? — спросил Хикори.

— Передать сообщение, — ответил я.

Машинное отделение «Кристины Мари» взорвалось, когда она только-только успела пристыковаться к станции «Хартум». Добрая четверть транспортного судна превратилась в пар, а оставшуюся часть громадного корпуса прямиком вбило в станцию. Корпус станции перегнулся и лопнул, сила взрыва и вырвавшийся воздух разбросали людей во все стороны. Герметичные переборки в зоне, прилегающей к месту аварии, как положено, встали на место, но их тут же сорвало с креплений тушей «Кристины Мари», продолжавшей по инерции наваливаться на станцию. Экипаж транспортника рассеялся в безвоздушном пространстве. Когда остов судна наконец-то оторвался от станции и можно было подсчитать потери, оказалось, что погибли 566 человек на станции, а из многолюдного экипажа «Кристины Мари» уцелели лишь шестеро, из которых двое вскоре умерли от полученных ран.

Ущерб от взрыва «Кристины Мари» не ограничился уничтожением корабля и тяжелейшими повреждениями хартумской космической станции. Он произошел как раз во время уборки свинчаток — местных деликатесных фруктов, составлявших весомую долю экспорта Хартума. Свинчатки получили свое название потому, что

после созревания быстро портятся и годятся лишь на корм свиньям. Поэтому колония на всем протяжении своего существования вкладывала массу сил и средств в организацию быстрой уборки и отправки урожая через хартумскую станцию. Помимо «Кристины Мари» в пространстве Хартума ждали погрузки драгоценных фруктов еще сотни торговых судов Союза колоний.

После катастрофы на хартумской станции отработанная система отгрузки свинчаток оказалась полностью разрушенной. Корабли послали на планету свои шаттлы и попытались вывезти на них хоть часть запланированного груза, что привело к страшной неразберихе на планете, поскольку сразу полетели к чертям все планы и графики. Следовало распаковать громадные транспортные контейнеры с фруктами и перегрузить их в не слишком вместительные шаттлы. Для такой работы остро не хватало грузчиков. В результате едва ли не весь урожай свинчаток сгнил на складах, отчего экономика Хартума получила тяжелый удар, который должен был сказаться в будущем и на ходе работ по восстановлению станции, и на возможности поддерживать обороноспособность на уровне, позволяющем отразить прямую агрессию.

До швартовки на хартумской станции «Кристина Мари» сообщила свои позывные и передала туда свою грузовую декларацию и описание последнего маршрута — это было обязательной частью стандартной проверки безопасности. Из сохранившейся документации выяснилось, что недавно «Кристина Мари» посетила Квии, планету расы кви, одного из немногочисленных союзников СК, где пришвартовывалась по соседству с кораблем, ходившим под флагом Йлана, члена конклава. После этого «Кристина Мари» посетила еще два порта. Хартум был третьим. Исследование остатков погибшего корабля однозначно показало, что катастрофа произошла в результате преднамеренной диверсии, а не случайной неисправности в машинном отделении.

Феникс издал приказ, согласно которому ни один корабль, посетивший на протяжении года нечеловеческий мир, не должен был приближаться к космическим станциям без полного осмотра. И сотни торговых судов повисли в пространстве с раскрытыми грузовыми портами, а их экипажи подверглись карантину в изна-

чальном, венецианском смысле этого слова[9]. Им пришлось ждать положенный срок, на протяжении которого выяснялось, останутся они живыми и здоровыми или же у них обнаружится какая-нибудь смертоносная инопланетная чума.

«Кристину Мари» заминировали с расчетом на то, что она отправится туда, где ее подрыв не только приведет к гибели команды, но и нанесет тяжкий удар по экономике Союза колоний. План сработал блестяще.

Известие о том, что я отправил Зои, чтобы предупредить генерала Гау об опасности, совет Роанока, естественно, принял в штыки.

— Нам придется обсудить новую проблему — вашу измену, — сказал Манфред Трухильо.

— С изменой у меня нет проблемы, — ответил я. — Я в любой момент могу остановиться.

Однако, окинув взглядом членов совета, я понял, что на сей раз моя попытка сострить не сработала.

— Черт вас возьми, Перри! — воскликнул Ли

---

[9] Notes: 9

Карантин (*um.* quarantena, от quaranta giorni — сорок дней) — система мероприятий, проводимых для предупреждения распространения инфекционных заболеваний. Впервые был введен в Италии в XIV в. в виде сорокадневной (отсюда и название) задержки на рейде судов, прибывающих из мест, где наблюдались вспышки чумы.

Чен (таким рассерженным я еще никогда его не видел). — Конклав хочет уничтожить нас всех, а вы обмениваетесь записочками с его руководителем!

— И используете для этого свою дочь, — добавила Мария Черная, не скрывая отвращения. — Вы послали своего единственного ребенка к нашему врагу.

Я взглянул на сидевших за столом Джейн и Савитри; они обе кивнули мне. Мы предвидели именно такой ход событий и заранее обсудили нашу линию поведения.

— Нет, я сделал вовсе не то, в чем вы меня обвиняете, — начал объяснять я. — Да, у нас есть враги, и их много, но генерал Гау к их числу не относится.

И я рассказал им о беседе с командующим Специальными силами генералом Сциллардом и о том, что именно он предупредил меня о готовящемся покушении на Гау и попросил изыскать средства предупредить генерала об этом.

— Гау пообещал нам, что не станет нападать на Роанок, — добавил я. — Если он погибнет, то не останется никого, кто стоял бы между нами и теми, кто стремится уничтожить нас.

— Так между нами и ими и сейчас никого

нет, — возразил Ли Чен. — Или вы забыли о ракетной атаке, случившейся всего несколько недель назад?

— Я о ней, естественно, не забыл. И подозреваю, что дело обернулось бы намного хуже, если бы Гау не сохранил за собой хоть остатки власти над конклавом. Если он заблаговременно узнает о готовящемся покушении, то сможет использовать эти сведения для того, чтобы вернуть себе управление конклавом. И тогда мы окажемся в безопасности. Или, по крайней мере, нам будет грозить не столь сильная опасность. Я решил, что ради этого стоило рискнуть и предупредить его.

— Вы даже не поставили такой важный вопрос на голосование, — возмутилась Марта Пиро.

— Да, не поставил, — согласился я. — Но ведь я все еще руководитель колонии. Мы с Джейн решили, что это будет самым лучшим из всего, что мы можем предпринять. А вы наверняка не согласились бы с нами.

— Но это же прямая измена, — повторил Трухильо. — И на этот раз, Джон, самая настоящая. Это совсем не то, что смиренно просить генерала не вызывать сюда свой флот. Вы вмешиваетесь во внутреннюю политику конклава. Союз колоний ни в коем случае не позволил бы вам этого, тем

более после того, как ваши поступки уже стали предметом правительственного расследования.

— Я готов ответить за свои действия.

— Возможно, но, к сожалению, отвечать за них придется нам всем вместе, — заявила Мария Черная. — Надеюсь, вы не думаете, что Союз колоний поверит, будто вы творили все это в одиночку.

Я посмотрел ей в глаза:

— Мария, позвольте из чистого любопытства спросить вас, что, по-вашему, СК может предпринять? Прислать сюда отряд ССК, чтобы арестовать меня и Джейн? Лично я думаю, что это было бы просто прекрасно. По крайней мере, здесь появился бы военный гарнизон на случай атаки. Другой вариант — они повесят нас сушиться на солнышке. Но, видите ли, в чем дело: нас, можно сказать, уже повесили. Всех.

Я обвел взглядом сидевших за столом.

— Мне кажется, я должен напомнить вам один существенный факт, о котором вы снова и снова забываете: мы целиком, полностью и абсолютно брошены на произвол судьбы. Для Союза колоний мы вновь станем полезными лишь после того, как нас уничтожат, — тогда мы превратимся в знамя, вокруг которого колонии сплотятся, чтобы поддержать войну собственными деньгами

и людьми. Я не возражаю против того, чтобы играть роль знамени для членов Союза колоний, но совершенно не хочу умирать за привилегии властей. И не желаю, чтобы ради их привилегий умирали вы.

Трухильо взглянул на Джейн.

— Вы согласны с тем, что сказал Джон?

— Джон получил информацию от моего бывшего командира, — ответила Джейн. — У меня есть с ним разногласия личного порядка, но я не имею ни малейших сомнений в достоверности его информации.

— Но он преследует при этом какие-то цели? — спросил Трухильо.

— Конечно, преследует, — сказала Джейн. — Он хочет сделать так, чтобы все прочие разумные расы, населяющие вселенную, не растоптали нас, как мы топчем тараканов. Мне кажется, он выразил это достаточно ясно.

Трухильо несколько секунд молчал.

— Я имею в виду: есть ли у него какие-нибудь тайные цели?

— В этом я сомневаюсь. В Специальных силах довольно прямодушный народ. Мы можем при необходимости схитрить, но в серьезных делах предпочитаем идти напрямую.

— Это кое-что значит, — вставил я. — А вот правительство Союза колоний все время только и делало, что обманывало нас.

— У него не было другого выбора, — вступился Ли Чен.

— Только мне не говорите такого, ладно? — попросил я. — Мы слишком глубоко увязли в этой истории, чтобы вновь клюнуть на ту же наживку. Да, СК затеял крупную игру с конклавом и не счел нужным сообщить нам, что выложил нас в качестве приманки для врагов. Но теперь СК ведет новую игру, и от нас зависит, уцелеем мы или же нас смахнут с доски.

— Но мы же не знаем этого наверняка, — попыталась возразить Марта Пиро.

— Мы знаем, что нам нечем защищаться, — сказал Трухильо. — Знаем и наше место на шахматной доске, и чего следует ожидать. Чем бы Джон ни руководствовался, но он прав. Мы опять поставлены под удар.

— А мне все-таки хочется понять, как вы можете жить после того, как отправили свою дочь на переговоры с этим самым генералом Гау? — вновь вылезла Мария Черная.

— Для этого были веские причины, — лаконично ответила Джейн.

— Не вижу какие, — продолжала наступление Черная.

— Зои путешествует с обинянами, — пояснила Джейн. — У них нет прямого конфликта с конклавом. Генерал Гау пропустит корабль обинян, а судно СК не пропустил бы ни за что.

— Даже если мы могли бы каким-то образом воспользоваться судном СК, а такой возможности у нас нет, — добавил я.

— Ни Джон, ни я не можем оставить колонию. Наше отсутствие сразу заметите вы, а на следующий день о нем будет знать Союз колоний, — продолжала Джейн. — С другой стороны, у Зои особые отношения с обинянами. Ее отъезд с планеты по их настоянию не может быть воспринят СК как что-то из ряда вон выходящее.

— У нее как парламентера есть и еще одно преимущество, — сказал я.

Все сразу повернулись ко мне.

— Даже если бы мне или Джейн удалось улететь с планеты и добраться до Гау, у него были бы основания счесть наши сведения за сознательную дезинформацию. Ему уже приходилось встречаться с самопожертвованием лидеров колоний. Но, послав Зои, мы даем Гау больше чем информацию.

— Вы даете ему заложника, — закончил за меня Трухильо.

— Да, — подтвердил я.

— Вы ведете опасную игру, — покачал головой Трухильо.

— Это не игра, — ответил я. — Нам необходима уверенность, что нас услышали. И весь наш риск глубоко и тщательно просчитан. Обиняне неотлучно находятся при Зои, и я не думаю, что они будут безучастно стоять, если Гау решит выкинуть какую-нибудь глупость.

— Но тем не менее вы рискуете ее жизнью, — заявила Черная. — Вы отправили ее на опаснейшее дело, а ведь она еще ребенок.

— Если бы она осталась здесь, ее ждала бы неминуемая гибель вместе со всеми нами, — сказала Джейн. — Эта поездка спасет ее и даст нам всем шанс выжить. Мы поступили правильно.

Мария открыла было рот, чтобы ответить, но Джейн перебила ее:

— Вам стоит очень хорошо подумать, прежде чем продолжать рассуждать о моей дочери.

Черная захлопнула рот, да так, что стук зубов был слышен во всей комнате.

— Вы приняли решение без нас, — сказал Лол Гербер. — А теперь рассказываете нам о нем. Я

хотел бы понять, чем вы руководствуетесь.

— Мы отправили Зои, потому что сочли, что это необходимо, — объяснил я. — Это было наше собственное решение. Но Мария права: с последствиями наших поступков придется столкнуться и вам. Мы обязаны были рассказать о том, что и как мы делаем. Глядя на Марию, я понимаю, что некоторые из вас больше не верят нам. А сейчас вам необходимы руководители, пользующиеся вашим полным доверием. Мы рассказали, что мы сделали и почему. Одно из последствий наших поступков — то, что вы должны проголосовать и решить, хотите ли вы, чтобы мы и дальше возглавляли колонию.

— Союз колоний не утвердит нового начальника, — удивилась Марта Пиро.

— Я думаю, это зависит от того, под каким соусом преподнести смену руководства, — ответил я. — Если вы скажете, что сместили нас, потому что мы установили подозрительные связи с врагом, думаю, власти одобрят такой поступок.

— Получается, что вы предлагаете нам решить, выдавать вас Союзу колоний или нет? — изумленно произнес Трухильо.

— Мы предлагаем вам поступить так, как вы сочтете необходимым, — вздохнул я. — Так же

как поступили мы.

Я встал. Одновременно со мною поднялась и Джейн. Мы вышли из домика администрации, который привыкли считать своим, под чистое небо, откуда ярко светило солнце Роанока.

— Как ты думаешь, долго нам ждать? — спросил я Джейн.

— Недолго. Мария Черная постарается.

— Спасибо, что ты не убила ее. В таком случае ни о каком доверии просто не могло бы быть речи.

— Я и впрямь хотела ее убить, но не потому, что она не права. Она права. Мы рискуем жизнью Зои. А она действительно еще ребенок.

Я шагнул к жене.

— Она почти твоя ровесница, — напомнил я, протянув ей руку.

Джейн отступила на шаг.

— Это не одно и то же, и ты сам прекрасно это знаешь.

— Да, не одно и то же, — согласился я. — Но Зои уже достаточно взрослая, чтобы понимать, что она делает. Ей уже приходилось терять любимых людей, точно так же, как тебе. И мне. И она знает, что ей грозят новые потери, большие и тяжелые. Мы предложили ей выбор. И она решила отпра-

виться к Гау.

— Мы предложили ей фальшивый выбор: рискнуть собственной жизнью или жизнями всех, кого она знает, включая и нас. Ты же не будешь утверждать, что это было честное предложение.

— Не буду. Но это было единственное предложение, которое мы могли и должны были сделать.

— Ненавижу эту треклятую вселенную, — проговорила Джейн, глядя в пространство остановившимся взглядом. — Ненавижу Союз колоний. Ненавижу конклав. Ненавижу эту колонию. Ненавижу все, все…

— А как насчет меня?

— Сейчас не лучшее время для этого вопроса, — ответила Джейн.

Мы сели рядом и принялись ждать.

Через полчаса из домика администрации вышла Савитри. Ее глаза были красными.

— Что ж, у меня есть и хорошие, и плохие новости, — сказала она. — Хорошая новость: о ваших контактах с генералом Гау сообщат в СК только через десять дней. За эту отсрочку вы должны благодарить Трухильо.

— Есть за что, — согласился я.

— Да, — подтвердила Савитри. — А плохая новость — вас сместили. Обоих. Единогласно. Я же

всего лишь секретарь. Я не имею права голоса. А жаль.

— И кто же теперь командиром? — спросила Джейн.

— Трухильо, естественно, — ответила Савитри. — Вы еще и дверь закрыть не успели, а этот гад уже начал командовать.

— На самом деле он не такой уж плохой, — заметил я.

— Я знаю. — Савитри вытерла глаза. — Мне просто хочется заставить вас почувствовать, как сильно мне будет не хватать вас.

Я улыбнулся:

— Очень приятно слышать.

С этими словами я обнял Савитри. Она тоже изо всех сил обхватила меня руками, прижалась ко мне и тут же отстранилась.

— Что же теперь будет? — спросила она.

— У нас еще десять дней, — ответил я. — Будем ждать.

На прибывшем судне знали оборонительные возможности Роанока, вернее, их слабости. Поэтому оно подошло к планете с противоположной стороны, так что единственный оборонительный спутник никак не мог его заметить. В атмосферу судно вошло очень аккуратно, чтобы избежать

разогрева и других демаскирующих проявлений снижения, и неторопливо направилось вдоль меридиана к месту нахождения колонии. Перед входом в поле зрения спутника обороны, который наверняка уловил бы тепловое излучение от двигателей, космический кораблик выключил их и продолжил спуск, планируя на широких, хотя и чрезвычайно тонких крыльях, поддерживаемых электрическим полем. И в конце концов совершенно беззвучно вышел к цели. То есть к нам.

Мы увидели его лишь в самые последние секунды спуска, когда он отбросил выполнившие свою роль крылья и вновь задействовал маневровые двигатели и поля. Внезапный всплеск температуры и энергии был уловлен спутником, который немедленно послал нам предупреждение. Увы, слишком поздно, поскольку в это время прибывший корабль уже совершал последний посадочный маневр. Спутник передал телеметрическую информацию на наши лучевые установки и включил на накачку собственный лазер, используя свои полностью заряженные батареи.

Джейн, продолжавшая возглавлять оборону колонии, дала спутнику команду отключить оружие. Прибывшее судно уже находилось на территории колонии, прямо у стен Хорватгра-

да: если бы спутник открыл огонь, то колония понесла бы серьезный ущерб. Одновременно Джейн отключила и наши лучевые установки: они изуродовали бы колонию так, как было бы не под силу такому маленькому кораблю, к тому же уже стоящему на земле.

А корабль тем временем приземлился. Я, Джейн и Трухильо вышли встретить его. Не успели мы преодолеть и полпути, как в борту открылся откидной люк. Оттуда выскочила пассажирка. Выскочила и, громко крича и размахивая руками, кинулась к Джейн, которая остановилась и приготовилась к встрече. Как оказалось, приготовилась плохо, потому что через несколько секунд она упала на землю вместе с крепко обнявшей ее Зои. Я подбежал, громко смеясь. Джейн протянула руку, схватила меня за лодыжку, и я повалился на них сверху. Трухильо благоразумно остался поодаль.

— Долго же ты каталась, — сказал я Зои, когда мне наконец-то удалось подняться. — Еще полтора дня, и нам с мамой пришлось бы отправиться на Феникс, чтобы нас там судили за измену.

— Понятия не имею, о чем ты говоришь, — ответила Зои. — Я просто очень рада видеть вас обоих.

И она повисла у меня на шее.

— Зои, — сказала Джейн. — Ты видела генерала Гау?

— Ха, видела! — воскликнула Зои. — Мы даже видели, как его приходили убивать.

— Вы… что? — в один голос проговорили мы с Джейн.

Зои картинно воздела руки к небесам.

— Жива и невредима. Как вы сами видите.

Я взглянул на Джейн:

— Боюсь, что я наделал в штаны.

— Все в порядке, — приободрила меня Зои. — На самом деле все было не так страшно.

— Знаешь, по-моему, даже такой малышке, как ты, всякие ужасы должны были уже поднадоесть, — сказал я.

Зои улыбнулась во весь рот. Я снова обнял ее и крепко-крепко прижал к себе.

— А что генерал? — спросила Джейн.

— Тоже целый. И не просто целый. Он страшно разозлился. Стал по одному вызывать всех своих к себе на ковер. И требовать, чтобы они приносили ему клятву верности.

— Ему? — удивился я. — Это на него не похоже. Он ведь сам сказал мне, что конклав — это не империя. Неужели он возомнил себя императором?

— Сам подумай: несколько его ближайших советников вдруг попытались его убить, — возразила Зои. — Я думаю, что немного личной верности ему не повредит.

— Не смею возражать, — ответил я.

— Но это еще не все, — тараторила Зои. — Именно поэтому я и возвратилась. Несколько планет все еще продолжают бунтовать против него. А командует ими всеми какой-то Эзер. Нерброс Эзер. Гау сказал мне, что это он устраивает все эти нападения на Союз колоний.

— Да, верно, — согласился я, вспомнив, что генерал Сциллард называл мне именно это имя.

— Генерал Гау велел мне передать тебе кое-что, — сказала Зои. — Он сказал, что Эзер хочет припереться сюда. Причем скоро. Эзер особенно хочет захватить Роанок, потому что генералу это не удалось. Генерал сказал, что захват Роанока даст ему новые рычаги. Что он докажет, что более достоин командовать конклавом.

— Ну конечно, — отозвался я. — Все кому не лень видят в Роаноке свою собственную проходную пешку. Почему бы и этому мерзавцу так не думать?

— Раз уж этот Эзер треплет Союз колоний во всех концах космоса, то разделаться с нами ему

не составит ни малейшего труда, — заметил Трухильо, все так же стоявший в нескольких шагах от нас.

— Генерал сказал, что, по имеющимся сведениям, Эзер не собирается расстреливать нас с орбиты, — сообщила Зои. — Он хочет высадиться и захватить Роанок с пехотой. Генерал сказал, что он возьмет ровно столько, сколько нужно, чтобы захватить колонию. Чтобы все выглядело совсем не так, как вел себя генерал со своим флотом. Дескать, так он всем все докажет. Генерал дал мне файлы, там есть и это, и еще много всего.

— Значит, десант будет не слишком многочисленным, — протянул я.

Зои кивнула.

— У нас в любом случае возникнут серьезные проблемы, — вставил Трухильо. — Разве что он пойдет воевать один или с парой-тройкой ближайших друзей.

Он кивком указал на нас с Джейн.

— Кроме вас двоих, у нас никто не имеет никакой военной подготовки. Даже со всеми нашими наземными оборонительными штучками мы недолго продержимся против настоящих солдат.

Джейн хотела было что-то ответить, но Зои перебила ее:

— Я подумала об этом.

Трухильо не без труда сдержал усмешку.

— Ты?

— Мистер Трухильо, — с величайшей серьезностью ответила Зои, — ваша дочь — моя лучшая на свете подруга. Я не хочу, чтобы она умерла. Я не хочу, чтобы вы умерли. Я могу вам помочь. Так что не надо смотреть на меня свысока.

Ее слова заставили Трухильо как-то подтянуться.

— Извини, Зои, — сказал он. — Я совершенно не хотел тебя обидеть. Просто никак не ожидал, что у тебя есть план.

— Я тоже, — сознался я.

— Помните, я когда-то давным-давно жаловалась, что какой прок от того, что тебе поклоняется целая разумная раса, если все равно приходится подметать полы и все такое прочее? — спросила Зои.

— Смутно, — признался я.

— Так вот, пока я моталась с вашим поручением, то решила выяснить, есть от этого какой-нибудь прок или действительно нет.

— Я все равно ничего не понимаю.

Зои взяла меня за руку, повернулась к Джейн и тоже подтянула ее к себе.

— Пойдемте. Хикори и Дикори остались на корабле. Я попросила их присмотреть за одной штучкой. Сейчас я вам ее покажу.

— Но что же это такое? — спросила Джейн.

— Сюрприз, — ответила Зои. — Но я думаю, что вам он понравится.

14

Джейн разбудила меня очень просто — столкнула с кровати.

— Черт возьми, что случилось? — спросил я, не слишком уверенно поднимаясь с пола.

— Спутник перестал подавать сигналы.

Неуловимым движением Джейн схватила стоявший на комоде мощный бинокль и выскочила за дверь. С меня мгновенно слетели остатки сна. Как был, в одном белье, я последовал за нею.

— Что ты видишь?

— Спутник исчез. А неподалеку от того места, где ему полагалось быть, появился корабль.

— Этот Эзер, похоже, ведет себя не слишком осторожно, — заметил я.

— Он считает, что осторожность для него не обязательна. Он же все равно собирался действовать в открытую.

— Как, по-твоему, мы готовы? — спросил я.

— Готовы, не готовы — какая разница, — сказала Джейн и, опустив бинокль, посмотрела на меня: — Все равно время пришло.

Чтобы соблюсти правила игры, мы после

возвращения Зои сообщили в Департамент колонизации, что нам грозит неизбежное нападение, от которого мы с нашими жалкими оборонительными ресурсами отбиться ни за что не сможем. И попросили реальной помощи. Вместо нее к нам явился генерал Райбики.

— Вы что, наркотиков наглотались? — без предисловий осведомился генерал, войдя в домик, носивший у нас громкое название административного корпуса. — Я начинаю всерьез жалеть, что предложил вас в руководители колонии.

— Мы больше не руководители, — ответил я и указал на Манфреда Трухильо, сидевшего за принадлежавшим мне прежде столом. — Вот руководитель.

Райбики, слегка опешив, взглянул на Трухильо.

— Вы не имеете права возглавлять колонию.

— Боюсь, что колонисты не согласятся с вами, — заметил Трухильо.

— Колонисты не имеют права выбирать себе начальников!

— И в этом они с вами тоже не согласятся, — спокойно парировал Трухильо.

— Значит, вы трое не только сами «дури» нажрались, но и всех колонистов накормили! —

вспылил Райбики и снова повернулся ко мне и Джейн: — Что, черт возьми, здесь происходит?

— Мне казалось, что наше донесение в Департамент колонизации было достаточно ясным, — ответил я. — У нас есть веские основания считать, что мы вскоре подвергнемся нападению и что нападающие намерены поголовно истребить всех. Нам нужна дополнительная защита, или мы все погибнем.

— Вы отправили свое донесение открытым текстом, — возмущался Райбики. — Его мог прочесть кто угодно.

— Оно было зашифровано, — возразил я. — Армейским шифром.

— Ну да, шифром, расшифрованным врагами. Его отменили уже много лет назад.

Райбики в упор взглянул на Джейн:

— Кто-кто, а вы, Саган, обязаны были знать об этом. Вы несете ответственность за безопасность этой колонии. Вы знаете, каким шифром следует пользоваться, а каким нет.

Джейн промолчала.

— Вы хотите сказать, что теперь всем известно, насколько мы беззащитны? — осведомился я.

— Я хочу сказать, что вы с тем же успехом могли бы обвязаться свежим салом и войти в клетку

к тиграм.

— В таком случае Союз колоний просто обязан прийти нам на помощь, — вступил в разговор Трухильо.

Райбики оглянулся на него.

— Если он будет здесь торчать, я говорить не буду. Мне плевать, до чего и для чего вы здесь договорились. За колонию отвечаете вы, а не он. Хватит шуток. Я буду с вами говорить о совершенно секретных делах, к которым у него нет и не может быть допуска.

— Но он глава колонии, — напомнил я.

— А мне плевать! — заорал Райбики. — Да будь он хоть король Сиама, ему этого знать не положено!

— Вам решать, Манфред, — сказал я.

— Я лучше уйду, — сказал Трухильо, поднимаясь с места. — Но сначала кое-что скажу вам, генерал Райбики. Мы знаем, каким образом Союз колоний использовал нас, как он поставил на карты наши судьбы и наши жизни. Жизни каждого из нас, наших родных и наших детей. Если СК не встанет на нашу защиту, мы будем знать, кто на самом деле убил нас. Не какие-то другие расы и не конклав. Союз колоний. Честно и откровенно.

— Хорошая речь, Трухильо, — похвалил Райбики. — Только все это неправда.

— Генерал, в настоящее время я не могу относиться к вам как к эталону правдивости, — сухо произнес Трухильо и, кивнув мне и Джейн, вышел из кабинета, прежде чем Райбики нашелся с ответом.

— Предупреждаю сразу — мы передадим ему все то, что вы нам сообщите, — сказал я, когда за Манфредом закрылась дверь.

— В таком случае вы не только никчемные руководители колонии, но и изменники, — прорычал Райбики, по-хозяйски усаживаясь за стол. — Я не знаю, о чем и чем вы думаете, когда что-то делаете, но в любом случае это больше всего похоже на сумасшествие. Вы. — Он ткнул пальцем в сторону Джейн. — Я точно знаю, что вам было известно, что протокол шифра давно скомпрометирован. Вы не могли не знать, что оповещаете о своей беззащитности весь космос. Я только не могу понять, зачем вы так поступили.

— У меня были на это свои причины, — ответила Джейн.

— Замечательно! — воскликнул Райбики. — Так расскажите мне о них.

— Нет, — отрезала Джейн.

— Что-о? — изумился генерал.

— Я сказала: нет. Я вам не доверяю.

— А это уже совсем интересно, — иронически произнес Райбики. — Вы только что своими руками нарисовали на своей колонии большую жирную мишень, а не доверяете почему-то мне.

— Союз колоний сделал Роаноку много всяких гадостей, о которых не потрудился поставить нас в известность, — вступил я. — Мы поступаем так же. По-моему, вполне справедливо.

— Господи! — закатил глаза Райбики. — Мы же не какие-то недоумки-школьники, вышедшие поиграть на переменке. Поймите: вы ставите под угрозу жизни множества колонистов.

— Чем же наш поступок отличается от действий СК? — осведомился я.

— Тем, что у вас нет полномочий на подобные поступки, — заявил генерал. — Вы не имеете такого права.

— А Союз колоний имеет право по своему усмотрению распоряжаться жизнями колонистов? — спросил я. — Имеет право выставлять их на пути вражеских армий, что значит верную гибель? Они не солдаты, генерал. Они гражданские люди. Среди наших людей немало религиозных пацифистов. Вы и сами это знаете не хуже меня. У

Союза колоний, возможно, имелись полномочия подвергнуть этих людей смертельной опасности. Но, черт возьми, такого права у них нет и не было.

— Вы когда-нибудь слышали о Ковентри? — спросил Райбики.

— Вы имеете в виду город в Англии? — уточнил я.

Он кивнул.

— Во время Второй мировой войны британская разведка установила, что враги намерены бомбить Ковентри. Было даже известно, когда это должно случиться. Но если бы англичане эвакуировали город, то показали бы, что знают секретные коды противников, и лишились бы возможности узнавать их планы, подслушивая переговоры. Ради блага всей Великобритании они позволили разбомбить Ковентри.

— Вы хотите сказать, что Роанок — это Ковентри Союза колоний, — утвердительно произнесла Джейн.

— Я говорю, что у нас есть непримиримый враг, который стремится всех нас уничтожить, — огрызнулся Райбики. — И что мы должны исходить из того, что будет полезнее для человечества. Для всего человечества!

— Из этого, вероятно, предполагается вывод, что действия Союза колоний всегда приносят человечеству наивысшее благо, — подытожил я.

— Я не стал бы утверждать так уж категорически, но действительно никто пока что не предложил для человечества ничего лучше правительственной политики, — отозвался Райбики.

— Но вы лично не думаете, что действия Союза колоний всегда идут на пользу человечеству, — вставила Джейн.

— Я этого не говорил.

— Но думаете вы именно так, — настаивала Джейн.

— Вы не можете знать, что и о чем я думаю, — отбивался Райбики.

— Что вы думаете, я знаю совершенно точно, — сказала Джейн. — Я знаю: вы прибыли, чтобы сказать нам, что у Союза колоний нет ни кораблей, ни солдат для нашей защиты. Я знаю, что вам отлично известно, что и корабли, и солдаты для нас нашлись бы, но им поручены задания, которые лично вы считаете ненужными или второстепенными. Я знаю, что вы должны были как можно убедительнее солгать нам о том, как обстоят дела. Потому-то вы не прислали сюда

никого другого, а прибыли сами, чтобы ваша ложь подкрепилась личным знакомством с моим мужем. И я знаю, что эта роль вам глубоко противна, что вы играете против своей воли и презираете самого себя за то, что все-таки согласились взяться за это дело.

Райбики уставился на Джейн, открыв рот. Как, впрочем, и я.

— Я знаю: вы считаете, что Союз колоний совершает глупость, принося Роанок в жертву конклаву. Знаю, что вам известно о планах использовать нашу гибель для вербовки солдат в колониях. Знаю, что вы уверены — пополнение ССК из колоний спровоцирует агрессоров на нападения, потому что у конклава будет веская причина истреблять гражданское население, чтобы уменьшить количество потенциальных солдат. Я знаю, что вы воспринимаете этот план как тупик для Союза колоний. Вы уверены в конечном поражении СК. Я знаю, что вы переживаете и за меня, и за Джона, и за эту колонию, и за себя самого, и за все человечество. И еще я знаю, что вы считаете положение совершенно безвыходным.

Райбики долго сидел молча.

— Похоже, вам известно довольно много, — ска-

зал он наконец.

— Достаточно, — ответила Джейн. — Но теперь нам необходимо услышать все это от вас.

Генерал неловко заерзал в кресле. Сразу как-то ссутулившись, он перевел взгляд на меня, потом снова на Джейн.

— Что я могу вам сказать, когда вы сами уже все знаете? Союз колоний ничем вам не поможет. Я убеждал их, уговаривал помочь хоть как-то, хоть чем-то…

Он взглянул на Джейн, очевидно пытаясь понять, верит ли она ему, но вид ее был непроницаем.

— Но они решили сохранить все ресурсы для более развитых колоний. Мне сказали, что со стратегической точки зрения такое использование нашей военной силы будет более разумным. Я возражал, но так и не смог ничего доказать. И ведь Роанок не единственная молодая колония, брошенная на произвол судьбы.

— Но из всей мелкой дичи целенаправленно охотятся только на нас, — сказал я.

— Судите сами. Я должен был наболтать вам что-нибудь относительно правдоподобное насчет нехватки сил для вашей обороны. К этому следовало добавить, что своей просьбой о помощи,

посланной фактически открытым текстом, вы подвергаете опасности корабли и солдат. У этого варианта было то немалое преимущество, что он не слишком далек от истины.

При этих словах он пристально взглянул на Джейн.

— Но это все чушь. И прилетел я сюда не только для того, чтобы своим присутствием сделать эту чушь более убедительной. Я прилетел потому, что чувствовал, что должен сам сказать вам все это.

— Не знаю, почему лгать в лицо легче, чем по почте, — заметил я.

Райбики горько усмехнулся:

— Сейчас мне кажется, что это мое решение было не самым лучшим.

Он снова бросил взгляд на Джейн.

— Но мне все-таки хочется понять, откуда вы все это узнали.

— У меня есть свои источники, — ответила Джейн. — Ну а вы сказали нам все, что мы хотели узнать. Союз колоний бросил нас на произвол судьбы.

— Это было не мое решение, — вновь начал оправдываться Райбики. — И я не считаю его верным.

— Я знаю, — сказала Джейн. — Но сегодня это

уже не имеет никакого значения.

Райбики вновь повернулся ко мне, очевидно, в поисках сочувствия. Но не получил его.

— Что теперь собираетесь делать? — спросил он.

— Мы не можем вам этого сказать, — ответила Джейн.

— Потому что не доверяете мне?

— Потому что из того же источника, из которого я знаю, о чем вы думаете, наши намерения могут стать известны кому-нибудь другому, — объяснила Джейн. — Мы не можем себе этого позволить.

— Но вы что-то планируете. Вы намеренно отправили нам послание, зашифрованное отмененным шифром. Вы хотели, чтобы его прочли. Вы пытаетесь заманить сюда кого-то.

— Вам пора идти, генерал, — сказала Джейн.

Райбики растерянно заморгал — он явно давно отвык от того, чтобы ему указывали на дверь. Ничего не сказав, он встал и пошел к выходу, но обернулся.

— Не представляю себе, что вы затеяли, но надеюсь: ваша затея сработает, — сказал он. — Не знаю, удастся ли вам спасти эту колонию. Но, думается мне, для всех будет лучше, если вам это удастся.

Он открыл дверь и вышел.

Я повернулся к Джейн:

— Но мне-то ты можешь сказать, как тебе это удалось? Откуда ты все это узнала? Раньше ты мне об этом не рассказывала.

— Так раньше я этого и не знала.

Она постучала пальцем себя по виску.

— Помнишь, ты передал мне слова генерала Сцилларда, что он дал мне МозгоДруга с полным набором командных функций? А в число этих функций, по крайней мере в Специальных силах, входит способность читать мысли.

— Чего-чего?

— Ну сам подумай. Если у тебя есть МозгоДруг, то как он работает? Читает твои мысли. А если немножко подкорректировать программу, то можно читать мысли других людей. Генералы Специальных сил имеют доступ к мыслям их солдат. Правда, Сциллард говорил, что это редко бывает полезно, потому что они обычно думают о всяких глупостях. Но на сей раз, как видишь, пригодилось.

— Получается, что их мысли может читать любой, у кого есть МозгоДруг? — спросил я.

Джейн кивнула:

— Теперь понимаешь, почему я не могла по-

лететь с тобой на станцию «Феникс»? Я боялась случайно выдать что-нибудь.

Я указал на дверь, из которой только что вышел Райбики.

— А ты не могла выдать наши планы ему?

— Нет, — успокоила меня Джейн. — Он не знает, что меня модифицировали. Он сейчас ломает голову над тем, кто проболтался о его истинных мыслях, каким образом они дошли до меня и кто еще, кроме меня, о них знает.

— Ты продолжаешь читать его мысли?

— Не прекращала с той минуты, как он приземлился. И закончу, лишь когда он улетит.

— А о чем он теперь думает?

— Все о том же — откуда я знаю то, что сказала ему. И он думает о нас. Он надеется, что наши планы не провалятся. Тут он не врал.

— Он считает, что мы справимся?

— Конечно нет, — вздохнула Джейн.

Лучевые установки включились и принялись отбивать ракетную атаку, но ракет было слишком уж много, и установки начали одна за другой взрываться, засыпая своими обломками поля на почтительном удалении от Хорватграда.

— Я получила сообщение, — сказала Джейн нам с Трухильо. — Приказ прекратить огонь и

приготовиться встретить высадку десанта.

Она помолчала несколько секунд.

— Мне говорят, что любое дальнейшее сопротивление приведет к массированной бомбардировке колонии. От меня требуют подтвердить прием сообщения. Отсутствие ответа в течение минуты-двух будет расценено как сопротивление, и сразу начнется бомбежка.

— И что ты думаешь? — спросил я.

— Что тут думать? Лучше мы уже не сможем подготовиться, — ответила она.

— Манфред?

— Мы готовы, — сказал Трухильо. — И, надеюсь, бог даст, у нас все получится.

— Кранджич? Беата?

Обернувшись, я увидел Джанна Кранджича и Беату, полностью экипированных в свое репортерское снаряжение. Беата кивнула, Кранджич поднял кверху оба больших пальца.

— Скажи им, что мы приняли их сообщение и прекращаем огонь, — обратился я к Джейн. — Скажи, что мы с нетерпением ждем их прибытия, чтобы обсудить условия сдачи.

— Готово, — сообщила Джейн через несколько секунд.

Я взглянул на Савитри, стоявшую рядом с Бе-

атой.

— Теперь твоя очередь.

— Замечательно, — без всякого вдохновения ответила Савитри.

— Все будет прекрасно, — подбодрил ее я.

— У меня такое ощущение, будто меня сейчас вырвет, — пожаловалась она.

— Боюсь, что я оставил ведро в кабинете.

— Если так, мне остается только облевать ваши ботинки.

— А если серьезно? — спросил я. — Ты действительно готова?

Она кивнула.

— Готова. Давайте займемся наконец делом.

Мы разошлись по своим позициям.

Через некоторое время в небе показались два ярких пятна, свидетельствовавших о том, что десант скоро прибудет. Транспорты сначала зависли высоко над Хорватградом, но все же приземлились в километре от него на незасеянном поле. Вернее, оно было засеяно, но мы специально запахали молодые всходы, надеясь, что пилоты десантных кораблей выберут для приземления именно это привлекательное место. На этом этапе наш план сработал.

Внимательно следя за происходящим, я все же

представил себе мрачную улыбку Джейн. Уж она-то ни в коем случае не стала бы приземляться на единственном клочке земли, где ничего не растет, но мы рассчитывали на иную психологию. Да и я, когда командовал войсками, вел себя куда осторожнее, чем эти завоеватели. Сейчас многое зависело от того, кто окажется компетентнее в военном отношении — мы или наши противники, — и их поведение сразу же должно было сказать нам, какого рода борьба предстоит.

Я поднес к глазам бинокль. Люки кораблей открылись, и на землю хлынули солдаты. Все приземистые, толстокожие и пятнистые — арриссы. Это было еще одним отличием армии Эзера от армады генерала Гау. Гау при своих налетах связывал всех участников конклава общей ответственностью, являвшейся залогом круговой поруки. Эзер приберегал славу победителей только для своих сородичей.

Солдаты быстро построились; их оказалось три взвода по тридцать или тридцать пять, как говорили в старину, штыков. Всего около ста. Эзер определенно был нахалом. Но не стоило забывать, что этой сотней дело никак не могло ограничиться: несомненно, еще несколько сотен солдат оставались на крейсере Эзера, да и для

самого крейсера не составило бы никакого труда уничтожить колонию с орбиты. Хоть на земле, хоть в небесах у Эзера было более чем достаточно огневой силы, чтобы разделаться с нами, да не один, а десять раз. Большинство солдат были вооружены стандартными аррисианскими пулевыми энергетическими винтовками, славившимися точностью попадания и скоростью полета пули. И высокой скорострельностью. В каждом взводе двое солдат несли на плечах переносные ракетные установки. Учитывая обстоятельства вторжения, они предназначались для устрашения, а не для боя. Ни лучевого оружия, ни огнеметов я не разглядел.

А потом вышел и сам Эзер в сопровождении почетного караула. Он был облачен в полный комплект аррисианской военной формы, что тоже являлось частью шоу, поскольку он никогда не был военным, но я тоже считаю, что, если хочешь изобразить из себя боевого генерала, лучше одеться соответствующим образом и вооружиться до зубов. Конечности Эзера были толще, пучки волокон вокруг глазных стебельков темнее, чем у его солдат, и он казался заметно массивнее всех окружающих. Но, насколько я мог разобраться в эмоциях по выражению его иноземной физионо-

мии, он казался вполне довольным собой. Эзер остановился перед своими солдатами и, судя по активной жестикуляции, произносил речь.

Ну говнюк! Нас с ним разделял всего километр совершенно ровной земли. Если бы у меня или у Джейн была нормальная винтовка, любой из нас мог бы без труда снести ему макушку одним выстрелом. Правда, тогда мы очень быстро погибли бы, потому что его солдаты и крейсер сразу же стерли бы колонию с лица планеты. Но, увы, у нас не было нормальной винтовки, и, самое главное, Эзер требовался нам живой. Сегодня ему еще не суждено было погибнуть. Жаль…

Пока Эзер болтал, его охранники без устали смотрели по сторонам, не без основания опасаясь какого-нибудь подвоха. Мне же оставалось лишь надеяться, что Джейн, расположившаяся на своей позиции, тоже сделала из увиденного необходимые выводы. В конце концов, среди участников этого небольшого приключения были и сведущие в военном деле. Мне очень хотелось дать ей совет, но следовало хранить радиомолчание, если мы не хотели потерпеть поражение еще до начала игры.

Эзер наконец закончил свою речь, и маленькое войско двинулось через поле к дороге, соеди-

нявшей соседнюю ферму с Хорватградом. Один взвод разделился на передовое и фланговое охранение — солдаты шли, внимательно глядя по сторонам, — остальные маршировали колонной, но без особого порядка. Было видно, что они не рассчитывали столкнуться с сопротивлением.

Впрочем, на дороге к Хорватграду они и не могли никого встретить. В колонии никто не спал, зная о начавшемся вторжении, но мы заблаговременно приказали всем оставаться в домах или убежищах и не показывать носу на улицы, когда солдаты придут в Хорватград. Нам было необходимо, чтобы они изображали из себя донельзя перепуганных мирных безоружных людей, что, в общем-то, было недалеко от истины. Правда, последнее относилось лишь к части наших колонистов. Для нее мы позаботились о наилучших возможных в наших условиях мерах безопасности. Но кое-кто не устрашился врагов. Для этой группы мы подготовили задание на потом — если, конечно, это «потом» у нас будет.

Передовое охранение наверняка осматривало окрестности инфракрасными и тепловыми датчиками на случай засады. Но они не могли увидеть ничего, кроме отдельных колонистов, глядевших из окон на проходящих в темноте

солдат. Я разглядел в бинокль даже несколько человек, вышедших на крыльцо, чтобы получше рассмотреть захватчиков. Меннониты. Да, конечно, они пацифисты, но даю голову на отсечение, что они не боятся ровным счетом ничего.

Хорватград практически не изменился со дня нашей высадки: современное подобие лагеря римских легионеров, окруженное двумя рядами грузовых контейнеров. Только палаток не осталось, вместо них были выстроены обычные дома. Большинство колонистов, живших поначалу в поселке, давно перебрались в дома за периметр, на собственные фермы. В Хорватграде осталось совсем немного народу, в том числе мы с Джейн и Зоей. Посреди лагеря сохранилась площадь, ограниченная с одной стороны улицей, а с другой — нашим административным корпусом. И посреди этой площади стояла Савитри. Совсем одна. Ей предстояло первой встретить Эзера и аррисианских солдат. Я очень надеялся, что остальных — тех, кто не укрывался в домах, — они не увидели.

Я очень хорошо видел Савитри из моего укрытия. И заметил, что, хотя ночь и выдалась теплой, ее била дрожь.

Подойдя к ограде Хорватграда, солдаты оста-

новились и принялись осматриваться, чтобы удостовериться, что им не подготовлена западня. На это ушло несколько минут. Убедившись, что им ничего не грозит, они двинулись дальше и очень скоро оказались на площади. Там они снова остановились, настороженно разглядывая Савитри. Она, вероятно, сумела сдержать дрожь; во всяком случае, я уже не видел в бинокль, чтобы ее трясло. Через несколько секунд на площади собрался весь аррисианский десант.

После этого шеренга раздвинулась, Эзер со своей охраной вышел вперед, остановился перед Савитри и жестом приказал включить электронный переводчик.

— Я Нерброс Эзер, — представился он.

— Савитри Гунтупалли, — ответила Савитри.

— Вы возглавляете эту колонию? — полуутвердительно произнес Эзер.

— Нет.

Глазные стебельки Эзера заметно удлинились. Вероятно, это означало удивление.

— А где руководители?

— Они заняты, — ответила Савитри, — и поручили мне поговорить с вами.

— И кто же вы такая? — осведомился Эзер.

— Секретарь.

Эзер пришел в бешенство. Его глаза задергались на стебельках, да так, что чуть не стукнулись один с другим.

— Я могу за считаные минуты стереть всю эту колонию с лица земли, а ее руководитель даже не дал себе труда встретить меня как подобает и выслал мне навстречу секретаршу!

Было ясно, что, даже если у него и было намерение проявить великодушие, сейчас он напрочь забыл о нем.

— Видите ли, мне поручено передать вам сообщение, — сказала Савитри.

— Сообщение? — в полном недоумении повторил Эзер.

— Да. Мне поручено сказать вам, что, если вы вместе с вашими солдатами немедленно вернетесь на свои корабли и уберетесь туда, откуда пришли, мы будем рады сохранить вам всем жизнь.

Эзер вновь замахал глазами, а потом издал громкий жужжащий звук, соответствующий у аррисов смеху. Большинство солдат поддержало своего предводителя, и некоторое время можно было подумать, что посреди Хорватграда жужжит огромный рой разъяренных пчел. А потом Эзер шагнул вперед — все тут же умолкли — и

остановился лицом к лицу с Савитри, которая, словно кинозвезда перед объективом, даже не вздрогнула.

— Я собирался сохранить жизнь большинству ваших колонистов, — громко провозгласил Эзер. — Я хотел казнить лишь руководителей этой колонии за тяжкое преступление против конклава: за то, что они помогли Союзу колоний обманом уничтожить наш флот. Но простых колонистов я намеревался помиловать. Вы заставляете меня отказаться от моего милосердного плана.

— Если я вас правильно поняла, это значит «нет»? — спросила Савитри, глядя прямо в его стебельчатые глаза.

Эзер шагнул в сторону и повернулся к одному из охранников.

— Убей ее, — приказал он. — А потом возьмемся за дело.

Охранник поднял винтовку, прицелился Савитри в грудь и нажал пластину, выполнявшую у аррисов роль спускового крючка.

И вдруг винтовка взорвалась, лопнула возле самого спускового механизма, выбросив всю энергию вверх. Глазные стебельки стрелка, попавшие под энергетический удар, отлетели в

стороны, а сам он рухнул наземь, зажимая конечностями обрубки стебельков и громко крича от боли.

Эзер в полнейшем недоумении уставился на Савитри.

— Вам нужно было уйти, пока оставалась такая возможность, — наставительно произнесла она.

И тут с грохотом распахнулась дверь административного корпуса, и оттуда выскочила Джейн, облаченная в наномеханическую «кожу», поглощающую тепловое излучение тела, поверх которой был надет стандартный защитный комплект полиции Департамента колонизации. Точно так же были одеты и остальные члены нашей немногочисленной команды. А огнемет, который Джейн держала в руках, напротив, не относился к стандартному снаряжению, поставляемому Департаментом колонизации.

Джейн сделала Савитри знак, и та опрометью кинулась в дом. В толпе солдат, в которую успел превратиться строй, послышались панические вопли: аррисы пытались стрелять в Джейн, но винтовки одна за другой взрывались у них в руках. Солдаты начали пятиться. А Джейн стремительно двинулась на них, направляя струю огня прямо в гущу толпы.

— Что это такое? — спросил я, когда Зои привела нас в шаттл, чтобы показать свой сюрприз, и мы остановились перед какой-то штукой размером со слоненка.

По сторонам штуки стояли на страже Хикори и Дикори. Джейн сразу же принялась рассматривать пульт управления, находившийся на одной из стенок загадочной вещи.

— Это мой подарок колонии, — пояснила Зои. — Саперное поле.

— Запорное поле? — переспросил я.

— Нет, саперное. С буквой «с».

— И что же оно делает? — спросил я.

— Оно разряжает… — Зои повернулась к Хикори: — В общем, объясните ему.

— Саперное поле блокирует кинетическую энергию, — сказал Хикори. — Перенаправляет ее вверх или в любом другом направлении, какое назначит пользователь, и к тому же использует перенаправленную энергию для собственного усиления. Это поле регулируется по ряду параметров.

— Вам придется растолковывать мне все это как идиоту, — попросил я. — Наверное, я и есть идиот.

— Это поле останавливает пули, — объяснила

Джейн, не отрывая взгляда от приборной панели.

— Повтори-ка, — потребовал я.

— Эта штука создает поле, которое лишает энергии любой предмет, движущийся быстрее определенной скорости, — растолковала Джейн и добавила, взглянув на Хикори: — Ведь это так, да?

— Скорость лишь один из параметров, который может указать пользователь, — заметил Хикори. — Можно также ориентироваться на высвобождение энергии в какую-нибудь единицу времени или на температуру.

— Значит, если мы запрограммируем эту штуку, чтобы она останавливала пули или гранаты, она это сделает? — восхитился я.

— Да, — ответил Хикори. — Правда, с физическими объектами аппарат работает лучше, чем с энергетическими.

— То есть пули оно будет улавливать лучше, чем лучи, — сказал я сам себе.

— Да, — подтвердил Хикори.

— Если указать порог энергии, все, что будет находиться под ним, сохранит способность двигаться, — продолжала Джейн. — Мы можем настроить поле так, чтобы оно останавливало

пули, но пропускало стрелы.

— Если энергия стрелы будет ниже установленного порога, то да, — подтвердил Хикори.

— Это дает нам шанс, — обрадовался я.

— Я же сказала, что вам понравится! — воскликнула Зои.

— Солнышко, это самый лучший подарок из всех, какие ты когда-либо мне делала, — ответил я.

Зои расплылась в улыбке.

— Вы должны учитывать, что саперное поле может существовать лишь ограниченное время, — сказал Хикори. — Источник питания здесь маломощный, его хватает лишь на несколько минут. Естественно, чем больше радиус поля, тем короче действие установки.

— И сколько времени она продержится, если мы попробуем накрыть Хорватград? — поинтересовался я.

— Около семи минут, — сказала Джейн.

Она продолжала изучать пульт управления.

— Не просто шанс, а очень даже большой, — заметил я и вновь повернулся к Зои. — И как же тебе удалось уговорить обинян дать ее нам?

— Сначала я объясняла, потом просила, потом умоляла, а под конец закатила им истерику.

— Истерику, говоришь?

— Не гляди на меня так. Ведь сам знаешь, что обиняне невероятно чувствительны к моим эмоциям. Ну а от мысли о том, что все, кто мне дорог, могут в любой момент погибнуть, я завелась без всякого труда. Отлично сработало — вдобавок ко всем остальным аргументам. Так что, девяностолетний папочка, не стоит из-за этого расстраиваться. И пока мы с Хикори и Дикори навещали генерала Гау, другие обиняне добывали для тебя эту штуку.

Я посмотрел на Хикори:

— Насколько я помню, вы сказали, что не имеете права помогать нам из-за вашего соглашения с Союзом колоний.

— Должен с сожалением заметить, что Зои в своем объяснении допустила небольшую ошибку, — сказал тот. — Саперное поле — не наша технология. Мы до таких высот еще не добрались. Это консу.

Мы с Джейн переглянулись. По технологической части консу далеко оторвались от всех прочих разумных рас, в том числе и от нас. Секретами своими они делились крайне неохотно.

— Консу дали вам эту штуку? — спросил я.

— Нет, на самом деле они прислали ее вам, —

ответил Хикори.

— Но как они узнали о нас?

— Во время встречи одного из обинян с ними в разговоре упомянули вас, и консу решили сделать вам этот подарок.

Я хорошо помнил, как однажды, вскоре после нашего с Джейн знакомства, ей и мне понадобилось задать консу несколько вопросов. Они обошлись нам в одного убитого и троих тяжелораненых солдат Специальных сил. Поэтому мне было очень трудно представить себе «разговор», закончившийся возникновением у консу желания облагодетельствовать меня.

— Получается, что обиняне не имеют никакого отношения к этому подарку, — констатировал я.

— Никакого, если не считать перевозки сюда по требованию вашей дочери, — согласился Хикори.

— Мы должны когда-нибудь поблагодарить консу, — сказал я.

— Не думаю, что они рассчитывают на благодарность, — заметил Хикори.

— Хикори, вы когда-нибудь обманывали меня? — спросил я.

— Не думаю, что вы знаете хотя бы об одном случае обмана с моей стороны или со стороны

какого-либо другого обинянина, — высокопарно заявил Хикори.

— Да, пожалуй, что не знаю, — согласился я.

Находившиеся в арьергарде колонны аррисианские солдаты попятились к воротам, где их поджидал Манфред Трухильо, сидевший за рулем большого грузовика, который мы немного усовершенствовали, чтобы он мог набирать скорость побольше. Грузовик стоял на боковой дороге, уходившей в поля. Когда вражеский отряд вошел в поселок, Трухильо забрался в кабину, медленно подвел машину к воротам и остановился там, дожидаясь криков, которые должны были послужить ему сигналом для рывка вперед.

Как только Трухильо услышал шум и увидел отблески пламени огнемета, он на большой скорости въехал в открытые ворота Хорватграда. На ходу он включил фары, заставив трех убегавших аррисианских солдат замереть на месте от неожиданности. Эти трое оказались первыми жертвами, раздавленными мчащейся тяжелой машиной. А Трухильо проскочил через толпу, сразу подмяв дюжину аррисов, резко развернулся, сбив задним бортом еще пару, и изготовился для второго захода.

Как только грузовик Трухильо въехал в го-

род, Хикори, нажав кнопку, включил механизм, закрывавший тяжелые ворота, а потом они с Дикори выхватили из ножен длинные ножи и приготовились встретить тех аррисианских солдат, которые будут иметь несчастье столкнуться с ними. А нападавшие совершенно утратили рассудок — конечно, легко ли пережить, когда военная операция, которую вы воспринимаете как легкую приятную прогулку, превращается в избиение, причем избиваете не вы, а вас. И, опять же, к величайшему сожалению для них, Хикори и Дикори соображали очень хорошо, прекрасно владели ножами и вдобавок отключили свои эмоциональные блоки, чтобы переживания не мешали им убивать.

К тому времени и Джейн, успевшая обработать пламенем огнемета почти целый взвод, тоже взялась за нож. Разделавшись с сильно обгоревшими, она взялась за тех, которые стояли на ногах, вернее, драпали. Они бежали быстро, но Джейн, прошедшая боевую модификацию, двигалась намного быстрее. Она заблаговременно изучила вооружение и защитную экипировку аррисов и хорошо знала ее сильные и слабые стороны. Так уж получилось, что у аррисианских бронежилетов оставались уязвимыми полосы

вдоль боковых швов. Умелый боец мог вогнать туда лезвие подходящего по размеру ножа и перерезать одну из главных артерий, симметрично проходящих по бокам. В бинокль я хорошо видел, насколько успешной оказалась подготовка Джейн: догоняя убегающего арриса, она дергала его за плечо, не замедляя шага вонзала нож в место, примерно соответствующее нашей подмышке, и, не дожидаясь, пока он упадет наземь, кидалась к следующему.

Я следил за своей женой и испытывал благоговейный трепет. Лишь теперь мне стало до конца ясно, почему генерал Сциллард не стал просить прощения за то, что сделал с ней. Ее сила, скорость и безжалостность, очевидно, служили главным средством спасения всей нашей колонии.

Четверка аррисианских солдат, счастливо оказавшихся в стороне от пути Джейн, смогла успокоиться и подумать о тактике. Побросав бесполезные винтовки, они тоже вынули ножи и бросились за Джейн. Именно ради такого случая я и залез на крышу контейнера, стоявшего во внутреннем ряду неподалеку от ворот. Я взял мой многослойный упругий лук, натянул тетиву и всадил стрелу в шею тому солдату, который дальше всех вырвался вперед. Не слишком удачный

выстрел, поскольку целился я в того, который бежал вторым. Но и неудачным его назвать тоже нельзя было, поскольку аррис схватился обеими передними конечностями за стрелу и во весь рост рухнул лицом вниз. Оставшиеся трое пустились наутек, но я все же успел ранить в ногу еще одного. Тоже не слишком удачно, так как я хотел попасть в голову. Раненый упал с громким визгливым жужжанием. Джейн обернулась на звук и тут же вернулась к упавшему, чтобы закончить начатое мною дело.

Я поискал взглядом оставшихся двоих, но они успели скрыться за углом ближайшего дома. А в следующую секунду я услышал металлический лязг, взглянул вниз и увидел, что аррис подставил некстати валявшееся поблизости ведро и лезет на контейнер. Я поспешно пустил стрелу, но промахнулся. Что поделать, лук не самое любимое мое оружие. Выстрелить еще раз я не успевал — солдат уже поднялся на крышу и, размахивая ножом, с криком бежал ко мне. У меня мелькнула мысль, что я, вероятно, убил кого-то, кто был ему дорог. Бросив лук, я схватил свой собственный нож, но, прежде чем успел замахнуться, аррис с неожиданной быстротой подлетел ко мне. Я упал, нож отлетел в сторону.

Я перекатился, оттолкнул ногами пытавшегося ударить меня арриса и вскочил. Враг тут же нанес мне удар в плечо, к счастью, угодив острием в пластину полицейского бронежилета. Он замахнулся снова, но я, изловчившись, дотянулся до его заглазного стебля и с силой дернул. Он отшатнулся, оглушительно завизжал, схватился за лицо обеими лапами и попятился к краю крыши. Мое оружие — и нож, и лук — валялось слишком далеко, и бежать за ним было бы большой глупостью.

«Провались оно все!» — подумал я и с голыми руками набросился на врага.

Мы оба свалились с крыши, на лету мне удалось упереться рукой в его горло. Упали мы удачно для меня — я оказался сверху и при падении раздавил аррису трахею, или что там у них соответствует ей. Вот только руку я при этом ушиб так, что боль пронзила ее всю, от кисти до плеча; было маловероятно, что в ближайшее время мне удастся эффективно воспользоваться ею.

Я скатился с мертвого арриса и посмотрел вверх — на крыше контейнера появилась черная тень. Это был Кранджич — они с Беатой снимали сражение на свои камеры.

— Вы живы? — спросил он.

— Кажется, да, — ответил я.

— Послушайте, не могли бы вы сделать еще парочку дублей, — попросил Кранджич. — Понимаете ли, не все получилось достаточно четко.

Я показал ему средний палец; его лица я не мог разглядеть, но был уверен, что он довольно ухмылялся.

— Бросьте мне мой нож и лук, — крикнул я.

Посмотрев на часы, я увидел, что до выключения щита осталось полторы минуты. Кранджич подал мне оружие, и я помчался по улицам, стреляя в солдат, пока у меня не кончились стрелы. После этого мне пришлось внимательно смотреть по сторонам, чтобы не оказаться у врагов в поле зрения.

За тридцать секунд до отключения щита Хикори открыл ворота поселка. Они с Дикори отступили в сторону, чтобы позволить уцелевшим аррисам вырваться наружу. Солдаты — их осталось в живых десятка два — не стали ломать себе головы над вопросом, почему и зачем открылись ворота. Недолго думая, они кинулись к своим кораблям, стоявшим в километре от поселка. Последний вояка выбежал за ворота в тот самый момент, когда мы отключили поле. Эзер с единственным оставшимся охранником

находились в середине кучи бегущих; охранник грубо тянул своего командира вперед. Он, один из немногих, нес винтовку; большинство побросали свое оружие в деревне, решив, что оно теперь совершенно бесполезно. Мы пустились вдогонку. Я подобрал винтовку, а Джейн — переносную ракетную установку. Кранджич и Беата спрыгнули с контейнера и тоже побежали следом за пришельцами. Кранджич вскоре обогнал нас и исчез в темноте. Беата держалась рядом с Джейн и мной.

Отступающие аррисианские солдаты руководствовались при своем бегстве двумя предположениями. Первое состояло в том, что пулевое оружие на Роаноке не действовало. Второе — что драпают они по той же местности, по которой торжественно вступали в поселок. Оба эти предположения были ошибочными, что аррисы обнаружили, когда лучевые установки, откуда-то взявшиеся неподалеку от пути их отступления, открыли огонь точными короткими импульсами, выбивая одного за другим. Этим огнем управляла при помощи МозгоДруга Джейн, поскольку нельзя было допустить, чтобы автоматика случайно прикончила Эзера. Портативные установки появились неподалеку от дороги уже после того, как

аррисов заперли в Хорватграде — колонисты вытащили их из ям, вырытых и замаскированных специально для этого. Джейн нещадно муштровала колонистов, которым предстояло заниматься установками, и они научились справляться со своим делом за считаные минуты. Со своим заданием колонисты более или менее справились, лишь одну установку нельзя было использовать, потому что ее в спешке и темноте развернули не в ту сторону.

К этому времени те немногие из уцелевших аррисианских солдат, кто не побросал винтовки, вновь начали — исключительно от отчаяния — пробовать стрелять и, похоже, донельзя удивились, обнаружив, что оружие опять стало действовать. Двое залегли и открыли огонь в нашу сторону, чтобы дать своим соотечественникам время добраться до десантных кораблей. Я почувствовал пролетавшие мимо пули раньше, чем услышал их свист, и тоже поспешил упасть на землю. Джейн развернула лучевые установки, и лазеры быстро прикончили эту пару смельчаков.

Очень скоро из пришельцев остались лишь Эзер, его охранник да пилоты двух кораблей, которым больше всего на свете хотелось удрать

из засады. Джейн поставила ракетную установку на штатив, велела всем нам залечь (лично я еще не успел подняться) и выпустила ракету в ближайший корабль. Ракета пронеслась прямо над головами беглецов и угодила точнехонько во входной люк, откуда вырвался язык пламени. Второй пилот решил, что с него достаточно, и пошел на старт, но успел подняться лишь метров на пятьдесят, как в него угодили сразу две ракеты, выпущенные Хикори и Дикори. Взрывы поразили двигатели шаттла, он накренился, понесся параллельно земле, срубая на лету верхушки деревьев, и со страшным грохотом взорвался уже около горизонта.

Охранник Эзера швырнул своего командира наземь, сам растянулся рядом и принялся палить в нашу сторону, по всей видимости, рассчитывая забрать с собой на тот свет хоть кого-нибудь из врагов.

Джейн взглянула на меня сверху вниз.

— Эта винтовка заряжена?

— Надеюсь.

Джейн бросила бесполезную пусковую установку.

— Постарайся устроить побольше шума, чтобы подавить его, — сказала она. — Можешь даже не

стараться попасть.

— Что ты затеяла?

Она быстро сбросила полицейский защитный комплект, оставшись в матово-черной наномеханической «коже», облегавшей ее тело.

— Подберусь поближе.

С этими словами она исчезла в предрассветной темноте. Я принялся постреливать наугад, не поднимая головы. Охранник, судя по всему, был опытным солдатом, и хотя не мог попасть в меня, но пули свистели совсем рядом.

Вдруг вдали послышался вскрик, явно выдававший изумление, а затем тот же самый характерный звук, не то визг, не то жужжание, впрочем, быстро умолкший.

— Все в порядке, — раздался голос Джейн.

Я вскочил и побежал к ней. Она стояла над трупом, направив ту самую винтовку, из которой он несколько секунд назад стрелял в меня, на скорчившегося на земле Эзера.

— Он безоружен, — сказала Джейн и протянула электронный переводчик, который, по всей видимости, сорвала с пленного. — Вот, можешь поговорить с ним.

Я взял устройство и наклонился к лежащему.

— Ну привет.

— Можете считать себя мертвецами, — заявил Эзер. — Прямо над вами сейчас висит мой крейсер. В нем множество солдат. Очень скоро они высадятся и перебьют вас всех до одного. А потом сожгут все ваши постройки, чтобы не осталось никакого следа вашего пребывания на этой планете.

— Вы уверены? — осведомился я.

— Да.

— В таком случае мне, похоже, придется вас разочаровать. Вашего крейсера там больше нет.

— Лжете! — воскликнул Эзер.

— Вовсе нет. Видите ли, когда ваш крейсер сбил наш спутник, с него перестал поступать сигнал на беспилотный курьер, запрограммированный совершить скачок, как только сигнал прервется. Что он и сделал. Там, куда он попал, находились в ожидании его появления несколько ракет. Они, в свою очередь, совершили скачок в пространство Роанока, нашли ваш крейсер и уничтожили его.

— Откуда взялись эти ракеты? — спросил Эзер таким тоном, будто я был младшим офицером его штаба.

— Трудно сказать, — ответил я. — Изготовлены они были на Ноури. Вы ведь прекрасно знаете, что ноури продают свое оружие кому угодно.

Эзер сел и попытался прожечь меня яростным взглядом.

— Я вам не верю, — сказал он после долгого молчания.

Я повернулся к Джейн:

— Он мне не верит.

Джейн бросила мне небольшую коробочку:

— Это его коммуникатор.

Я протянул прибор Эзеру:

— Попробуйте вызвать ваш корабль.

Через несколько минут, после бесчисленного количества чрезвычайно сердитых взвизгиваний, Эзер бросил коммуникатор наземь.

— Почему вы не убили меня? Вы убили всех моих людей.

— Вам ведь было предложено убраться отсюда. Если бы вы послушались совета, все ваши солдаты были бы целы и невредимы, — сказал я.

— Предложено… Вашей секретаршей! — презрительно бросил Эзер.

— Строго говоря, она уже не моя секретарша.

— Отвечайте на мой вопрос! — потребовал Эзер.

— Живой вы нам гораздо нужнее, чем мертвый, — честно признался я. — И один из наших знакомых тоже очень хотел бы, чтобы вы оста-

лись в живых. Мы с ним договорились, что передадим вас ему, а он нам тоже кое-чем поможет.

— Генерал Гау… — проговорил Эзер.

— Вот тут вы не ошиблись, — сказал я. — Не знаю, какие у Гау планы относительно вас, но сомневаюсь, чтобы после покушения и тех интриг, при помощи которых вы рассчитывали подчинить себе конклав, ваша встреча окажется очень теплой.

— Может быть, нам удастся… — начал было Эзер.

— Давайте не будем даже пытаться завести этот разговор, — перебил его я. — Слишком уж резким получается переход — от угроз перебить всех нас до последнего к переговорам.

— Но ведь с генералом Гау вы договорились, — возразил Эзер.

— Ну вот… — вздохнул я. — Между вами есть достаточно серьезная разница. Я нисколько не верю, что вы действительно собирались сохранить жизнь кому-нибудь из моих колонистов, тогда как Гау удалось убедить меня в том, что такое возможно. В этом-то все и дело. Теперь слушайте. Я сейчас передам переводчик моей жене — вот она, рядом с нами, — и она будет говорить

вам, что делать. Вам будет лучше слушаться ее, потому что, если вы не станете слушаться, она не убьет вас, но вы, вероятно, очень пожалеете, что остались живы. Вы меня понимаете?

— Понимаю.

— Вот и прекрасно.

Я выпрямился и протянул коробочку электронного переводчика Джейн.

— Запри его в тот контейнер, который мы отвели под тюрьму.

— Считай, что уже заперла.

— Курьер, который мы настроили для связи с генералом Гау, на месте?

— На месте, — подтвердила Джейн. — Я отправлю его, как только устрою Эзера на ночлег. А что мы скажем Союзу колоний?

— Понятия не имею. Думаю, не получая несколько дней от нас сообщений, они сообразят, что здесь что-то случилось. И если они, когда припрутся, застанут нас здесь, то будут очень недовольны. Но до тех пор мы можем смело забыть о них.

— Это совсем не похоже на настоящий план, — сказала Джейн.

— Я знаю, но ничего лучшего у меня на сегодня нет. Да и мелочи все это по сравнению с послед-

ними событиями. Черт возьми! Мы все-таки провернули это дельце!

— Нам это удалось, потому что враги были наглыми и безграмотными в военном отношении, — сказала Джейн.

— Прежде всего потому, что у нас есть ты, — поправил я. — Ты все это спланировала. Ты все организовала. Без тебя у нас ничего не получилось бы. И, хотя мне очень не хочется этого говорить, нас спасло то, что ты оказалась полноценным солдатом Специальных сил.

— Я и сама это знаю, — проворчала Джейн. — Но совершенно не хочу сейчас говорить об этом.

Издалека донесся странный звук. Мы не сразу сообразили, что это женский плач.

— Похоже на голос Беаты, — встревожилась Джейн.

Я оставил ее возиться с Эзером, а сам побежал на звук. В паре сотен метров на коленях стояла Беата, низко склонившись над кем-то.

Это оказался Кранджич. Две аррисианские пули все же нашли его. Одна раздробила ключицу, а вторая разворотила грудь. Земля под ним успела пропитаться кровью.

— Безмозглый сукин сын, — сказала Беата, держа Кранджича за руку. — Вечно ты вляпаешься в

какую-нибудь историю.

И, наклонившись еще ниже, поцеловала в лоб и закрыла ему глаза.

15

— Вы, конечно, понимаете, что вам нельзя оставаться на Роаноке, — сказал генерал Гау.

Я сидел напротив него за столом в не слишком-то просторной комнатушке, носившей громкое название конференц-зала. Дело происходило на флагманском корабле генерала, «Доброй звезде».

— Почему же? — с улыбкой спросил я.

Гау ответил не сразу — человеческую мимику он пока что знал лишь в части выражения отрицательных эмоций.

— Потому что вы уцелели, — пояснил он. — Потому что ваша колония не уничтожена, несомненно, к большому удивлению и раздражению Союза колоний. Потому что вы передали врагу жизненно важные для него сведения и получили от него сведения, жизненно важные для вас самих. Потому что вы позволили мне прибыть сюда, чтобы вывезти Нерброса Эзера. Потому что вы сейчас находитесь здесь, на этом корабле, и разговариваете со мной.

— То есть откуда ни взгляни, я — предатель, — подытожил я.

— Я этого не говорил.

— А вам и не положено так говорить. Ведь это я постарался, чтобы вы остались в живых.

— Совершенно верно, — согласился Гау. — Но я имел в виду вовсе не это. Я хотел сказать, что вас нельзя назвать предателем, потому что вы сохранили верность вашей колонии. Вашим людям. Вы ни в малейшей степени не предали их.

— Благодарю вас. Но не думаю, что Союз колоний сочтет этот аргумент достаточно убедительным.

— Да. Я тоже на это не надеюсь. Что вынуждает меня вернуться к моим прежним позициям.

— Что вы собираетесь делать с Эзером? — спросил я.

— Пока что я думаю, что лучше всего будет судить его, — ответил Гау.

— Вы могли бы просто выбросить его из гермошлюза.

— И от этого я испытал бы глубокое личное удовлетворение, — сознался Гау. — Вот только не думаю, что это будет полезно для конклава.

— Знаете, Зои рассказала мне, что вы начали заставлять людей приносить присяги на верность лично вам. А ведь от этого лишь один не слишком большой шаг к провозглашению за собой права

на власть над космосом, претензии на которое так вас раздражают у других.

— Вам не кажется, что в таком случае у меня еще больше оснований устроить судебный процесс? — осведомился Гау. — Что же касается клятв верности… Я предпочел бы обойтись без них. Но, похоже, сейчас нельзя рассчитывать на повиновение без таких мер, особенно после того, как лидеры из-за собственных ошибок погубили огромный флот.

— Только не надо винить в этом меня.

— Я вас не виню. А вот насчет Союза колоний — совсем другой вопрос.

— Что вы намерены теперь делать с Союзом колоний?

— То же самое, что и делал с самого начала: сдерживать и изолировать его.

— Не нападать?

— Нет. Мятеж внутри конклава почти сошел на нет. Перед судом Эзер предстанет не в одиночку. Но я думаю, теперь Союзу колоний должно быть ясно, что конклав так просто не уничтожить. И очень надеюсь, что он больше не станет пытаться вырваться из своего загона.

— Немного же вы узнали о людях, — усмехнулся я.

— Напротив, — ответил Гау. — Если вы думаете, что я просто вернусь к моему старому плану, то вы дурак. Я не планирую нападений на Союз колоний, но в то же время собираюсь позаботиться, чтобы он не возобновил нападений на конклав или на меня лично.

— Каким образом?

— Но ведь вы же не ожидаете, что я вам отвечу, правда?

— Не ожидаю. Но все же решил спросить. Попытка — не пытка.

— Не всегда.

— А какие планы у вас насчет Роанока?

— Я уже однажды сказал вам, что не собираюсь нападать на эту планету.

— Сказали, — согласился я. — Правда, в тот момент вы остались без флота.

— Вы мне не верите?

— Верю. Но я вас боюсь.

— Мне очень жаль.

— Мне тоже, — сознался я. — Убедите меня, что вас можно не слишком бояться.

— Роаноку гарантировано ненападение со стороны конклава. Конклав признает его законной человеческой колонией. Последней колонией. — Он стукнул по столу, за которым мы сидели. — Но

тем не менее совершенно законной колонией. Если хотите, мы с вами можем подписать договор об этом.

— Не думаю, что Союз колоний признает его полноценным документом, — ответил я.

— Пожалуй, что нет, — согласился Гау. — Все же я отправлю вашему правительству официальную декларацию с предупреждением о том, что, несмотря на признание Роанока, запрет на колонизацию остается нерушимым. Неофициально я извещу неприсоединившиеся расы, что конклав будет очень недоволен, если кто-нибудь попытается наложить лапу на эту планету. Вообще-то они не должны, потому что наш запрет в силе для всех, но лишний раз напомнить не помешает.

— Спасибо, генерал.

— Пожалуйста. Должен признаться, я рад, что не все мировые лидеры такие беспокойные, как вы.

— Что вы, я смирный и ленивый человек. Вот моя жена — та действительно не подарок для тех, кто ей не нравится.

— Это я уже узнал и из видеозаписей сражения, и от Эзера, — сказал Гау. — Надеюсь, ее не оскорбило, что я пригласил вас побеседовать один на один?

— Нет, — успокоил его я. — Она считает, что я лучше умею ладить с людьми. А вот Зои была разочарована, что ей не удастся увидеть вас. Вы произвели на нее приятное впечатление.

— А она на меня. У вас прекрасная семья.

— Полностью с вами согласен. И счастлив, что эта семья до сих пор меня терпит.

— С формальной точки зрения вашу жену и дочь тоже можно было бы обвинить в измене, — сказал Гау. — Вы не считаете, что им тоже лучше будет покинуть Роанок?

— Я упорно стараюсь не думать об этом, а вы вновь и вновь возвращаете меня к суровой действительности, — попенял я генералу.

— Я не думаю, что вы поступаете разумно.

— Конечно неразумно, — кивнул я. — Что, впрочем, не означает, что я не понимаю истинного положения вещей.

— Куда вы отправитесь?

— Понятия не имею. Ни на одну планету Союза колоний мы полететь не можем, разве что решим провести остаток жизни все вместе в камере семейного отделения тюрьмы. Обиняне не откажутся принять нас — ради Зои, — но у них будут постоянно требовать нашей выдачи.

— Есть и другой вариант. Я ведь уже предлагал

вам присоединиться к конклаву. Предложение остается в силе. Вы и ваша семья можете жить с нами.

— Вы очень добры. Но не думаю, чтобы это оказалось нам по силам. Та же проблема, что и с житьем среди обинян. Я не готов остаться отрезанным от остального человечества.

— А ведь это не так уж плохо, — заметил Гау, и я уловил в его тоне саркастические нотки.

— Возможно, для вас. Но мне будет не хватать общества себе подобных.

— Идея конклава — сделать так, чтобы многочисленные расы жили в тесном соприкосновении друг с другом. Неужели вы хотите сказать, что вам это не под силу?

— Мне — под силу. Но три человека — это все-таки маловато.

— Конклав был бы рад увидеть в своем составе Союз колоний. Или любой из входящих в него колониальных миров. Или даже Роанок.

— Не думаю, что эта идея получит на Роаноке большую поддержку. А уж в Союзе колоний — тем более. Что же касается отдельных миров, то, думаю, они все еще не имеют о конклаве никакого представления.

— Да, в Союзе колоний путь для информации

просто перекрыт, — согласился Гау. — Должен признаться, я всерьез подумываю о том, чтобы запускать спутники возле колониальных миров и попросту вываливать на планеты данные о конклаве, пока спутник не собьют. Конечно, не слишком эффективный ход. Но о нас, по крайней мере, станет известно.

Я на мгновение задумался.

— Нет, от выбросов информации будет не много толку.

— Ну а что вы можете предложить?

— Я еще не уверен… — Я посмотрел Гау в глаза. — Впрочем… Генерал, я и впрямь хотел бы кое-что вам предложить.

— Что именно?

— Нечто масштабное. И дорогостоящее.

— Не сказал бы, что вы дали мне исчерпывающий ответ.

— Все равно рано или поздно этим придется заняться, — добавил я.

— Я буду рад выслушать ваше предложение. Но «масштабное и дорогостоящее» звучит слишком уж расплывчато. В таком виде ваш замысел я никак не могу одобрить.

— Что ж, вполне справедливо.

— Но почему бы вам не сказать мне прямо, что

вы задумали?

— Я должен сначала посоветоваться с Джейн, — объяснил я.

— Хочу вам напомнить, администратор Перри, что, в чем бы ни состоял ваш план, если для его выполнения потребуется моя помощь, то вы навсегда останетесь изменником. По крайней мере, в глазах Союза колоний.

— Вы же сами недавно назвали все своими именами, генерал. Все дело в том, перед кем и чем я сам считаю себя ответственным.

— Мне приказали взять вас под арест, — сказал Манфред Трухильо.

— Неужели? — спросил я.

Мы с ним стояли возле люка шаттла, в который я собирался через минуту-другую войти.

— Приказ поступил несколько часов назад, — продолжал Трухильо. — Вместе с новым спутником связи, который прислал нам СК. Правительству не нравится, что в наше небо случайно занесло корабль конклава.

— Значит, вы меня арестовываете?

— Я и рад бы, но почему-то нам никак не удается разыскать ни вас самого, ни вашу семью. Подозреваю, что вы уже покинули планету. Мы, конечно, тщательно обыщем всю колонию, но я

не стал бы ставить больших денег на то, что вас все-таки удастся отыскать.

— Да, я хитрец, — улыбнулся я.

— А я всегда так о вас говорил, — ответил Трухильо.

— У вас могут быть неприятности. Колонии меньше всего на свете нужно, чтобы и следующего руководителя вызвали на допрос.

— Как глава вашей колонии могу официально порекомендовать вам не совать свой нос в чужие дела, — съехидничал Трухильо.

— Значит, ваше назначение утвердили?

— А как иначе я мог бы вас арестовать?

— Верно. Поздравляю. Вы ведь всегда хотели управлять колонией. Вот ваше желание и сбылось.

— Я хотел получить это место, но совсем не таким путем.

— Мне жаль, что мы перебежали вам дорожку, Манфред.

— А мне — нет, — ответил он. — Если бы колонию возглавлял я, никого из нас сейчас не было бы на свете. Вы, Джейн и Зои спасли всех. И я счастлив, что мне удалось спокойно дождаться своей очереди, отсидевшись за вашими спинами.

— Спасибо.

— Хочу, чтобы вы знали, что такие слова даются мне очень нелегко.

Я рассмеялся и посмотрел туда, где Зои, обливаясь слезами, прощалась с Гретхен и другими своими друзьями.

— Зои будет скучать по Гретхен.

— А Гретхен будет тосковать без Зои, — сказал Трухильо. — У меня все же есть мыслишка попросить вас оставить Зои здесь. Ради Гретхен и ради всех нас.

Трухильо кивнул в сторону Хикори и Дикори, которые, стоя неподалеку, напитывались напряженными эмоциями, сопровождавшими прощание Зои с друзьями.

— Вы, конечно, сказали, что заключили соглашение с конклавом, но я все же не буду возражать против того, чтобы нашу спину прикрывали еще и обиняне.

— С Роаноком все будет в полном порядке, — заверил его я.

— Надеюсь, что в этом отношении вы правы. Очень надеюсь. Так хорошо было бы стать наконец-то обычной колонией. Слишком уж долго мы находились в центре внимания всего космоса.

— Я думаю, что мне удастся отвлечь от вас хотя

бы часть внимания, — пообещал я.

— Не хотите сказать мне, что вы затеяли? — поинтересовался Трухильо.

— Поскольку я больше не глава вашей колонии, то не могу приказать вам не совать свой нос в чужие дела, — поддел я. — Но думаю я именно так.

Трухильо вздохнул.

— Вы не можете не понимать моей тревоги, — сказал он. — Мы долго оставались в точке пересечения планов всех сил космоса, и ни один из этих планов не удался. Даже отдаленно.

— В том числе и ваш собственный, — напомнил я ему.

— В том числе и мой. Не знаю, что вы собираетесь делать, но, учитывая постоянные провалы всех планов, связанных с нашей планетой, боюсь, как бы отдача не ударила по Роаноку. Я боюсь за мою колонию. Нашу с вами колонию. Наш дом.

— Да, это наша колония. Но уже не мой дом.

— Все равно.

— Вам придется поверить мне, Ман. Я приложил много сил, чтобы обеспечить безопасность Роанока. И не намерен пустить плоды своих трудов насмарку.

Из шаттла вышла Савитри с ЭЗК в руке и направилась к нам.

— Все готово, — сказала она мне. — Джейн говорит, что можно стартовать, как только вы сочтете нужным.

— Ты со всеми попрощалась? — спросил я ее.

— Да, — кивнула Савитри и, подняв руку, показала браслет. — Подарок Беаты. Она сказала, что получила его от бабушки.

— Она будет тосковать без тебя, — заметил я.

— Я знаю. И мне тоже будет сильно не хватать ее. Она моя подруга. Нет, мой друг. Нам всем будет не хватать оставшихся людей. Именно поэтому это и называется расставание.

— Вы могли бы остаться здесь, — предложил ей Трухильо. — Вам вовсе не обязательно отправляться вместе с этим идиотом. Я даже готов повысить вам жалованье на двадцать процентов.

— О-о, даже так! — воскликнула Савитри. — Ужасно соблазнительно. Но, видите ли, с этим идиотом я работаю уже очень давно. Я люблю его. Конечно, я больше люблю его родных, но кто же их не любит?

— Замечательно, — вставил я.

Савитри улыбнулась:

— Помимо всего прочего он все время разжигает мое любопытство. Я никогда не знаю, что он

выкинет в следующую минуту, но точно знаю, что это всегда бывает забавно. Так что извините.

— Ладно, тридцать процентов, — горячился Трухильо.

— Против такого невозможно устоять. Идет.

— Что?

Я выпучил глаза.

— Я же прикалываюсь! — воскликнула Савитри. — Идиот. Даже стихи получились.

— Напомни мне, чтобы я не забыл урезать твое жалованье, — сказал я.

— Интересно, как вы вообще будете мне платить? Все равно ни у кого из нас нет денег.

— Видишь ли, существует нечто, требующее твоего внимания. Там. Далеко отсюда.

— Н-да, — хмыкнула Савитри.

Она подошла к Трухильо, обняла его, а потом ткнула в мою сторону большим пальцем.

— Если с этим парнем у меня не сладится, я ведь смогу поклониться вам в ножки, чтобы вы взяли меня на старое место, а?

— Считайте, что оно забронировано для вас, — ответил Трухильо.

— Вот и отлично. Потому что если прошлый год и научил меня чему-нибудь, так прежде всего тому, что всегда нужно иметь в заначке запасной

план.

Она еще раз обняла Трухильо.

— А сейчас, — сказала она мне, — я забираю Зои. Как только вы соизволите войти в шаттл, мы отправимся.

— Спасибо, Савитри, — ответил я. — Через минуту приду. Там и увидимся.

Она на секунду стиснула мое плечо ладонью и быстро ушла.

— А вы попрощались со всеми, с кем хотели? — спросил Трухильо.

— Я делаю это сейчас, — ответил я.

Через несколько минут наш шаттл оторвался от земли и устремился к дожидавшейся на орбите «Доброй звезде». Зои беззвучно плакала. Джейн сидела рядом и держала ее в объятиях. Я смотрел в иллюминатор, прощаясь с очередным миром.

— Как ты себя чувствуешь? — спросила Джейн.

— Мне грустно, — ответил я. — Я хотел, чтобы этот мир стал моим. Нашим. Нашим домом. А он не стал. Не получилось.

— Мне очень жаль, — сказала Джейн.

— Не жалей, — сказал я и добавил с улыбкой, повернувшись к ней: — Я рад, что мы отправились сюда. Только грустно, что не удалось тут остаться.

Я вновь повернулся к иллюминатору. Небо Роанока стремительно делалось из голубого черным.

— Это ваш корабль? — спросил генерал Райбики, обведя широким жестом обзорную палубу, на которую его только что проводили.

Я ждал его там.

— Да, — подтвердил я. — На данный момент. Можно сказать, что мы взяли его в аренду. Кстати, сначала он принадлежал аррисам, что, думаю, вас немного позабавит. Поэтому здесь такие низкие потолки.

— Значит, я должен называть вас капитаном Перри? — усмехнулся Райбики. — Это шаг назад по сравнению с вашим предыдущим званием.

— Вообще-то капитан у нас Джейн. Я номинальный командир, но кораблем командует она. Думаю, что таким образом я стал адмиралом. Что является довольно заметным шагом вперед.

— Адмирал Перри…[10] — будто попробовал на вкус Райбики. — Эффектно. Хотя, боюсь, не очень

---

[10] Notes: 10

Перри, Мэтью Кэлбрейт (1794–1858) — коммодор (адмирал) военно-морского флота США. Командовал военной эскадрой, которая в 1853 г. вошла в Токийский залив. Угрожая разрушить город артиллерийским огнем, Перри вынудил японское правительство подписать Канагавский договор, положивший конец более чем двухвековой изоляции Японии от внешнего мира и открывший японские порты для американских кораблей.

оригинально.

— Пожалуй, вы правы, — ответил я и взглянул на экран ЭЗК, которую держал в руке. — Пока вы шли сюда, со мной связалась Джейн. Она сказала, что у нее есть подозрение, что вы можете попытаться убить меня.

— Господи… — изумился Райбики. — Хотел бы я знать, каким образом она все это угадывает.

— Надеюсь, что вы не собираетесь всерьез прикончить меня. Дело не в том, что у вас может не получиться. Вы офицер ССК, силы, скорости и ловкости вам вполне хватит, чтобы свернуть мне шею, прежде чем кто-нибудь сможет вам помешать. Но после этого вы не выйдете отсюда живым. А я не желаю вашей смерти.

— Ценю ваше отношение, — сухо ответил Райбики и добавил: — Нет. Я прилетел не для того, чтобы убить вас. Я должен попытаться понять вас.

— Очень рад это слышать.

— Не могли бы вы для начала объяснить мне, почему вы попросили прислать именно меня? У Союза колоний имеется множество всевозможных дипломатов. Если конклав намерен начать переговоры с СК, то вам нужно говорить с ними. Вот я и ломаю себе голову: зачем вам понадо-

бился я?

— Потому что я убежден, что должен вам кое-что объяснить.

— Что же?

— Вот это.

Я показал по сторонам точно таким же жестом, какой сделал генерал, войдя на палубу.

— Почему я здесь, а не на Роаноке. Или в каком-нибудь уголке Союза колоний.

— Предполагаю, что дело в том, что вы не хотите попасть под суд за измену, — сказал Райбики.

— И в этом тоже, — согласился я. — Но это не главное. Как обстоят дела в Союзе колоний?

— Надеюсь, вы не рассчитываете, что я стану рассказывать вам об этом здесь?

— Я имею в виду самую общую картину, — пояснил я.

— Все прекрасно, — пожал плечами Райбики. — Нападения конклава прекратились. На Роаноке начали укреплять оборонительную систему, и уже через месяц мы высадим туда вторую волну колонистов.

— Заселение идет с опережением графика, — заметил я.

— Мы решили действовать оперативно. И будем также серьезно заниматься укреплением его

обороноспособности.

— Замечательно. Но какой позор, что это не было сделано раньше, до того как мы подверглись нападению.

— Давайте не будем притворяться, будто мы с вами не знаем причин всего этого.

— Кстати, как Союз колоний воспринял нашу победу? — поинтересовался я.

— Естественно, с чувством глубокого удовлетворения.

— По крайней мере, официально, — добавил я.

— Вы же знаете Союз колоний. Официальная версия — единственная версия.

— Знаю, — согласился я. — Это и есть первопричина всего.

— Что-то я не пойму вас.

— За несколько дней до нашего сражения с Эзером на Роаноке у нас с вами был разговор. Вы тогда сказали, что никто пока не предложил для человечества ничего более полезного, чем политика правительства Союза колоний.

— Помню, — кивнул Райбики.

— Вы были правы. Из всех правительств, из всех народов вселенной, из всех разумных рас Союз колоний, безусловно, больше всех заботится о нас. О людях. Но я сначала сомневался, а

потом уверился в том, что он плохо справляется со своей работой. Посудите сами: как Союз колоний обошелся с нами в истории с Роаноком? Обманул нас насчет цели колонизации. Обманул насчет намерения конклава. Вынудил принять участие в военной операции, следствием которой могла стать гибель всего СК. А после этого правительство решило принести нас в жертву ради спасения человечества. Но ведь ни на одном из миров, составляющих владения человечества, так и не узнали об этой истории, верно? Союз колоний управляет при помощи контроля над коммуникациями. Цензуры информации. Теперь, когда Роанок выжил, Союз колоний и не подумает рассказывать о том, как все было на самом деле. Никто, кроме высших чиновников СК, даже не знает о существовании конклава. До сих пор не знает.

— Союз колоний считает, что необходимо действовать именно так, — отозвался Райбики.

— Я знаю. И они всегда считали, что необходимо действовать именно так, а не иначе. Вы ведь, как и я, прибыли с Земли, генерал. Вы отлично помните, как мало мы знали о том, что ждет нас здесь. Мы почти ничего не знали о Союзе колоний. В армию, о которой не знали ровным счетом

ничего, о чьих целях не имели ни малейшего представления, мы записались только потому, что не хотели умирать дома старыми и одинокими. Мы знали, что нас каким-то образом снова сделают молодыми, и этой приманки хватило. Так мы оказались здесь. И это основная тактика Союза колоний. Говорить ровно столько, сколько нужно, чтобы достигнуть цели. И ни слова сверх того.

— Я не всегда соглашался с методами Союза колоний, — осторожно вставил Райбики. — Вы знаете, что я возражал против решения СК бросить Роанок на произвол судьбы. Но все-таки я вас никак не пойму. Если бы конклав узнал о наших планах насчет Роанока, случилась бы беда. Перри, ведь конклав стремится загнать человечество в клетку. И не отказался от этого намерения. Если мы откажемся от борьбы, оставшуюся вселенную поделят без нас. Человечество погибнет.

— Вы путаете человечество с Союзом колоний, — возразил я. — Конклав загоняет Союз колоний в клетку, потому что СК отказывается присоединиться к нему. Но ведь Союз — это еще не все человечество.

— Не вижу разницы, — бросил Райбики.

— Возможно.

Я указал на изогнутое окно палубы.

— Когда вы прибыли, то, конечно, заметили другие суда.

— Конечно, — кивнул Райбики. — Я не стал их пересчитывать, но думаю, что их четыреста двенадцать.

— Вы почти угадали. Четыреста тринадцать, включая это. Которому, кстати, я дал название «Роанок».

— Замечательно! Нападение этого флота на нашу следующую колонию будет окрашено цветом мрачной иронии.

— Значит, Союз колоний все еще намерен продолжать колонизацию?

— Я не собираюсь разговаривать об этом с вами.

— Когда… или, вернее, если корабли конклава и Союза колоний снова вступят в сражение, мой корабль не примет в нем участия, — сказал я. — Это торговое судно. Как и все остальные суда этой армады. Каждое судно везет товары той расы, к которой принадлежит. Вы должны понимать, что это было нелегко организовать. Пришлось потратить на убеждения несколько месяцев, прежде чем все расы согласились участвовать в этом плане. Генералу Гау пришлось выкрутить мно-

жество рук или что там у кого есть. Некоторые расы с куда большей готовностью соглашаются отправить в пространство вооруженный до зубов крейсер, чем грузовое судно, заполненное мирными товарами.

— Если уж конклав не смог убедить Союз колоний присоединиться к себе, угрожая громадным военным флотом, то уж торговый флот его точно не напугает, — хмыкнул Райбики.

— Я думаю, тут вы правы на сто процентов.

Я поднял ЭЗК.

— Джейн, можно входить в скачок.

— Что?! — изумился Райбики. — Что, черт возьми, вы творите?

— Я ведь сказал вам, что объясняю свою позицию.

«Роанок» дрейфовал в пространстве достаточно далеко от любой массы, которая могла бы сказаться на действии его скачкового двигателя. Джейн дала команды, и двигатель включился. Мы пробили пространство-время и выскочили где-то невообразимо далеко от места старта.

С обзорной палубы разница не сразу бросилась в глаза. Только что мы смотрели на одну россыпь звезд, а в следующую секунду перед нами открылась другая. Но очень скоро мы начали различать

в ней знакомые узоры.

— Вот, смотрите, — сказал я, взглянув на генерала. — Орион. Телец. Персей. Кассиопея.

— О мой бог… — чуть слышно проговорил Райбики.

«Роанок» начал поворот, и звезды стали постепенно уходить из поля зрения; им на смену пришел огромный шар планеты, светившийся голубым, зеленым и белым цветами.

— Добро пожаловать домой, генерал.

— Земля… — пробормотал Райбики, после чего утратил дар речи и лишь смотрел и смотрел на мир, с которым когда-то расстался навсегда.

— Вы были не правы, генерал, — сказал я после долгой паузы.

Райбики потребовалось несколько секунд, чтобы стряхнуть с себя задумчивость.

— Что? — вскинув голову, спросил он. — В чем я был не прав?

— Когда говорили о Ковентри, — пояснил я. — Я посмотрел эту историю. Да, британцы знали, что следует ожидать массовой бомбардировки. Тут вы не ошиблись. Но они не знали, где она должна случиться. Британцы не приносили Ковентри в жертву. И у Союза колоний не было никакой необходимости настойчиво стараться принести

в жертву Роанок.

— Зачем мы прилетели сюда? — спросил Райбики.

— Вы сказали еще одну вещь, генерал: что Союз колоний никогда не присоединится к конклаву. Но, возможно, Земле это показалось бы соблазнительным.

— Вы собираетесь включить Землю в конклав? — изумился Райбики.

— Нет, — ответил я. — Мы лишь собираемся предложить ей выбор. Мы хотим преподнести Земле подарки от всех миров конклава. И потом я хочу предложить ей свой собственный подарок.

— Ваш подарок?

— Правду, — пояснил я. — Все, что мне известно. О Союзе колоний, и о конклаве, и о том, что случается с нами, когда мы расстаемся со своим родным миром и выходим во вселенную. Генерал, своими мирами Союз колоний волен управлять, как сочтет нужным. Но этот мир имеет право принять собственное решение. Человечество и Союз колоний больше не должны восприниматься как синонимы. Во всяком случае, после нынешнего дня.

Райбики ошалело уставился на меня.

— У вас нет таких полномочий, — заявил он. —

Вы не можете принимать решение за всех этих людей.

— Полномочий у меня действительно нет, — согласился я. — А вот право — есть.

— Вы не ведаете, что творите, — пробормотал Райбики.

— Мне кажется, что, напротив, ведаю: я переделываю мир.

В панорамном окне появился еще один корабль, прибывший вслед за нами. Я посмотрел на ЭЗК; посреди экрана крутился небольшой шарик — Земля. А вокруг него стали возникать светящиеся точки — по одной, попарно, группами и созвездиями. И когда собрались все, они начали передавать приветственные сообщения на всех человеческих языках, о существовании которых нам удалось узнать. А следом за приветствиями хлынул поток никак не зашифрованной информации о сотнях лет развития народов, населяющих различные миры, и достижениях их науки и техники. Правда — в той мере, в какой она была мне доступна. Мой подарок миру, который некогда был моим домом и станет, как я надеялся, им вновь.

16

С первого взгляда я его не узнал. Прежде всего потому, что в последний раз мы виделись в совсем другом месте. То, что я в этот момент находился на лестнице палаты представителей США, само по себе было удивительно, но куда удивительнее было встретить его там. К тому же он выглядел сейчас несколько старше, чем я его запомнил. И кожа у него была не зеленого цвета.

— Генерал Сциллард! — окликнул его я. — Вот это сюрприз!

— На то и рассчитано, — ответил он.

— Вы отлично выглядите.

— Да, пожалуй, — согласился Сциллард. — Теперь, когда Союз колоний начал переговоры с человеческими правительствами здесь, на Земле, мы обнаружили среди множества всяких других вещей, что политики не хотят воспринимать нас всерьез, если мы являемся к ним в своем обычном виде.

— Да, зеленым здесь приходится нелегко, — кивнул я.

— Вы правы. И потому я решил стать немного

постарше и порозовее. Вроде бы от этого есть толк.

— Надеюсь, вы не сказали им, что вам по возрасту еще нельзя иметь водительские права, — пошутил я.

— Не вижу необходимости волновать их больше необходимого, — в тон мне ответил Сциллард. — У вас найдется немного времени? Я хотел бы кое-что вам сказать.

— На сегодня с конгрессменами покончено. Так что время у меня есть.

Сциллард демонстративно огляделся.

— Что-то я не вижу вокруг вас толпы репортеров.

— Ах, вы об этом. Так ведь сегодня генерал Гау выступает перед сенатским комитетом по разведке. А я встречался всего лишь с сельскохозяйственной подкомиссией конгресса. Там стоит всего только одна телекамера, обслуживающая весь журналистский корпус. За мной уже несколько месяцев никто не бегает: представители чужих рас куда интереснее.

— Так проходит мирская слава, — философски изрек Сциллард.

— Меня это нисколько не расстраивает. Первое время было даже приятно видеть свою физио-

номию на обложках журналов, но это быстро приедается. Не хотите прогуляться по городу?

— С удовольствием.

И мы отправились в сторону Эспланады[11]. На нас время от времени поглядывали — хотя журналисты действительно утратили ко мне интерес, но меня все еще продолжали узнавать на улицах. К счастью, обитатели округа Колумбия гордились своей привычкой к засилью в городе известных политиков, к числу которых теперь относился и я (предполагаю, что благодаря недостатку по-настоящему выдающихся личностей), и потому не слишком пристально разглядывали встречных.

— Позвольте задать вам вопрос, генерал. Что привело вас сюда?

— Мне поручено попытаться обработать сенаторов, — ответил Сциллард. — Американский мораторий на пополнение ССК оказался для нас существенной проблемой. Ведь большинство новобранцев всегда шли к нам из США. Именно поэтому у нас никогда не возникало трудностей, если какие-нибудь другие страны запрещали своим гражданам заключать договоры с Союзом колоний, — их вклады были довольно

[11] Notes: 11

Эспланада — музейно-парковая зона в центре Вашингтона между Капитолием и мемориалом Линкольна.

незначительными. А без США мы не получаем полноценного пополнения, особенно теперь, когда к их мораторию присоединилось много других стран.

— О моратории я знаю. Мне интересно, почему сюда прилетели именно вы.

— Похоже, что никто, кроме меня, не способен разговаривать с политиками на их языке, — объяснил Сциллард. — Очевидно, непривычка к общению может обернуться и преимуществом, а ведь мы в Специальных силах редко имеем дело с, так сказать, нормальными людьми.

— Вы думаете, вам удастся уговорить их снять мораторий?

Сциллард пожал плечами.

— Это не так просто. Здесь все очень непросто, потому что как-никак Союз колоний долго держал Землю в полном неведении. А потом явились вы и рассказали всем, сколько интересного они пропустили. Земляне страшно рассердились. И главный вопрос заключается в том, достаточно ли они рассердились, чтобы примкнуть к конклаву, а не к остальным людям.

— Когда назначено голосование? — спросил я.

— Через три недели.

— Вам, наверно, интересно.

— Насколько я помню, пожелание жить в интересные времена считается страшным проклятием, — ответил Сциллард.

Несколько минут мы шли молча.

— Кстати, хочу предупредить: то, что я вам говорю, это всего лишь мое личное мнение, — нарушил молчание Сциллард. — Чтобы вы меня правильно поняли.

— Хорошо.

— Прежде всего я хочу поблагодарить вас. Я никогда в жизни даже не надеялся, что когда-нибудь мне удастся посетить Землю. Если бы вы не смогли вырвать руль у Союза колоний, я ни за что не побывал бы здесь. Так что спасибо вам за это.

Я лишь с превеликим трудом сумел скрыть удовольствие.

— Пожалуйста.

— Во-вторых, я должен принести вам извинения.

— Извинения вы должны принести Джейн, генерал, — напомнил я. — Ведь это ее вы изменили.

— Изменил я ее, но использовал вас обоих, — сказал Сциллард.

— Вы сказали, что сделали это ради сохранения человечества. У меня не вызывает восторга, когда

меня используют — хоть вы, хоть кто-то еще, — но ваши цели, по крайней мере, мне достаточно близки.

— Я был с вами не вполне честен, — признался Сциллард. — Да, я переживал из-за того, что Союз колоний своей неразумной политикой может привести к гибели всю человеческую расу. Прежде всего я пытался остановить это пагубное движение. Но у меня имелась и другая цель. Эгоистическая.

— Какая же?

— Специальные силы в Союзе колоний находятся на положении второразрядных граждан. Так было всегда. Без нас нельзя обойтись, но нам не доверяют. Мы занимаемся труднейшей работой по сохранению самого существования СК — например, мы уничтожили флот конклава, — но единственная награда — это новая работа. Все больше работы, все больше ответственности. Я стремился найти способ заставить Союз колоний признать моих людей равноправными и заявить во всеуслышание, насколько мы важны для Союза. И для решения задачи мне потребовались вы.

— Я? Но ведь вы сами говорили, что вам нужны были Джейн и Зои, а не я.

— Тогда я обманул вас, — просто сказал Сцил-

лард. — Вам еще предстояло доигрывать свою роль. Действительно, я был убежден, что без участия Джейн и Зои человечество обречено. Ну а моей личной цели нельзя было бы достичь без вашего участия.

— Чем дальше, тем меньше я понимаю.

— Дело в том, что вы, узнав о том, что вас используют, возмутились бы, — пояснил Сциллард. — Лейтенант Саган тоже, вне всякого сомнения, очень рассердилась бы, узнав о том, что ею и всем Роаноком манипулируют ради каких-то целей Союза колоний. Но она склонна решать проблемы последовательно, по мере возникновения, и не заглядывать слишком далеко вперед. Лобовое мышление — так уж она обучена. У вашей жены, Перри, множество достоинств, но дипломатичность и стратегический взгляд на вещи к ним не относятся. А вы в этом смысле — ее противоположность. Вы стали не просто искать способ наказать тех, кто вас использовал, но и позаботились о том, чтобы надолго или навсегда обезопасить человечество от этой угрозы.

— Для чего привел конклав сюда, на Землю, — вставил я. — И лишил Союз колоний источника пополнения его вооруженных сил.

— Мы предвидели такую возможность. Пусть

она казалась нам маловероятной, но вполне реальной. И, как и ожидалось, Союзу колоний пришлось против воли вернуться к своему ближайшему источнику военной силы. Вспомнить о нас.

— Остаются еще и колонисты, — напомнил я.

— Колонисты не воевали почти два столетия. Привлечь их в армию значило бы сделать катастрофу очень быстрой и неотвратимой. Все равно пришлось бы взяться за развитие Специальных сил. Лучше раньше, чем позже.

— И все же вы приехали сюда и ведете переговоры о снятии моратория на вербовку солдат.

— При нашем прошлом разговоре я, кажется, объяснил вам, почему позволил использовать солдат Специальных сил для уничтожения флота конклава.

— Чтобы не выпустить ситуацию из-под контроля, верно?

Сциллард развел руками, как будто хотел сказать: «Вот видите?»

— И все равно, мне трудно поверить, что вы заранее спланировали все это.

— Ничего этого я не планировал. Я всего лишь внимательно следил, какие открываются возможности, и был готов ими воспользоваться. И

уж конечно, я никак не ожидал того, что вы устроили под конец. Торговый флот! Это же просто невероятная идея! Я вообще-то ожидал увидеть совсем другую армаду.

— Рад, что мне удалось удивить вас.

— Еще как удалось! А теперь позвольте мне хоть немного расплатиться с вами. Так сказать, услуга за услугу. Я думаю, что лейтенант Саган все еще злится на меня за то, что я изменил ее.

— Возможно, не так сильно, но она вас не простила, — ответил я. — Ей потребовалось много времени, чтобы привыкнуть быть человеком, а вы опять вернули ее в прежнее качество.

— В таком случае передайте ей вот что: она была опытным образцом новой модели солдата Специальных сил, созданного полностью на основе человеческого генома. Она — человек на все сто процентов, начиная от набора хромосом. Она, конечно, лучше обычного человека, но все равно человек. Так что из-за переделки она ни на секунду не утратила своей человеческой сущности.

— У нее же в голове МозгоДруг, — напомнил я.

— Этим мы особенно гордимся, — ответил Сциллард. — МозгоДрузья самого последнего поколения состоят по большей части из органических веществ. Представляете, сколько раздумий

и усилий потребовалось, чтобы генерировать МозгоДруга из человеческого генома. Джейн первая получила полностью интегрированный МозгоДруг человеческого происхождения.

— Почему вы решили испытать новый прибор на ней?

— Во-первых, я не сомневался, что МозгоДруг ей понадобится, а во-вторых, знал, насколько высоко она ценит свою принадлежность к человечеству, — объяснил Сциллард. — Я хотел угодить ей в обоих отношениях, ну а технология была уже отработана, и ее оставалось только проверить в реальных условиях. Скажите ей, что мне жаль, что я не смог сообщить ей этого раньше. У меня были свои причины желать, чтобы об этой технологии не стало известно раньше времени.

Я пристально посмотрел на Сциллларда.

— Вы и для себя воспользовались этой технологией, да?

— Совершенно верно. Впервые в жизни я стал полностью человеком. Таким же человеком, как и все остальные. А через некоторое время такими станут все солдаты Специальных сил. Это дорогого стоит, Перри. Это важно и с точки зрения того, что мы сейчас собой представляем, и того, кем мы можем стать для Союза колоний

и всего человечества. Расскажите Джейн об этом, Перри. Она первая среди нас. Самый человечный человек среди нас. Пусть она узнает об этом.

Вскоре после этого разговора я отвез Джейн на встречу с Кэти.

Мой родной город в глубине Огайо оказался совсем таким же, каким я оставил его почти два десятка лет назад, разве что еще немного поистрепался. Подъехав по длинной подъездной дорожке к веранде моего старого дома, мы обнаружили, что там нас ожидает мой сын Чарли в окружении своей семьи, еще немалого количества родственников и едва ли не всех, с кем я имел хотя бы шапочное знакомство. С Чарли я после своего возвращения виделся дважды — он приезжал ко мне в Вашингтон. Нам удалось, хотя не без труда, привыкнуть к тому, что я выглядел на несколько десятков лет моложе, чем он, а он смог пережить шок от знакомства с Джейн, которая так походила на его покойную мать. Однако поначалу все мы испытывали неловкость.

Так продолжалось бы еще долго, если бы Зои не взяла на себя инициативу. Она сломала лед, взявшись для этого за сына Чарли Адама, от которого потребовала, чтобы он называл ее «тетя Зои», хотя он был старше. Постепенно наши от-

ношения становились все более теплыми. Мне выложили все сплетни за два последних десятилетия. Джейн рассказывали о Кэти истории, которых она не слышала от меня. Зои металась между престарелой частью родственников и восхищенными подростками. Савитри рассказывала Чарли анекдоты из времен моей бытности омбудсменом. Хикори и Дикори безропотно сносили общее любопытство.

Когда солнце спустилось к самому горизонту, мы с Джейн поспешно поцеловали Зои и улизнули по узкой дороге, ведущей на восток, к кладбищу Харрис-Крик, где на простом камне было выбито имя моей жены.

Джейн опустилась на колени и прочитала надпись:

— Кэтрин Ребекка Перри.

— Правильно.

— Ты плачешь, — сказала, не оглядываясь, Джейн. — Я слышу это по голосу.

— Извини. Просто я никогда не думал, что вернусь сюда.

Джейн взглянула на меня:

— Знай я, что это причинит тебе боль, то не пошла бы сюда.

— Все в порядке. Это и должно причинять боль.

И мне ведь самому хотелось, чтобы ты с ней встретилась. И я хотел присутствовать при этой встрече.

— Ты все еще любишь ее, — сказала Джейн.

Ее взгляд вернулся к памятнику.

— Люблю, — признался я. — Надеюсь, что ты не станешь меня ревновать.

— Я же часть ее. А она — часть меня. Когда ты любишь ее, ты любишь меня. И я не имею ровно ничего против того, что ты продолжаешь любить ее. Больше того, я надеюсь, что так и будет дальше. Что так будет всегда.

Я протянул ей руку, она взяла ее. Так мы очень долго молча стояли рядом над могилой моей жены.

— Посмотри на звезды, — сказала наконец Джейн.

— Вон там Большая Медведица.

Я указал пальцем вверх.

Джейн кивнула.

— Я вижу.

Я обеими руками обнял Джейн за плечи.

— Я помню, ты на Гекльберри сказала, что почувствовала себя дома, когда наконец-то распознала в небе созвездия.

— Я тоже запомнила этот разговор, — ответила

Джейн.

— Ты и сейчас чувствуешь то же самое?

— Да.

Она повернулась и посмотрела в темноте мне в лицо.

— Я дома. Мы — дома.

Я поцеловал жену.

— Млечный Путь, — сказала она, вновь взглянув в небо после того, как наш поцелуй прервался.

— Да, — ответил я, подняв голову. — Отсюда его очень хорошо видно. Это одна из причин, по которым я всю жизнь провел в маленьком городке. В мегаполисах его не видно из-за яркого света. А здесь — просто замечательно. Хотя представляю себе, какую красоту ты видишь своими глазами. Наверное, это настоящая феерия.

— Очень красиво, — подтвердила Джейн.

— Кстати, я вспомнил, что должен рассказать тебе одну вещь.

И я почти слово в слово передал ей слова генерала Сцилларда о том, что она оказалась первым солдатом Специальных сил с полностью человеческим организмом.

— Очень интересно, — заметила она, когда я умолк.

— Так что в конце концов ты стала самым настоящим человеком, — добавил я.

— Я знаю, — ответила Джейн. — Я уже это поняла.

— Неужели? — удивился я. — Хотелось бы знать, каким образом?

— Я беременна, — сказала Джейн и широко улыбнулась.

Послесловие

На этом мы расстаемся с Джоном Перри и Джейн Саган. Мне хотелось бы надеяться, что герои продолжат свои странствия, но это уже будет без нас. Возможно, когда-нибудь я вернусь в эту вселенную, чтобы исследовать другие ее части и увидеть, как она изменилась со времен событий, описанных в этой книге. Но сейчас я ухожу оттуда, чтобы изучать другие места и других людей. Надеюсь, что вы не будете возражать против этого.

Я хотел бы поблагодарить каждого из тех, кто путешествовал вместе со мной, независимо от того, был ли это ваш первый выход в эту вселенную или же вы оказались здесь, пройдя вместе с героями через события, описанные в первых двух книгах. Среди больших радостей, сопутствовавших написанию этой серии, было и наличие обратной связи в виде писем от тех из вас, кто благодарил меня за книги и поощрял (а случалось, что и требовал) перестать лениться и писать дальше. Вы прекрасно умеете поднимать автору настроение.

Мне очень повезло, что редактором этих книг был Патрик Нильсен Хэйден. Наряду с практическим чутьем в области индустрии научно-фантастической литературы Патрик обладает истинной любовью к тем книгам, которые оказываются на его попечении; мне пошли на пользу оба эти его качества. В частности, эта книга подвергла немалому испытанию терпение Патрика, поскольку я выкидывал из нее целиком уже написанные главы и истреблял многих не устраивающих меня персонажей, с которыми никому, кроме него, не суждено встретиться. Все это, естественно, изрядно затянуло работу над книгой. Но Патрик не сетовал на задержки. Я глубоко признателен ему за веру в меня. Я также очень благодарен Тому Догерти, постоянная поддержка со стороны которого во время работы над серией значила для меня чрезвычайно много.

В «Тор букс» найдется немало других людей, которым я благодарен настолько, что не нахожу подходящих слов, чтобы выразить мое чувство: Тереза Нильсен Хэйден, Лиз Горински, Ирэн Голло, Дот Лин и беспощадные сотрудники службы маркетинга. Большое спасибо также Джону Харрису, в очередной раз сделавшему сногсшибательную обложку, редактору Джастину Гарднеру,

благодаря которому люди могут решить, что я действительно знаю орфографию и грамматику, и верстальщикам за прекрасное размещение текста в печатном варианте. Все мое участие свелось к написанию книги, а эти люди заставили ее хорошо выглядеть.

Пока я боролся с этой книгой, меня все время поддерживали друзья. Среди них Ник Саган, разделявший со мной ужас от приближения крайнего срока, поскольку мы одновременно заканчивали наши книги, как, впрочем, и Джустина Ларбалестайр. Вам совершенно необходимо разыскать их книги, иначе вы очень много потеряете. Другие мои друзья обеспечили мне в это напряженное время нормальное человеческое общение и тем самым помогли сохранить здравый рассудок. Это Скотт Вестерфельд, Доссел и Джанин Янг, Девен Десаи, Энн Кей-Джи Мерфи и Карен Мейснер. Я хотел бы лично поблагодарить еще очень-очень многих, прежде всего из сообщества научных фантастов, но одно лишь перечисление этих людей заняло бы целый день, так что если вы думаете, что я должен быть благодарен вам, то, пожалуйста, считайте, что я говорю здесь именно о вас. Я также считаю необходимым особо упомянуть читателей моих блогов «Всякая

всячина» («Whatever») и «Между прочим» («By the Way») за то, что они ежедневно ободряли меня в моей работе, несмотря даже на то, что из-за нее я меньше писал в блогах.

Во время работы над «Последней колонией» я был выдвинут на соискание премии Джона У. Кемпбелла и был удостоен ее, получив признание как лучший молодой автор среди научных фантастов. Вместе со мной номинировались Сара Монетт, Крис Роберсон, Брэндон Сандерсон, К. Дж. Бишоп и Стеф Суэйнстон; мне посчастливилось подружиться с Сарой, Крисом и Брэндоном. Предположение о том, что я как писатель лучше кого-либо из этих людей, — заблуждение, хотя и весьма лестное для меня, и потому я призываю вас при следующем же визите в книжный магазин или посещении книготоргового сайта поискать их книги. Уверяю вас, вы не будете разочарованы.

В этой книге персонажа по имени Джозеф Лунг я убил; настоящему же Джозефу Лунгу, вместе с которым я работаю в АОЛ, я желаю долгой и счастливой жизни и благодарю его за разрешение использовать его имя. Появляющийся в книге лейтенант Стросс во многом списан с Чарльза Стросса, невыразимо талантливого фантаста и

одного из моих друзей. Правда, настоящий Стросс не настолько не от мира сего, как персонаж книги. Генерал Райбики получил свое имя в честь Джо Райбики, моего давнего друга и редактора. Надеюсь, что ему понравится этот персонаж.

Как всегда, я горячо благодарю Ригэн Авери, которая остается первым из моих читателей и помогает делать мои книги лучше. Она находится на этом посту уже десять лет, и я считаю ее своим счастливым амулетом.

И напоследок я благодарю Кристину и Атене Скальци — мою жену и дочь, — но в первую очередь Кристину. Наши с ней общие знакомые предположили, что Джейн Саган списана с Кристины. Да, в значительной степени, но не полностью — насколько я знаю, моей жене не приходилось с одним ножом истреблять целую роту солдат, — но то, что ум, сила и душевная стойкость Джейн соответствуют качествам моей жены, самая что ни на есть истина. Проще говоря, моя жена — высший класс! И при этом она настолько добра, что не только выносит, но и подбадривает, поддерживает и любит меня. Я счастлив, что она у меня есть. И посвящаю ей всю эту серию: «Войну старика», «Бригады призраков» и «Последнюю колонию». Это ее книги. Я лишь

написал их.